

ЭПИДЕМИЯ

НАЧАЛО КОНЦА

СТИВ АЛТЕН

21.12.2012... ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ?

Эпидемия. Начало конца

Стив Альтен

2012 год, указанный в пророчествах мая, наступил! Мэри всю жизнь посвятила науке пожертвовав любовью и счастьем. Но вдруг выясняется, что она ждет ребенка. Это чудо! Она уверена, что это необычное дитя, оно должно вырасти в новом мире. Поэтому человечество должно исчезнуть. Она заражает себя смертоносным вирусом и сеет болезнь. Но противоядие принять не успевает... Манхэттен становится закрытой зоной, где царит боль и смерть. В ней оказались жена и дочь бывшего спортсмена Патрика Щеперда. Он решает спасти их любой ценой, отыскав спасительную вакцину. У него осталось всего 24 часа...

Он должен спасти самое дорогое и у него остались считанные часы.

Стив Альтен

Эпидемия

Начало конца

Все имена, персонажи, места и события в произведении являются продуктом воображения автора и не имеют прототипов в реальной жизни. Любое совпадение с реальными событиями, местами, организациями или людьми, как живыми, так и мертвыми, случайно.

Благодарности

С любовью моим учителям Элияху Джиану, Якову Боурлу и Хаиму Соломону.

С гордостью и сердечной благодарностью я называю имена тех, кто помог мне в написании этого романа.

Замысел произведения возник пять лет назад, когда я со своим другом и соавтором Ником Нунзиата провел три дня, бродя по Манхэттену по следам, если так можно выразиться, наших героев. Результатом этих прогулок стал сценарий, который уже тогда показался нам началом чего-то большего. Спустя год и четыре месяца я приступил к написанию романа, который вы собираетесь прочесть. Работа над ним затянулась на два года, о чем я вначале и не предполагал. Сомневаюсь, что без помощи Ника я вообще смог бы закончить этот роман.

Выражаю сердечнейшую благодарность прекрасным людям, работающим в «Варианс паблишинг»: моему другу и владельцу издательства Тиму Шульцу, его помощнику Стэнли Тремблей, литературным редакторам Бобу и Саре Швагер. Также я глубоко признателен моему редактору Лу Аронику из «Фикшен студио», чьи советы оказались бесценными, и моему литературному агенту Дэнни Барору из «Барор интернешенел» за дружескую поддержку и преданность. Также я выражаю признательность его неутомимой помощнице Хизер Барор.

Особая благодарность художнику Джону Толедо за то, что он, вдохновленный, как мне показалось, поздним Гюставом Доре, нарисовал прекрасные иллюстрации к моему роману. Большое спасибо Лисси Пис, специалисту по печати и рекламе из «Лисси Пис и партнеры». Я также признателен моим первым читателям-редакторам Барбаре Беккер и Майклу Мак-Лолину.

Я чрезвычайно благодарен двум людям, которые своими действиями продемонстрировали истинный патриотизм. Во-первых, это атторней Барри Киссин: он продолжает борьбу с ветряными мельницами, пытаясь рассказать людям об опасности, которую несут новейшие исследования по разработке бактериологического оружия,

проводимые армией Соединенных Штатов. Во-вторых, это капитан Кевин Ласагна, чей послужной список и восемнадцатилетний опыт обучения новобранцев помогли автору описать пребывание главного героя в Ираке. Из уважения к Кевину и моим читателям я должен заявить, что, хотя этот роман — антивоенный по сути, он ни в коем случае не очерняет солдат. Я без колебаний вывел на страницах моей книги самые мрачные аспекты проблемы, поскольку считаю, что это послужит общему благу.

Приношу сердечную благодарность моим учителям каббалы Элияху Джияну, Якову Боурлу, Хаиму Соломону и семье Бергов — раввину Филиппу С. Бергу, его жене Карен и их сыновьям Йехуду и Михаэлю, которые преуспели в овладении четырехтысячелетней мудростью; их учение серьезно повлияло на мою жизнь, творчество и даже на персонажей этой книги. Наконец приношу мою сердечную благодарность жене и сердечному другу Ким, нашим детям и моим родителям за их любовь и долготерпение, столь необходимые тем, кто общается с профессиональным писателем.

Стив Альтен

www.SteveAlten.com

От автора

5 мая 2009 года, это был вторник, я отдыхал на диване после дня, проведенного в работе над «Эпидемией». Было четверть девятого вечера. Шестилетний сын спал в моей кровати, а пятнадцатилетняя дочь отправилась заниматься к соседке.

Я работал над этим романом два года, кропотливо проводил исследования в попытках обрести духовность. Оставалось неполных две недели работы. Я чувствовал радостное воодушевление из-за того, что работа близится к логическому завершению. Я размышлял об идеях, которые заключены в ней, и верил, что они способны изменить жизнь людей.

Я не мог предположить, что через минуту неприглядная действительность ворвется в мои мечты и сделает меня похожим на главного героя моего романа.

В пяти милях от нашего дома располагается стрип-молл. Моя жена зашла в магазин здоровой пищи и уже делала заказ, когда двое вооруженных мужчин в капюшонах и лыжных масках на лицах ворвались в помещение. Один из грабителей приставил пистолет к голове моей жены...

Плохое случается с хорошими людьми каждый день. Трагедии обрушиваются на семьи. Мы ищем ответа у Господа. Наша вера подвергается суровым испытаниям. Два года назад врачи поставили мне диагноз: болезнь Паркинсона. И это в сорок семь лет. Такого в нашем роду прежде не было. Я ни в чем не винил Бога, а поблагодарил его за то, что болезнь не смертельна. В мире множество людей страдает от болезней... Почему же я должен жалеть себя?

Пока я сидел на диване, раздумывая о судьбе главного героя, мою жену взяли в заложники, связав ей руки и ноги клейкой лентой. Ее жизнь была в руках двух грабителей. Забрав у нее сумочку и драгоценности, они обчистили сейф в магазинчике и сбежали с добычей. Приехала полиция. Когда жена позвонила мне по телефону, она была в истерике. К счастью, во время ограбления никто не пострадал.

Ночка выдалась не из легких, но я не ропщу. Все могло закончиться гораздо хуже.

Моя книга о добре и зле, о решениях, которые мы принимаем, о том, почему мы живем на земле. В ней содержится мудрость, записанная две тысячи лет назад, — это текст, который дешифрует Ветхий завет, подводя научную базу под бытие и духовность без бремени религиозных догматов. Я начал изучать древнюю мудрость год назад благодаря жене — она благословила меня на духовное паломничество. Сведения, почерпнутые из книг и лекций, дали ответы на тревожащие меня вопросы о жизни и смерти. Ответы изумительно простые, но истинные — это я инстинктивно понял. И тогда я осознал: мой роман должен быть более глубоким, чем обычный триллер. Впрочем, если бы в тот роковой вторник все произошло иначе, эта книга, вполне возможно, не была бы завершена.

Мне хотелось бы верить в другое. Я желал бы, чтобы моя вера всегда оставалась непреклонной... даже если бы моя жена погибла. Мне хочется верить, что я все равно дописал бы книгу так, как задумывал. Впрочем, не исключено, что в припадке отчаяния я бы уничтожил рукопись — я так ничему и не научился бы из того, что изучал, так и не понял бы истинное значение путешествия моего героя по кругам ада.

К счастью, моя жена осталась невредима и горе обошло меня стороной. После небольшой передышки роман был дописан, и мое духовное паломничество приняло новый смысл.

Как я воспринимаю события 5 мая 2009 года? Было ли это Провидение? Спасла ли вера мою жену от смерти? Или это удача? Было это происшествие наградой или наказанием за какие-то проступки? Причинно-следственные связи так запутаны; видимо, поэтому человеку нужна свобода воли, чтобы не стать животным, слушающимся своего хозяина.

Кто знает?.. Возможно, однажды человек, который держал пистолет у головы моей жены, возьмет этот роман и откроет для себя то, что кардинально изменит его жизнь.

Неплохо было бы...

В любом случае я буду благодарен, если вы прочтете эту книгу. Я искренне надеюсь, что она озарит вашу жизнь и наполнит ее пониманием. По крайней мере, на меня она повлияла.

Стив Альтен, доктор педагогических наук

Пролог

Но земля растлилась пред лицом Божиим,
и наполнилась земля злодеяниями.
И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна,
ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.
И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое,
ибо земля наполнилась от них злодеяниями;
и вот, Я истреблю их с земли.

Бытие, 6:11-13

Самое жаркое место в аду отводится тем, кто во времена величайшего морального кризиса оставались безучастными.

Данте Алигьери. Ад^[1]

Долина рек Тигра и Евфрата (Древняя земля Ирака)

Он проснулся. Левая рука болела. Боль была тупой и гнездилась где-то в плече, на котором он имел привычку спать. Правой рукой он обычно обнимал жену. Старик оперся ладонями о переборку из толстых кедровых бревен. Всюду непроглядная тьма. Бицепс левой руки пронзила острая, пульсирующая боль.

Угрюмый старик решил не обращать на нее внимания. Впрочем, он игнорировал многое из того, что его окружало. С годами человек научился этому. В юности это непросто. Гордость не позволяет молчать, видя опрометчивые поступки толпы. Чем больше он доказывал свою правоту, тем чаще его били. Но есть нечто пострашнее физической боли. Слова ранят глубже, чем ножи.

Голос манил его. Он обещал любимую... детей... Они заключили договор. Отверженный больше не был одинок.

Окруженный повсюду тьмой и злом, праведник не отказался от благости и света. Когда духовная проказа поразила всех и каждого, он со своей семьей перебрался в дикую пустошь. Но Голос непрестанно рассказывал ему о порочности и аморальности этого мира. Когда же ему поведали о возложенной на него миссии, он беспрекословно подчинился.

Он не смел слушаться воли Голоса.

Но годы плавно перетекали в десятилетия, а презрение сильных мира сего постепенно подтачивало его веру. Не то чтобы он не доверял Голосу, просто человек тоже проникся презрением к грешникам, чьи пороки и эгоизм приближают конец дней и в корне изменили течение его жизни.

Время и возложенная на него миссия украли у него молодость. Его сыновья трудились подле него, потом взяли себе жен и создали свои собственные семьи. Он продолжал трудиться в поте лица, отказываясь от отдыха и проводя свободное время в молитвах. Шли годы, теперь мужчина средних лет постоянно испытывал усталость во всем теле. Когда старость нашла приют в его костях, воспоминание о договоре стерлось из его памяти. Его благоговейное отношение к Голосу сменилось простым повиновением. Иногда он негодовал в глубине души. Старик не догадывался, что его веру подвергают испытанию. Он не понимал, что, не чувствуя жалости к грешникам, он запятнал душу и predetermined судьбы как своих врагов, так и свою собственную.

Все началось пасмурным зимним утром. Ледяной дождь лил как из ведра. Через два дня реки вышли из берегов. Полмесяца спустя долина исчезла под водой.

Потоп лишил сильных мира сего их богатства. Оставшись без крова, они бежали от поднимающейся воды в горы. Люди требовали, чтобы старик впустил их в ковчег, но тот отказал им. Через несколько дней они предложили ему свое несправедливо нажитое золото. Когда море достигло горизонта, они начали его умолять...

Старик отказал людям. Он провел жизнь в страданиях и унижениях, и в его сердце не нашлось места для примирения.

Люди угрожали поджечь ковчег. Этим они predetermined свою судьбу. Гора взорвалась. Расплавленная лава подогрела воду до кипения. В темноте своего убежища он слышал исполненные страдания крики проклятых. Кара превзошла степень их вины. Страшное бремя вины давило на него, но он успокоил себя тем, что и сам является жертвой: так он снимал с себя ответственность за хаос, что пришел на землю, и оправдывал свое бездействие. И его душа осталась запятнанной...

Шло время... Земля была покрыта водой. Старик молился Богу, заботился о своем стаде, но в его душе зрела тревога...

Пламя свечи дрожало, приближаясь. В воздухе танцевали пылинки. Из темноты возникло лицо его супруги.

— И зачем мой муж прячется в хлеву? — сварливым голосом поинтересовалась она.

Старик не желал обращать внимание на жжение, которое растекалось от предплечья левой руки вниз к пальцам.

— Потише. Он может тебя услышать, — прошептал он.

— Кто меня может услышать? Бог?

— Нет. Ангел Смерти. Подойди поближе... Следи за пламенем. Прижми ухо к кедру. Скажи: он здесь?

Полная страха и любопытства, жена опустилась на колени у переборки и прислушалась. Средняя палуба находилась на уровне воды. Ковчег слегка покачивался на волнах. Дерево поскрипывало. Было слышно, как волны бьются о его борт. Пожилая женщина ждала и слушала. В трюме было жарко и влажно. Она вспотела...

Внезапно холод пронизал ее до самых костей: он высасывал тепло из тела старухи. Животные тоже почувствовали присутствие потустороннего. Лошади забеспокоились и забили копытами в палубу, а коровы сбились в кучу в соседнем загоне.

Затем послышался слабый скребущий звук. Это коса потустороннего гостя пробовала дерево на прочность.

Испуганная старуха вскочила на ноги, уронив горящую свечу на палубу. Огонь в мгновение ока поджег разбросанное повсюду сено. Оно вспыхнуло адским пламенем.

Старик сорвал с себя рубаху, пытаясь укротить зверя, но его стараниями пожар лишь сильнее разгорался.

Оправившись от страха, его жена подбежала к лохани, зачерпнула глиняным горшком воду и вылила ее на пламя. Огонь потух. Вверх поднялся белесый пар вперемешку с дымом. Пар улетучился в отверстие в потолке, а дым повис в воздухе.

«Кровяное давление понижается. Шестьдесят на сорок. Скорее перекрой плечевую артерию. Надо вколоть добутрекс, а то мы его потеряем».

Старик пролепетал что-то невнятное, дивясь странному голосу в своей голове.

Жена схватила его за плечи и резко встряхнула, приводя в сознание.

— Почему смерть нас преследует?

Левое плечо обожгла боль. Старик оттолкнул жену.

— Человеческие пороки призвали Ангела Смерти. Он беспрепятственно бродит по земле, но не бойся. Покуда он нас не видит, мы в безопасности.

— Твоя рука?.. Что с ней?

«Уверен, что это самодельное взрывное устройство? Взгляни на то, что осталось от его локтя. Кожа словно расплавилась».

Старик отпрянул от жены и застонал. Его левую руку жгло огнем.

«Артерия перекрыта. Коли добутрекс. Отлично. Где эта чертова костепилка?»

«Кажется, Роузен резал ею корейку».

— Что это?

Старик закричал от нестерпимой боли. Его испещренное морщинами лицо побледнело как мел.

— Плоть отваливается от костей!

«Какое кровяное давление?»

«Девяносто на шестьдесят».

— Ты обжег руку в огне?

— Нет, — ответил старик. — Она начала болеть, когда петухи еще не возвестили о приходе нового дня.

— Скажи, что делать. Как я могу тебе помочь?

— Принеси мне что-нибудь режущее.

— Ты меня пугаешь. Давай я отыщу сына...

— На это нет времени...

«Влейте ему еще крови. Сейчас будем ампутировать. Медсестра! Будьте ангелом и поддержите этот рентгеновский снимок. Резать будем здесь... чуть ниже сухожилий двуглавой мышцы».

Угрюмый старик рухнул на палубу. Его жена опустилась на колени возле него в колышущейся тьме. Скрежет стал громче.

— Поговори со мной!.. Ну, пожалуйста, дорогой!.. очнись!..

«Доктор! Он пришел в себя.»

Солдат открыл глаза. Его ослепил яркий свет. Над ним склонились люди в зеленых халатах хирургов. На лицах — белые маски. Боль была адской. Поврежденный череп и почти лишенная плоти левая рука бросили сознание в агонию боли.

Болеутоляющее обдало холодом оголенные нервные окончания. Боль утихла, паника улеглась, и он закрыл глаза, погружаясь в сон.

Никем не замеченный Мрачный Жнец стоял в углу операционной в багдадской больнице и с сочувствием смотрел на запорошенного американского солдата так, словно тот был его старинным приятелем... Жнец ждал...

Часть первая

Тьма

Июль

Зла не существует или, как минимум, его не существует самого по себе. Зло — это просто отсутствие Бога. Это как холод и темнота, слово, которое человек придумал для того, чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло это не то же, что вера или любовь, которые существуют так же, как свет и тепло. Зло — результат того, что человек не несет в сердце любви к Богу. Это как холод, который наступает, когда нет тепла, или как тьма, которая приходит, когда нет света.

Альберт Эйнштейн

Форт Детрик, ^[2] Мэриленд

7:12

Улочка заканчивалась тупиком. Тишину серого утра нарушил шум гидравлики мусоровоза. Ему вторил собачий лай, доносившийся из-за ограды внутреннего двора. К утреннему концерту присоединился двигатель школьного автобуса. Надсадно взревев и выпустив из выхлопной, трубы облачко дыма, автобус повез подростков в лагерь отдыха молодежной христианской организации.

В доме в конце улочки дети не жили. Рыжеволосая женщина тихо похрапывала в постели. Звуки с улицы вторгались в ее сон, но женщина не хотела просыпаться. Низ живота свело, нужно было идти в туалет, но женщина медлила пробуждаться.

Мэри Клипот вцепилась в сон мертвой хваткой, как человек, не умеющий плавать, не выпускает из рук спасательный круг, или как матрос во время бури хватается за перевернутую шлюпку.

Во сне довлеющая над ней пустота исчезала. Во сне не было ни отца, никому не известного Джона, ни матери-наркоманки, раскаявшейся в том, что она бросила своего ребенка. Во сне у нее был дом и теплая постель. Ее кормили печеньем с шоколадной крошкой, а на ночь целовали в лоб. Дыхание целующих отдавало мятной свежестью, а не табачным дымом. В комнате пахло сиренью, а стены были окрашены в снежно-белый цвет. Во сне у нее была собственная ванная комната с душевой кабинкой, а ее учителями являлись обычные люди, а не монахи. Не было звукопроницаемой комнаты, кожаных ремней и окропления святой водой по средам и субботам. Во сне не было даже отца Сантаромита.

И главное, во сне Мэри не была «особенной».

«Особенная» Мэри. Сирота обладала высоким коэффициентом умственного развития, но была опасна для окружающих. Сатана в ее голове тоненьким голоском приказывал девочке сжигать живьем кошек. *Ведь это же так весело!* Он понуждал Мэри спрыгнуть с карниза вниз. *Ты все равно выживешь.* Так и случилось... Господь не наказал ее за непослушание. И водитель мчащегося на большой скорости грузовика успел затормозить... Врач с холодным стетоскопом назвал это эпилепсией височных долей головного мозга и выписал лекарства.

Впрочем, у отца Сантаромита было иное мнение на этот счет. Ежедневные сеансы изгнания дьявола из тела девочки продолжались до ее восьмого дня рождения.

Мэри регулярно принимала лекарства. Высокий коэффициент умственного развития открыл перед ней много дверей. Награды от попечительского совета приходской школы... стипендия на обучение в колледже... Она получила научную степень по микробиологии в университете Джонса Хопкинса. Будущее рисовалось в радужных тонах.

В ее жизни хватало искушений, которым она не поддавалась. Были вечеринки, общение с лицами противоположного пола и общежитие. Ее искушали пивом и наркотиками, но рыжеволосая необщительная девушка с карими глазами смотрела на мир холодно. Она была не лишена привлекательности, отчего многим казалась легкодоступной. Но они ошибались. «Особенную» Мэри прозвали Девой Марией, а крайнее воздержание сделало ее изгоем в студенческой среде. *«Да перестань, Мэри. Праведницы умирают молодыми»*. За свою жизнь девушка умирала сотни раз — это ее не волновало. Мэри работала в двух местах и теперь могла снять небольшую квартирку.

Жить одной легче.

Высокие оценки открывали перед ней все двери. Ее спасением стала работа в лаборатории. Министерство обороны отметило одаренную девушку: ей предложили место в штате форта Детрик с хорошей зарплатой и льготами от федерального правительства. Научно-исследовательская работа сулила много перспектив, ведь через несколько лет Мэри сможет экспериментировать в лаборатории

четвертого уровня бактериологической угрозы с самыми опасными биологическими веществами на земле.

Тонюсенький голосок дал добро. Мэри согласилась работать на правительство. Весь смысл ее существования заключался в карьерном росте.

Но временами ее душа желала перемен.

* * *

Захоронение откопали в Монпелье. Группе археологов понадобилась помощь микробиолога, имеющего опыт работы с редкими вирусами.

Монпелье расположен в шести милях от побережья Средиземного моря. Этот возникший во глубине веков город овеян древними традициями и мрачными легендами, которыми так богата европейская история.

Археологи датировали раскопанное место массового захоронения 1348 годом. Шесть с половиной столетий превратили плоть в прах, осталась лишь мешанина костей и черепов трех тысяч мужчин, женщин и детей. От тел избавлялись в спешке; даже убитые горем родственники умерших боялись лишней раз прикоснуться к трупам.

Чума. «Черная смерть». «Великий мор».

Три сотни людей умирали ежедневно в Лондоне. Шесть сотен — в Венеции. Чума, свирепствовавшая в Монпелье, свела в могилу девяносто процентов жителей города. За несколько лет из-за «черной смерти» население Европы сократилось с восьмидесяти до тридцати миллионов, а ведь в то время люди могли передвигаться по земле лишь на лошади или пешком.

Что позволило этой болезни так быстро распространиться по всему континенту? Почему она убивала так безжалостно?

На место раскопок прибыл Дидье Рауль, профессор медицины из Средиземноморского университета города Марселя. Ученый обнаружил в пульпе зубов выкопанных жертв образцы ДНК, изучение которых может приоткрыть тайну «черной смерти».

Мэри приступила к работе. Она искала возбудитель бубонной чумы (*Yersinia pestis*). Не бактерия, а настоящее исчадие ада. Симптомы: ужасная боль, высокий жар, озноб и опухоли. Болезнь характеризуется воспалением лимфатических узлов (бубонов), которые достигают

размера мячика для игры в гольф. Опухоли возникают в области паха и подмышек. Вскоре жизненно важные органы больного отказывают, и человек в большинстве случаев умирает от потери крови.

Детская считалочка, написанная в тринадцатом веке, дает яркое представление о том, насколько быстро распространялась зараза.

Раз — кровавый цветок,
два — кровавый букет,
три — все мы мертвы.

Один чих — и чума заражала всех обитателей большого дома, а то и целой деревни. Несколько дней — и ничего не подозревающие жертвы «черного мора» уже мертвы.

Работа Мэри произвела на Дидье Рауля весьма благоприятное впечатление, и он подарил ей на прощание подарок — копию недавно найденного, еще не изданного дневника, который был написан во время «Великого мора» Ги де Шолиаком, личным лекарем папы. Текст уже перевели со старофранцузского. В дневнике описывалось, как за период с 1346 по 1348 год «черная смерть» практически истребила человечество.

Мэри привезла с собой в форт Детрик перевод дневника де Шолиака и образцы бактерий, которые 666 лет назад опустошили Европу. Министерство обороны проявило к бактериям повышенный интерес: военные утверждали, что хотят обеспечить стопроцентную безопасность своих солдат, если враг применит биологическое оружие. Тридцатиоднолетнюю Мэри Луизу Клипот повысили в должности, теперь она возглавляла новый проект, получивший кодовое имя «Коса».

Через год ЦРУ забрало проект себе, и всякие упоминания о «Косе» исчезли из официальных бумаг.

Мэри проснулась прежде, чем зазвонил будильник. В животе урчало. Кровяное давление понизилось. Женщина едва успела добраться до туалета...

Мэри нездоровилось уже неделю. Эндрю заверил ее, что это грипп, не более... Эндрю Брадоски, ее лаборанту, было тридцать девять лет, но он не утратил юношеского обаяния, а в глазах изредка проскакивали озорные искорки. Мэри выбрала его из нескольких

кандидатов отнюдь не за профессионализм: Эндрю не таил в себе ни малейшей загадки, Мэри читала его как раскрытую книгу. Даже вне стен лаборатории Эндрю заводил исключительно полезные знакомства, чтобы продвинуться по служебной лестнице. В апреле он предложил Мэри поехать вместе в Канкун, и она согласилась, сначала выложив ему свои взгляды на секс: Мэри была девственницей и желала таковой оставаться до замужества. Эндрю не собирался ни на ком жениться, а вот к сексу он был крайне равнодушен.

Мэри одевалась быстро. В шкафу висели халаты и брюки из хлопчатобумажной ткани, что существенно упрощало ей выбор. Такая свободная одежда как нельзя лучше носилась под скафандрами и костюмами четвертого, наивысшего уровня бактериологической угрозы, в которых женщина работала часами.

Измученный желудок едва справился с поджаренным тостом, намазанным джемом. «Сегодня надо проконсультироваться у врача отдела». Не то чтобы ей этого хотелось, но Мэри чувствовала себя ужасно разбитой, а ежедневная работа предполагала контакт с чрезвычайно опасными биологическими веществами. За рулем автомобиля, по пути на работу, она убеждала себя в том, что это всего лишь грипп.

«Эндрю прав. Даже сломанные часы дважды в сутки показывают время правильно».

Мэри не любила ждать.

«Почему пациентов всегда заставляют ожидать в этих ужасных стерильных комнатах с мягкими топчанами, маленькими столиками и кипами старых журналов „Гольф дайджест“? А халаты? Ей ни разу не попался хотя бы один, который подошел бы по размеру. Или они таким образом намекают на ее лишний вес?»

Мэри подумала: а не пойти ли ей в гимнастический зал после работы. Но в конце концов отказалась от этой мысли. У нее уйма дел, а Эндрю, как всегда, что-нибудь не сделал. Она подумывала о том, чтобы сменить лаборанта, но боялась кривотолков и осложнений.

Дверь открылась, и вошел Рой Кэцин. Лицо врача светилось не замутненной ничем радостью, отчего возникало подозрение о плохой вести.

— Итак... Мы провели несколько тестов, используя новейшее оборудование, самое лучшее, которое только можно купить за деньги налогоплательщиков, и, думаю, мы нашли источник вашего недомогания.

— Я уже знаю. Это грипп. Доктор Гагنون переболела пару недель назад и...

— Мэри! Вы не больны гриппом. Вы беременны.

Август

Все болезни проистекают от раздражительности.

Элияху Джиан

Манхэттен, Нью-Йорк

Электронные часы на приборной панели замерли, показывая 7:56. Затем в мгновение ока цифры сменились на 8:03.

Нервная черноволосая женщина за рулем мини-вэна «додж», прилагая сверхчеловеческие усилия, лавировала по минному полю автомобилей, движущихся на юг по Скоростной автостраде имени майора Вильяма Дигана. Женщина куда-то опаздывала. С большим трудом она втиснула свой мини-вэн позади изрыгающего клубы угарного газа автобуса компании «Грейхаунд». Боги часа пик зло подшутили над ней: теперь слева мимо нее свободно проезжали машины, а «додж» медленно катил за неповоротливой громадиной. В арсенале женщины оставалось единственное средство, способное расшевелить медленно плетущуюся стальную корову, и она воспользовалась им, обрушив удар двух ладоней на клаксон. Пронзительный звук резанул воздух.

В ту же секунду включилась громкая связь в телефоне и послышался спокойный мужской голос с приятным индийским акцентом:

— Доброе утро. Спасибо, что подождали. Позвольте узнать, с кем говорю?

— Я Ли Нельсон.

— Большое спасибо, миссис Нельсон. В целях безопасности назовите, пожалуйста, девичью фамилию вашей матери.

— Дим.

8:06

— Спасибо за информацию. Чем я могу вам помочь?

— Как вы можете мне помочь?! Ваш дурацкий банк не принял в расчет последний депозит моего мужа. Восемь моих чеков были выписаны на суммы, которые отсутствовали на счету. За каждый из

этих чеков вы содрали с меня по тридцать пять долларов. Теперь я превысила мой кредитный лимит и нахожусь в идиотском положении!

— Искренне сожалею, что так вышло...

— Не верю.

8:11

— Я вижу: чек вашего мужа был внесен четвертого.

Ли Нельсон медленно, дюйм за дюймом, съезжала с дороги направо к обочине, подальше от изрыгающего клубы угарного газа, перекрывающего видимость громадины-автобуса. До въезда на скоростную автомагистраль имени Франклина Рузвельта оставалось не более ста ярдов. «Преодолеешь эту узкую полосу асфальта вдоль обочины, — и ты на свободе». Она обдумывала свои шансы на побег, словно Хладнокровный Люк,^[3] которого приковали цепью к другому заключенному.

«Тряхните здесь, босс».

Она прибавила скорость, пытаясь проскользнуть в образовавшуюся нишу, но черный «лексус», водитель которого имел те же намерения, подрезал ее.

Удар по тормозам... Пронзительный звук клаксона... Поднятый вверх средний палец...

— Чек будет принят во вторник.

— Во вторник?! Это бред какой-то! С каких пор вы на неделю задерживаете принятие депозитов от «Дженерал моторс»?

— Приношу глубочайшие извинения за возникшие неудобства. К сожалению, такова политика нашего банка в отношении чеков, поступающих из других штатов.

— Послушайте меня. Мой муж недавно потерял работу. Ему ничего не будут платить, по крайней мере, еще четыре недели. Могли бы вы хотя бы не брать с нас плату по чекам?

— Мне искренне жаль, но я не вправе менять политику банка.

«Теперь, Люк, мне кажется, у нас возникли проблемы с взаимопониманием».

— Извините! Правительство потратило на ваше спасение восемьсот миллиардов денег налогоплательщиков, а вам жаль?!

— Хотите поговорить с моим начальником?

— Конечно, хочу. В какой части чертовой Индии он живет?

9:17

Мини-вэн «додж» медленно проехал мимо строительной площадки на 25-й Восточной улице и свернул на автостоянку для персонала Медицинского центра для ветеранов. Она умышленно припарковалась небрежно, под углом, чтобы позлить владельца стоящего справа от нее автомобиля.

Брюнетка посмотрела на себя в зеркало заднего вида, поспешно подкрасила серо-голубые глаза тушью, припудрила курносый носик, подвела помадой нейтрального цвета тонкие губы, бросила взгляд на часы и, схватив кожаный портфель с сиденья для малышек, выскочила из мини-вэна. Она направилась к дверям приемного отделения, молясь про себя о том, чтобы случайно не встретиться с кем-то из администрации госпиталя.

Двойные двери на фотоэлементах открылись. В нос ударили холод и запах болезни. В приемном отделении сесть было негде. В этом царстве кашля, костылей и плачущих младенцев была одна отрада — «Сегодняшнее шоу», транслируемое на плоских экранах телевизоров, которые крепились стальными кабелями к шлакобетонным стенам.

Отвернувшись в сторону, Ли Нельсон прошла мимо столов администраторов, а на полпути по главному коридору остановилась и накинула на плечи белый медицинский халат. Это привлекло внимание высокого индуса лет сорока.

— Пожалуйста... Где тут отделение интенсивной терапии? — спросил он с одышкой.

Страдальческое выражение его лица мгновенно рассеяло накопившееся в душе Ли раздражение. Этот человек никак не мог быть банковским служащим, с которым она недавно разговаривала.

«Белая рубашка к вечернему костюму с пятнами от пота. Галстук-бабочка. Правая брючина штанов закатана и скреплена резиновой лентой. Похож на преподавателя, навещающего больного коллегу. Приехал из кампуса на велосипеде».

— Поднимитесь на лифте на седьмой этаж.

— Спасибо.

— Доктор Нельсон! — Звук голоса Джонатана Кларка вынудил женщину вздрогнуть от неожиданности. — Опять опоздание. Позвольте предположить... Заторы на дорогах в Нью-Джерси? Нет...

Подождите. Сегодня понедельник — самое время для конфликтов, возникающих из-за различного подхода к воспитанию детей.

— У меня нет проблем с этим, сэр, — ответила женщина. — У меня двое очаровательных деток, правда, младшенькая страдает аутизмом. Сегодня утром она вымазала кота овсяной кашей. Дуглас поехал на собеседование — он ищет работу. Няня позвонила из Вайлдвуда и сказала, что заболела...

— Доктор Нельсон! Вы знаете, как я отношусь к всяческим отговоркам. Еще не было успешного человека, который нуждался бы в отговорках...

Кровь прилила к лицу Ли Нельсон.

— Еще не было неудачника, которому не хватало бы отговорок.

— Я удерживаю с вас половину дневного заработка, — сказал Джонатан Кларк. — А теперь приступайте к работе и не забудьте, что в шесть часов у нас совещание.

«А пошел бы ты...»

— Да, босс.

Ли Нельсон прошла по коридору к своему кабинету. Закинув портфель на картотечный шкафчик, женщина плюхнулась на скрипучий, расшатанный деревянный стул. Давление зашкаливало.

Понедельники в ветеранском госпитале — сумасшедшие дни. В такие дни Ли Нельсон с ностальгией вспоминала свое босоное детство на свиноферме деда, которая находилась близ Паркерсбурга, в Западной Вирджинии.

Нынешнее лето выдалось трудным. В Нью-Йорке было три медицинских центра для ветеранов: бруклинский, квинсский и манхэттенский, в котором работала Ли. Желая сэкономить немного «карманных денег», конгресс решил, что государство может себе позволить лишь два центра по уходу за больными с ампутированными конечностями. Тот факт, что США ведет две войны, а третья вот-вот вспыхнет, никого не волновал. Миллионы долларов выделялись воюющим солдатам, а на лечение оставалась мелочь. В Вашингтоне, видимо, сошли с ума. Эти люди в правительстве живут в реальном мире или в созданной их воображением параллельной реальности?

В любом случае власть имущие не имели ни малейшего представления о реальном положении дел.

За тот же оклад Ли Нельсон приходилось работать все больше и больше. Солдаты прибывали, а ей предлагалось терпеть и повторять словно заклинание: «Будь рада, что у тебя есть работа».

Ли Нельсон ненавидела понедельники.

За двадцать минут она ответила на дюжину электронных сообщений, доела вчерашний пончик и приступила к просмотру лежащих на столе стопкой карточек больных. Она добралась до второй папки, когда дверь отворилась, и в ее кабинет вошел Джеффри Пейн.

— Доброе утро, Пухлые Губки. Я слышал, ты сегодня едва успела запрыгнуть в последний вагон поезда на Кларксвилль.

— Я занята, Джеффри. Не мешай.

Мужчина передал женщине историю болезни очередного пациента.

— Свежее поступление из Германии. Патрик Шеперд, сержант морской пехоты США. Тридцать четыре года. Очередная жертва ампутации после взрыва самодельной бомбы. Перед взрывом бедолага взял ее в руку. Левую руку пришлось ампутировать до бицепса. Прибавь к этому сотрясение мозга, гематому, повреждение левого легкого, три сломанных ребра и смещенную ключицу. А еще приступы головокружения, головные боли и провалы в памяти.

— А как насчет посттравматического стресса?

— В тяжелейшей форме. В истории болезни есть психосоциальный диагноз. Он отказывается принимать антидепрессанты и не желает обсуждать свои проблемы с психоаналитиком. В Германии врачи не спускали с него глаз — боялись, что пациент совершит самоубийство.

Ли открыла папку, взглянула на заключение психиатра, а затем прочитала вслух послужной список больного:

— Четыре периода боевой службы: Аль-Каим, Хадита, Фаллуджа и Эр-Рамади. Работа в тюрьме Абу-Грейб. Боже правый! Это парень прошел через ад. Его уже протезировали?

— Пока нет, — сказал Джеффри. — Почитай его личное дело. Там есть кое-что интересное.

Женщина пробежала глазами текст.

— Ух ты! Он был профессиональным бейсболистом!

— Питчер в «Ред сокс».

— Ну... Проследи, чтобы ему заказали протез.

Джеффри улыбнулся.

— Мы еще легко отделались. Этот парень мог бы стать могильщиком «Янки». Первый год — и он уже сенсация. Прошло восемь месяцев — и он отправляется в Ирак.

— Неужели он настолько хорошо играл?

— Парень отлично подавал. Помню, я читал о нем в «Спортс иллюстрейтед». Бостонская команда взяла его на подбор мяча в девяносто восьмом. Никто и близко не подпускал его к кругу подачи. Через три года он стал ведущим хиттером в низшей лиге. Затем «Ред сокс» потеряли одного из своих новичков, и парень стал питчером основного состава.

— Он за год перепрыгнул из низшей лиги в основной состав «Ред сокс»? Черт!

— У парня в венах холодная вода. Фаны прозвали его Бостонский Душитель. В первой игре он сделал двух хиттеров «Янки» и сразу же стал героем в глазах всех фанатов «Ред сокс». Во второй игре он провел на поле девять иннингов и был незаконно удален с поля. «Ред сокс» проиграли десятый иннинг, но потом была назначена переигровка... на середину сентября. После теракта одиннадцатого сентября игру отменили, а когда сезон возобновился, парень ушел.

— Как ушел? — удивилась Ли.

— Он все бросил, ушел из «Ред сокс», записался в морскую пехоту... Полный идиот!

— Тут указано, что он женат и имеет дочь. Где его семья? — спросила доктор Нельсон.

— Жена его бросила. Он не хочет о ней говорить, но кое-кто из ветеранов вспоминает слухи, которые ходили о сержанте. Говорили, что его жена забрала ребенка и ушла, как только наш парень пошел в армию. Не могу ее винить. Должно быть, непросто отказаться от жизни жены будущего multimillionera и звезды бейсбола и сменить ее на удел кормящей матери, которая в одиночку растит дочь на зарплату рядового. Печально, но ничего неординарного. Служба в армии и брак — вещи малосовместимые.

— Подожди... Он что, не видел семью с начала войны?

— Он не говорит об этом, — сказал Джеффри. — Возможно, это и к лучшему. Он через такое прошел, что мало какая женщина согласится спать рядом с этим парнем, когда у него начнутся ночные

кошмары. Помнишь, что Стансбери в припадке сделал со своей старухой?

— Боже! Не напоминай мне о нем. Где сейчас сержант?

— На физиопроцедурах. Хочешь с ним встретиться? — спросил Джеффри.

— Положи его в двадцать седьмую палату. Я посмотрю на него позже.

Отделение интенсивной терапии, 7-й этаж

В комнате стоял запах аммиака, содержимого подкладного судна, болезни и смерти...

Промежуточная станция между жизнью и могилой...

Панкай Пател стоял в ногах кровати и пристально смотрел на лицо старика. Рак и химиотерапия высосали жизнь из тела его наставника. Его лицо поражало бледностью и худобой: кожа обтянула череп, чернота впавших глазниц пугала.

— Джеррод! Мне очень жаль. Я ездил погостить в Индию к моей семье, когда... Я сразу же приехал, как только узнал.

Джеррод Махурин приоткрыл глаза. Вид его протезе на время привел старика в чувство.

— Нет... не там... Подойди поближе, Панкай... Быстрее...

Панкай сделал несколько шагов вперед и остановился слева от кровати больного.

— Что такое? Вы что-то увидели?

Старик зажмурился, собирая последние силы.

— Ангел Смерти стоит в ногах моей кровати и ждет, он хочет заполучить мою душу. Ты находился от него слишком близко. Это опасно.

Лишившись присутствия духа, Панкай оглянулся. Никого.

— Вы его видите?.. Ангела Смерти...

— Не будем тратить время на пустяки.

Джеррод протянул левую руку к протезе. Бледная кожа на ощупь была мягкой, как у ребенка. Иглы капельниц оставили синяки и темные точки в области вен.

— Ты был исключительно способным учеником, сынок, — продолжил больной, — но мир не ограничивается этим обломком реальности, который мы зовем жизнью. Все, что мы видим вокруг, не

более чем иллюзия. Наша жизнь — это долгий путь испытаний, на котором люди то и дело совершают чудовищные ошибки. Нарушение душевного спокойствия толкает людей от хорошего к дурному и из света во тьму. Политика, алчность и военно-промышленный комплекс — все, против чего мы боремся, — это лишь симптомы болезни. Что побуждает человека вести себя аморально? Почему кто-то насилует женщину, а кто-то совращает ребенка? Почему один человек способен убить другого или хуже того — отдать приказ умертвить десятки тысяч, миллионы ни в чем неповинных людей без малейших угрызений совести? Если ты хочешь получить верные ответы, изучай причину болезни, а не ее последствия.

Старик прикрыл глаза и с трудом сглотнул.

— Существует непосредственная причинно-следственная связь между силами разрушения, склонностью к насилию и алчностью, которые вновь овладели человечеством, суля нам уйму бед. Человека искушают, удовлетворяя его эго, но он таким образом лишь отдаляется от божественного света. Творимая людьми несправедливость призвала на землю Ангела Смерти, а значит, скоро настанет судный день.

Пател весь покрылся гусиной кожей.

— Судный день... — повторил он. — Вы думаете, что конфликт на Ближнем Востоке приведет к Третьей мировой войне и ядерному холокосту?.. Джеррод!

Человек на смертном одре открыл глаза.

— Симптомы, — выкашлял он из себя.

От больного дурно пахло. Пател взглянул на нетронутый завтрак на подносе и подал учителю ложечку мороженого.

— Вам надо отдохнуть, — посоветовал он.

— Еще минуточку...

Джеррод Махурин проглотил угощение, наблюдая за своим протеже сквозь щелочки приоткрытых глаз.

— Панкай! Конец дней — это событие сверхъестественное, совершаемое по воле самого Создателя. Человечество... отдаляется от божественного света. Творец не позволит, чтобы физический мир был уничтожен теми, кто черпает свою силу из тьмы. Как и случаях со Всемирным потопом, Содомом и Гоморрой, Бог покарает человечество прежде, чем погрязшие в пороке люди уничтожат Его творение. Это случится скоро... очень скоро...

— Боже правый...

Пател подумал о своей жене Манише и об их дочери Дон.

— Это важно, — продолжал больной. — Когда я умру, человек великой мудрости разыщет тебя... Я выбрал тебя...

— Выбрал? Для чего? — спросил индус.

— Ты меня заменишь... В тайном обществе... Девять человек хотят вернуть равновесие в мир.

— Девять человек? И что мне делать?

Джеррод Махурин издал тихий хрип, похожий на приглушенный стон. Из его рта разило гнилостным запахом разложения.

Панкай Пател отшатнулся.

— Джеррод! Эти люди... они могут предотвратить конец дней? Джеррод!

Набрав еще немножко мороженого в ложечку, индус осторожно положил его на язык больного. Слюни потекли из уголка приоткрытого рта старика.

Прошло несколько секунд... Тишину нарушил писк кардиомонитора. По экрану поползла прямая линия.

Доктор Джеррод Махурин, крупнейший в Европе специалист в области психопатического поведения, умер.

Палата № 27

Ли Нельсон вошла в палату. Ее коллеги образно называли госпитальные палаты «аквариумами страданий». Здесь все страдания были выставлены на всеобщее обозрение... Кровавая резня... Психические срывы... Уродливая сторона войны, о которой никто не хочет вспоминать за пределами госпиталя.

Хотя во время первой войны в Персидском заливе только четырнадцать американским солдатам ампутировали конечности, вторая война, начавшаяся при президенте Буше, обошлась гораздо дороже. С 2003 года десятки тысяч американских солдат потеряли руки и ноги на войне. Их лечение стало тяжелым бременем для и без того дефицитного бюджета министерства здравоохранения, поэтому муки солдат решили скрыть от глаз общества.

А война продолжалась...

Работать с утратившими конечности ветеранами очень сложно. Далеко не каждый медик сможет изо дня в день общаться с такими

людьми. Разрывы бомб оставляют на их телах ожоги и шрамы от осколочных ран. Бесконечно долгие операции не приносят облегчения, а боль бывает слишком мучительной. Затем приходит депрессия. Многим из раненых нет тридцати, а некоторым — даже двадцати лет. Потеря ноги или руки для них — непоправимая утрата, поэтому депрессия ампутантов передается и членам их семей, и персоналу госпиталя.

Днем бывает трудно, но самое страшное начинается ночью...

Ли остановилась у первой кровати справа. Здесь лежал Джастин Фрейтас. Парню недавно исполнилось девятнадцать лет, он был армейским санитаром. Два с половиной месяца назад он потерял глаза и кисти рук, когда пытался снять взрыватель с бомбы.

— Здравствуйте, доктор Нельсон! Откуда я узнал, что это вы?

— Услышали запах моих духов, — ответила Ли.

— Да! Я услышал ваш запах. Эй, док! Я уронил пульт дистанционного управления от телевизора. Дайте мне его.

— Джастин, мы уже говорили об этом вчера.

— Док, это у вас проблемы со зрением. У меня есть руки. Я их чувствую.

— Нет... Просто нервные окончания вводят ваш мозг в заблуждение.

— Док! Я их чувствую! — настаивал Джастин.

— Понимаю, — сдерживая подступающие к глазам слезы, сказала Ли Нельсон. — Мы дадим тебе новые руки, Джастин. Еще пара операций и...

— Нет. Никаких больше операций. Я не хочу никаких операций! Я не хочу протезы! Верните мне мои руки! Как я смогу держать на протезах мою маленькую девочку? Как я прикаснусь к жене?

Гнев вспыхнул подобно пороху. Доктор Нельсон едва успела нажать кнопку тревоги и вынуждена была бороться с пациентом, чтобы помешать ему биться забинтованными культиями об алюминиевую спинку кровати.

Вбежал санитар. Он помог врачу пристегнуть руки Джастина Фрейтаса застежками-липучками «Велкро» к кровати. Ли сделала укол. Почти сразу же успокоительное подействовало, и Джастин заснул.

Доктор Нельсон постояла немного, ловя ухом его размеренное дыхание, затем сделала запись в медицинской карточке и отошла от его кровати.

В этой палате ее ожидали еще шестнадцать ампутантов. Ей предстояло побывать еще в семи палатах.

В каждой палате был свой староста, человек, который знал, чем дышат его товарищи по несчастью. В двадцать седьмой палате старостой оказался мастер-сержант Рокки Аллен Трет. Восемь месяцев назад он потерял обе ноги при взрыве реактивного снаряда.

Доктора Ли он встретил сидя на кровати.

— Доброе утро! — поздоровался он с врачом. — Сегодня вы припозднились. Ваш малыш доставил вам много неприятностей?

— Я бы назвала это не неприятностями, а сложной, но интересной работой. Я вижу, у вас сегодня хорошее настроение?

— Приходила Мона с детьми, — пояснил Рокки.

— Не подсказывайте мне... Мальчиков зовут Дастин и Логан, а вашу дочь — Молли.

— Нет, Меган. У нее такие же голубые глаза, как у вас. Замечательные дети. Не могу дождаться, когда меня отпустят домой. Послушайте, я обещал не спрашивать...

— Я позвоню нашему протезисту сегодня утром еще раз. Он обещал, что они будут готовы к середине сентября.

Середина сентября...

Рокки постарался скрыть разочарование. Не без труда это ему удалось.

— Приглядывайте за Свиклом. Сегодня он бушевал, как сумасшедший. Жена передала ему документы на развод. Говорит, что не хочет иметь мужа-калеку.

— Мило, — съязвила Ли Нельсон. — Рокки! Что насчет нового парня... Шеперда?

Мужчина сокрушенно покачал головой.

— Протезист парню не нужен, ему нужен психиатр.

— Нам всем не помешал бы психиатр, — целуя Рокки Трета в лоб, сказала она.

Вернув ему улыбку, женщина направилась к семнадцатой койке. В отличие от большинства кроватей эта была отгорожена шторами, что

создавало иллюзию приватности.

— Сержант Шеперд! Меня зовут доктор Нельсон, и я...

Ли отодвинула штору в сторону.

Кровать была пуста.

Небо над Манхэттеном приобрело лазоревый оттенок и теперь сливалось вдаль с океаном. Ветерок с Ист-Ривер отгонял неприятные запахи мегаполиса. Снизу, под взлетно-посадочной площадкой для вертолетов, расположенной на крыше госпиталя, монотонно гудели вентиляторы промышленных кондиционеров. К этому гулу семью этажами ниже примешивался шум движущегося по улицам транспорта. Приближалось время обеда, и звуки клаксонов становились все нетерпеливее.

Сейчас вертолетная площадка была пуста. Машина, видимо, улетела по вызову.

Долговязый мужчина в серых брюках от тренировочного костюма и белой футболке шлепал босыми ногами по цементной ограде шириной восемь дюймов, окружающей взлетно-посадочную площадку для вертолетов. Длинные каштановые волосы развевались на ветру. И внешне, и отсутствующим взглядом он напоминал покойного Джима Моррисона, вокалиста группы «Дорз». У этого солдата была беспокойная артистическая натура, запертая в гробницу плоти.

Левую руку жгло огнем, словно он засунул ее по локоть в бурлящую лаву. Боль была нестерпимой. Она доводила его до помешательства.

Там нет руки, придурок! Это фантомная боль, такая же призрачная, как твое существование...

Патрик Райан Шеперд закрыл глаза.

Звуки и запахи бетонных джунглей вызвали в его памяти воспоминания из далекого прошлого...

Дул легкий ветерок. Над головой — голубое небо. Стикбольная ^[4] бита в руках растерявшегося мальчика.

Патрику одиннадцать лет. Он — самый младший из игроков. Бруклин поделен по этническому признаку на несколько частей. В Бенсонхурсте, где проживает Патрик, преобладают эмигранты из Италии.

Патрик — ирландец, а значит, изгой. Трудно быть изгоем среди изгоев.

Сегодня суббота. Субботы — не такие, как воскресенья. В воскресенье надо надевать приличные штаны и идти в церковь. Маленький Патрик терпеть не может церковную службу, ему там скучно, но бабушка водит его в церковь каждое воскресенье.

Когда-то Сандра Кей Щеперд упала с приставной лестницы и теперь получает пенсию по инвалидности. Ей шестьдесят один год, и она — постоянно нуждающийся в инсулине диабетик. Двенадцать лет назад ее муж без объяснений ушел из дома.

Мать Патрика умерла от рака легких, а отец четвертый год сидел в тюрьме: ему дали двадцать пять лет за то, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, он задавил насмерть человека.

Два аута. Базы заняты, только нет никаких баз. Вместо первой и третьей — припаркованные машины. Вторая база — канализационный люк. «Дом» заменяла коробка из-под пиццы.

Юный Патрик жил ради таких минут. Сейчас он не был изгоем. Сейчас он не был чужаком. В такие мгновения жизни он становился героем.

Подает Майкл Паскуале. Ему уже тринадцать лет, но маленький ирландец дважды его сделал. Итальянец кидает первый мяч Патрику прямо в голову.

Тот — наготове. Отступив на шаг, Патрик отбивает потрепанный резиновый мячик держакон метлы. Мяч проносится со свистом мимо левого уха питчера. Отскакивает от нескольких автомобилей и исчезает из виду.

— Хреновый удар! Прямо в канализацию! Правило номер два! Иди доставай, фриц Щеперд!

— Я не немец, я ирландец.

Патрик тяжело вздыхает, но в сопровождении двух старших мальчиков послушно идет к решетке слива. Правила в стикболе не отличаются сложностью: «Кто отбил мяч, тот его и достает».

Двое товарищей по игре поднимают канализационный люк. Оттуда воняет блевотиной. В пяти футах внизу — жидкая зловонная мерзость. Как назло, Гарри Дорошов, который обычно ходит на игру с граблями, сейчас с родителями уехал на Конни-Айленд.

— Лезь вниз, Щеперд.

— Ты уверен, что мяч там? Я что-то его не вижу.

— Ты, что, меня вруном обозвать хочешь?

— Залезай, ирлашка, подобру-поздорову.

Патрик осторожно спускается по железным скобам вниз... шаг за шагом... Воротом футболки закрывает нос: чтобы меньше воняло.

Внезапно голубое небо исчезает над головой. Это с грохотом падает на место канализационный люк.

— Эй!

Слышится приглушенный смех. Сердце Патрика екает.

— Эй! Выпустите меня!

Он надавливает плечом на чугунный люк, но тот не двигается с места под тяжестью веса Майкла Паскуале. Справа, на месте решетки, есть узкая длинная расщелина; он пытается в нее протиснуться, но его бьют кроссовками.

— Выпустите меня! Помогите! Бабушка! Помогите мне!

Патрик задыхается, его тошнит. Остатки завтрака падают в зловонную жижу внизу.

На лбу проступает холодный пот. Он чувствует, что теряет сознание.

— Выпустите меня! Выпустите меня!

Наваливается паника. Ему трудно дышать. Адреналин превращает его плечи в неистово бьющийся о металл таран. Сила его ударов почти сбрасывает Майкла Паскуале с канализационного люка. Тогда второй парень становится рядом с ним.

Патрик чувствует, что теряет сознание. Он такой маленький, он так напуган. Рак лишил его матери, алкоголь — отца. Спорт — вот единственный поплавок, который держит его на плаву в бурных водах жизни, клей, которым скреплено его убогое существование. Смех наверху становится громче. Гордость покидает его. Он готов разжать пальцы и заполнить царящую в душе пустоту зловонной жижей, когда вдруг слышит голос девочки. Она не просит, а требует.

Раздается мужской голос.

Топот удаляющихся шагов.

Канализационный люк поднимается.

Патрик Щеперд смотрит на ангела, склонившегося над ним на фоне голубого августовского неба.

Девочке, вероятно, столько же лет, сколько и ему, но она выглядит значительно взрослее. Длинные, шелковистые светлые волосы локонами спадают на плечи. Зеленые глаза буравят мальчика.

— Ты там весь день собираешься прохладиться?

Мужчина в рубашке, без пиджака, но в темно-бордовом галстуке, помог Патрику выбраться из канализации. Через плечо мужчины перекинута легкая серая спортивная шерстяная куртка.

— Без обид, сынок, но тебе следует подыскать себе других друзей.

— Они... не мои друзья...

Патрик кашляет, стараясь не заплакать.

— Кстати, ты классно бьешь... — говорит мужчина, — очень профессионально отводишь запястья назад... Только старайся, чтобы подачи не долетали до зоны страйка.

— Как они бросают, так я и бью. Если мяч летит выше зоны, я смогу ударить и сильнее, но тогда мы теряем много мячей... Вообще-то, я питчер, только парни не любят, когда я бросаю...

— Оттого, что ты их всегда побеждаешь? — ухмыляется девочка.

— Как тебя зовут, сынок? — спрашивает мужчина.

— Патрик Райан Щеперд.

— Хорошо, Патрик Райан Щеперд. Мы сейчас возвращаемся из синагоги домой, а потом идем на стадион средней школы имени Рузвельта. Бери свою перчатку и ступай туда. Я буду тебя тренировать.

— Тренировать?.. — удивляется мальчик. — Вы новый тренер по бейсболу?

— Меня зовут Мори Сигал, а это моя дочь...

— Пет. Не подходи ко мне близко. От тебя плохо пахнет. Лучше сходи домой, Щеп, и прими душ.

— Щеп.

— Это твое новое прозвище. Папа разрешает мне придумывать прозвища всем его игрокам. А теперь иди, а то я передумаю и назову тебя Вонючим Питом.

Тренер Сигал подмигивает Патрику, берет дочь за руку и идет своей дорогой.

Небо утопает в голубизне. Чудесный августовский день.

Это день изменил судьбу Патрика Шеперда. В этот день он влюбился.

Человек без левой руки открыл глаза. Фантомные боли больше его не мучили, но легче от этого не стало.

Прошло одиннадцать лет с тех пор, как он в последний раз целовал и обнимал единственную женщину, которую любил всей душой, одиннадцать долгих лет минуло с тех пор, как он наблюдал за тем, как его жена играет с их маленькой дочуркой. Сожаления о потерянном рвали на части его сердце. Иногда ему казалось, что оно вот-вот взорвется и обнажит накопившиеся в нем горе и разочарование в жизни.

Патрик Шеперд ненавидел свое прошлое. Каждая его мысль была отравлена. Каждое принятое им за последние одиннадцать лет решение несло тень проклятия. Днем он страдал от осознания того, что стал инвалидом. Ночью он превращался в головореза. Воспоминания о боевых действиях, в которых он принимал участие, превратились в кошмары с леденящими душу подробностями и чувствами, которые не в состоянии донести до зрителя ни один фильм ужасов. Он презирал самого себя и ненавидел Бога за то, что Создатель, словно вор, проникал в его сознание по ночам и стирал из его памяти все воспоминания о семье. Мужчина старался заполнить чем-нибудь эту зияющую пустоту, но не мог. От отчаяния он закипал — его разъедала ярость. Такая ненависть разрушительна для любого человека.

Пальцы босых ног коснулись бетонной кромки крыши. Странное чувство умиротворения заполнило все его существо. Патрик в последний раз взглянул в чистое голубое небо августовского дня. Из груди рвался пронзительный, звериный крик, объявляющий миру о его смерти, и...

— *Нет.*

Он замер с приподнятой ногой, с трудом сохраняя равновесие. Голос принадлежал мужчине и был Патрику отдаленно знаком. Он звучал в мозгу больного подобно камертону. Патрик Шеперд резко обернулся.

— Кто это?

На площадке для взлета и посадки вертолетов — ни души. Ведущая на крышу дверь с грохотом отворилась, и оттуда выбежала красивая темноволосая женщина, ее белый халат трепетал на ветру.

— Сержант Шеперд!

— Не называйте меня так! Никогда больше не называйте меня сержантом!

— Извините, — осторожно приближаясь к больному, сказала доктор Нельсон. — Если хотите, я буду звать вас Патриком.

— Кто вы?

— Меня зовут Ли Нельсон. Я ваш лечащий врач.

— Вы кардиолог?

Вопрос застал женщину врасплох.

— А вам нужен кардиолог? — вдруг спросила она, увидев слезы на искаженном мукой лице инвалида. — Послушайте! Я знаю одно правило: если кто-то хочет покончить жизнь самоубийством, то лучше подождать до среды.

Выражение лица Патрика изменилось. На смену боли и злости пришло удивление.

— Почему подождать до среды?

— Среда — переломный день. Дожив до среды, вы захотите дожить до пятницы, а после пятницы начинается уик-энд. А кто захочет кончать жизнь самоубийством, не увидев очередную игру «Янки»?

Губы Патрика скривились в полуулыбке.

— Мне следует ненавидеть «Янки».

— Понимаю. Это необычно: паренек из Бруклина, играющий питчером за «Ред сокс». Неудивительно, что вы хотите спрыгнуть с крыши. Вы можете звать меня доктор Нельсон или Ли... Как пожелаете. А мне как вас называть?

Красивая брюнетка произвела на него впечатление. Пустота в его душе больше не казалась такой уж непереносимой.

— Шеп. Мои друзья называют меня Шепом.

— Хорошо, Шеп, я как раз собиралась выпить кофе с пончиком. Думаю взять шоколадный с кремом. Понедельник начался неудачно. Почему бы нам не выпить кофе вместе? Мы сможем все обсудить.

Обдумав предложение женщины, Патрик Шеперд тяжело вздохнул и отошел от края крыши.

— Я не пью кофе. От кофеина у меня сильные головные боли.

— Хорошо. Мы закажем что-нибудь другое.

Взяв мужчину под руку, Ли Нельсон повела своего нового пациента к лестнице, ведущей внутрь здания.

Сентябрь

Самым абсурдным и чудовищным на войне есть то, что человека, который лично не имеет ничего против своего ближнего, учат хладнокровно его убивать.

Олдос Хаксли

Сенатский юридический комитет, здание Харта

14:11

— Назовите для протокола свое имя и род занятий.

Крепкий пятидесятилетний мужчина пригладил каштановые волосы на бородке и сказал в микрофон, выговаривая слова с сильным бруклинским акцентом:

— Барри Киссин. Я атторней. В настоящее время я проживаю и работаю в округе Фредерик, штат Мэриленд, близ форта Детрик.

Председатель комитета Роберт Гиббонс, сенатор-демократ от Мэриленда, нагнувшись к микрофону, обратился к свидетелю:

— Мистер Киссин! Опишите, пожалуйста, вкратце, чем вы занимаетесь, и какое отношение это имеет к сегодняшним слушаниям.

— На протяжении последних десяти лет я расследую проводимые в США работы, связанные с производством биологического оружия. В частности меня интересует, почему ФБР утаивает от общественности информацию о том, что в сентябре и октябре 2001 года два сенатора, а также некоторые представители средств массовой информации получили письма, содержащие споры сибирской язвы.

— Мистер Киссин! Только что вы сказали об утаивании информации. Вы действительно считаете, что ФБР умышленно вводит в заблуждение нашу комиссию?

— Сенатор! Доказательств предостаточно. Так, на предварительных слушаниях, состоявшихся семнадцатого сентября две тысячи восьмого года, конгрессмен Надлер особо подчеркнул, что знает во всем мире лишь два места, где есть оборудование и квалифицированный персонал для изготовления покрытого кристалликами кварца порошка, содержащего споры сибирской язвы, как тот, который нашли в конвертах, адресованных сенаторам Дэшли и Лихи. Обе организации находятся в Соединенных Штатах. Это

принадлежащий армии Дагвейский испытательный полигон, штат Юта, и Баттельский мемориальный институт в Вест-Джефферсоне, штат Огайо, который является частным подрядчиком ЦРУ. Был сделан ряд запросов, но ФБР отказывается провести проверку данных учреждений.

— Мистер Киссин! Эймсовский штамм сибирской язвы был получен в тысяча девятьсот восемьдесят первом году от мертвой коровы в штате Техас. Главный подозреваемый ФБР, покойный Брюс Айвис экспериментировал с эймсовским штаммом в лаборатории четвертого уровня бактериологической угрозы в форте Детрик.

— Вы совершенно правы, но Брюс Айвис послал штамм в Баттельский мемориальный институт, где из жидкой формы сделали порошок, который и был впоследствии найден в письмах, присланных сенаторам.

— Мистер Киссин! Какие, по вашему мнению, мотивы побудили ФБР прикрыть это дело?

— В письма со спорами сибирской язвы были вложены листки с пропагандистскими лозунгами: «Смерть Америке», «Смерть Израилю», «Аллах велик». Нетрудно догадаться, что целью этой грубой фальсификации было убедить американскую общественность в том, что письма эти посланы мусульманскими террористами, причастными к событиям одиннадцатого сентября. Администрация президента Буша, используя страх перед террористами, протащила через конгресс Патриотический акт. Существуют неоспоримые доказательства того, что порошок со спорами сибирской язвы создан в лабораториях, подконтрольных нашим разведывательным службам. Расследование превратилось в фикцию после того, как в «Нью-Йорк таймс» и «Балтимор сан» появились статьи, в которых сообщалось, что эймсовский штамм в письмах — это бактериологическое оружие, а значит, порошок поступил либо с Дагвейского испытательного полигона, штат Юта, либо из Баттельского мемориального института. Теперь ФБР держит глухую оборону, утверждая, что споры сибирской язвы — просто «сухие» образцы, которые не являются бактериологическим оружием. Такой подход к расследованию помог ФБР сделать иммунолога Брюса Айвиса козлом отпущения и отвлечь внимание общественности от института и полигона. Сомнительное, но очень удобное самоубийство Айвиса в две тысячи восьмом году

позволило закрыть дело прежде, чем цепочка доказательств вывела бы на службы разведки и неправительственные лаборатории в Баттельском институте. Неприглядная реальность, сенатор, однако, заключается в том, что Соединенные Штаты втайне разрабатывают биологическое оружие, нарушая тем самым международные договоренности. Эта деятельность подвергает риску жизни всех людей на планете. Такие программы появились еще при Клинтоне, но без ведома президента. Администрация Буша воспользовалась их плодами, когда директором ЦРУ был Джордж Тенет: именно он пообещал «сломать хребет биологическому терроризму». Теперь на территории США тайно разрабатывается биологическое оружие повышенной степени опасности, а все эти программы находятся в ведении военной разведки и служат для получения прибыли.

— Вы можете сказать что-то более определенное касательно этих программ?

— Да, сэр! Научный обозреватель «Нью-Йорк таймс» в книге «Микробы» писал, что в 1997 году ЦРУ финансировало тайную программу под кодовым названием «Ясный взгляд». Целью этой программы была разработка систем вооружения для эффективного использования выращенных в лабораторных условиях бактерий для биологического оружия. Президенту Клинтону не доложили об этой программе. О ней знали лишь несколько высокопоставленных чиновников — из тех, кто тесно связан с военно-промышленным комплексом. Вторая программа, получившая название «Проект Джефферсона», проводилась по поручению разведывательного управления Министерства обороны на Дагвейском испытательном полигоне и была направлена на создание биологического оружия на основе спор сибирской язвы. Письма, присланные сенаторам Дэшли и Лихи, содержали по два грамма конечного продукта этой программы. В каждом грамме находилось более триллиона живых бактерий, что более чем в два миллиона раз больше, чем необходимо для смерти одного человека. Хочу заметить, что эти сенаторы от Демократической партии были горячими противниками Патриотического акта.

По залу прошел ропот.

— Мистер Киссин! Каким образом, по вашему мнению, причастен форт Детрик к этому... скандалу?

— Сенатор! На этот вопрос нелегко дать исчерпывающий ответ. Форт Детрик — слуга нескольких господ, в том числе Министерства национальной безопасности и Национального института по изучению проблем раковых заболеваний. Я знаю, что многие ученые в форте Детрик довольно серьезно относятся к международному запрету на разработку биологического оружия. Проблема не в форте Детрик как таковом. Опасность представляет военно-промышленный комплекс и его безумный план — взамен политики разоружения установить полное доминирование во всех видах вооружения. Не стоит преуменьшать и значение прибыли, которую военно-промышленный комплекс получает от разработки этих программ. Впрочем, не это главное. Весь ужас ситуации заключается в том, что десятью миллиардами государственных денег, которые выделили форту Детрикс, фактически распоряжается, и с немалой прибылью для себя, между прочим, Баттельский мемориальный институт — учреждение, непосредственно ответственное за создание штамма сибирской язвы, который был доставлен по почте сенаторам.

— Расскажите больше о Баттельском институте. Это ведь частная корпорация...

— Да, корпорация с частным капиталом, работающая в тесном сотрудничестве с военно-промышленным комплексом. В Баттельском институте есть отдел, который работает на национальную безопасность. Он состоит из инженеров, химиков и микробиологов, к услугам которых предоставлены ультрасовременные лаборатории, проводящие исследования в областях биоаэрозольной науки и технологии. Фармацевтический отдел института «Баттельфарма» разработал новый электрогидродинамический аэрозоль, который позволяет впрыснуть в легкие более восьмидесяти процентов лекарства в виде изокинетического облака, а не двадцать, как в других аэрозолях. Споры сибирской язвы, присланные по почте, покрывал армированный стекловолоконный полиэфирный пластик, который прочно соединил гидрофильный кремнезем с каждой составляющей. Брюс Айвис в форте Детрик не имел доступа к таким технологиям. Вот что я имею в виду, сенатор Гиббонс, когда говорю о создании биологического оружия из первоначального эймсовского штамма. Покрытие необходимо для биологического оружия, предназначенного для поражения населения враждебных стран. Этим составом

покрывают сбрасываемые с самолетов листовки или еще что-то; главное, чтобы бактерии попали к врагу.

— Председатель предоставляет слово сенатору-республиканцу от Огайо.

Кимберли Хелмз вызывающе улыбнулась.

— Спасибо, мистер председатель. Мистер Киссин, при всем уважении к вам, хочу заметить, что ваша теория заговора не стоила того, чтобы выносить ее на слушания комитета. Вы заявили под присягой, что ФБР замалчивает обстоятельства покушения на жизнь двух американских сенаторов, а использованные при этом бактериологические материалы являются оружием, втайне разработанным разведывательными службами страны без одобрения конгресса и без ведома президента. Желая запугать граждан Америки, которые наблюдают за работой комиссии, вы очернили доброе имя корпорации «Баттель», хотя эта организация никогда не фигурировала в качестве подозреваемого в проводившемся ФБР расследовании. Насколько я могу судить...

— Все, что я заявил под присягой, сенатор Хелмз, чистая правда. Баттельский мемориальный институт работает над проектом «Ясный взгляд». Он же получил заказ генетически модифицировать споры сибирской язвы, использованной в 2001 году. Сейчас правительство платит корпорации «Баттель» за разработку биологического оружия в лабораториях форта Детрик. То, что вы назвали «теорией заговора», на самом деле является «фактом заговора». Но меня больше пугает то, что в результате этих безумных тайных программ сейчас, в эту минуту, пока мы с вами ведем дискуссию, десятки маленьких, никому не подконтрольных лабораторий на деньги налогоплательщиков — суммарно около ста миллиардов долларов — разрабатывают опасные для жизни людей бактериальные культуры, от которых нет ни лекарства, ни вакцины. И если это вас не пугает, сенатор Хелмз, то у вас нет сердца!

Эрнест Лозано вышел из здания Сената в пасмурный сентябрьский день. Вдали прокатился раскат грома. Будет гроза. Небо на западе приняло странный вид. Низко нависшие темные тучи вздымались над Вашингтоном, словно гигантские волны небесного моря цвета лайма.

Лозано спускался по ступенькам медленно. Он ставил одну ногу, а затем опускал рядом вторую. Искусственные суставы протезов сгибались тяжело. Спустившись, он поковылял к рядам черных лимузинов, плотно припаркованных вдоль тротуаров двух городских кварталов.

Военно-промышленный комплекс давал огромные прибыли, попасть туда можно было различными путями, но две дороги оставались главными — это политика и армия. Долгие годы службы в военной разведке помогли Лозано добраться до кормушки. Там он познакомился с торговцами оружием, безжалостными наркобаронами, наемниками и деспотичными диктаторами, узнал о нитях, которые ведут от этих людей к ЦРУ и другим разведывательным службам. В этой игре дураки не выживали. Здесь не признавали излишней моральной щепетильности и нередко прибегали к запугиванию или откровенно жульничали ради создания новых ниш в мировом рынке оружия.

Мало кто из американцев понимает, что «война с терроризмом» — большой и очень прибыльный бизнес, а прибыльный бизнес надо защищать всеми доступными средствами: принимать нужные законы, собирать взносы в благотворительные фонды и на предвыборные кампании. Военно-промышленный комплекс правит бал. Однако теперь преференции у биологической войны, потому что, в отличие от высокотехнологичного вооружения, эти вещества трудно поддаются учету, финансируются из различных фондов, начиная от Министерства национальной безопасности и заканчивая Национальным институтом по изучению проблем раковых заболеваний, и производятся в частных компаниях, как например, «Баттель».

Конечно, следовало обдумать возможные способы применения биологического оружия.

Эрнест Лозано и «пентагонские пираньи», с которыми он имел дело, видели огромные перспективы биологического оружия. Пришло время подумать о защите жизненно необходимых нефтеочистительных заводов и газовых трубопроводов. Без них люди будут голодать, а экономика впадет в депрессию. Танки и солдаты — выгодный товар, но их использование ограничено имеющейся в наличии сталью и плотью. Биологическое оружие — стерильно, быстро в использовании и неразборчиво в выборе жертв. К тому же сообщникам

предоставлялась возможность получать прибыль в фармацевтической промышленности — от массового производства лекарств. Эпидемия свиного гриппа была пробным камнем и принесла фантастический доход.

Лозано подошел к последнему лимузину, посмотрел на номерной знак и махнул рукой сидящей за рулем коротко стриженной женщине лет сорока. Под ее черным свитером с высоким воротником-стойкой угадывались атлетическое телосложение и кобура с девятимиллиметровым пистолетом.

Как и Лозано, Шеридан Эрнстмайер имела непосредственное отношение к ЦРУ, но, в отличие от него, предпочла борьбу деньгам: вступила в Объединенное управление сил специального назначения. ОУССН — это независимое крыло Управления сил специального назначения США, выведенное из-под правительственного и парламентского контроля. Это подразделение возникло после терактов 11 сентября и занималось физическим уничтожением потенциальных врагов Соединенных Штатов как у себя дома, так и за рубежом.

Шеридан открыла дверцу лимузина, и Лозано забрался в салон.

На заднем сиденье в гордом одиночестве восседал подвижный семидесятитрехлетний старик. Его гладкие седые волосы были расчесаны на идеальный пробор. Серо-голубые глаза казались немного навывкате из-за недавней подтяжки лица.

В близких к правительству кругах Вашингтона Бертрана де Борна называли «безжалостным интеллектуалом». Свою репутацию крутого парня он получил в конце семидесятых годов, когда с двумя товарищами, тоже внешнеполитическими советниками из администрации президента Картера, пропал во время трехдневного «сафари» в богом забытой местности в штате Аляска. Поисково-спасательные команды работали больше недели, когда лесорубы обнаружили де Борна «обезвоженного, обмороженного и в бреду» в тринадцати милях к юго-западу от охотничьего домика. Намеренно распространялись слухи о «нападении дикого медведя», но единственными увечьями де Борна были несколько обмороженных пальцев на ногах (хирургам пришлось ампутировать по два пальца на каждой ноге). Останков товарищей де Борна, людей миролюбивых и не склонных к насилию, так не нашли.

Советник президента США по национальной безопасности был родом из Европы. Дед де Борна по отцовской линии еще молодым человеком бежал из Сибири в Варшаву и тем самым в будущем избежал великих чисток сталинского режима. Очутившись в Польше, он предпочел мириться с коммунистами, чтобы не рисковать предстать однажды перед расстрельной командой. Его сын Василий был куда более несдержан в высказываниях относительно тоталитаризма и даже не скрывал свою ненависть к коммунистам. Работая политическим корреспондентом во время «холодной войны», он смог переправить из Польши за границу письма, содержащие информацию о преступлениях коммунистического режима. В одиннадцать лет Бертран стал свидетелем ареста отца. Полгода Василия де Борна истязали в застенках госбезопасности, а потом казнили.

Всю свою жизнь Бертран де Борн посвятил борьбе со сторонниками «Манифеста коммунистической партии». Из-за антисоветских взглядов в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века де Борну симпатизировали многие политики в Вашингтоне. Воинственно настроенный член Демократической партии стал одним из архитекторов плана свержения с трона шаха Ирана для укрепления исламского фундаментализма. Вооружив моджахедов, де Борн надеялся, что борцы за свободу Афганистана устроят коммунистам «второй Вьетнам». Мысль, что его план косвенно поспособствовал образованию Аль-Каиды, никогда не беспокоила де Борна. Он считал это небольшой платой за развал Советского Союза.

Через десятилетие администрация Буша — Чейни использовала Аль-Каиду для оправдания своей «войны с терроризмом». Это решение привело де Борна в ярость. Он-то понимал, что главным врагом демократии является президент России Владимир Путин. Подковерные интриги помогли де Борну протолкнуть через польского министра иностранных дел Радека Сикорского идею о размещении системы наведения американских ракет противоздушной обороны на территории Польши. Этот шаг, как и следовало ожидать, возмутил кремлевских правителей. Через несколько лет де Борн в составе делегации вице-президента Чейни побывал в Грузии и убедил президента Михаила Саакашвили предпринять атаку на южноосетинских сепаратистов во время Летних олимпийских игр 2008 года в Китае. Тогда Россия начала военные действия против Грузии.

Как активный член Совета по международным отношениям^[5] и один из учредителей Трехсторонней комиссии^[6] Бертран де Борн мнил себя человеком, которому предназначено изменить мир. И цена его не волновала. Опытный вашингтонский игрок поддержал кандидатуру Эрика Когело на прошлых президентских выборах и стал его советником по военным вопросам. Он уверял избирателей, что молодой сенатор, став президентом, закончит «войну с терроризмом» и выведет американские войска из Ирака и Афганистана. Бертран де Борн провел много часов в беседах с кандидатом в президенты и увидел в Когело консерватора, рядящегося в одежды либерала. Им можно было манипулировать, как Джоном Ф. Кеннеди, внушая нужные идеи относительно внешней политики. Де Борн надеялся, что с помощью этого человека можно будет внести необходимые изменения и прийти, наконец, к новой парадигме, к которой стремятся неоконсерваторы и ястребы-демократы, прийти к новому мировому порядку.

Novus Ordo Mundi. Новый мировой порядок. Одно правительство. Единая глобальная экономика. Одна монетарная система. Один (английский) язык. Унифицированная правовая система, за соблюдением которой следят объединенные вооруженные силы. Свет справедливости, да ниспослан он будет всем террористическим организациям и диктатурам третьего мира, которые трусливо прячутся в тени мировой апатии. Для сумасшедших, помешанных на теории всемирного заговора, новый мировой порядок — сродни оруэлловскому кошмару, но сильные и богатые мира сего давно поняли, что это единственно возможное будущее. Нравится это кому-то или нет, но время дешевой нефти, которая подогривала мировую экономику, заканчивается. Впереди — спад, регресс и острый дефицит. Необходимы общественные изменения для предотвращения сползания к анархии и обеспечения выживания рынка... выживания наиболее приспособленных. Если лес не расчищать от поваленных деревьев, он станет добычей пожара. Если оставить общество на произвол экологическим фанатикам и либеральным экстремистам, они разрушат все до основания. Падет даже цивилизация.

Ничто не способствует изменениям в большей степени, чем война. Де Борн поднаторел в доказывании этой истины. Он спровоцировал восстание под руководством аятоллы Хомейни против шаха Ирана,

подтолкнув иранских студентов захватить посольство США в этой стране. Рост мусульманского экстремизма негативно отразился на положении Советского Союза. Рейган и Буш-старший использовали разработанную де Борном стратегию, чтобы сравить Иран с Ираком. Позже Буш-младший и Чейни объявили «войну с терроризмом», при этом наложили лапу на иракские запасы нефти, обеспечив безопасность пролегающей через территорию Афганистана газовой трубы.

Теперь Бертран де Борн и его «комиссия» работали над развязыванием очередной войны, которая, как он надеялся, приведет к установлению нового мирового порядка. Иран, Сирия и Ливан падут первыми. Затем наступит очередь Саудовской Аравии. Любое государство, которое откажется принять новый порядок, будет покорено или уничтожено, а его природные ресурсы конфискованы для общего блага. Все ключевые западные корпорации охотно инвестировали в оружие, которое сулило сверхприбыли. К сожалению, продолжение войны вело к постепенному разорению среднего класса, но в новой мировой экономике среднему классу места нет. Как было предсказано, повышение цен на энергоносители будет способствовать дальнейшему увеличению имущественного расслоения масс. Обществом станет легче управлять. Одни займут место за банкетным столом, другие будут удовлетворять потребности сильных мира сего. Таков закон джунглей новой экономической системы.

Эрнест Лозано забрался на заднее сиденье лимузина и подождал, когда его заметят, но Бертран де Борн продолжал читать «Нью-Йорк таймс».

— И как? Плохо? — не поднимая глаз, спросил он у Лозано.

— Ужасно. Киссин все раскопал о «Баттеле».

— Мы восстановим курс акций «Баттеля», — сказал де Борн, пробегая глазами статью с комментариями к редакционной полосе. — Они найдут лекарство от следующей пандемии, а акции мы раздробим на более мелкие. Нам сейчас просто необходима новая пандемия. Вы видели снимки со спутника слежения?

— Шесть русских межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М СС-27». Зона поражения — до семи тысяч километров.

— Нет. Одиннадцать тысяч километров, — поправил де Борн. — Это представление не обошлось без участия Китая. Ведь именно туда идет большая часть иранской нефти. Время пошло, мистер Лозано. Нужно придумать биологическое решение этой проблемы.

— Да. Сибирскую язву теперь использовать нельзя. «Баттель» вышел из игры. Надо поискать что-нибудь в форте Детрик.

Лозано нашел в своем «блэкберри» нужный файл.

— Вирус Западного Нила, венесуэльский лошадиный энцефалит, атипичная пневмония, туберкулез, тиф...

Де Борн с явным раздражением сложил газету.

— Нет... нет... нет... Все это третий уровень бактериологической угрозы, а мне нужен четвертый... Что-нибудь вроде геморрагической лихорадки Марбург или Эбола, но с военным потенциалом. Мы должны как следует напугать людей.

Лозано продолжал рыться в своем «блэкберри».

— Лихорадка Ласа — четвертый уровень бактериологической угрозы... Геморрагическая лихорадка Крым-Конго... Пойдите... А вот новенький проект. Называется «Коса». Четвертый уровень бактериологической угрозы. Разрабатывается небольшой научно-исследовательской командой во главе с малоизвестным микробиологом Мэри Клипот.

— «Коса»... Неплохо звучит. Какова история вируса?

— *Yersinia pestis*. Бубонная чума.

Де Борн улыбнулся. «Черная смерть» была настоящей пандемией. Когда-то за несколько лет она свела в могилу более половины населения Европы и Азии.

— И что нашла эта Клипот? — спросил он.

— Живые бактерии.

— Кто еще имеет доступ к «Косе»?

— Кроме высшего руководства только ее лаборант Эндрю Брадоски. Еще один яйцеголовый.

— Найдите к нему подступы, — откидываясь на спинку сиденья, приказал де Борн.

— Сколько у меня в запасе времени? Не хочу показаться невежливым, но после сегодняшних слушаний в сенате мы, боюсь, окажемся не единственными покупателями. Я должен знать, какими средствами располагаю...

Советник президента США по национальной безопасности схватил Эрнеста Лозано за запястье левой руки. От ледяного холода его серо-голубых глаз бывший командос поежился.

— Игра идет по-крупному, друг мой. Мир больше не будет таким, как прежде. Тратьте столько, сколько нужно, устраняйте всякого, кто встанет у нас на пути, но через полтора года я буду в Тегеране, и дело примет крутой оборот. Поэтому бактериологическое оружие «Коса» должно быть у нас не позднее начала весны. Вот столько времени у вас в запасе, мистер Лозано.

11 сентября

Медицинский центр для ветеранов

Манхэттен, Нью-Йорк

07:13

Однорукий мужчина с внешностью Джима Моррисона и отсутствующим взглядом метался во сне. В его мозгу бушевал ураган воспоминаний...

— Откуда ты, парень?

— Из Бруклина.

Двадцатитрехлетний молодой человек атлетического телосложения. Короткая стрижка. Форменная армейская футболка. Он не смотрел в лицо темноволосому офицеру-военврачу, а следил за его руками — тот готовился сделать новобранцу несколько прививок.

— А я из Гринич-Виллидж. Почти соседи. Как тебя зовут, Бруклин?

— Патрик Щеперд.

— Дэвид Кантор. Я командир медико-санитарной группы, к которой тебя приписали. Мы любим побросать мяч в свободное время. В баскетбол играешь?

— Немного.

— Да, ты производишь впечатление человека, который дружит со спортом. У нас приличная команда, но большинство моих хирургов — трехмесячные туристы. В команде тебе всегда найдется место.

— Трехмесячные туристы? — переспросил Патрик.

— Хирургов меняют каждые тридцать дней. Ладно. Первая прививка — от сибирской язвы. Будет болеть, но несильно... Под

«несильно» я подразумеваю ощущение, словно тебе под кожу вкололи шарик раскаленной лавы. Куда колоть?

— Ну... Не надо, док, не сюда. Колите в левое плечо. Я правша.

Дэвид Кантор вколол сыворотку в дельтовидную мышцу левой руки.

Через полминуты руку жгло огнем.

— Бл...

— Скоро боль утихнет, но последствия прививки ты будешь ощущать еще недели две. Следующая прививка от «суки», пардон, от оспы. Хочешь верь, хочешь не верь, но Джордж Вашингтон был первым, кто приказал привить своих солдат от оспы. Умным он был, наш генерал. Конечно, когда я говорю о вакцинации, я имею в виду вариоляцию. Вилку втыкали в созревший пустул больного солдата, а затем тыкали этой вымазанной гноем вилкой здорового человека. Часть людей Вашингтона, конечно, умерли, но это было ничтожно малое число по сравнению с количеством умирающих во время эпидемии. Британцы первыми использовали оспу в качестве биологического оружия. Правая рука или левая?

— Левая.

— Ты уверен? Я должен уколоть пятнадцать раз.

— Колите... Ой!

Патрик вздрагивал, вслух считая уколы.

— Тебя учили азам арабского?

— Ну да. «Как тебя зовут? Брось оружие. Тебе нужна медицинская помощь?» Правда, я уже все забыл.

— Ничего, скоро вспомнишь. К сожалению, они не учат вашего брата понимать, что вам говорят в ответ.

Доктор Кантор перевязал исколотое плечо.

— О'кей, Бруклин, а теперь запомни: месяц не забывай перебинтовывать это плечо. Забудешь — на теле вскочат гнойники, которые будут чесаться так, что на стену полезешь. А еще не исключена повторная вакцинация. Так что не создавай себе лишних неприятностей. Ты все упаковал?

— Да, сэр.

— Не забудь взять с собой запасные носки и футболки, батарейки для фонарика и наборы для чистки и смазки оружия. Купи несколько фломастеров «Щарпи». Все, что не будет подписано твоим именем,

вскоре найдет другого хозяина. И катушку паракорда. [7] Он легкий и прочный. Лучшей бельевой веревки не сыскать. И не забудь клейкую ленту. Ею можно починить почти все. Кстати, надо будет примотать концы лямок на твоём рюкзаке. Солдат, производящих много шума, обычно подстреливают. Как тебе в бронежилете?

— Тяжеловато.

— Сорок пять фунтов вместе с керамическими бронепластинами. Плюс штурмовой бронешлем. Плюс расширенная система обмундирования в холодный период, а это — семь слоев ткани, вещмешков и жилетных карманов, в которых есть все, что понадобится идущему на войну бойскауту. Вещей, конечно, многовато, но там ты будешь чертовски рад, что они у тебя под рукой...

Ли Нельсон вошла в двадцать седьмую палату и направилась прямо к мастеру-сержанту Трету.

— Что стряслось, Рокки? Что его напугало?

Безногий инвалид привстал на кровати.

— Не знаю. Вначале у него были обычные кошмары, но час назад он начал чудить.

— Угрожал себя убить? — поинтересовалась врач.

— Нет... Ни разу с того дня. Причина в другом. Вы не забыли, какой сегодня день?

— Одиннадцатое сентября...

Рокки кивнул головой.

— Множество людей пошли в армию после терактов одиннадцатого сентября. Думаю, этот парень из их числа.

— Спасибо.

Доктор Нельсон вошла в ванную комнату...

В стене виднелись вмятины размером с человеческий кулак. Один из трех рукомайников был сорван, а зеркало разбито на осколки. Два санитары прижимали сопротивляющегося Патрика Шеперда к полу, а медсестра никак не могла сделать ему успокоительный укол.

— Коли его!

— Держите его!

— Подождите!

Ли Нельсон встала так, чтобы Патрик увидел ее лицо.

— Шеп!.. Шеп! Открой глаза и посмотри на меня.
Мужчина открыл глаза и прекратил сопротивляться.
— Ли?!

Медсестра ввела иглу шприца в левую ягодицу больного, впрыскивая ее содержимое в кровь. Тело однорукого ветерана сразу же обмякло.

— Сестра Меннелла! Я же вам приказала подождать!

— Чего ждать? Этот человек — живая иллюстрация посттравматического шока. Ему не место в центре для ветеранов. Его надо изолировать от окружающих.

— Она права, док, — подал голос один из санитаров, ощупывая пальцами рассеченную левую бровь. — Этот парень — настоящий буйвол. Теперь я без тазера^[8] к нему не подойду и на пушечный выстрел.

— Он — ветеран. Постарайтесь этого не забывать, — сказала Ли Нельсон, глядя сверху вниз на неподвижного пациента.

Костяшки единственной руки Патрика были разбиты до крови о стены.

— Уложите больного на кровать и привяжите. До конца дня держите его на седативных препаратах. И запомните, сестра Меннелла! Если вы еще хоть раз проигнорируете мои распоряжения, неделю будете выносить за больными подкладные судна.

Медсестра надела колпачок на иглу шприца и подождала, пока доктор Нельсон отойдет.

— Большое дело! — фыркнула она. — Мне платят жалких сорок пять долларов в час не за то, чтобы я мыла подкладные судна.

Пострадавший санитар помог своему товарищу поднять бесчувственного больного с пола.

— Ты все делала правильно, Вероника. Просто у доктора сегодня плохое настроение.

— Не в том дело, — сказала медсестра, нащупывая пульс Патрика на правой руке. — Просто он ей нравится.

Колумбийский университет
Шермерхорн-холл
Морнингсайд-Хайтс, Нью-Йорк
09:58

Основанный англиканской церковью в 1754 году Королевский колледж ныне называется Колумбийским университетом. Это частное учебное заведение входит в элитную Лигу плюща. Университет занимает шесть кварталов на Морнингсайд-Хайтс, в районе, расположенном между Верхним Вест-Сайдом и Гарлемом.

Профессор Панкай Пател вышел из Шермерхорн-холла в сопровождении студентки магистратуры, которая работала в «Колумбийском научном вестнике».

— У меня мало времени. Где вы хотите взять у меня интервью?

— Вот там, — сказала девушка, подводя профессора к парковой скамейке.

Студентка навела небольшой, размером с ладонь, камкордер^[9] на лицо мужчины.

— Это Лиза Льюис. Специально для «КСР». Я беседую с профессором Панкаем Пателом, автором книги «Макросоциальное зло и упадок Америки». Объясните, пожалуйста, нашим блоггерам, что такое макросоциальное зло.

Лысеющий сорокатрехлетний интеллектualaл откашлялся, не зная, куда смотреть, — на девушку или в объектив видеокамеры.

— Макросоциальное зло относится к отрасли психологии, изучающей патологические факторы, свойственные аномальным личностям. В погоне за властью они используют моральные недостатки общества, манипулируя людьми с помощью своего богатства и политического влияния.

— В вашей книге вы называете этих людей психопатами у власти.

— Верно. По определению психопат — это человек, который ведет себя ненормально, поскольку он лишен чувства вины. Представьте себе людей, которые живут без совести, без сожалений о содеянном и без чувства стыда. Таким людям наплевать на ближнего своего. Что касается морали, то такие люди, можно сказать, не имеют души. Их поступками движет лишь официальное право. Такие люди совсем не хотят изменяться. Как раз напротив. Они считают свою духовную неполноценность полезным качеством, сильной стороной характера. Они как волки среди стада овец. Действуют, когда другие колеблются. В детстве их наказывали за то, что они жарили в микроволновой печи хомячков и скармливали петарды уткам, но, повзрослев, они поумнели и научились притворяться «нормальными». Свои социопатические

склонности они направляют на манипулирование другими людьми. Для них законы не писаны. Закон джунглей — единственный закон, который они уважают. Если они чего-нибудь хотят, то просто идут и отнимают. Если такие люди имели счастье родиться в подходящей семье из высшего общества, для них нет ничего невозможного.

— А что насчет политиков? — спросила девушка. — В своей книге вы называете имена политиков из обоих лагерей, включая бывшего вице-президента. Вы не боитесь, что на вас подадут в суд?

— Я больше обеспокоен тем, что миром правит военно-промышленный комплекс. Эти люди верят, что для достижения своих целей имеют право убивать невинных людей.

— Книга называется «Макросоциальное зло и упадок Америки». Автор — профессор Колумбийского университета Панкай Пател. Лиза Льюис. Специально для «КСР».

Девушка выключила камеру.

— Благодарю вас, профессор.

— Вы прекрасно провели беседу, — сказал мужчина. — Скажите, вам действительно понравилась моя книга?

— По правде говоря, я прочла только предисловие, но уверена, что это очень интересная книга.

Профессор зевнул, провожая девушку глазами.

Перейдя Амстердам-авеню, Панкай подошел к голубому грузовому автомобилю-кухне, припаркованному на обочине.

— Пожалуйста, пшеничный сэндвич с индюшатиной, салатом-латук и томатами... а еще бутылочку воды.

Продавец протянул мужчине коричневый бумажный пакет с его заказом, а взамен получил кредитную карточку.

Возмещая потраченное впустую время, Панкай ел на ходу. Он направлялся в университетскую библиотеку.

«Час — на работу в читальном зале, час — в гимнастическом зале. Надо будет позвонить Манише. Одиннадцатое сентября — непростой день для нее...»

— Профессор Пател! Минуточку!

Он повернул голову, ожидая увидеть девушку, которая брала у него интервью. Вместо нее он увидел красивую азиатку лет двадцати с небольшим, одетую в черный костюм и кепи водителя. Мужчина удивился.

— Сколько букв в имени Бога? — задала ему вопрос девушка.
Нервная дрожь пробежала по всему его телу.

— Сорок две.

Красавица улыбнулась.

— Прошу следовать за мной.

Чувствуя слабость во всем теле, профессор последовал за девушкой до ждущего их лимузина. Его ноги дрожали. Девушка открыла заднюю дверь автомобиля.

— Пожалуйста, садитесь.

Панкай неуверенно заглянул в салон лимузина. Там никого не было.

— Куда вы меня повезете? — поинтересовался он.

— Это недалеко отсюда. Вы не опоздаете на работу.

Мгновение поколебавшись, профессор сел в лимузин, чувствуя себя Алисой, попавшей в кроличью нору.

Автомобиль свернул на 116-ю улицу, затем на Бродвей... Двигаясь на север, он въехал в Гамильтон-Хайтс, район, в котором жили преимущественно аспиранты и эмигранты-«белые воротнички». Район был назван по имени Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей государства.

Лимузин остановился на 135-й улице. Водитель вышла из машины и отворила заднюю дверь, она протянула взволнованному профессору магнитный ключ и указала рукой на стоящее на противоположной стороне улицы семиэтажное здание.

— Квартира номер 7-си, — сказала она профессору.

Пател неуверенно взял ключ и направился к многоквартирному дому.

Консьерж у входа одарил профессора доброжелательной улыбкой, словно ждал его. Пател кивнул в ответ, прошел выложенным мрамором вестибюлем к лифтам и, воспользовавшись магнитным ключом, вызвал кабинку.

Номер 7-си был расположен на верхнем этаже. Пател вышел из лифта. Пол в коридоре устилало ворсистое зеленое ковровое покрытие. Коридор был пуст. Завидев двустворчатую дубовую дверь под номером 7-си, профессор прижал ключ к металлической пластине и вошел внутрь.

В аскетичном дизайне кондоминиума чувствовалась азиатская элегантность. Полированные бамбуковые полы... Эркеры с высокими, от пола до потолка, окнами... Балкон с видом на Гудзон... Гостиная скудно обставлена: белый кожаный диван, плазменный телевизор и стеклянный столик. Профессору показалось, что в этой дорогой квартире никто не живет.

— Здравствуйте! Есть кто-нибудь дома?

«Здравствуйте».

Голос словно прозвучал в его голове. Пател от неожиданности подпрыгнул и оглянулся. Никого. Волосы на голове зашевелились.

«Следуйте за моим голосом».

Несмотря на граничащее со страхом изумление, профессор чувствовал, что ему ничто не угрожает. Пройдя гостиную, Пател вошел в спальню. Королевских размеров кровать разостлана, но хозяина на ней нет. Помедлив немного, профессор заглянул в ванную комнату.

В наполненной водой квадратной ванне свободно могли поместиться два взрослых человека.

«Подойдите поближе».

Лишившись остатков мужества, Пател сделал несколько шагов вперед.

На дне ванны лицом вверх лежал маленький азиат. Вокруг бедер — белая набедренная повязка. Цвет кожи — какой-то розоватый. Волос на теле почти не было. К запястьям и щиколоткам азиата с помощью застежек-липучек фирмы «Велкро» были пристегнуты небольшие грузы. Глаза открыты. Зрачки расширены.

Тело казалось лишенным жизни. На губах — безмятежная улыбка.

Профессору захотелось пуститься наутек. Вдруг левая сторона груди мужчины вздрогнула. Сердце пустило кровь по венам.

«Невероятно. Сколько он пробыл под водой?»

«Больше часа».

У Патела перехватило дыхание.

— Как вы?..

Зажмурившись, он мысленно спросил:

«Вы обладаете способностью читать мои мысли?»

«Я долго учился этому искусству. Теперь я могу использовать потенциал мозга полностью. Я чувствую, что вы колеблетесь. Прошу,

подождите меня в гостиной. Я скоро к вам выйду».

Панкай вышел из ванной, прикрыв дверь. В спальне он замешкался, как вдруг услышал странное жужжание за дверью. Быстрыми шагами мужчина прошел в гостиную, терзаемый любопытством: выбрался ли азиат из ванной обычным способом или воспарил из воды?

Хозяин появился минут через десять. На нем были кроссовки «адидас», белые носки и серый спортивный костюм с логотипом Колумбийского университета.

— Уже немного успокоились? — спросил азиат.

— Да.

Подойдя к холодильнику, хозяин квартиры достал две бутылочки воды. На зеленых этикетках был изображен четырехугольник и написано: «Пинчасская вода». Он протянул одну бутылку Пателу, а затем уселся возле него на диване.

Индус с удивлением разглядывал кожу азиата. Казалось, она состоит из кератина и волокнистой протеиновой субстанции.

— Да... Моя кожа несколько отличается от вашей, профессор. Те, кто со мной близко знаком, называют меня Старейшина. Я знаю, что у вас много вопросов ко мне, но прежде позвольте задать вопрос вам: зачем вы ко мне пришли?

— Мой учитель, Джеррод Махурин, перед смертью сказал мне, что человек большой мудрости будет меня искать. Это ведь вы?

— Надеюсь, что я достоин такого эпитета. Что еще рассказал вам учитель?

— Он сказал, что я должен буду сменить его в некоем тайном обществе... Девять человек должны вернуть в этот мир гармонию...

— Будем надеяться на лучшее, — сказал азиат, отпив воды из своей бутылочки.

Он прикрыл глаза. Лицо оставалось спокойным, как гладь пруда в безветренный день.

— Мало кто знает историю Общества девяти неизвестных. Наша история насчитывает более двадцати двух столетий. В двести шестьдесят пятом году до нашей эры его основал император Ашока, правитель Индии, внук Чандрагупты. С помощью меча он объединил страну. Что такое настоящая война Ашока понял во время завоевания провинции Калинга. Его воины перебили около ста тысяч

сопротивлявшихся завоевателям. Как говорят, зрелище массовых убийств отвратило Ашока от войны. Он понял всю бессмысленность насилия.

Пател нетерпеливо перебил Старейшину:

— Я читал об Ашоке, когда учился в Индии. Император стал ревностным буддистом. Он принял принципы праведной жизни и всеми силами способствовал распространению Дхармы.^[10] Ашока учил веротерпимости и проповедовал путь самосовершенствования.

Старейшина утвердительно кивнул головой.

— Духовное перерождение Ашоки принесло мир не только его подданным, но и жителям Тибета, Непала, Монголии и Китая. Империя Мауриев претерпела преобразование, но последнему правящему представителю династии этого показалось мало. Буддизм предлагал путь к просвещению, но Ашока задавался фундаментальными вопросами бытия: «Как появился человек? Как человек может слиться с Создателем? Каков смысл пребывания человека на земле? Почему человек склонен совершать зло и насилие?» Но больше всего императору хотелось знать, что находится вне физического мира... что случается с человеком после смерти... Чтобы найти ответы на мучившие его вопросы, Ашока собрал девять мудрецов, ученых и мыслителей своей страны и основал Общество девяти неизвестных. Каждый из членов Общества обязан был искать тайну бытия и записывать полученные знания на священные свитки, которые передавались из поколения в поколение. Император Ашока умер в двести тридцать восьмом году до нашей эры, так и не найдя ответов на интересовавшие его вопросы. Империя распалась. За последующие три столетия Индия пережила несколько завоеваний, побывала под гнетом иноземных завоевателей, но Общество девяти неизвестных существовало. В сто семьдесят четвертом году нашей эры человек по имени Гелут Паним, потомок императора Ашоки и один из девяти неизвестных, прослышал о человеке в Святой земле, который умел ходить по воде и лечить разные недуги. В поисках мудрости тибетец добрался до Иерусалима, но узнал, что опоздал. Святого человека, которого звали раввин Иешуа бен Иосиф, замучили до смерти римские легионеры.

— Вы говорите об Иисусе Христе?

— Да. Паним узнал, что большая часть мудрости Иисуса проистекала из каббалы, древнего учения тайного знания, дарованного Богом патриарху Аврааму и заключенного в Книге Создания. Моисей получил на горе Синай доступ к мудрости, однако израильтяне не были готовы усвоить ее, и пророк спрятал скрижали от глаз непосвященных. Четырнадцать веков сионские мудрецы скрывали древнюю мудрость в написанной на арамейском языке Торе, которую римляне строго-настрого запретили изучать иерусалимским евреям. Раввина Акива многие почитали за великого каббалиста, и римляне содрали с него, еще живого, кожу, а затем начали преследовать его учеников. Раввину по имени Шимон Бар Иохай вместе с сыном удалось сбежать от преследователей на север Израиля. Эти двое святых людей жили в Галилее, прячась от чужих глаз в пещере. Тринадцать лет они потратили на поиски древней мудрости. Результаты своей работы они записали в «Зогаре» — книге сияния. Примерно в это время Паним добрался до Галилейского озера. Когда он услышал, что Шимон Бар Иохай спустился с гор, он направился в город Тивериаду. Найдя раввина, тибетец предложил ему приличную сумму денег за его знания, но тот отказался. Паним понял, что обидел святого человека, и распустил свою свиту, раздал золото и верблюдов бедным и, отказывая себе в пище, повсюду следовал за каббалистом. На восьмой день он, близкий к голодной смерти, упал от истощения. Пораженный смирением азиата раввин отвел Панима в свой дом и накормил. Перед расставанием Шимон Бар Иохай пригласил нового ученика в тайную пещеру в горах, где в ночь следующего полнолуния он собирался обучать оставшихся в живых учеников раввина Акива древней мудрости. Хотя знание книги «Зогар» было предназначено всем детям Господним, человечество еще не доросло до понимания концепции атома, Большого взрыва, не говоря уже об истинном предназначении человека в физическом мире. Книгу «Зогар» прятали до XIII столетия. Гелут Паним вернулся домой совершенно преображенным человеком. Собрав Общество девяти неизвестных в Тибете, он разделил записанное в девяти свитках учение между членами Общества по сферам их интересов. Девятый свиток касался всего сверхъестественного — того, как вопреки законам физики побеждать материю благодаря силе воли человека. Тайное знание это показалось Гелуту Паниму таким могущественным и опасным, что он

решил воспользоваться им. Члены Общества девяти неизвестных разбрелись по свету, делясь знанием с теми, кто был готов воспринять его. Галилей и Коперник тоже были членами Общества. Как и Александр Йерсен, французский микробиолог, который, воспользовавшись тайным знанием, нашел лекарство от бубонной чумы. В библиотеке Исаака Ньютона был экземпляр «Зогара», который великий ученый использовал в своей работе. Альберт Эйнштейн создал свою теорию относительности, черпая знания из древнего учения.

Общество девяти неизвестных надеялось с помощью древнего знания поддерживать равновесие между божественным светом добра и злом, порождаемым эгоистичной сущностью человека. Согласно давнему пророчеству, если победит свет и чаша весов опустится к гуманизму, люди обретут духовную целостность и бессмертие. В случае же, если зло перевесит, то настанет конец света, и Ангел Смерти будет свободно ходить по земле. Согласно книге «Зогар» срок гибели человечества наступит в начале эры Водолея в двадцать третий день еврейского месяца Элул в 5760 году, когда «величественный город множества башен содрогнется от рева пламени, отзвуки которого будут слышны по всему миру». Согласно григорианскому календарю это случилось 11 сентября 2001 года.

Пател почувствовал, как кровь приливает к его голове.

— Теракт одиннадцатого сентября не был сверхъестественным явлением. Просто свихнувшимся на перекраивании карты Ближнего Востока фанатикам удался их замысел.

Старейшина улыбнулся одними глазами.

— То, что вы в это верите, не делает ложь правдой. Ваш мозг, друг мой, заперт в одном проценте мироздания, которое мы называем Малхут — физический мир хаоса и боли, войны и эпидемий, смерти и страха. В своей последней книге вы назвали истинным виновником одиннадцатого сентября психопатию и ввели термин для обозначения тех, кто ею страдает, — макросоциальное зло.

— Я психолог. Понимание глубинных корней зла — это главная задача, которая стоит перед психологией.

— Но ведь ничего в мире не меняется. Война и геноцид продолжают существовать. Несмотря на переполненные тюрьмы,

наркотики убивают людей. Возможно, вы исследуете корни не того дерева?

Желая сохранить душевную невозмутимость, профессор сделал глубокий вдох, выдохнул воздух и улыбнулся фальшивой улыбкой.

— Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Нет, вы слушаете только свое эго, — сказал азиат. — Вы уже вынесли суждение до того, как услышали хотя бы один аргумент в защиту моей точки зрения. Ваше восприятие мироздания ограничено пятью чувствами, на объективность которых влияет враг... Сатана.

Старейшина произнес слово отдельно, ставя ударение на каждом слоге: Са-та-на...

Пател почувствовал, что его терпению приходит конец.

— При всем уважении, я пришел сюда не для того, чтобы слушать буддийского Дэвида Блэйна.^[11] Мой учитель сказал, что ваше общество может помочь искоренить порок, открыв людям глаза на его природу...

— Мы ищем справедливость.

— Две войны, миллиард долларов и миллион невинных жизней. Что-то не так со справедливостью. Вы не находите?

— Справедливость поможет каждому из нас, когда мы покинем этот мир, — сказал Старейшина. — То, что ищете вы, обусловлено вашим эго. Человек не может познать справедливость и настоящее счастье. Погоня за справедливостью принесет только несчастье.

«Это, должно быть, испытание. Он испытывает меня», — подумал Пател.

«Жизнь — это испытание, профессор Пател. Боль и страдания, хаос и зло предназначены для того, чтобы подвергать нас испытаниям».

Индус заскрежетал зубами.

— Мне не нравится, что вы слышите мои мысли.

— Это говорит ваше эго. Ответы на вопросы, которые интересуют вас, рядом. Они умышленно сокрыты от понимания людей.

— И почему же их сокрыли? — спросил Пател.

— Потому что мы сами попросили Господа их скрыть.

— Я не понимаю.

— Со временем вы поймете. Но сейчас нам предстоят тяжелые испытания. Как я уже говорил, когда большинство людей на земле

осознают, что все мы — братья и сестры, мир изменится, и люди обретут бессмертие. Маятник качается в обе стороны. Бывали времена, когда человеческие пороки достигали такой меры, что тьма расплзалась повсюду, оскверняя физический мир. Когда желание ненавидеть побеждало любовь, а война брала верх над миром, Создатель устраивал акт всеобщего очищения. В последний раз глобальное очищение произошло во времена Ноя. Мы думаем, что следующее очищение близко, оно произойдет в день зимнего солнцестояния...

— Двадцать первого декабря, в день мертвых, — Панкай Пател с трудом сглотнул. — Моя жена Маниша — некромантка. Она может общаться с беспокойными душами мертвых. Маниша передавала мне тревожные предупреждения из мира духов. Грядет конец дней.

— Но вы отказывались прислушиваться к этим предупреждениям? Вы сомневались?

— К сожалению, я — человек собственного эго, — признался Панкай.

— Никогда не поздно измениться.

— Я постараюсь... Что же касается Общества девяти неизвестных, то боюсь, что не смогу заменить моего учителя. Я недостойн такой чести.

Старейшина кивнул головой.

— Я помню тот день, когда впервые встретил вашего учителя. Это было в коммунистическом Китае. Силы, служащие тьме, арестовали и пытали его. Ваш учитель всю жизнь распространял свет знаний вокруг себя. Он был для меня братом. Он был верным другом. Но, как любой человек, он иногда ошибался... Есть такая поговорка: «Чтобы ты жил во времена перемен». Кто-то считает ее благословением, кто-то — проклятием, но я предпочел бы рассматривать жизнь в переломный момент истории как шанс что-либо изменить. Ной жил во времена перемен. Тогда зло и эгоизм победили в душах людей, а верх взяли низменные инстинкты. Творец заключил договор с этим праведным человеком. И только после этого он избавил землю от порочных людей. Авраам также заключил договор с Богом. И потом лишь были разрушены Содом и Гоморра. То же и с Моисеем. Всякий раз, когда зло распространяется по земле, Бог выбирает праведника и подвергает его испытанию. Каждое испытание должно укрепить праведника в его

вере. Каждый договор между Богом и человеком ведет к уничтожению зла. Минули тысячи лет, но цикл повторяется снова и снова. Каждый цикл заканчивается концом дней. Спасение можно найти только в свете. Если праведник не выдержит испытания, тьма воцарится в мире, а за ней последуют всеобщее разорение и гибель семи миллиардов человек.

Старший член Общества девяти неизвестных поднялся со своего места. Профессор последовал его примеру.

— Панкай Пател! Клянетесь ли вы душой и всем святым, что у вас есть, хранить как зеницу ока знание, которое будет отдано вам на хранение?

— Клянусь всем святым.

— Вы клянетесь беречь и уважать тайну и святость Общества девяти неизвестных даже под пытками и угрозой смерти?

— Клянусь всем святым.

— Клянетесь ли вы приумножать знания, которые вам поручено хранить, и в должное время найти себе преемника?

— Клянусь всем святым.

Азиатский монах ступил вперед и возложил ладони на голову Панкай Патела.

— Я должен установить связь с вашим биоритмом, связать вашу ДНК с нашими. Так вы сможете узнавать ваших братьев, и силы тьмы не проникнут в наш круг. Сейчас вы почувствуете легкий электрический разряд.

Профессор подпрыгнул, когда поток энергии пробежал по его позвоночнику, а затем растекся по нервным окончаниям.

— Панкай Панел! Я приветствую вас в Обществе девяти неизвестных. С этого дня и до вашего последнего вздоха вы будете известны среди братьев только как Номер Седьмой. Да благословит Творец ваше вступление в Общество и осветит своим светом.

— Спасибо, Старейшина, за оказанную честь. Что я должен буду делать?

Гелут Паним, прямой потомок императора Ашоки, ученик раввина Шимона Бар Иохая, повернулся и посмотрел в окно на быстрые воды реки Гудзон.

— Вы должны стать моими глазами и ушами на Манхэттене. Я хочу, чтобы ваша жена стала барометром в области потустороннего.

Приближается буря, друг мой. Ангел Смерти идет на землю. Зачем — пока неизвестно. Он метит в вашу семью.

Октябрь

Со времени, как я занялся политикой, люди предпочитают верить мне свои мысли исключительно в приватной обстановке. Оказывается, многие из самых влиятельных в американской промышленности и бизнесе людей кого-то или чего-то боятся. Они знают, что где-то есть сила — организованная, неуловимая, бдительная, повязанная взаимной поручкой, абсолютная и вездесущая. Они боятся и предпочитают ничего плохого не говорить о ней.

Президент США Вудро Вильсон

Я бы никогда не согласился на создание ЦРУ, если бы в 1947 году знал, что со временем оно станет американским эквивалентом гестапо.

Президент США Гарри Трумэн

Медицинский центр для ветеранов

Манхэттен, Нью-Йорк

16:22

— Да. Пациент страдает от стресс-опосредованной паранойи, но болезнь куда серьезнее посттравматического стрессового расстройства. Он страдает от вспышек ярости... мучится чувством духовной пустоты... А самое главное... У пациента — нестабильное представление о самом себе, о собственном Я. Это хрестоматийный пример пограничного расстройства личности.

Доктор Минди Мерфи захлопнула папку с историей болезни Патрика Шеперда и передала ее Ли Нельсон.

— На грани, Ли... На грани. Он небезопасен. Лучше сплавь его в Бельвью. Пусть они там разбираются.

— Сплавить его?! — возмутилась доктор Нельсон. — Минди! Этот человек пожертвовал всем — семьей, карьерой, а теперь ты хочешь, чтобы я закрыла его в мягкой палате сумасшедшего дома?!

— Все не так мрачно. Пограничные расстройства личности сейчас лечат по-новому. Диалектическая поведенческая терапия в наше время творит чудеса.

— Хорошо! — сказала Ли. — Значит, ты будешь лечить его здесь.

— Ли!..

— Минди! Ты — лучший психолог в больнице.

— Нет. Я — единственный психолог в больнице. Двое моих коллег уволились еще весной, а третий пошел на покой... преждевременно... Моя рабочая нагрузка возросла с семидесяти пяти человек до трех сотен. Я больше не занимаюсь психологией, Ли. Ежемесячные встречи с больными превратились в формальность. Посмотри правде в глаза! Наш госпиталь переполнен, он недополучает финансирование. Иногда это становится причиной смерти солдат. Ты не в силах спасти каждого.

— Этого надо спасти, — настаивала Ли.

— Почему?

— Потому что он этого заслуживает.

Доктор Мерфи зевнула.

— Ладно. Если хочешь поиграть в Флоренс Найтингейл,^[12] воля твоя, но не говори потом, что я тебя не предупреждала.

— Только скажи, что делать, — попросила Ли Нельсон.

— Во-первых, не пытайся его изменить. Принимай пациента таким, каков он есть. Если он еще раз попытается совершить самоубийство или поранит себя, дай ему знать, что его поведение причиняет тебе беспокойство. Можно даже сказать, что его самоубийство угрожает твоей карьере. Ты снимала мерки для протеза?

— Да. На прошлой неделе.

— Он обрадовался? — спросила доктор Мерфи.

— Не особо, но я подкупила пациента DVD с фильмом «Дархэмский бык». Мне сказали, что протез будет готов не раньше, чем через полгода.

— Это еще ничего. Раньше приходилось ждать еще дольше, — сказала доктор Мерфи. — Протез может благотворно повлиять на его психику. Обычно при этом пациент отвлекается от всех своих фобий и занимается только им. В наихудшем случае искусственная рука изменит его представление о самом себе. Более сложная задача, которая стоит перед тобой сейчас, заключается в необходимости как можно скорее найти что-либо, что пробудит у твоего пациента интерес к жизни. Ему снова надо почувствовать себя полезным членом общества. Он в хорошей физической форме. Почему бы не попросить его поработать в палатах? Помогая другим, он почувствует себя нужным.

— Прекрасная мысль, — Ли Нельсон сделала пометку в своем блокноте. — А как насчет его семьи?

— А как насчет твоей собственной семьи? По-моему, ты сейчас должна быть дома с мужем и детьми?

— Минди! Жена ушла от него. У моего пациента есть дочь, которую он не видел одиннадцать лет. Должна ли я поспособствовать их воссоединению?

— Не спеши. В нем накопилось слишком много злобы и обиды из-за того, что его бросили. И почему ты уверена, что сможешь их разыскать?

— Они оба выросли здесь, в Бруклине, и встречались еще со школы. У нее, вполне возможно, есть родственники, которые до сих пор живут в Нью-Йорке.

Доктор Мерфи сокрушенно покачала головой.

— Ты замужем, у тебя двое детей. Ты работаешь шестьдесят часов в неделю, но при этом ты собираешься искать семью одного из твоих пациентов, которые живут, а может и не живут уже, в Бруклине. Ли! Что с тобой?

— Я пытаюсь спасти потерянную душу, Минди. Разве это не стоит моего времени? Ведь это небольшая жертва с моей стороны?

— Отрицание. Гнев. Переговоры. Депрессия. Принятие. Вот пять стадий горя.

— Ты думаешь, Шеп уже прошел через все пять стадий?

Бывшая гимнастка встала и бросила папку с историей болезни Патрика Шеперда на стопку еще пятидесяти таких же дел.

— Нет, Ли. Я имею в виду тебя.

Фредерик, Мэриленд

16:59

Эндрю Брадоски свернул на Пятнадцатую автомагистраль, ведущую на север. Взятой напрокат машине с четырехцилиндровым двигателем явно не хватало мощности, по крайней мере, по сравнению с его новым «мустангом». Все утро Эндрю терзался: стоит ли тратить еще пятьдесят долларов и брать напрокат машину? В конце концов, осторожность победила экономность. Да и что такое каких-то пятьдесят долларов, когда ему вот-вот достанется большой куш!

Сегодня состоится их третья встреча. Три встречи за последние полтора месяца. Эндрю подозревал, что Эрнест Лозано работает на ЦРУ или Разведывательное управление Министерства обороны.

Возможно, он даже из Министерства национальной безопасности. Да какая разница! Главное, что деньги каждые две недели поступают на его счет.

Справа появилась вывеска гостиницы «Хэмптон». Эндрю свернул на подъездную дорожку и затормозил. Выйдя из автомобиля, он пониже надвинул на глаза козырек бейсбольной кепки с эмблемой «Балтимор ориолс». Проходя мимо стойки регистратора в гостиничном фойе, он наклонил голову, чтобы никто не смог его разглядеть. Он вызвал лифт и поднялся на третий этаж.

Эндрю Брадоски исполнилось тридцать шесть лет, когда он поступил на работу в форт Детрик. До этого он два года подрабатывал в Баттельском мемориальном институте, штат Огайо. Своим товарищам он представлялся неунывающим весельчаком, всегда готовым попить пивка после работы или прошвырнуться в тесной мужской компании в Лас-Вегас на уик-энд. Непосредственные начальники симпатизировали Эндрю, по крайней мере, до тех пор, пока не понимали: этот парень звезд с неба не хватает. Впрочем, у Брадоски всегда хватало закадычных друзей, считавших его отличным сукиным сыном. Когда Эндрю удавалось уложить какую-нибудь цыпочку в постель, их отношения могли длиться от одной ночи до нескольких месяцев. Брадоски предпочитал ни к чему не обязывающие отношения. По правде говоря, он считал себя охотником, а женщин — своей законной добычей. До тех пор, пока женщина не заговаривала о семье, ее можно было терпеть, но стоило ей обмолвиться о браке, Эндрю немедленно с ней расставался.

Эндрю Брадоски мечтал о хорошо оплачиваемой работе. И поэтому он начал обхаживать Мэри Клипот. В баре или на вечеринке он вряд ли удостоил бы ее вниманием. Ну, перекинулся бы с ней парой слов — максимум. Однако в форте Детрик интеллектуалка доктор Клипот становилась более привлекательной в его глазах. Брадоски называл этот феномен эффектом Тони Сопрано. В повседневной жизни лысеющий толстячок — персонаж телесериала — никогда бы не подцепил такую красотку, как в фильме, но, будучи боссом мафии, Тони Сопрано в глазах красивых, хотя и приносящих много хлопот женщин обладал определенной привлекательностью.

Интеллект и положение Мэри Клипот произвели на Эндрю Брадоски впечатление. К тому же эта женщина работала в лаборатории четвертого уровня бактериологической угрозы и работала сама, без помощников.

Игра стоила свеч.

В первый раз, когда он представился Мэри Клипот во время ленча, вышло как-то неуклюже.

После второй случайной встречи в обеденный перерыв женщина встала из-за стола и ушла.

В течение двух последующих недель она избегала Эндрю, предпочитая есть у себя в лаборатории. Будучи настойчивым приспособленцем, он выяснил, что Мэри через день занимается по утрам в спортзале. И Эндрю решил не отступать: сам начал бывать в том же спортзале, качал железо, делая вид, что не замечает ее присутствия. Только на третий раз он позволил себе бросить «доброе утро». За несколькими «добрыми утрами» последовал обмен ничего не значащими фразами. Наконец рыжеволосая интровертка немного расслабилась.

Его настойчивость с лихвой окупилась через месяц, когда Мэри Клипот, выбирая себе лаборанта для проекта «Коса», остановила свой выбор на Эндрю.

Эндрю вышел из лифта и, следуя по указателям, легко нашел 310-й номер. Он постучал два раза подряд, сделал небольшую пару, стукнул еще раз, подождал и снова дважды ударил костяшками пальцев по двери.

Дверь широко распахнулась. Эрнест Лозано, пятясь, впустил Эндрю в номер. Затем он указал рукой на диван, а сам уселся на стул.

— И как наши дела? — поинтересовался Лозано.

— Постепенно движутся в нужном направлении.

— Как вы можете догадаться, я пригласил вас сюда не для обсуждения прогноза погоды. Когда возбудитель будет готов к использованию в военных целях?

— Мы ведь уже говорили об этом, — сказал Эндрю. — Весной... Может, в марте или апреле... Мы уже близки к цели.

Брадоски даже не заметил, как узкое и острое лезвие кинжала оказалось в нескольких дюймах от его правого глаза. Долговязый агент

одним толчком впечатал тело Эндрю в мягкий диван. Лозано склонился над перепуганным лаборантом. В нос Эндрю ударили запахи соуса альфредо и крема после бритья «Аква велва».

— Мы заплатили вам пятьдесят тысяч долларов. За пятьдесят тысяч я хочу гарантий, а не предположений.

Эндрю выдавил подобие улыбки.

— Потихе, крутой парень. Мы близки к цели... По крайней мере, мы были близки до тех пор, пока Мэри не обнаружила, что забеременела. Это усложняет нашу работу, но я клянусь: все будет сделано в лучшем виде.

Лозано слез с лаборанта.

— Ребенок ваш?

Эндрю сел на диване, вытирая со лба капельки пота.

— Да, и в этом вся сложность. Мэри получила строгое католическое воспитание. В апреле мы вместе ездили в Канкун и немного перебрали текилы.

— И вы ее соблазнили?

— Да, но Мэри ничего не помнит о случившемся. Вначале я думал, что так будет даже лучше, но теперь, когда она забеременела...

— Вы ей все рассказали, — предположил Лозано.

— Я хотел, но она считает, что у нее — непорочное зачатие. Вы должны понимать, с кем мне приходится иметь дело. Когда она занимается биологическим оружием или генетически измененными вирусами, то Мэри Клипот — умнейшая женщина, но как только речь заходит о сексе, чувствах и прочей чуши, она превращается в полную идиотку. У нее с головой что-то не в порядке... очень-очень не в порядке... В конце концов, кто я такой, чтобы разубедить ее в том, что она вынашивает маленького Исусика? Пока вы мне платите, я буду играть роль Иосифа для нашей новоявленной непорочной Девы Марии, но когда работа над «Косой» закончится, я умою руки...

Лозано сел на стул.

— Когда у нее срок?

— В январе... Где-то на третьей неделе, хотя Мэри думает, что врач ей врет. Она верит, что маленький Исусик родится на Рождество.

— Вам следует уладить это дело, — предложил Лозано.

— Как?

— Предложите пожениться. Поживите некоторое время вместе. Скажите Мэри, что хотите быть в глазах посторонних людей «суррогатным» отцом ребенку. Не раскачивайте лодку, в которой сами сидите. Работа над «Косой» должна закончиться до родов. Убедите доктора Клипот, что в ее же интересах закончить проект как можно быстрее. Тогда у нее будет больше времени на приготовления к появлению малыша.

— Это рискованно, — засомневался Эндрю. — Руководитель проекта Лидия Гагنون поговаривает, что неплохо бы доукомплектовать команду еще одним, а может, двумя микробиологами. Мэри предпочла бы не привлекать к созданию «Косы» лишних людей. Это вполне разумно, учитывая инциденты последних лет.

— Какие инциденты? — поинтересовался Лозано.

— Не пытайтесь обмануть обманщика, друг мой. После терактов одиннадцатого сентября ваши друзья из ЦРУ только тем и занимаются, что устраняют нежелательных микробиологов. Шесть израильских яйцеголовых погибли в двух авиакатастрофах. Потом еще этот специалист по клеткам из Майамского университета... Советскому ученому, который в свое время сбежал на Запад, проломили молотком голову... Мэри была знакома с Сет Ван Нгуеном, а с Таней Хольцмайер вместе училась в аспирантуре. Таня подошла к двери, а парень, привезший ей пиццу, застрелил бедолагу. Девятнадцать убитых ученых за первые четыре месяца после теракта одиннадцатого сентября. Еще семьдесят один при президенте Буше. Расчлененные тела в чемоданах... два трупа в холодильниках... шесть странных автомобильных катастроф... Никто не арестован. Информация не просочилась в прессу, а уголовные дела никто всерьез не расследует. Всех погибших объединяет одно: их считали ведущими специалистами, способными предложить эффективные методы борьбы в случае возникновения всемирной пандемии.

Эндрю встал с дивана. От защиты он перешел к нападению. Теперь стоило произнести речь, которую он заранее репетировал.

— Вы хотите с помощью «Косы» избавиться от этих придурков в чалмах. Без проблем. Но вот мои условия. Во-первых, забудьте о ста тысячах. Это смешная сумма. Я хочу, чтобы на мой счет в «Кредит свис» перевели два миллиона долларов. По пятьдесят тысяч каждую неделю, начиная с сегодняшнего дня и до марта. Ко времени, когда

работа над «Косой» будет завершена, вся сумма должна лежать на моем счету. Во-вторых, я застраховался от доставщиков пиццы с пистолетами и молотками. В случае моей смерти несколько доверенных лиц, живущих в разных штатах, передадут иностранной прессе информацию о нашей договоренности и все данные относительно проекта «Коса».

Самонадеянность Эндрю рассыпалась, а душа ушла в пятки, когда он увидел, как изменилось выражение лица Лозано.

— «Коса» должна быть у нас к первому марту, и ты проживешь достаточно долго, чтобы потратить полученные деньги. В противном случае ты и твоя Дева Мария с маленьким Иисусом закончите свои дни в безымянной могиле.

Медицинский центр для ветеранов

Махэттен, Нью-Йорк

23:22

Внизу оливковой зеленью поблескивала Ист-Ривер. Они ехали по мосту в сторону Бруклина.

— *У тебя хороший прямой бросок, крученая подача ставит бэттеров с правой ударной рукой в невыгодное положение, но университетские команды и младшая лига полны питчеров-неудачников с растраченным потенциалом. Пришло время заняться твоей психологической подготовкой.*

Тренер Сигал сидел за рулем мини-вэна — одной из двух школьных машин, на которых развозили по домам игроков бейсбольной команды средней школы имени Рузвельта. Ребята победили со счетом 3:1 в четвертьфинале районного чемпионата. Патрик Щеперд сидел на переднем пассажирском сиденье. Шестнадцатилетний питчер стал сегодня героем дня. Между Патриком и бейсбольным тренером сидела его дочь Мори Сигал. Одноклассница и лучший друг, прикрыв глаза, положила голову парню на левое плечо. Ее правая рука игриво проскользнула под бейсбольную перчатку и разминочную куртку и замерла на левом бедре парня. Нежные прикосновения девичьих пальчиков посылали электрические разряды в область гениталий парня.

— *Твое плечо и голова были полностью подчинены броску, когда ты делал шаг, замах и раскрутку. Ты правильно сгруппировал плечи и*

бедра во время раскрутки. Все так, как я тебя учил. У тебя хорошая техника, Патрик, но на одной технике далеко не уедешь. Сэнди Куфакс говорил, что многие питчеры овладели физическими нюансами бейсбола, но так и не стали великими игроками, потому что не постигли психологического смысла игры. Ты не теряешься под прессингом, и я очень ценю это в тебе, но игры выигрывают или проигрывают с двумя аутам и при пустой базе.

Голое бедро девушки прижалось к тыльной стороне его левой руки. На ощупь ее кожа гладкая как шелк. Парень хотел было просунуть руку ей под ногу, но больно защемил палец в пряжке ремня безопасности.

Девушка прикрыла глаза, едва сдерживая рвущийся наружу смешок.

— Любой бросок имеет значение. Надо стать психологом. Ты должен побеждать любого хиттера. Стив Карлтон, перед тем как бросить, представлял себе полет мяча так, словно бэттера вообще не существует на свете. Тебе нужно сосредоточить все свое внимание на ловушке для мяча. Не спеши, Представь себе успешную подачу. Дыши ровно. Вдыхай страх бэттера.

Длинная прядь светлых волос девушки упала Патрику на плечо. Он вдохнул жасминовый запах ее шампуня, и этот запах подействовал на парня не хуже афродизиака.

— Ты неудачно подал. Ничего. Сойди с «горки». Подыши. Пусть твоё раздражение рассеется. Помни, что правильное дыхание влияет на то, что и как мы думаем. Не думай о неприятном. Думай об успехе. Возвращайся на «горку» лишь после того, как полностью успокоишься.

Кончики девичьих пальчиков — в дюйме от его гениталий. Теперь девушка обрела полный контроль над его телом. То, что началось как беспечная игра, превращалось в совсем недетское развлечение, и парень не знал, как вести себя дальше. Он сидел прямо, боясь лишней раз вздохнуть.

— Занимай правильную позицию, как только взойдешь на «горку». Последнее, что тебе нужно — случайно растянуть мышцы.

Девичьи пальцы в его ширинке. Грубая ткань поднимается. Пальчики дразняще приближаются, а потом чуть отодвигаются.

Патрик сидит, как замороженный. И вот рука подруги опять оказывается в ширинке.

— Я знаю, что два дня на отдых — это мало, но если мы сможем выставить тебя в пятницу, потому тебя будет неделя свободного времени до финальных игр. Как ты себя чувствуешь? Очень устал?

— Нет. Я чувствую себя превосходно.

Патрик Шеперд приподнялся и сел в кровати. Глаза широко раскрыты. Сердце колотится в груди. Мокрая от пота футболка прилипла к спине. В душе нарастало беспокойство. Сквозь тьму палаты он разглядел табличку с надписью «Выход», и ему сразу стало легче.

Он сунул руку в верхний ящик тумбочки в поисках почтового конверта и достал обгорелую с краев фотографию, снятую поляроидом еще до того, как он вступил в армию. Патрик тогда перешел из низшей лиги в высшую. Снимок делали на фоне бейсбольного стадиона «Фенуэй-парк». Жена держала на руках их двухлетнюю дочь, а Патрик в форме игрока «Ред сокс» стоял у них за спиной и обнимал их обеих.

Внезапно он почувствовал сильнейшую фантомную боль в левой руке. Шеп зажмурился. Боль обрушилась на него гигантским молотом, дробя кости. Все мышцы его тела напряглись.

Дыши! Успокойся...

С трудом обуздав душевную боль, он вернул себе способность дышать. Агония сменилась вполне терпимой ноющей болью.

Патрик опустил голову на подушку. Всякий раз, когда сержант пытался разобраться в обрывках воспоминаний из далекого прошлого, он мысленно возвращался в тот день, когда был ранен.

Серое небо. Ощущение горячего металла в левой руке. Ослепительная вспышка света. Взрыв, заглушающий все звуки. Удар головой обо что-то твердое. Отвратительное ощущение горячей кожи... И темнота...

Шеп открыл глаза. Мотнув головой, он отогнал от себя страх и уставился на фотографию.

Взрыв, без сомнения, был страшным. Мало того, что он лишил Патрика левой руки и проделал брешь в его памяти, взрыв испортил единственную оставшуюся у него фотографию жены, превратив ее лицо в обугленное пятно. Сколько ни старался, Патрик не мог

вспомнить, как выглядела его любимая. В памяти всплывали мимолетные, ничего не значащие образы.

У ветеранов утрата конечностей часто приводит к психологическим травмам и глубокой депрессии. Для Патрика Шеперда потеря левой руки значила мало по сравнению с тоской по жене и дочери. Он помнил о них, но никак не мог вспомнить их лиц. Чувство утраты действовало разрушительно на психику Шепера. Днем это чувство ежеминутно преследовало его. Ночью его мучили кошмары.

Врачи в Германии позволили ему выбрать любой госпиталь в США, но для Патрика Шеперда выбора не существовало. В своих фантазиях он представлял себе, как лежит на койке или принимает процедуры, а его любимые жена и дочь, теперь уже подросток, приходят к нему.

Через задернутые шторы вокруг своей кровати Патрик слышал храп и бормотание своих товарищей по несчастью. На глаза его наворачивались слезы. Он посмотрел на светящуюся красным светом надпись «Выход» и почувствовал себя одиноким и никому не нужным.

Ноябрь

Направленность вносимых поправок противоположна и равнозначна той лжи, что им предшествовала.

«Дейли реконинг»

Блошинный рынок

Тепито, Мехико

17:39

Тепито, расположенный в пригороде исторического центра Мехико, сейчас входит в район Куаутемок,^[13] который кроме самого Тепито состоит из Лагунилья и Перальвилло. На территории этих трех исторических частей города находится один из самых больших в Латинской Америке блошинных рынков. Лагунилья и Перальвилло имеют репутацию мест сосредоточения представителей богемы. Там можно купить футболки с забавными надписями, бижутерию и даже предметы старины. Тепито, который местные жители прозвали Баррио Браво, «крутым районом», приютил черный рынок.

История Тепито восходит к временам расцвета империи ацтеков. Когда-то здесь находился крупный рынок рабов. Когда власти запретили торговать в Тлателолько, жители Тепито организовали свой собственный рынок, на котором можно было свободно продавать краденые товары.

В наши дни здесь сложилась криминогенная обстановка. Порядок здесь поддерживают не полицейские, а члены пятидесяти банд, которые подчиняются наркокартелям. На рынке можно купить поддельную одежду самых известных марок, краденые фотоаппараты и пиратские диски. Подержанные электроприборы выдают за новые. Здесь можно приобрести микроволновую печь, которая «случайно выпала из грузовика», по невероятно низкой цене. Если у вас украдут паспорт, то на Тепито вам его вернут за пять тысяч баксов. Если вам нужны поддельные документы или оружие, идите прямиком на Тепито.

Впрочем, обитатели этих трущоб — глубоко религиозные люди. Почти на каждом углу стоит часовня тому или иному святому.

Предпочтение отдается Санта-Муэрте — Святой Смерти.

Никому доподлинно неизвестно, как возник культ этого женского воплощения Мрачного Жнеца. Историки считают, что начало культ Санта-Муэрте берет от Миктлансиуатль.^[14] Ее скелет, как считают верующие, принадлежал Деве Марии. Католическая церковь отлучала приверженцев этого культа, и до 2001 года они подвергались уголовному преследованию. После этого в Тепито воздвигли еще два десятка алтарей в честь Санта-Муэрте. Растущее число почитателей «костлявой девы» свидетельствует о том, что религиозность присуща не только праведникам.

Для бандитов и наркоторговцев Мексики образ Santisima Muerte невероятно притягателен. Заключенные в тюрьме молят ее о защите от произвола, чинимого сокамерниками. Бедные, больные и угнетенные мексиканцы просят ее избавить от напастей, веря, что перед Санта-Муэрте все равны.

Находятся и такие, что молят ее забрать к себе их врагов.

Такси ехало на север по проспекту Пасео-де-ла-Реформа. Водитель то и дело поглядывал в зеркало заднего вида на пассажирку.

Золотой крестик и больше никаких украшений. Простенькая сумочка. Одежда тоже неброская. Американка, беременная. Обручальное кольцо, должно быть, в сумке.

На губах таксиста расцвела неискренняя улыбка.

— Сеньорита! Вы прежде бывали на Mercado de Tepito?^[15]

Женщина с отсутствующим видом глядела в окно. Ладонью правой руки она слегка поглаживала выпуклый живот, а левой играла прядью своих рыжих волос.

— Я люблю тебя, Мэри. Я хочу быть с тобой во время родов. Я хочу, чтобы мы стали семьей. Выходи за меня замуж, Мэри, и ты сделаешь меня самым счастливым человеком на свете.

Если предложение руки и сердца, сделанное Эндрю Брадоски, было благословением небес, то обручальное кольцо с бриллиантом в два карата могло показаться глазурью на свадебном торте. Она витала в облаках, потому что могла думать только о приготовлениях к свадьбе, запланированной на декабрь.

У Эндрю нашлись возражения:

— Мэри! Дорогая! Не стоит планировать свадьбу на декабрь. Это слишком рано... Надо разослать приглашения, арендовать зал для банкета... Будет миллион разных дел... По-моему, лучше подождать до июня. Ребенок родится, ты восстановишь форму. Я найму специалиста по организации свадеб, так что ничто не будет отвлекать тебя от завершения работы над «Косой».

Сентиментальность Эндрю тронула ее до глубины души. Он прав. Как она сможет подготовиться к самому счастливому дню в своей жизни, когда голова будет занята генетическими секретами «черной смерти»? И Мэри Клипот полностью отдалась работе, планируя закончить ее за неделю до рождения маленького Исусика. После Рождества она намеревалась взять отпуск на полгода, заботиться о малыше и заняться организацией свадьбы. Еще никогда прежде она не чувствовала себя такой счастливой... такой живой...

Через несколько недель ее начали терзать сомнения.

Кольцо с бриллиантом стоило, должно быть, очень дорого. Эндрю не мог позволить себе такого безумства, но Мэри объяснила приобретение кольца сентиментальной блажью, а покупку новых костюмов и плазменного телевизора — намерением Эндрю продать свою квартиру в кондоминиуме и переехать к Мэри, в ее перестроенный сельский домик. (На переживающем спад рынке недвижимости это недавно вошло в моду.) А потом появился новый «мустанг» с откидным верхом. Эндрю объяснил это тем, что закончился гарантийный срок у его прежней машины, а новую он приобрел с большой скидкой. Но Мэри сама связалась с продавцом и узнала, что жених расплатился за «мустанг» наличными... Еще один красный флажок тревоги взметнулся вверх...

Откуда у него эти деньги? Возможно ли, чтобы маленький Исусик рос под одной крышей с мужчиной, в котором она не уверена?

Мэри познакомилась с Розарио Мартинес в гимнастическом зале. Женщины иногда вместе тренировались. Любопытство доктора Клипот вызвали татуировки в виде скелета в женской одежде, которые покрывали руки и спину мексиканки. В области лопатки у Розарио виднелся старый заживший шрам...

— Святая Смерть заботится обо мне, — как-то сказала она Мэри. — Еще молоденькой девчонкой я попала на торговле кокаином. Судья приговорил меня к семи годам в тюрьме строгого

режима муниципалитета Альмолойя-де-Хуарес. Моя сокамерница нарисовала на стене изображение «костлявой девы». У многих в тюрьме были татуировки Санта-Муэрте. Соккерница сказала мне, что «костлявая дева» присматривает за своей паствой, особенно благосклонно она относится к женским молитвам. Однажды две преступницы напали на меня в душе. Одна ударила меня по шее, другая пырнула ножом в спину. Лезвие попало как раз в татуировку Санта-Муэрте. Я пролежала в коме две недели. Врач сказал, что я выжила чудом. Но я ничуть этому не удивилась. Санта-Муэрте приходила ко мне во сне. Я знаю, это она спасла мне жизнь. Помню, как она, одетая в красное сатиновое платье, стояла у изголовья. Ее волосы были чернее ночи. Я пообещала ей, что если выживу, то в корне изменю свою жизнь. Так и случилось. Я обязана ей жизнью.

— Я предпочла бы умереть, чем молиться Сатане.

— Санта-Муэрте — не Сатана. Я хожу в церковь и верю в христианского Бога также, как и ты. Все мы рано или поздно умрем, но я хочу умереть без боли и в урочный час. В прошлом я совершала поступки, за которые мне теперь стыдно. Святая Смерть простила мне мои грехи и теперь заботится обо мне. Послушай меня. Если однажды тебе понадобится помощь... Если однажды у тебя возникнут сомнения насчет твоего мужчины, то в Мехико, в квартале Тепито, ты найдешь ответы на свои вопросы. Первого числа каждого месяца люди устраивают праздник в честь «костлявой девы». Тысячи людей стекаются туда попросить у Санта-Муэрте благословения. Отправляйся туда и попроси у нее помощи. Если ты хочешь денег, она принесет тебе богатство. Если ты в опасности, она защитит тебя от недоброжелателей. Если ты боишься, что твой мужчина тебя бросит, помолись ей, если он предал, Санта-Муэрте накажет его.

На землю опустилась ночь. Такси съехало с проспекта Пасео-де-ла-Реформа на ведущую в Тепико Калле-Матамороса. Ехать становилось все труднее. Местные жители разгуливали по проезжей части, словно по тротуару. Молодой мексиканец напугал ее, когда постучал в стекло возле ее уха. В руке он держал пакетик с марихуаной. Мэри отрицательно покачала головой, но он настойчиво стучал, пока такси не тронулось с места.

Таксист посмотрел на американку в зеркало заднего вида.

— Тепито — небезопасное место, сеньорита. Скажите, что вы ищете, и я отвезу вас туда.

Мэри развернула бумажку, которую ей дала мексиканская знакомая, и прочитала адрес:

— Улица Альфарерия, дом номер двенадцать.

Глаза таксиста от удивления округлились.

— Вы здесь для того, чтобы увидеть «костлявую деву»?!

Мужчина перекрестился и, когда дорога освободилась, поехал вперед, больше ни о чем не спрашивая.

Проехав с полмили, такси остановилось.

— Тут не проехать, сеньорита. Они перегородили улицу Альфарерия. Вам придется добираться пешком.

Расплатившись с таксистом, Мэри схватила свою сумку и присоединилась к толпе смуглолицых людей, идущих в одном направлении. Многие несли куклы Санта-Муэрте — четырехфутовые скелеты в длинных париках и пестрых платьях. Белый цвет означал защиту, красный — страсть, желтый — деньги, а черный — смерть врага.

Впереди играла группа уличных музыкантов-марьячи.

Здание под номером двенадцать по улице Альфарерия оказалось многоквартирным домом из коричневого кирпича. Цоколь покрашен в белый цвет. Напротив — прачечная самообслуживания. На первом этаже здания находился магазинчик, который верующие превратили в храм Святой Смерти. В маленькой витрине стояла кукла в натуральную величину, олицетворявшая Санта-Муэрте в белом подвенечном платье.

Следуя за толпой, Мэри продвигалась к храму. Дорогу устлали свежие цветы. На земле горели несколько сотен свечей. Верующие со свечами в руках опускались на колени перед храмом, терли себя воском, а потом зажигали их. Никто не приходил сюда с пустыми руками. Приносили сигареты, алкогольные напитки, конфеты и яблоки. Один из владельцев магазина-храма раскурил сигару и пустил струю табачного дыма со спины выставленной в витрине куклы.

Мэри подошла поближе. Люди с любопытством уставились на нее. Женщина решила, что местных жителей удивляет присутствие в их среде американки. Послышался шепот. Мэри уловила знакомые слова.

«*Pelirrojo*? ^[16] *Rojor* означает красный... Они уставились на мои волосы».

Женщина подождала, пока мексиканская семья закончит молиться и опустилась на колени перед витриной с манекеном женского воплощения Мрачного Жнеца. Длинные волнистые волосы на черепе имели тот же рыжий оттенок, что и волосы самой Мэри Клипот.

Из сумочки она извлекла несколько сотенных купюр и протянула их низкорослой дородной мексиканке, одна прядь черных волос которой была обесцвечена, отчего превратилась в так называемый хвостик скунса.

— У меня есть вопрос к святой. Как мне его задать?

— Идите за мной, сеньорита.

Энрикето Ромеро провела ее в заднюю комнату своего «магазинчика».

— Вы американка? — спросила она.

— Да.

— Вижу, вы проделали долгий путь, чтобы оказаться здесь, в самом святом из всех святых мест. Цвет ваших волос такой же, как и у «костлявой девы» сегодня вечером. Это неспроста. Перед вами сложный выбор. Я права?

— Я сомневаюсь в моем мужчине. Меня уже бросали прежде, и я не хочу...

— ...Быть брошенной еще раз, — закончила за нее мексиканка. — Святая Смерть поможет вам. Купите ее статую. Вместе со статуей вы получите шнурок, завязанный на семь узлов. Покройте шнурок семенем вашего мужчины, а затем наденьте его на шею «костлявой деве» и в течение девяти ночей произносите перед статуей эякуляторную молитву. После этого святая откроет вам, каковы истинные намерения вашего мужчины.

— А если он лжет мне? — спросила Мэри.

— Тогда святая будет его ждать... в аду.

Джонсон-стрит, 176

Бруклин, Нью-Йорк

20:12

Здание было возведено в 1929 году. Восемь этажей. Шестьдесят четыре тысячи квадратных футов площади. Когда-то здесь

размещалась фабрика по производству детских игрушек. Компания прославилась тем, что первой выпустила на рынок игру «Футбол». В наши дни лофты^[17] дома «Игрушечная фабрика» славятся потолками высотой одиннадцать футов и окнами от стены до стены восемь футов высотой.

Дуглас Нельсон неохотно плелся за женой и управляющим зданием по коридору четвертого этажа. Нужная дверь оказалась последней справа.

— Удивительно, что владелец дома не выбросил вещи задолжавшего квартирную плату солдата, — мрачно пошутил он.

Джо Эдди Браун, которого обитатели дома в шутку прозвали Коричневым Человеком, перебирал связку ключей и не мог найти нужный.

— Большинство квартир в этом доме — кондоминиумы, — объяснил он. — Мистер Шеперд выкупил свою еще в 2001 году.

— А что его бывшая жена? Она здесь появляется?

Браун помедлил, примеряясь, пока не вставил нужный ключ в замочную скважину. Затем он почесал сухонькой рукой по гладко выбритому подбородку.

— Я давно уже не видал его миссис. А жаль! Ладная бабенка была, что ни говори. В любом случае, я всегда говорил: «Лучше любить и потерять, чем не любить вообще».

— Это слова Теннисона, — сказал Дуглас. — Этот человек большую часть жизни бедствовал, а жизнь закончил в доме престарелых.

Ли бросила на мужа убийственный взгляд.

Квартира как для лофта оказалась маленькой, всего 600 квадратных футов жилой площади.^[18] Кроме этого, здесь были ванная, несколько встроенных шкафов для одежды и современная кухня, выходящая окнами на Вильямсбургский мост. Односпальная кровать размером полтора на два метра стояла в одном углу, а матрас лежал на полу в другом. Одежда и простыни валялись в беспорядке. На стенах ни фотографий, ни картин — ничего. Создавалось впечатление, что живший здесь человек никогда не считал эту квартиру своим настоящим домом.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Браун. — Здесь не на что смотреть. Мистер Шеперд предпочитал проводить время вне стен

своей квартиры. Целыми днями он шатался по улицам, а домой возвращался поздно ночью. Я несколько раз видел его пьяным вдрызг. Обычно мы не миримся с подобным поведением в нашем доме, но мистер Шеперд как-никак герой войны... Если он захочет вернуться и жить...

— Мистер Шеперд даже не помнит, что у него есть квартира, — прервала управляющего Ли. — Я пришла сюда только потому, что нашла этот адрес в его деле.

— А я здесь только потому, что жена потащила меня сюда в субботу вечером, — вставил Дуглас и храбро встретил рассерженный взгляд Ли.

— Еще десять минут, Дуглас. Не будь эгоистом.

— Это я-то эгоист?

Мужчина взял с журнального столика старый номер «Спортс иллюстрейтед».

— Скажешь, когда закончишь. Я в ванную.

Управляющий подошел к зеркальной стене и стукнул двумя пальцами у края зеркала. Магнитный замок открылся, и Браун толкнул дверь, за которой обнаружился встроенный в стену платяной шкаф.

На плечиках висело несколько рубашек с воротничками и мундир морского пехотинца. Внизу лежали кипы грязного белья и одежды. Запахло потом и пролитым алкоголем.

Сбоку она заметила гору картонных коробок.

— Мистер Браун! Мне понадобится несколько минут, чтобы спокойно все осмотреть.

— Хорошо. Только, когда будете уходить, прикройте дверь. Я потом закрою ее на замок.

— Спасибо.

Ли Нельсон подождала, пока за управляющим закроется дверь. В верхних картонных коробках она обнаружила бейсбольный инвентарь и форму: шиповки с пятнами от травы, тренировочные свитера, ворох совершенно новых футболок с надписью «БОСТОНСКИЙ ДУШИТЕЛЬ» поперек груди... Она пересмотрела содержимое еще трех коробок, прежде чем обнаружила солдатский сундучок под кучей курток.

Опустившись на пол на одно колено, Ли Нельсон открыла стальные защелки и подняла крышку.

Из давно не открывавшегося ящика повеяло спертым воздухом и давно забытыми воспоминаниями. Она вытащила из солдатского сундучка женскую розовую спортивную куртку с капюшоном и логотипом университета Ратджерса, одежду годовалого ребенка, форму игрока «Нью-Йорк янкиз», затем большую по размеру футболку «Бостон ред сокс». Три университетских учебника по европейской литературе со множеством пометок и подчеркиваний. Почерк — округлый, разборчивый, явно женский. Ли тщетно искала имя владелицы учебников, но вместо него нашла фотографию в рамке. Снимок был сделан на фоне университетского общежития.

Девушке едва ли за двадцать. Красивая, как модель. На голове — роскошная шевелюра длинных волнистых светлых волос. Парень обнимал блондинку сзади. По-юношески красив. Улыбка — излишне дерзкая, но приятная. Ли с любопытством рассматривала лицо юного Патрика Шеперда.

«Посмотри на себя! С помощью мяча ты завоевал мир, а потом отказался от всего ради путешествия в ад».

— Ли! Тебе надо на это взглянуть.

С фотографией в руке женщина пошла в ванную комнату.

Дуглас указал пальцем на висящую там аптечку:

— Я предупреждал тебя, что у этого парня серьезные проблемы.

К зеркальной дверце скотчем была прилеплена пожелтевшая от времени записка.

ЩЕП!

**ГОЛОС, УБЕЖДАЮЩИЙ ТЕБЯ УБИТЬ СЕБЯ,
ПРИНАДЛЕЖИТ САТАНЕ. САМОУБИЙСТВО — СМЕРТНЫЙ
ГРЕХ.**

**РАДИ ВАЩЕЙ СЕМЬИ СМИРИСЬ И ПРИМИ СВОЕ
НАКАЗАНИЕ. ЖИВИ РАДИ НИХ.**

«У него куда больше проблем, чем я думала...»

Доктор Нельсон открыла дверцу аптечки.

— Амоксапин... Торазин... Халдол... Трифлуоперазин... Триавил... Мобан... В этой аптечке столько антидепрессантов и транквилизаторов, что хватит на весь дом.

— Похоже, твой пациент был предрасположен к самоубийству задолго до того, как потерял руку. Держу пари, что он держит заряженный пистолет под подушкой.

Дуглас пошел в спальню и стащил плоскую, словно блин, подушку с кровати.

— А это что?

— Нашел пистолет? — спросила Ли.

— Нет, но...

Муж поднял книгу в кожаном переплете — «Божественная комедия» Данте.

«Рейндж ровер» катил на запад по 34-й улице. Дуглас рассчитывал добраться в Нью-Джерси через тоннель Линкольна.

— Ты хочешь знать, почему я злюсь? — наконец произнес он. — Ты проводишь больше времени с этим пациентом, чем со своей семьей.

— Это неправда.

— Почему с ним, Ли? Что особенного в этом ветеране? Это из-за того, что раньше он играл в бейсбол?

— Нет, — ответила доктор Нельсон.

— Тогда почему?

— Я не знаю.

Женщина выглянула в окно, стараясь не вдыхать угарный газ, которым был наполнен воздух тоннеля.

— Сначала я боялась, что он может снова покончить жизнь самоубийством. А потом... потом я поняла, как он скучает по своей жене. Боюсь, он слишком торопит события...

— Томас Стансбери номер два, — хмыкнул Дуглас. — Ли, мы уже проходили это... и не раз... У него были ночные кошмары. Ты ничем не смогла бы ему помочь.

— Томас ушел от жены, а потом совершил суицид. Это я выписала его из госпиталя.

«Рейндж ровер» выехал из тоннеля в ночь, под звездное небо Нью-Джерси.

Муж молчал, обдумывая, что ответить.

— Пригласи его к нам на обед.

— Кого? Шепа? Зачем?

— Рано или поздно вам придется его выписать, — сказал Дуглас. — Я думаю, что немного обычной жизни ему не помешает. Мы угостим твоего пациента домашней кухней. Если он захочет, то сможет поиграть с детьми. Кстати, а как насчет твоей сестры? Давай пригласим ее на обед.

— Мою сестру?

— А почему бы нет? Я не предлагаю свидания вслепую. Просто общество твоей сестры будет ему приятно. К тому же, ты и сама знаешь, как несладко Бриджитте в последнее время.

— Неудивительно. Она ведь разводится, а не...

— Вот именно, — воскликнул Дуглас.

— Нет, — возразила ему жена. — Я считаю, что это будет выглядеть немного странно. К тому же Шеп может обидеться. Он до сих пор по уши влюблен в свою жену.

— Тогда скажи, что это семейный обед и посмотрим, что из этого выйдет.

— Хорошо. Я согласна.

— А теперь ответь на вопрос: почему ты проявляешь столько заботы именно об этом пациенте?

Брюнетка склонила голову на плечо мужа.

— Ты когда-нибудь встречал человека, который кажется таким потерянным, который так нуждается в посторонней помощи, но в то же время остается яркой личностью? Да, это выглядит немного странным, но когда общаешься с Шепом, то кажется, что перед тобой умудренный жизнью человек, который сбился с пути и нуждается в твоей помощи. Я просто обязана ему помочь. Это ведь не так глупо?

— Не знаю, как насчет умудренного жизнью человека, но люди, которые подобно Шеперду прошли войну, имеют склонность к саморазрушению. Я знаю, Ли, что ты его лечащий врач, но некоторые люди просто не хотят, чтобы их спасали.

Декабрь

Во время заседаний правительства мы должны быть настороже и не поддаваться нежелательному влиянию военно-промышленного комплекса, как явному, так и скрытому. Разрушительный потенциал этой набирающей вес политической силы трудно переоценить.

Президент Дуайт Д. Эйзенхауэр

Медицинский центр для ветеранов

Нью-Йорк

15:37

Забавно, но он никогда не любил бегать, даже в средней школе, хотя тренер Сигал неукоснительно требовал этого от всех питчеров. Не любил он бегать и в университете Ратджерса. Тогда его невеста играла в хоккей на траве и хотела, чтобы он бегал вместе с ней четыре мили вокруг университетского поля для гольфа. То же самое можно было сказать и о времени, проведенном в низшей лиге.

Почему он вдруг это полюбил?

По радиостанции классики рока передавали «Помоги» «Битлз». Стрелка одометра бегущей дорожки приближалась к отметке «две мили».

Патрик Шеперд полюбил бегать, потому что благодаря физическим нагрузкам он чувствовал себя живым человеком, а любое чувство, которое побеждало его всегдашнее мрачное душевное состояние, только приветствовалось. Патрик полюбил бег: преодолевая трудности, он чувствовал себя не такой развалюхой. Доктор Нельсон говорила, что в его мозгу выделяется «эндорфин счастья». Но больше всего Патрику нравилось то, что во время бега голова его становилась ясной, и он вспоминал многое. Шеп вспомнил, что его невеста заставляла его бегать вместе с ней в университете Ратджерса. Она тоже была спортсменкой...

Песня закончилась. Началась другая. Он не слышал ее доброе десятилетие. Слова, написанные покойным Джимом Моррисоном, открыли дверцу в его душе:

Прежде чем ты забудешься во сне,
Я хотел бы получить еще один поцелуй,
Еще один ускользящий шанс получить
блаженство,
Еще один поцелуй, еще один поцелуй.

Однорукий бегун споткнулся, вовремя ухватившись за опорную планку. Дорожка убежала из-под его ног, и Патрик упал на резиновый коврик.

Дни ослепительны и наполнены болью.
Окружи меня своим нежным дождем.
Ты сбежала в самое сумасшедшее время,
Но мы еще встретимся, мы еще встретимся.

Мужчина перевернулся на спину. Из носа бежала кровь. У него кружилась голова. Шеп прислонился к стене и дослушал песню «Дорз» до конца. Сложенные из шлакоблоков стены госпитального спортзала были окрашены в тот же цвет, что и комната в общежитии его невесты.

Он сидел в студенческом общежитии на полу, прислонившись спиной к стене. Из магнитофона без усилителя слышалась песня «Хрустальный корабль». Блондинка в грязной форме игрока университетской команды по хоккею на траве пристально смотрела на него. Из-за слез ее зеленоватые глаза казались голубыми.

— Ты уверена?

— Перестань задавать мне один и тот же вопрос. Если ты еще раз спросишь меня об этом, Патрик, я всуну тебе тест-полоску поглубже в одно место, и мы посмотрим, беременный ты или нет.

— Ладно... ладно... Не впадай в панику. Когда это случилось?

— Я не знаю... Месяц, может, второй пошел...

— Тебе следовало бы быть осторожнее, — сказал Патрик.

— Это тебе надо было быть осторожнее, мистер Все-Будет-Хорошо-У-Тебя-Еще-Восемь-Безопасных-Дней-Вперед. Боже мой! Папа меня убьет, когда узнает...

— А это идея! Давай не будем ему говорить. Мы поедem в клинику, там тебе сделают то, что должны сделать, и больше мы не будем рисковать и заниматься этим без противозачаточных таблеток.

Девушка запустила парню в лицо защитный щиток на голень, угодив прямо в нос. Брызнула кровь.

— Во-первых, аборт стоит денег, а их ни у тебя, ни у меня сейчас нет. Во-вторых, в моем животе растет ребенок... наш ребенок. Я думала, что ты поведешь себя иначе. Я думала, что ты считаешь меня своим самым близким и родным человеком.

— Я тебя очень люблю... А как же насчет наших планов? Ты хотела учиться дальше, а мне надо отыграть еще два года за университетскую команду, прежде чем я могу надеяться закрепиться в профессиональном бейсболе.

— Я смогу окончить университет, — заявила девушка.

— Тебя лишат стипендии.

— Я возьму академический отпуск на год с сохранением стипендии.

— Хорошо... Конечно... Но ты сама-то готова рожать?

— Не знаю.

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась, не в силах сдержаться.

Патрик находился в крайней степени растерянности. Он никогда прежде не видел ее рыдающей. Взяв девушку за руку, парень потянул ее вниз и усадил себе на колени, словно маленькую девочку.

«Хрустальный корабль» закончился. Вместо него, словно в насмешку, зазвучало «Ты не всегда можешь получить то, что хочешь». И в этот миг предельной ясности решение пришло само собой. В одночасье юность кончилась и настала пора взрослой жизни.

— О'кей... Есть и другой вариант. Ты продолжишь учебу, а я в следующем месяце попытаюсь заключить контракт. Агента у меня не будет, следовательно, я не потеряю статус любителя. Если это выгорит, полученных денег хватит на памперсы. Если нет, то я закончу третий курс и буду подрабатывать по ночам. Как тебе мой план?

Девушка перестала плакать и повернула к парню мокрое от слез лицо.

— Ты на самом деле так поступишь?

— При одном условии... Мы поженимся.

— Это были «Дорз» на вашей любимой радиостанции классического рока. Сейчас три часа сорок пять минут дня. После перерыва мы представим композицию «Бич бойз»...

Радио смолкло.

— Шеп! С тобой как? Нормально?

Патрик взглянул в лицо доктору Нельсон. Из носа капала кровь.

— Я никогда прежде не любил бегать.

— Я говорила тебе не бегать так много, — сказала Ли. — Твоя походка еще неровная. Надо дождаться протеза. Тогда почувствуешь себя гораздо увереннее.

— В каком году мне его ожидать? — съязвил Патрик.

— Честно говоря, и сама не знаю. Как насчет сегодняшнего вечера? Не передумал?

— Это точно не свидание вслепую?

— Нет... Просто семейный ужин. Но тебе понравится моя сестра. Она не из тех, кто лезет за словом в карман.

Ли открыла кожаную сумочку, висевшую у нее через плечо.

— Шеп! У меня есть одна... вещь, которая принадлежит тебе. Я покажу ее. Может, так ты вспомнишь имя своей жены. Но... я не хочу, чтобы ты расстраивался. Ты готов?

— А что это такое?

— А ты знаешь?

Ли Нельсон вытащила из сумки книгу в кожаном переплете.

Патрик вздрогнул, уставившись на «гостя» из своей прошлой жизни.

— «Божественная комедия» Данте. Моя жена купила мне эту книгу, когда мы учились в университете Ратджерса. Это была ее любимая книга. Где ты ее взяла?

— В твоей бруклинской квартире, — ответила Ли.

— А у меня есть квартира в Бруклине?

— Да, но ты не бывал там со времени последней отправки в Ирак. Шеп! Расскажи мне о книге. Что в ней такого особенного, что ты хранил ее под подушкой?

Патрик Шеперд помрачнел.

— Она любила эту книгу, поэтому я и отношусь к ней по-особенному.

— Но ты ведь не помнишь имени своей жены?

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Я почти-почти вспомнил...

— Она написала кое-что на титульной странице. Прочти. Может, вспомнишь.

Дрожащей рукой Патрик раскрыл книгу и прочел на форзаце:

ЗА ТУ ЖЕРТВУ, КОТОРУЮ ТЫ ПРИНЕС РАДИ НАШЕЙ СЕМЬИ.

МОЕЙ РОДСТВЕННОЙ ДУЩЕ И ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБВИ НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ.

Патрик зажмурился и прижал книгу к груди.

— Беатриса. Мою жену зовут Беатриса.

Овальный кабинет Белого дома

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Президент Эрик Когело отвел взгляд от стола. В Овальный кабинет вошел пожилой человек, советами которого он так дорожил.

— Садитесь, — предложил ему хозяин Белого дома. — Я освобожусь через минутку.

Президент, как обычно, разрывался между несколькими делами, точнее двумя делами. Слушая по телефону доклад председателя Объединенного комитета начальников штабов, Когело набирал на «блэкбэри» текстовое сообщение для первой леди.

Хорошо скрывая презрение, пожилой человек с белоснежными волосами и глазами навывкате осмотрел Овальный кабинет.

«Кресло власти. Кабинет самого могущественного человека на планете. Люди до сих пор верят этому. Америка сейчас похожа на шахматную доску. Президент представляет собой короля, свобода действий которого ограничена и не намного превосходит возможности простой пешки. Впрочем, шахматные фигуры не обладают настоящей властью. Вся она сосредоточена у невидимых шахматистов, ведущих закулисную игру, непонятную простым смертным. ЦРУ осуществляет негласный контроль за всеми главными телевизионными и радиовещательными станциями в стране, влияет на издателей печатной продукции. Фармацевтические и страховые компании управляют медициной, а нефтедобытчики

монополизировали энергетический сектор экономики. Впрочем, все это несерьезно. Миром правит военно-промышленный комплекс. Шупальца этого темного короля заползают в бумажники политиков, проникают во все уголки Уолл-стрит. Именно военно-промышленный комплекс стоит за искусно спровоцированными революциями, террористическими актами и внезапно начавшимися войнами».

Человек глянул на написанный масляными красками портрет Кеннеди.

«Эйзенхауэр предупреждал Кеннеди о чрезмерной свободе действий, предоставляемой им ЦРУ. То же касалось военно-промышленного комплекса. Кеннеди вознамерился сломать хребет Центральному разведывательному управлению, а „его останки развеять по ветру“. Через месяц президента убили, показав, кто обладает настоящей властью. Демократия изжила себя. Свобода — лишь удобная иллюзия, с ее помощью легко держать массы в повиновении».

Президент Когело сунул «блэкбэрри» в карман пиджака и повернулся к гостю.

— Прошу прощения, что вызвал вас сюда, но дело не терпит отлагательств. Надо кое-что утрясти перед моим отлетом в Нью-Йорк.

— Подозреваю, что дело непосредственно касается меня?

Президент Когело откинулся на спинку своего кресла.

— Через три часа министр обороны подаст в отставку, — сказал он.

— Seriously?

— Он не оставил мне выбора, — заявил президент. — Я не потерплю, чтобы члены моей администрации бросали словесные бомбы на круглый стол международных переговоров.

— Насколько я знаю, его замечания небеспочвенны. Без согласия Китая русские ни за что не продали бы Тегерану межконтинентальные баллистические ракеты.

— Возможно и так, но пожар надо тушить, а не подливать в него бензин.

— Вы собираетесь сделать меня министром обороны?

— У вас большой опыт, к тому же вы имеете друзей во всех лагерях. Ситуация в Персидском заливе развивается так стремительно,

что мы не имеем права медлить с назначением нового министра обороны. Что скажете?

Советник президента США по национальной безопасности Бертран де Борн расплылся в улыбке чеширского кота.

— Мистер президент, это большая честь для меня.

Хобокен, Нью-Джерси

17:18

— А знаете ли вы, Шеперд, что в Хобокене состоялся первый в истории бейсбольный матч?

Патрик вперил взгляд в тарелку со спагетти, которые узором напоминали картины Джексона Поллока.^[19] Он заметно нервничал и старался не встречаться глазами с мужем Ли Нельсон и ее младшей сестрой Бриджиттой, не столь деликатной, как Ли, женщиной.

— Елисейские Поля. Тысяча восемьсот сорок шестой год. «Нью-Йорк никербокерс» против «Нью-Йорк найн». Мы — давние поклонники бейсбола. Ты ведь любишь бейсбол, Бридж?

— По правде говоря, я предпочитаю хоккей, — произнесла Бриджитта Дим с набитым брокколи ртом. Она допила то, что оставалось от третьего стакана вина, и повернулась к Патрику.

— Когда-то я любила хоккей. Мой бывший покупал мне и моей подруге сезонные абонементы на все игры «Рейнджерс». Потом я узнала, что в мое отсутствие он развлекался со своей секретаршей прямо в нашей квартире.

Ли закатила глаза.

— Бридж! К чему вспоминать о таком?

— Я только что вспомнил один анекдот, — с мальчишеской улыбкой вмешался в разговор Дуглас. — Шеперд! Вы слышали шутку о жене, которая обиделась на мужа за то, что он не купил ей подарок на день рождения? В ответ муж сказал: «Зачем впустую тратить на тебя деньги? В прошлом году я купил тебе участок на кладбище, а ты до сих пор не воспользовалась моим подарком?»

Патрик кашлянул, пряча усмешку.

Ли толкнула мужа локтем.

— И все-то для тебя шуточки.

— Ну и что такого?! Я просто решил поднять всем настроение. Бриджит ведь не обиделась. Я прав, Бриджит?

— Конечно, Дуглас. Я давно знаю, что мужчины лишены чувства такта. Ты в очередной раз подтвердил эту истину. — Повернувшись к Патрику, она сказала: — Барри когда-то говорил мне, что я самый близкий человек в его жизни. Можно долгие годы жить с человеком и не догадываться, что он вытворяет за твоей спиной...

Сердце Патрика пронзила резкая сильная боль, словно острый стилет. Мужчина зажмурился.

Кровь отхлынула от лица Ли.

— Бриджит! Помоги мне помыть посуду.

— Я еще не доела.

Левую руку жгло адским огнем. Ее словно окунули в лаву. Плоть, сгорая, отваливается от костей руки. Обожженные кислотой пальцы отпадают. Деревянный молоток для игры в крокет бьет его по затылку. Тело конвульсивно подергивается в спазмах боли. Вздох. Это же ад крошечный!

Задняя дверь с грохотом распахнулась, и появился Паркер, семилетний сын Нельсонов. Назойливые взгляды отвлеклись, предоставив Патрика его душевным страданиям.

— Мама! Ты дома? Я соскучился!

— Я тоже по тебе скучала. Тебе понравилось в научном музее?

— Да. Отэм опять опростоволосилась...

Мальчик повернул голову и увидел незнакомца. Удивленные глаза Паркера остановились на пустом левом рукаве Патрика Шеперда.

— Мама! А где его рука?

Плоть отпадала кусками... Сердце сжимали железные тиски... Глаза зажмурены... Всюду тьма...

Из застилающего сознание жара донесся голос:

«Беги отсюда!»

— Дорогой. Все в порядке. Это Патрик...

— Мне в ванную!

Шеперд поднялся так быстро, что мальчик, испугавшись, бросился к маме и крепко обнял ее.

Его отец сначала не нашелся, что сказать, но потом вытянул в нужном направлении руку и отрывисто произнес:

— В холл, а потом налево!

Ноги едва слушались Патрика, в окружении пурпурных сполохов света в густом, словно желе, воздухе он шел с огромнейшим трудом.

Почти утратив способность видеть, он вошел в ванную комнату и склонился над белоснежным умывальником. Пот насквозь пропитал его одежду. Окутанный туманом бледный мужчина с длинными спутанными каштановыми волосами появился в зеркале. Приглушенные голоса из кухни заглушали тихий голос в его голове. Глаза искали записку на зеркале, только ее там не было.

Из этого состояния Патрика вывел девичий голос с сильным латиноамериканским акцентом:

— Ну давай, Отэм! Расскажи отцу, что ты наделала!

— Оставьте меня в покое!

— Я оставляю тебя в покое, если ты никогда больше не будешь убегать от меня.

— София! Пожалуйста!

Девочка, плача, вырвалась из-под опеки латиноамериканки и случайно сбросила со стола тарелку Патрика. Увернувшись от объятий отца, Отэм, громко рыдая, побежала по коридору; затем ее шаги прогрохотали по лестнице, хлопнула дверь ее комнаты наверху.

— Отэм! — крикнула мать девочки. — Вернись! Дуглас...

— Не я, Ли. Сейчас ей нужна ты.

— Я не могу сладить с ней, — громко жаловалась иностранная студентка. — Она не хочет пристегиваться ремнем безопасности. Она убегает от меня. Она — такая непоседа. Я слишком неопытна, чтобы справиться с ней.

— Уже поздно, — сказала Бриджит. — Я, пожалуй, пойду. — Женщина обняла сестру и мысленно поблагодарила Бога за то, что они с мужем так и не обзавелись детьми. — Ужин был просто чудесным, — понизив голос, она добавила. — Хочешь, чтобы я подвезла Патрика в больницу?

— Патрик!

Ли передала Паркера на попечение мужа и поспешила к закрытой двери ванной комнаты.

— Шеп! С тобой все хорошо?

В ответ — молчание. Ее сердце тревожно забилося.

— Шеп! Черт! Открой дверь! Шеп!

Женщина повернула ручку. К ее удивлению, дверь была незаперта. Переведя дух, Ли толкнула дверь, готовая звонить по номеру 911 и в

глубине души проклиная тот день, когда решила пойти на медицинский. Глупо надеяться...

В ванной комнате никого не было.

Ли Нельсон осмотрела оконную раму. Закрыта и заклеена полосками бумаги.

«Щеперд в доме. Надо найти его прежде, чем он...»

Выйдя из ванной комнаты, женщина побежала вверх, перепрыгивая через ступеньки. С безумным видом она осмотрела пустую комнату Паркера, их с Дугласом спальню и ванную комнату второго этажа. В стенном шкафу — никого. Под двуспальной кроватью — тоже никого... лишь мягкая игрушка дочери.

Потом ей в голову пришел худший из родительских кошмаров.

— Отэм!

Медведица ринулась в спальню своего медвежонка.

Ночник с картинкой Доры-Путешественницы на столе дочери освещал двух людей, неподвижно лежащих на кровати.

Подошел Дуглас. Родители молча стояли и смотрели.

Голова Патрика лежала на подушках. Глаза закрыты. Голова Отэм лежала на груди однорукого мужчины.

Обе беспокойные души забылись во сне.

Фредерик, Мэриленд

20:05

Фермерский дом располагался в центре двенадцатиакрового землевладения в сельской местности округа Фредерик. Дом возвели еще в 1887 году — крепкое, солидное строение. Прежние владельцы укрепили фундамент, перекрыли крышу и подновили каменный фасад. К сожалению, трухлявый сарай рядом с домом не подлежал ремонту и годился только на снос, но новой владелице фермы, которая сейчас находилась на шестом месяце беременности, было не до того. Все свое время она посвящала работе и приготовлениям к рождению ребенка.

Банк лишил предыдущих владельцев права выкупа, и Мэри Луиза Клипот после формально проведенных торгов стала владелицей фермы. Место казалось просто идеальным — уединенность гармонично сочеталась с близостью к нескольким торговым центрам. До форта Детрик было всего двадцать минут езды.

Эндрю Брадоски переехал в дом через две недели после того, как сделал ей предложение.

— ...Бертран де Борн вступил в должность исполняющего обязанности министра обороны накануне всемирного саммита на высшем уровне. А теперь слово предоставляется Эвану Дэвидсону, политическому аналитику канала «Фокс-Ньюз». Эван! По вашему мнению, какие последствия будет иметь решение президента Когело уволить предыдущего министра обороны за одиннадцать часов до начала саммита?

Из кухни Мэри пришла с двумя чашками дымящегося какао в руках. Эндрю стоял на коленях перед камином, подкладывая полено в тлеющий в камине огонь. Женщина протянула ему чашку.

— Дорогой! Ну, как он тебе? Горячий?

Эндрю отхлебнул из чашки пару раз и вытер губы тыльной стороной ладони.

— М-м-м... Вкусно, Мэри... Мы еще не закончили наш разговор.

Женщина с трудом опустилась в кресло-качалку. Поясница болела тупой, ноющей болью.

— Я уже говорила тебе, что работа над «Косой» будет завершена в марте, самое позднее в апреле, — сказала она жениху.

— Апрель...

Эндрю помешал угли кочергой. Полено загорелось. Затем мужчина уселся на скамеечку перед камином и посмотрел на женщину.

— Мэри! Время в твоем случае имеет большое значение. К апрелю мы можем быть вовлечены в широкомасштабную войну на территории врага. Возможно, что в ЦРУ кто-то решит заменить нас...

— Эндрю! Ты, кажется, забыл, что ребенок родится через несколько недель.

— Врач говорит, что роды в январе, — возразил мужчина.

— Врач ошибается. Потом я возьму шесть месяцев отпуска и буду заниматься только ребенком.

— Шесть месяцев! Мэри! Будущее свободного мира поставлено на карту!

— Не драматизируй. Впрочем, я шучу. Проект «Коса» будет завершён раньше срока. А теперь допивай какао и сделай мне, пожалуйста, массаж ног.

— Дорогуша, ты меня напугала...

Успокоившись, Эндрю одним залпом допил какао и вытер губы манжетой рубашки.

— Но срок... дол... да...

Мужчина упал на колени, когда онемели и ноги.

— Во... а-а-а...

— Не волнуйся, дорогой, — сказала Мэри, — паралич не распространится на легкие. Надеюсь, я правильно выбрала дозировку. Ты, насколько я помню, говорил мне, что весишь сто восемьдесят два фунта. Ой!.. Дорогой! Я, кажется, забыла, что у тебя астма. Что? Трудно дышать?

Мэри отхлебнула из своей чашки какао.

Она моргнула, когда лоб Эндрю Брадоски коснулся кленового пола комнаты.

Часть вторая

Конец дней

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов. Перевод со старофранцузского.

20 декабря 1347 года

Записано в Авиньоне, Франция

Смерть странствует по свету.

Уже год, как ее тень ползет с востока на запад, распространяясь из Китая по бескрайним степям Азии. Она попала в Персию с монгольскими караванщиками, а оттуда проникла в портовые города Средиземноморья. Крестьяне, бегущие от Великой смерти, рассказывают ужасающие истории об убивающем все живое зловонном дыхании. Одно прикосновение, одна капля зараженной крови, — и болезнь сводит в могилу целую семью. Божья кара — всюду, и нигде нет от нее спасения.

Весть о заразе достигла Европы после того, как полчища татар осадили Кафу.^[20] Завоеватели, должно быть, принесли болезнь с собой, ибо, когда их победа была близка, татары так ослабели, что сняли осаду и ушли в бескрайние степи. Но перед тем они заразили жителей Кафы, перебросив с помощью катапульт мертвые тела своих товарищей через крепостные стены города.

На правах главного врача папы Климента VI я получил задание отслеживать продвижение чумы по христианскому миру.

*Кафа — большой морской порт. Согласно последним сведениям, которыми я обладаю, в конце весны этого года матросы, заразившиеся чумой в Кафе, отплыли на генуэзских купеческих судах в направлении Европы, к Средиземному морю. До Италии они добирались, плывя вдоль побережья, так чтобы не выпускать из виду суши. Остановки в портах при *costeggiare*^[21]. — довольно частое явление. Везде, где побывали*

матросы, они оставили вредоносные миазмы смерти. Один из чумных генуэзских кораблей летом попал в Константинополь. Как и в случае с Кафой, «черная смерть» быстро расползлась по городу. Знакомый венецианский лекарь, с которым я вместе учился в Болонском университете, написал папе, что константинопольские улицы завалены трупами и телами умирающих. Он описал симптомы болезни: лихорадка, жар, кровавый кашель и страшное зловоние, предвещающее смерть. На теле появляются опухоли. Сначала красные, но потом они чернеют. Некоторые язвы размером с яблоко. Каждое утро врач обнаруживал, что еще дюжина его знакомых заболели. Каждый день он хоронил кого-то из своих соседей или членов собственной семьи. Наконец страх и отчаяние вынудили лекаря бежать из Константинополя. Читая описание того, как ужас и отвращение помешали ему похоронить собственного сына, я не сдержал слез.

В конце лета папство знало, что бубонная чума, захватив Персию, распространилась на юге до границ Египта и Леванта, а на севере поразила территорию Польши, Болгарии, Кипра, Греции и Румынии. Проверить эти донесения не представляется возможным, однако все мы вынуждены жить в постоянном страхе перед приближающейся смертью.

15 ноября папа вызвал меня в свои покои, чтобы уведомить, что чума добралась до Сицилии. По сообщению агента Святого престола, монаха-францисканца Микеле да Пьяцца, первые случаи заболевания отмечены после того, как в начале октября к побережью острова пристали двенадцать генуэзских галер. В трюмах лежали дюжины мертвых тел моряков. Те, кто еще оставался жив, пришли в Мессину, заражая всякого, кто встречался им на пути. Вскоре и эти моряки умерли. Монах писал о черных опухлях на шеях и в области подмышек у больных. Несчастные метались в сильнейшей горячке и кашляли кровью. Часто их тошнило. Спазмы бывали ужасными и долгое время не прекращались. Через несколько дней люди умирали в страшных мучениях.

Мой страх за собственную жизнь не уменьшает моего гнева. Эта напасть приближается, а Святой престол занят мелочными дрязгами из-за намерений английского короля наложить лапу на

весь Иберийский полуостров. Не стихают взаимные обвинения между папой Климентом и Римом, откуда папы были изгнаны много лет назад.

Неоспоримым является тот факт, что жадность и жестокость власть имущих ввергли Европу в череду бесконечных войн, которые вот уже несколько десятилетий опустошают христианский мир. Духовный упадок поразили и саму Церковь, отчего многие люди утратили веру. Даже в сельской местности царит голод, вызванный несколькими неурожаями. Погода за последние десятилетия испортилась настолько, что зерно гниет на корню. Я помню, что беды начались давно, еще в те времена, когда я был мальчиком.

Многие люди говорят, что это кара Господня. Я же считаю, что духовное вырождение, жадность, ненависть к ближнему своему, усугубленная узколобым религиозным догматизмом, проложили путь к нашему самоуничтожению.

Даже в папском дворце царит упадок. Всюду пылает пламя междоусобиц. Скитающиеся банды кондотьеров^[22] разоряют деревни, а окруженные крепостными стенами города превратились в выгребные ямы грязи и невежества. Под влиянием фанатиков Святой престол объявил, что купаться — грех. наших мракобесов поддерживает невежественный факультет медицины в парижской Сорбонне. Их выводы обусловлены не столько научными данными, сколько желанием противопоставить себя свободным традициям Рима и Греции, где личная гигиена — одна из главных добродетелей.

Нет никакой добродетели в том, чтобы жить в одном помещении с домашним скотом. Здесь, в Авиньоне, мясники убивают животных прямо на улицах. Кровь и фекалии привлекают рои мух. Всюду снуют крысы. Это бедствие поразило утопающие в грязи Авиньон, Париж и другие города, на которые распространяется влияние Святого престола. То же касается и кишасших паразитами крестьянских жилищ.

Теперь страшное зловоние царит в нашем некогда великом городе. А «черная смерть» приближается к нам.

Да сжалится Господь над нашими душами!

Γειδο^[23].

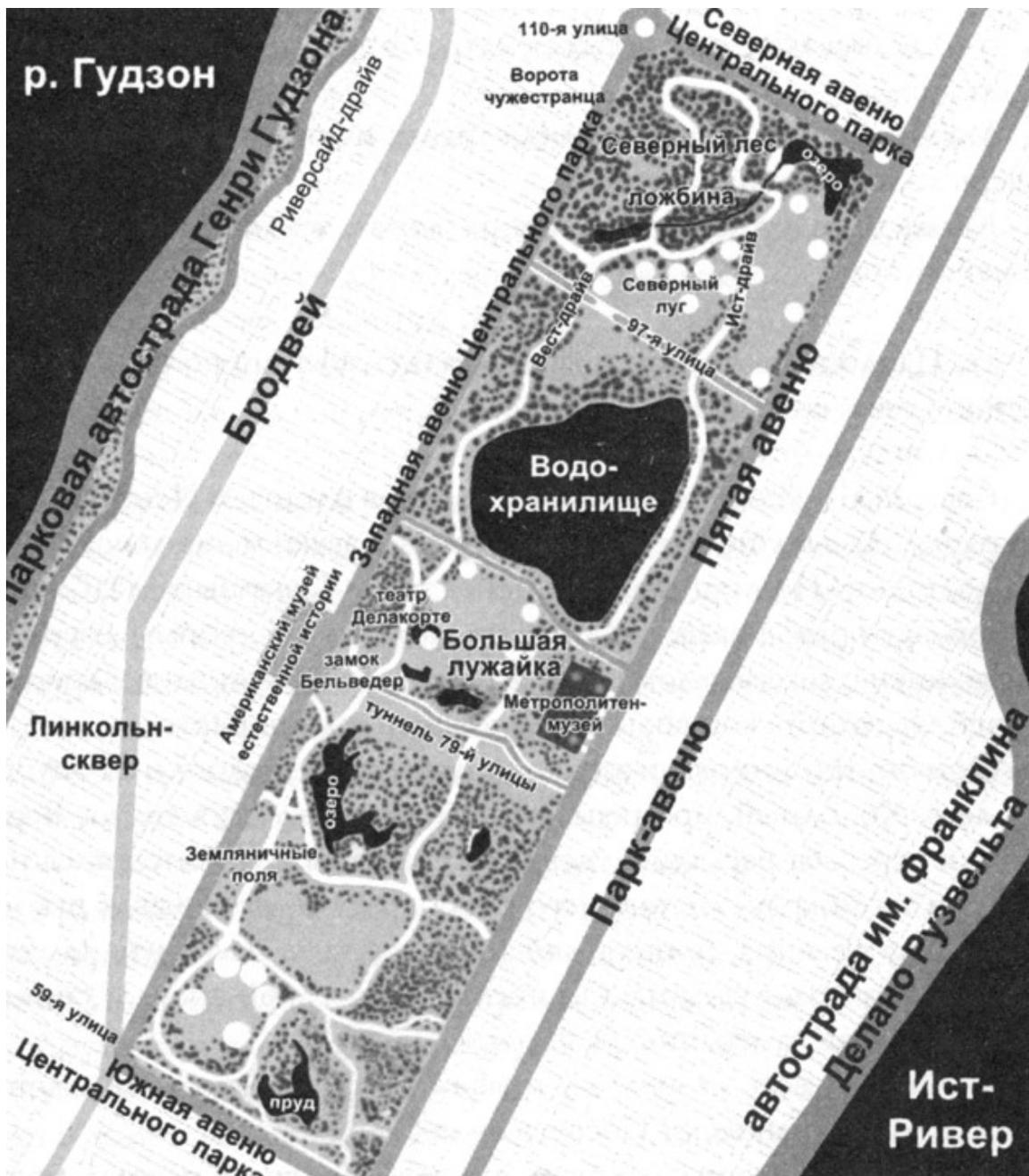
**Война с применением
бактериологического оружия**

Фаза № 1

Заражение

Итак, я добрался до города меньше часа назад,
Огляделся по сторонам, чтобы понять, откуда дует ветер...
Вот юные девушки сидят у голливудских бунгало.
Счастлива ли ты, юная леди из города света?
А может, ты — одна из пропавших ангелов города ночи?
Города ночи... Города ночи... Города ночи...

Группа «Дорз». Мисс Лос-Анжелес

20 декабря

Нью-Йорк

08:19

23 часа 44 минуты до предсказанного конца света
Манхэттен... Островная Мекка, окруженная водой.

Река Гарлем несет свои воды на юг мимо Бронкса. Русло расширяется, перетекая в Ист-Ривер. Течение настолько сильное, что на гребнях волн закипает пена... Четыре узла... никак не меньше...

Чуть дальше на севере раскинулись воды могучего Гудзона, отделяющего Большое Яблоко от северо-восточного побережья штата Нью-Джерси.

От серых вод Нью-Йорка веет холодом. Возможно, туристы и агенты по недвижимости и находят что-то очаровательное в этих реках, но местные жители, регулярно совершающие поездки из пригородов на Манхэттен, не обращают внимания на эти водные препятствия. Благо, мосты и туннели это позволяют.

Но не сегодня.

Зимнее солнце подсветило небо над Манхэттенем едва уловимым золотистым мерцанием. Бесконечная череда мостов и перекрестков замедляет автомобильное движение почти до черепашьего шага. Людей покидает самообладание. Десятки тысяч электронных сообщений отправляются в путешествие по киберпространству. Пар поднимается от канализационных решеток. Островки тепла привлекают бездомных, как пламя ночных бабочек. Протекающие мимо них реки прохожих остаются безучастными к их униженному и оскорбленному положению.

Мороз щипает за мочки ушей. Носы то и дело шмыгают. Выпавший за ночь снег уже превратился в слякотную грязь. Рождественские елки. Праздничная иллюминация. Аромат хот-догов и пирогов с корицей.

Четверг. Скоро Рождество. Приближающийся праздник взбудоражил Манхэттен. Люди, словно сардины в банке, набиваются в вагоны поездов, электричек и метро. Полмиллиона машин превратили магистрали в гигантские автостоянки. Владельцы магазинов и их покупатели. Адвокаты и простые смертные. Родители, везущие детей в школу. Людьюми движут кофеин, мечты и инстинкты выживания, отточенные до совершенства годами обитания в городских джунглях. Два миллиона человек ежедневно приезжают на Манхэттен. Добавьте к этому еще миллион семьсот тысяч человек, которые живут на двадцати восьми квадратных милях острова.

Сто тысяч человек проживают в многоквартирных городских небоскребах — хорошие и плохие, пожилые и молодые, мужчины, женщины и дети, представители всех этнических групп и народов Земли. В этой людской массе, поставленной в противоестественные для нормального человека условия, стирается способность чувствовать

и сопереживать. Человек заражен безразличием. Судьба других людей и человечества в целом перестает его волновать. Ведь не чувствует же себя гонимая метелью снежинка перед кем-то в ответе.

Ньюйоркцы из пригорода заполнили мост Куинсборо. Их машины медленно движутся на запад, словно подопытные крысы по лабиринту. Впрочем, читателям не стоит отвлекаться на машины с местными номерами, обратить внимание нужно на белую «хонду сивик» с вирджинским номером.

Автомобиль женщина взяла напрокат. Будучи ученым, она соблазнам жизни в мегаполисе предпочитала тихие пригороды, но безропотно провела всю ночь за рулем. И все это для того, чтобы быть на Манхэттене прохладным утром в четверг. Обычно люди впадают в крайнюю степень раздражительности, впервые оказавшись в нью-йоркской автомобильной пробке, но лицо тридцативосьмилетней рыжеволосой женщины сохраняло полнейшее спокойствие, проистекающее из внутренней душевной гармонии. Карие глаза без следов косметики покраснели от бессонной ночи. Мэри Луиза Клипот окинула взглядом хмурые лица людей в соседних машинах и решила, что этим людям не хватает уверенности в себе. Неуверенность порождает страх.

Мэри Клипот ничего не боялась и была уверена в своих силах. Вера возвысила ее над другими людьми, поставила выше мирских дрязг и страхов. Она жадно пила из источника своей веры и была убеждена, что идет дорогой, предназначенной ей самим Всевышним, дитя которого она носила в своем чреве.

Конечно, Эндрю хотел убедить ее в обратном. Жених настаивал на том, что он отец ее ребенка. Однако все его доводы рассыпались в прах, когда Мэри узнала, что Эндрю собирается продать «Косу» военным... или разведке США... или какой-то еще держащейся в тени группе влияния, которая ведет свою извращенную игру в геополитике... Он, что — думал, что она настолько глупа? Маленький Иисус — сын Божий. Почему она не помнит полового акта, который, по утверждению Эндрю, был?

Она заставила дьявола предстать во всей красе. Ее жених придумал отвратительную историю о том, как он воспользовался простодушием Мэри во время их отпуска в Канкуне. Похотливый Эндрю подсыпал в

ее ромовый коктейль немного порошка, и в ней проснулись подавляемые до этого половые инстинкты. То, что Мэри ничего не помнит о той дикой ночи звериной страсти, объясняется, по словам Эндрю, тем, что ее подсознание не хочет смириться с ее поведением под действием наркотика.

Грязная ложь дорого обошлась Эндрю. Мэри привязала жениха к центральному столбу, подпирающему стропила сарая, и облила его руки кислотой — от плеч и до кончиков пальцев. Мужчина взвыл от адской боли и лишился чувств. Ветхие, но массивные стены сарая заглушили нечеловеческие крики грешника. К тому же до ближайшего жилища было не меньше полумили.

Убедившись, что Эндрю крепко связан, Мэри терпеливо ждала, пока он очнется. Тогда она ткнула его дулом двенадцатого калибра в голову.

— Дорогой Эндрю! Раскрой свои глазки. У мамы для тебя подарочек.

Выстрел забрызгал кровью, мозгами и осколками черепа всю заднюю стену и стропила наверху. От сильной отдачи правое плечо дернулось назад. Маленький Исусик в животе застучал ножками и дергался добрые десять минут. Она посидела на кормушке, ожидая, пока дитя успокоится. Затем Мэри подожгла сарай, отправив своего жениха в путешествие, из которого никто никогда не возвращался. Женщина задержалась у горящего сарая, желая убедиться, что пожарные не успеют вовремя потушить огонь и старое деревянное строение сгорит до основания. Так и случилось. Затем, перекусив лобстером в «Бенито-гриль», Мэри направилась в свою лабораторию в форте Детрик...

Переданная по радио новость привлекла ее внимание:

«...Мировые лидеры пока не пришли к единому мнению относительно того, как реагировать на иранскую проблему. Сегодня они собираются в Нью-Йорке на чрезвычайную сессию Совета Безопасности ООН. Лидер Ирана намерен выступить с речью перед Генеральной Ассамблеей ООН в девять часов пятнадцать минут. Ответное слово президента Когело назначено на десять тридцать. За ним выступит Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая... А тем временем американский авианосец „Теодор Рузвельт“ спешит на соединение с ударной группой ВМС США „Рональд Рейган“

которая уже дислоцируется в Персидском заливе. Эти действия являются ответом на ставший известным факт продажи девятого августа Ирану русских межконтинентальных баллистических ракет... А теперь перейдем к музыке. С вами — „Новостное радио 77“ из города Нью-Йорка».

Мэри выключила радио. Ее сердце учащенно забилося. «Хонда» съехала с моста Куинсборо на автостраду имени Франклина Делано Рузвельта. Где-то впереди должен находиться комплекс зданий ООН. Сегодня Мэри собиралась преподать власть имущим урок, который они надолго запомнят. Сегодня они поймут значение пятого стиха пятой главы «Евангелия от Матфея»: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Женщина посмотрела на стопку аккуратно сложенных на пассажирском сиденье одеял. Она подавила навязчивое желание отодвинуть этот шерстяной камуфляж в сторону, чтобы еще раз взглянуть на спрятанный под ними металлический чемоданчик, в котором хранился ключ к жемчужным вратам рая.

«Во имя Господа, Мэри. Всевышний будет с тобой тогда, когда тебе потребуется Его помощь. Не думай о грядущей боли. Думай о настоящем...»

Медицинский центр для ветеранов

Манхэттен, Нью-Йорк

Затерявшись в событиях прошлого, Патрик Шеперд видел сон...

Они шли по улицам Багдада. Дэвид Кантор — справа от него, Эрик Лазанья — слева. За тремя «крысоловами» бежали дюжина иракских детей и выпрашивали подаяние.

Дэвид замедлил шаг, позволив детям окружить их.

— Кто-то из вас видел «Моби Дика»? — спросил он у товарищей.

— Я видел, — ответил Лазанья. — Грегори Пек — в роли Ахава. Это классика.

— Помнишь, Ахав приказал своим людям следить за птицами? Он думал, что птицы «подскажут», когда кит выпрыгнет из воды. Местные жители — наши птички. Они обычно настороже и знают, когда ждать неприятностей. Увидишь, что они бегут с улиц, значит, жди беды. С детьми надо держать ухо востро. Фанатики иногда привязывают к их телам бомбы и подсылают к нашим солдатам.

Ясноглазая темноволосая девчушка лет семи улыбнулась Щепу. Он сунул руку в ранец и вытащил сухой паёк. Вид хорошо знакомого пакета вызвал у детей заметное оживление.

— Итак... Посмотрим, что Дядюшка Сэм приготовил для нас сегодня. Как насчет говяжьих ravioli двухдневной давности? Не очень? Не могу сказать, что считаю вас привередами. А это что? «Эм-энд-эмс»!

Дети радостно запрыгали и замахали руками, выкрикивая что-то на фарси.

Щеп распределил содержимое трех пакетиков между детьми поровну. Только улыбчивой семилетней девчушке досталась двойная порция.

Та сунула в рот содержимое ладошки и начала жевать. Шоколадная слюна поползла из уголка ее рта. Щеп смотрел в большие карие глаза девчушки и утонул в них. Говорят, глаза — это зеркало человеческой души. Этой девочке, безусловно, довелось повидать и боль, и горе, но ее глаза не утратили детской невинности.

Лицо девочки расплылось в широкой шоколадной улыбке. Она послала ему воздушный поцелуй и убежала, а Патрик Щеперд вернулся к суровой реальности военных будней.

Морнингсайд-Хайтс

Верхний Вест-Сайд, Манхэттен

08:36

Собор Иоанна Богослова расположен на тринадцати акрах земли к югу от главного кампуса Колумбийского университета. Это самый большой кафедральный собор в мире. Его строительство началось в 1887 году на мысе, над широкими водами Гудзона. Впрочем, строительство этого грандиозного архитектурного памятника не завершено до сих пор.

Остановившись на Амстердам-авеню, Панкай Пател бросил взгляд на освещенный Божий дом. Впрочем, он не почувствовал там присутствия чего-то божественного. Яркая праздничная иллюминация — больше ничего. С момента принятия профессора психиатрии в Общество девяти неизвестных прошло три месяца, но стресс, вызванный встречей с загадочным Старейшиной, еще не изгладился из его памяти.

Пател перевел взгляд на Фонтан мира. В зимнее время года окружающая его лужайка была покрыта снегом. Молча застыли бронзовые животные. На барельефе изображалась эпическая сцена борьбы добра и зла: архангел Михаил обезглавливает Сатану. Рогатая голова дьявола свешивается набок.

«Один день остался до зимнего солнцестояния... до дня мертвых. Если конец дней на самом деле настанет...»

— Папа, пойдём! Я не хочу опоздать к началу праздника.

Профессор посмотрел на свою десятилетнюю дочь Дон. Ее иссиня-черные волосы, заплетенные в две косы, свисали на зимнюю куртку. В темных ангельских глазах застыло смешанное чувство предвкушения и нетерпения.

— Извини. Я, что — снова замечтался?

— Да, папа, — сказала дочь, дергая профессора за руку.

Она потянула Патела к входу в Кафедральную школу. Сюда принимали детей вне зависимости от вероисповедания, от детсадовского возраста до тех, кто ходил в восьмой класс начальной школы.

— Помнишь, я остаюсь сегодня после занятий на музыку? Увидимся вечером.

— Не убегай! — произнес профессор, хватая дочь за руку.

Он опустился на одно колено в снег и заглянул девочке в глаза.

— Помни, что я тебя очень люблю. Ты наш маленький ангелочек... Божий дар...

— Папа! — дочь коснулась рукой в шерстяной перчатке щеки отца. — Ты промочил брюки.

С камнем на душе Панкай Пател наблюдал за тем, как его единственный ребенок спешит к входу, возле которого толпились дети. Смахнув прилипший к правой штанине снег, мужчина направился по Амстердам-авеню к восточному кампусу Колумбийского университета.

Нижний Вест-Сайд, Манхэттен

08:44

Сжимавшие руль руки дрожали. Костяшки побелели, когда пальцы мертвой хваткой вцепились в четки. За десять минут пробка на 1-й авеню не продвинулась ни на дюйм, а на площади Объединенных Наций было полным-полно полицейских.

Глаза Мэри Клипот метнулись от электронных часов на приборной доске к зеркалу заднего вида. На заднем сиденье лежала четырехфутовая кукла в виде скелета, одетая в подвенечное платье и рыжий парик, по цвету гармонирующий с волосами самой Мэри.

— Санта-Муэрте! Я опаздываю. Проведи меня, ангел. Покажи кратчайший путь.

Секунды уплывали в вечность. Два ряда автомобилей слева от белой «хонды» каким-то чудом тронулись с места. Мэри вырулила с правого ряда. Машину чуть повело на островке льда. Женщина свернула на 45-ю улицу, высматривая, где бы припарковать «хонду».

Поток автомобилей полз на запад, пересекая 2-ю авеню. Места для стоянок все были заняты. Даже возле засыпанных снегом бордюров стояли машины. На электронных часах высветилось время: 8:54. Женщина в отчаянии ударила ладонями по рулю. Четки порвались, и бусины посыпались на пол.

«Так не годится. Я заеду далеко от нужного места».

Ребенок потянулся в ее животе. Мэри свернула направо и въехала на 3-ю авеню. Потом снова крутанула руль и выехала на 46-ю улицу. Объехав квартал, «хонда» опять двинулась в восточном направлении, приближаясь к площади Объединенных Наций. Машина миновала 2-ю авеню. Кровь застучала в висках.

«Если я застряну на 1-й авеню, то опоздаю».

Женщина посмотрела в зеркало заднего вида.

— Прошу тебя, Санта-Муэрте! Помоги мне найти место для стоянки.

Переулок слева был настолько узок, что она с трудом проехала по нему. Затем она заметила тупик между двумя высотными зданиями. Мэри решила, что этот проезд предназначен исключительно для разгрузки доставляющих заказы фургонов. Свернув в тупик, «хонда» проехала шестьдесят футов и остановилась у мусорного контейнера.

«Тихо, спокойно, безлюдно, а до ООН — рукой подать. Просто чудесно!»

— Благодарю тебя, Санта-Муэрте! Большое спасибо, мой ангел!

Куда ни глянь, всюду надписи «Парковка запрещена. Автомобили нарушителей отбуксируют на штрафплощадку», но Мэри не волновалась. Она задержится на десять минут... максимум, на

пятнадцать... К тому же Господь направляет ее. Он не оставит ее без своей помощи.

Остановившись перед большим коричневым мусорным контейнером, женщина выключила двигатель.

Пока.

Она отодвинула в сторону шерстяные одеяла. Блеснула крышка металлического чемодана со знаком биологической опасности. Логотип НИИ ИЗА США украшал серебряный полумесяц.

Женщина поставила чемоданчик себе на колени, склонилась над кодовым замком и набрала комбинацию из семи цифр: 1-2-6-6-6-2-1. Затем Мэри открыла две одинаковые, как две капли воды, защелки.

Стальные замки, клацнув, открылись, приведя в действие микросхему, которая послала электронный сигнал к приемнику, расположенному в 245 милях к югу от Манхэттена.

Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии Соединенных Штатов Америки (НИИ ИЗА США) Форт Детрик

Фредерик, Мэриленд

08:56

Лаборатории биологической обороны Научно-исследовательского института инфекционных заболеваний армии США по размерам и качеству оборудования превосходят два других учреждения подобного рода в стране. Здесь проводят опыты с самыми опасными бактериальными культурами. С 2008 года, после расширения, НИИ ИЗА США преобразовали в Национальный аналитический центр биологической обороны (НАЦБО) Теперь он располагался на 160 тысячах квадратных футов земли, подчинялся непосредственно Министерству национальной безопасности и имел финансирование в один миллиард долларов. В лабораториях четвертого уровня бактериологической угрозы на площади в 40 тысяч квадратных футов ученые работали со смертоносными, самыми опасными из известных человечеству микробами.

Кабинет доктора Лидии Гаггон располагался в здании № 1425 Национального межведомственного кампуса биологической обороны (НМКБО), в одном из немногих старых строений на территории НИИ ИЗА США, которое использовали по назначению. Патолог из Онтарио

допивала вторую за утро баночку пепси, наслаждаясь последними мгновениями спокойствия: через минуту ей придется встать и идти на назначенное на девять часов совещание. Она начала читать присланное по электронной почте сообщение от сестры, когда на экране появилась надпись, заблокировавшая Интернет.

**ТРЕВОГА! УТЕЧКА ЧЕТВЕРТОГО УРОВНЯ
БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ.**

Надпись мигала на экране. Лидия Гагنون ввела код грифа секретности из семи цифр, уставилась на экран и стала читать. По мере прочтения ее глаза за увеличительными стеклами очков расширялись от ужаса. Через полминуты она схватила трубку стационарного телефона и набрала трехзначный номер.

— Это Гагنون из межведомственного кампуса. У нас кража четвертого уровня бактериологической угрозы. Повторяю. У нас кража четвертого уровня бактериологической угрозы. Я хочу, чтобы через шесть минут два вертолета с аэромедицинскими карантинными командами были готовы к взлету и ждали нас на площадке. Скажите полковнику Зваве, что я поднимаюсь.

Нижний Ист-Сайд, Манхэттен

08:56

Мэри Клипот открыла металлический чемоданчик. Внутри в гнездах из пеноматериала лежали ингалятор, аэрозольный распылитель и стеклянная пробирка на три унции с прозрачной жидкостью и оранжевой наклейкой, предупреждающей о биологической опасности.

Действуя с завидным хладнокровием, женщина взяла пустой аэрозольный распылитель, отвинтила его крышечку и поставила в гнездо чемоданчика вертикально. Она осторожно взяла стеклянную пробирку, вытащила пробку и вылила унцию прозрачной жидкости в аэрозольный распылитель.

Мэри сделала глубокий вдох, чтобы унять волнение, достала из кармана пальто плексигласовую пробирку с сероватым порошком, генетически модифицированным в ее лаборатории. Она отвинтила конусообразную крышечку с миниатюрной, размером со шляпку

большого гвоздя, мерной ложечкой на конце и, зачерпнув порошок, стряхнула излишек обратно в пробирку. Высыпав содержимое мерной ложечки в аэрозольный распылитель, Мэри Клипот завинтила крышечку и положила пробирку в пустое гнездо в стальном чемоданчике. Плотнo завинтив крышку распылителя, она несколько раз осторожно встряхнула им, перемешивая содержимое, а затем присоединила распылитель к ингалятору и положила его на пенопласт.

Мэри посмотрела на часы: 8:59.

Из сумочки она извлекла конверт с поддельным удостоверением работника ООН. Женщина посмотрела на свою фотографию. Теперь ее звали доктор Богдана Петрова, и она работала в российском посольстве. Настоящая доктор Петрова была микробиологом. Семь лет назад они познакомились на международной конференции в Брюсселе, а полтора месяца назад труп Богданы нашли в мусорном контейнере где-то на окраине Москвы. Убийство списали на неудачное свидание через интернет.

«Они дорого заплатят за все то, что сделали с тобой, Дана. Я spolна расцветаю за всех наших коллег».

Мэри перебросила через голову шнурок, на котором висело поддельное удостоверение, и взяла ингалятор. Сердце бешено колотилось в груди. Руки дрожали.

«Не бойся, Мэри! Ты — избранная. „Коса“ не навредит твоему ребенку. После прививки плацента стала нечувствительной к болезни, но надо побережться. Вознесение грядет».

Глянув в зеркало заднего вида на рыжеволосую куклу женского воплощения Мрачного Жнеца, Мэри прочитала новему^[24] — девятую молитву из цикла молитв Santisima Muerte, заученную из брошюрки, купленной в Мексике два месяца назад.

— Благословенная заступница-смерть! Силою, дарованною тебе Богом, молю тебя избавить меня от всякого зла, болезней и опасностей, а вместо них даруй мне счастье, здоровье, удачу и деньги. Даруй мне много друзей и избавь от врагов моих. Пусть Иисус, отец моего ребенка, явится передо мной, недостойной кроткой овцой Его паствы. Я же исполню волю Его, буду любящей и покорной. Аминь.

Женщина прижала ингалятор к лицу, надавила спусковой крючок и глубоко вдохнула.

Сделано. Мэри Клипот откинула голову назад. Сердце бешено колотилось в груди. Веки нервно подергивались. Адреналин бушевал в крови.

Внутренний голос, приглушенный принятыми накануне лекарствами, теперь торопил ее.

Женщина вышла из машины, резко захлопнула дверцу, закрыла на ключ и только тогда вспомнила, что в металлический чемоданчик встроено предупредительное сигнальное приспособление. При помощи системы дистанционного отпирания дверей Мэри Клипот распахнула дверцу и, схватив чемодан, поспешила по переулку. Снег подтаял, температура воздуха равнялась двадцати семи градусам по Фаренгейту. Мэри захотелось в туалет.

В отчаянии она огляделась. Рядом оказался мусорный контейнер. Она бросила в него чемодан и поспешила прочь. При падении на дно пустого металлического контейнера крышка чемодана со стуком открылась.

Женщина вышла из переулка, свернула налево, направляясь к 46-й улице.

Бубонная Мэри^[25] ускорила шаг... А заразная комбинация токсинов разливалась по ее крови...

Медицинский центр для ветеранов

Манхэттен, Нью-Йорк

09:03

Ли Нельсон сидела за столом с чашкой подогретого в микроволновой печи кофе. Четверг. Утро. Сегодня никаких замечаний от начальства. Ей пришлось пройти четыре квартала, и теперь Ли сидела в помещении, не снимая пальто.

«Холодно — тридцать градусов... на ветру все сорок... А они еще собираются сегодня начать реконструкцию автостоянки для персонала».

Открыв лэптоп, женщина вошла в интернет, проверила свою электронную почту и удалила спам. Глаза задержались на теме сообщения «Поиск пропавших людей», и Ли кликнула по нему.

«Доктор Нельсон!

Спасибо, что обратились к нам за информацией о Беатрисе Шеперд, 30–38 лет, имеющей дочь 14–16 лет. Мы провели поиски в базах данных 5 названных вами штатов, а именно, в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Коннектикуте, Массачусетсе и Пенсильвании.

Найдено два человека, чьи данные соответствуют запросу:

1) миссис Беатриса Шеперд, проживающая на Манхэттене, город Нью-Йорк;

2) миссис Беатриса Шеперд, проживающая в Вайнленде, штат Нью-Джерси.

Также мы нашли 4 миссис Б. Шеперд в штате Нью-Йорк, 1 миссис Б. Шеперд в Нью-Джерси, 6 миссис Б. Шеперд в Массачусетсе и 14 миссис Б. Шеперд в Пенсильвании.

Для более детальной информации предлагаем обратиться в нашу детективную службу (Уровень 2). Наш гонорар составит \$ 195.95».

Взгляд женщины остановился на миссис Шеперд с Манхэттена. Она кликнула курсором по ссылке.

«Шеперд, Беатриса. 201 Вест-Темз-стрит, Бэттери-парк, Нью-Йорк.

Дочь Карен (возраст неизвестен).

Телефон: (212) 798–08–47 (недавно зарегистрирован).

Семейное положение: Замужем (живет отдельно).

Шелкните по карте».

Ли Нельсон распечатала полученную информацию, посмотрела на часы и, тихо выругавшись, схватила планшет с зажимом для бумаг. Она на десять минут опоздала к началу утреннего обхода.

Одобрительный свист и крики она услышала еще из фойе. Женщина перешла с шага на бег, когда ворвалась в двустворчатые двери палаты № 27.

Ветераны «болели», лежа на кроватях. Те, у кого были руки, сжимали банкноты. Безруким оставалось только кричать. В центре представления стоял Алекс Стивен Тиммер, бывший морской пехотинец. Вместо левой ноги у него был протез. Он стоял, балансируя

на правой ноге, его руки с бейсбольной битой были заведены далеко за правое плечо. Поднос, на котором подавали еду, лежал у его ног, заменяя основную базу. Матрац, прислоненный к двери ванной комнаты, стал на время бэк-стопом. Алюминиевое подкладное судно, привязанное к матрацу, символизировало зону страйка. Один мяч уже угодил в него.

С противоположного края прохода между кроватями, за шестьдесят футов от Алекса Тиммера, стоял Патрик Шеперд. В правой руке он сжимал бейсбольный мяч.

— Что, черт побери, тут происходит?! — закричала доктор Нельсон. — Здесь больничная палата, а не стадион «Янки».

Мужчины смолкли. Шеп отвернулся.

Мастер-сержант Рокки Трет со своей койки обратился к разгневанной женщине:

— Тиммер играл за университетскую бейсбольную команду «Ураганы Майами». Он клянется, что в мировой серии университетских команд его показатель отбитых мячей был ноль целых триста семьдесят девять тысячных. Парень говорит, что Шеп не сможет его уделывать, когда он в хорошей форме. Мы побились об заклад кто кого.

— Да ладно вам, доктор! Еще две подачи — и мы узнаем кто кого.

— Да! Да! Да! — закричали мужчины.

Алекс Тиммер кивнул головой.

— Еще две подачи, док! Это дело чести.

— Еще две подачи! Еще две подачи! Еще две подачи!

— Довольно!

Ли Нельсон огляделась по сторонам, соизмеряя энтузиазм ее пациентов и риск потерять работу.

— Две подачи, а затем все за собой уберете.

Мужчины одобрительно загалдели. Женщина подошла к Патрику.

— Ты сможешь бросать одной рукой? А вдруг потеряешь равновесие?

— Со мной все будет тип-топ. Я немного практиковался в спортзале.

Ли оглянулась и посмотрела на Триммера.

— Он, по крайней мере, точно может отбивать. Надеюсь, ты с ним справишься, не разгромив все здесь.

Шеп криво улыбнулся.

— Душитель! Душитель! Душитель!

— Две подачи.

Ли Нельсон присела за столик дежурной медсестры возле Аманды Грегори.

Пожав плечами, медсестра сказала врачу:

— Могло быть и хуже. По крайней мере, они не думают о войне.

Алекс Тиммер указал на Шепу битой в манере Мальша Рута.^[26]

— Ну, давай, горячая голова. Бей прямо в зону страйка.

Шеп развернулся, удобнее взялся за мяч, используя верхнюю часть бедра в качестве противовеса. Не имея возможности удержать равновесие при полном повороте, он должен был кидать напрямую, а не закручивать мяч. Шеп стал в устойчивую позу, не обращая внимания на биты, и сосредоточил все внимание на цели. Левая нога взметнулась вверх, колено коснулось груди, а затем нога пошла вперед в широком шаге. Одновременно правая рука запустила мяч. Белая молния прочертила воздух вдоль прохода за секунду до того, как бита, сделав неуклюжий замах, просвистела снизу вверх мимо мяча. Вот уже два мяча лежали в подкладном судне.

Вторая подача.

Ветераны неистовствовали. Деньги переходили из рук в руки. У кого-то уже не выдерживали нервы, и бэттер оказался в их числе.

— Еще один удар, Шеперд! Еще один быстрый мяч! Ты хорош, но все равно этот мяч я уж наверняка отобью!

Шеп взял мячик у одного из ветеранов и принял другую позу. Его лицо оставалось бесстрастным, как у профессионального игрока в покер.

Ничего не изменилось — ни скорость подачи, ни угол поворота руки, только захват мяча был другим. Белый тазер пролетел мимо ряда стальных спинок коек, а затем вдруг резко снизился и проскочил на добрых десять дюймов ниже рассекающей воздух биты Алекса Тиммера. Бэттер вложил такую колоссальную силу в удар, что сила инерции развернула одного на 360 градусов. Бита из ясеня раздробила протез, и тот разлетелся на металлические осколки. Тиммер упал на пол и взвыл от боли, когда металлический обломок вонзился ему в левую ягодицу.

Все крики смолкли. Доктор Нельсон поднялась из-за стола бледная, как ее больничный халат.

— Черт тебя возьми, Шеперд! Я ждал эту ногу восемь месяцев! Целых восемь месяцев! И что мне теперь делать?!

Шеп пожал плечами.

— Тебе повезет в следующий раз, горячая голова.

Мужчины кричали и хохотали. Одноногий ветеран поднялся с линолеума и запрыгал к однорукому обидчику с явным намерением затеять драку. Потрясенная доктор Нельсон стояла на месте и наблюдала, как к ней на выручку спешат санитары.

В кармане ее халата завибрировал пейджер. Вытащив его, женщина прочла:

ПРИЕХАЛИ БОЛЬШИЕ ЩИЦКИ.

Площадь Объединенных Наций

09:06

Железная уверенность, которую ей придавала вера, уступила место страху. В легких она чувствовала необыкновенную тяжесть. К горлу подступила тошнота. Тупая боль пульсировала в висках. Колокольный перезвон отзывался гулом в ее черепной коробке. Женщина добралась до пересечения 46-й улицы и 1-й авеню, и ее взору открылась площадь Объединенных Наций. Звук благовеста стал еще громче.

Хит Шелби перестал звонить в колокольчик. Сняв перчатку, он почесал лицо под раздражающей кожу ватной бородой Санта-Клауса. Этот начинающий писатель подрабатывал диктором на местном радио, и вот уже два года служил волонтером в Армии спасения. На этот поступок его подвигла жена. Дженнифер выставила ему ряд условий и лишь тогда согласилась на переезд из Арканзаса.

Хит не имел ничего против занятий благотворительностью. Армия спасения оказывала неотложную помощь и кормила горячими обедами тех, кому не повезло в этой жизни. На Рождество детям дарили подарки. Шелби могло бы даже понравиться такое времяпровождение, если бы не объемистый и неудобный костюм Санты, ватная борода, от которой чесалось лицо, и сапоги из кожзаменителя, совершенно не согревавшие коченеющие ноги. Хит торчал на углу улицы с семи утра.

В одной руке — колокольчик, в другой — кружка для пожертвований. Ноги и поясница болели. Впрочем, это еще ничего. Куда хуже, если в горле запершит. На следующей неделе три эфира, а простуженное горло — это не то, что ему сейчас нужно.

«Заканчивай, — убеждал Шелби сам себя. — Сунь двадцать долларов в кружку, и дело в шляпе. Лучше останови такси и поезжай в Бэттери-парк. Катер надо отремонтировать. Там работы на пару часов. Хотел бы я увидеть лицо Колина, когда он увидит... Парень не ездил на рыбалку со времени нашего переезда из Поссум-Грейп. Надо будет взять стекловолокна прежде, чем идти...»

Словно не замечая красного света светофора, беременная рыжеволосая женщина ступила с тротуара на проезжую часть. Загудел клаксон. Такси занесло в сторону...

Хит подхватил женщину под локоть и втощил обратно на тротуар.

— С вами все в порядке?

Мэри ошарашенно посмотрела на Санта-Клауса.

— Я не должна опаздывать.

— Лучше опоздать, чем умереть. Смотрите, куда идете. С вами точно все в порядке? По-моему, вы слишком бледны.

Мэри кивнула и зашлась грудным кашлем. Она порылась в кармане своего пальто и бросила в кружку для пожертвований несколько монет и скомканную бумажку. Загорелся зеленый свет, и женщина вместе с другими прохожими заспешила через 1-ю авеню.

Впереди, на месте Северной лужайки, возвышалось недостроенное здание, которое планировали использовать для проведения конференций. Справа стояло тридцативосьмиэтажное здание Секретариата ООН. Его фасад был выложен мрамором, а зеленоватые стекла сверкали на солнце. С первого этажа Секретариата по крытым переходам можно было попасть в старый конференц-зал, южное крыло, библиотеку и... здание Генеральной Ассамблеи.

Туда-то ей и нужно!

Мэри смотрела на прямоугольное строение с плавным изгибом линий, накрытое куполом-крышей.

«Как в моем сне».

Женщина проследовала по тротуару к площади и увиденное вывело ее из хрупкого душевного равновесия. Около тысячи демонстрантов на восемнадцати акрах площади имени Дата

Хаммаршельда махали транспарантами и кричали в мегафоны. С десяток съемочных групп записывали происходящее для полуденных новостей. Бескрайнее людское море колыхалось и шумело так, что Мэри почти потеряла ориентацию. Она пыталась пробраться к зданию Генеральной Ассамблеи через кордон полиции в полной экипировке для борьбы с уличными беспорядками, когда перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Мэри почувствовала сильный приступ тошноты.

«Быстрее, сейчас бактерии проникнут в печень и селезенку».

Она прикрыла нижнюю часть лица шерстяным шарфом, обхватила свободной рукой выпирающий живот и ввинтилась в толпу. Невидимые локти толкали ее в плечи и бока. Серое зимнее небо исчезло в людском море, когда женщина опустилась вниз, коснувшись руками ледяного асфальта. На четвереньках она подползла к заграждению. Крики о помощи заглушало скандирование толпы. В отчаянии Мэри поднялась на ноги и показала удостоверение строю облаченных в шлемы и бронежилеты полицейских.

Толпа напирала. Легкие забила мокрота. Женщина раскашлялась и, едва не потеряв равновесие, нырнула под деревянное заграждение.

Полицейский помог ей подняться. На медном жетоне Мэри прочла его фамилию: «Бэк». Он что-то кричал ей на ухо, тянул сквозь толпу... Вдруг слабость прошла, и женщина снова увидела все довольно четко.

— Идите! — указывая на вход, крикнул Бэк.

Мэри помахала ему рукой и быстрым шагом направилась к следующему контрольному пункту системы безопасности. Патогенный вирус бушевал в ее теле.

Военно-санитарные вертолеты карантинных команд «Альфа» и «Дельта» НИИ ИЗА США

187 миль к юго-западу от Манхэттена

09:07

Два вертолета «Сикорский ЮЭйч-60 Черный ястреб» летели над землями штата Мэриленд со скоростью 150 узлов. Аэромедицинские карантинные команды были оснащены переносными лабораториями для работы с представляющими биологическую опасность веществами и мобильным изолятором для перевозки больных. Команды состояли из трех санитаров, медсестры и военврача, а также нескольких спецназовцев, обученных работе с биологическим оружием и людьми,

зараженными опасными инфекционными болезнями, ведь от строгого соблюдения карантина часто зависела судьба местного населения в очаге заражения.

Во главе аэромедицинских карантинных команд стояли капитаны Джей и Джесси Звава, младшие братья полковника Джона Звавы, главы НИИ ИЗА США. Джей Звава из команды «Альфа» — бывалый войсковой командир, три года служивший в Ираке. В казармах его знали под прозвищами Зет или Польский Кобель. Бывший снайпер ростом шесть футов четыре дюйма и весом двести шестьдесят фунтов, покрытый с ног до головы татуировками, теперь он имел сертификаты наводчика пушечной установки системы Гатлинг и инженера-механика дизельных двигателей. Несмотря на репутацию шутника и рубахи-парня, Джей мог одним ударом сбить с ног любого, кто осмелится встать у него на пути.

Младший из трех братьев, Джесси, не отличался внушительными габаритами, как его старшие братья, но считался в семье самым умным. Так, по крайней мере, говорила его сестра Кристина. Оба командира аэромедицинских карантинных команд сейчас находились в грузовом отсеке головного вертолета и помогали друг другу надеть скафандры — оранжевые полихлорвиниловые защитные комбинезоны, оснащенные герметичными шлемами и автономной кислородно-дыхательной системой. Братья знали, куда летят, но не знали зачем. Что бы их старший брат Джон ни думал, а на риск он никогда не шел. Летящие на Манхэттен команды имели полное боевое вооружение и полномочия, дающие им право подминать под себя любые ветви местной власти, полицию, пожарных и спасателей.

09:11

Наряд вооруженных охранников стоял на страже у дверей зала Генеральной Ассамблеи. Из-за большого числа приглашенных заседание Совета Безопасности решили провести именно здесь. Мэри нервно покачивалась на каблуках, пока офицер службы безопасности ООН тщательно изучал ее удостоверение, а его напарник перетряхивал вещи из ее сумочки.

— Спасибо, доктор Петрова. Поднимите, пожалуйста, руки вверх. Я должен обыскать вас, чтобы убедиться, что у вас нет оружия.

Офицер застыл в нерешительности, опасаясь прикоснуться к округлому животику женщины.

— Все в порядке. Ему нравится, когда его трогают.

Мэри Клипот взяла руку офицера службы безопасности и приложила к своему животу. Младенец ударил в ответ ножкой.

— Ух ты!.. Класс! — сказал мужчина и повернулся к своему напарнику. — У нее все чисто. Можно пропускать.

Офицер вернул ей ламинированное удостоверение, так и не поинтересовавшись, почему она говорит с поддельным русским акцентом. Не осведомился он и о том, почему женщина так бледна, сильно потеет и от нее разит чем-то прокисшим.

В зале было битком набито людей. Слышался приглушенный гул голосов. Все ждали выступление верховного главы Ирана. Мэри, пошатываясь, шла по главному проходу, ее глаза слезились. Она посмотрела на сцену. Настенная роспись изображала птицу феникс, поднимающуюся над полем битвы; под ней стоял прямоугольный стол, а вокруг него в форме подковы были расставлены стулья для пятнадцати членов Совета Безопасности.

«Я словно поднимающаяся из пепла птица феникс...»

Зал качнулся. Мэри тряхнула головой, борясь с минутной слабостью.

«Зарази будущих переносчиков».

Женщина кашлянула, прикрыв рот руками. Теперь на обеих ладонях было немного мокроты. Словно невзначай, Мэри прикоснулась к французскому делегату, когда проходила мимо его стола. На представителей Англии и Дании чихнула. Кашлянула в направлении представителей Бразилии и Болгарии. По другому проходу она направилась к столу арабов, восседавших в темных деловых костюмах. На табличке значилось, что это иракская делегация.

Тем временем место за трибуной занял иранский мулла. Его речь переводили на десятки языков мира.

— Уважаемое собрание! Я приехал сюда с надеждой предотвратить конфликт, который может привести к еще одной войне. Я взываю к Генеральной Ассамблее, так как знаю, что Совет Безопасности подкуплен оккупантами, уже захватившими Афганистан и Ирак...

Мэри тронула за плечо иракского делегата, который направлялся на отведенное ему место.

— Извините! Где сидит иранская делегация?

Живой труп скользнул взглядом по ее округлому животу и указал рукой на пустой стол.

Женщина разволновалась. У нее участилось сердцебиение.

«Смиранные унаследуют землю, а не муллы».

Быстрым шагом она покинула зал и направилась к столику, за которым сидела офицер службы безопасности ООН.

— Извините. Я опоздала на встречу с иранской делегацией. Где я могу их найти?

Женщина за столом просмотрела список, зажатый в папке-планшете, и сказала:

— Четыреста пятнадцатая комната, — она указала рукой в нужном направлении. — Поднимитесь на лифте на четвертый этаж.

— Спасибо.

Мэри быстрым шагом прошла по коридору. Она кашлянула и выплюнула на руку густой комочек мокроты. Проверив его на наличие крови, вытерла ладонь о жакет своего костюма. У лифта она нажала кнопку «Вверх».

Часы живой биологической бомбы продолжали тикать...

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

09:13

Ли Нельсон вела двух высокопоставленных чиновников и их охрану по коридору к палате номер 27, моля Бога о том, чтобы свидетельства утреннего бейсбольного побоища уже были убраны.

Посещение новым министром обороны медицинского центра для ветеранов было продиктовано отнюдь не желанием позировать перед камерами. Пока президент Когело готовил обращение к членам ООН, которое, как он надеялся, поможет обуздать воинственные настроения и не довести до войны с Ираном, Бертран де Борн начал рекламную компанию по привлечению молодых американцев к службе в вооруженных силах, финансируемую из частных фондов.

Две вялотекущие войны требовали изменения общественного мнения об армии. Вместе с ведущей нью-йоркской рекламной фирмой

де Борн хотел показать массам раненого ветерана как представителя новой национальной элиты, чьи финансовые потребности полностью удовлетворены, охрана здоровья гарантирована, а будущее его семьи безоблачно. Как говорится, под звездно-полосатым флагом можно продать и навоз, выдав его за утонченные духи. Главное, подобрать подходящего парня для рекламы.

Догнав изящную брюнетку, де Борн взял ее под локоток. Тыльная сторона его ладони как бы невзначай коснулась правого полушария груди Ли.

— Никаких паралитиков и раковых больных, доктор. Идеальный кандидат должен быть хорош собой и быть представителем среднего класса. Предпочтительнее белый богобоязненный христианин. Что же касается ран, то они должны быть заметны, но не вызывать отвращения. Мне не нужны раненные в голову или слепые.

Ли скрипнула с досады зубами и отстранила руку настырного министра обороны.

— Мне поручили показать вам раненых ветеранов. Кого вы выберете для своей рекламной кампании, не моя забота.

— А как насчет ясности ума? — присоединилась к беседе Шеридан Эрнстмайер.

— Я не знаю, — задумавшись на мгновение, ответил де Борн. — А вы, подполковник, кажется, эксперт в этом вопросе? Что вы думаете?

Подполковник Филипп Ардженти — высокопоставленный американский офицер, посвященный в сан священника, — с Библией в одной руке и автоматом в другой должен был завоевать доверие как тех, кто на своей шкуре ощутил последствия экономического спада в стране, так и патриотично настроенных южан из глубинки, — всех тех, кто вывешивает американский флаг на своем доме и считает службу в армии наивысшим проявлением патриотизма. Именно поэтому де Борн выбрал его возглавить новую рекламную кампанию по привлечению новобранцев.

— Ясность ума, конечно, желательна, — ответил подполковник, — но мы и так справимся, господин министр. Мы его подготовим так, что все пройдет гладко.

Ли Нельсон вошла в палату № 27 первой, и ее встретили аплодисментами и приветственным свистом. Немного смутившись,

она отпихнула ногой погнутое подкладное судно, которым недавно играли, искренне надеясь, что парни немного успокоились.

— Благодарю, друзья! — сказала она. — Вы оказали честь бедной девочке из Западной Вирджинии. Но, к вашему сведению, мой дедушка учил меня кастрировать боровов, поэтому знайте меру... А сейчас я представлю вам особого гостя нашего госпиталя. Перед вами — новый министр обороны Бертран де Борн. Поприветствуем его!

Не обращая внимания на жидкие аплодисменты, седовласый подвижный человек прошелся по проходу между кроватями. Он вежливо кивал головой и пожимал протянутые ему руки, а его глаза внимательно разглядывали ветеранов.

«Латинос... Латинос... Черный... Этот белый, но вид неважнецкий... Паралич четырех конечностей. Не подходит... Этот белый, но худой как жердь. Должно быть, держится только на лекарствах...»

Раздражение де Борна росло. Он напоминал Ли фанатичного заводчика, который ищет охотничью собаку в стае пуделей и такс. Шеридан Эрнстмайер схватила его за руку и едва заметно кивнула головой в направлении последней кровати слева. Шторка была полуприкрыта, но в просвет можно было разглядеть неподвижно лежащего на больничной койке афроамериканца. По виду лет сорок, возможно, офицер с парализованными ногами.

— Не то, Шерри. Сама посмотри.

— Не он, Берт, а санитар.

Мужчина был одет в белую футболку, халат и брюки из хлопчатобумажной ткани. Белый. Тридцать лет с небольшим. Длинные темные волосы собраны на затылке в хвост. На подбородке ямочка. Рост — шесть футов четыре дюйма. Атлетическое телосложение. Вес — около двухсот фунтов. Санитар менял постель больному. Осторожно перевернув паралитика на бок правой рукой, он использовал культю левой руки в качестве опоры для тела. В глаза бросалась его предупредительность и бережность в обращении с раненым товарищем.

— Доктор Нельсон! А этот санитар, он тоже ветеран? — поинтересовался де Борн.

— Вы о Шепе?

— Шепе?

— Я имела в виду Патрика Шеперда. Да, сэр, он четырежды бывал в Ираке, но я не думаю...

— Он идеально подходит... Как раз то, что мы ищем. Подполковник Ардженти! А вы что думаете?

— Мужчина атлетически сложен. Очевидно, прежде он занимался спортом. Предупредителен со своими товарищами. Думаю, он нам подойдет, господин министр.

Шеридан бросила на де Борна многозначительный взгляд.

Ли попыталась увести министра обороны в сторону.

— Сэр! Есть кое-что, что вам следовало бы знать о сержанте, прежде чем...

— Дело сделано, доктор, — сказал де Борн. — Пусть сержант придет в ваш кабинет минут через десять. Мисс Эрнстмайер! Проследите за тем, чтобы доктор Нельсон переслала нам по электронной почте его личное дело.

Де Борн взглянул на часы.

До встречи оставалось еще несколько часов.

— Подполковник! Давайте выйдем... перекурим...

09:26

— ...Это не иранская армада вошла в Персидский залив. Это не «Хезболла» открыла свои военные базы в Ираке и Афганистане. Во всем повинен Сатана. Это он несет ответственность за назревающий конфликт... Даже здесь, в этом зале, я чувствую его зловонное дыхание. Я предупреждаю Сатану: мусульманский мир не позволит тебе поработить Исламскую Республику Иран. Тебе не удастся украсть нашу нефть, как ты сделал это с нашими иракскими братьями. Мы будем сражаться...

Офицер службы безопасности приглушил звук телевизора. На экране глава Ирана зачитывал свою речь. Офицер взглянул на поддельное удостоверение Мэри Клипот и нажал на кнопку под столом. В четырехста пятнадцатой конференц-комнате раздался звонок.

— К вам посетитель из российского посольства, — сказал охранник.

Мэри сжала зубы, стараясь сдержать рвущийся из груди кашель.

В замке что-то щелкнуло, и дверь под номером 415 открылась. В проеме стоял иранский охранник.

— Говорите, — обратился он к Мэри.

— Я пришла с устным посланием от премьер-министра Путина к атташе Верховного лидера.

— Покажите ваше удостоверение личности.

Мэри протянула иранцу поддельный документ. Охранник взял его и захлопнул перед ней дверь.

Кожа женщины жгло огнем. Мэри бросало в жар. Она понимала, что ее температура давно уже поднялась выше отметки сто один с половиной градус по Фаренгейту.^[27] Она кашлянула в свой шарф и, ощутив во рту привкус крови, вытерлась ладонью правой руки. Пусть слизь остается на ее коже.

Сидящий за столом офицер службы безопасности ООН раздраженно сказал:

— У вас грудной кашель. Держитесь подальше от меня.

Дверь приоткрылась.

— У вас есть две минуты.

Мэри вошла в конференц-комнату. Охранник жестом приказал ей оставаться на месте. Плоские экраны системы внутреннего ООНовского телевидения, не передающего сигнал в эфир, были установлены повсюду в помещении. Две дюжины мужчин, одни — в деловых костюмах, другие — в традиционной мусульманской одежде, смотрели выступление главы государства.

Сердце женщины забило чаще, когда она увидела в дальнем углу помещения иранского президента, беседующего с муллой.

К Мэри Клипот подошел одетый в костюм мужчина. Его сопровождали два плечистых араба с радиотелефонами.

— Я атташе Верховного лидера. Можете передать через меня послание от премьер-министра.

Глаза Мэри слезились. Ноги подгибались. Ее платье и колготы пропитались потом. Из груди вырывался ничем не сдерживаемый кашель.

— Премьер-министр Путин... кахи-кахи... желает встретиться с Верховным лидером... кахи-кахи... через час после речи президента Когело...

Глаза иранца сузились. Он взял поддельное удостоверение и сличил фотографию со стоящей перед ним Мэри Клипот.

Женщина сжала его руку своими влажными ладонями.

— С Рождеством... и с Новым Годом! — произнесла она по-русски.

Атташе отдернул руку и что-то проскрежетал на своем арабском языке. Двое охранников довольно грубо вывели Мэри за дверь.

Женщина быстро зашагала по коридору к лифту. Делегат от Мексики, на вид лет под пятьдесят, придержал рукой закрывающиеся двери, и Мэри успела вскочить в кабинку лифта. Вдохнув исходящее от тела женщины зловоние, мужчина инстинктивно отпрянул от нее.

Злорадная улыбка появилась на лице беременной женщины, когда она перевела сказанную атташе фразу на английский язык: «Веселого Рождества и счастливого Нового года».

Приступ головной боли начался, когда она выходила из лифта. Перед глазами поплыли красные линии. Приступ тошноты погнал Мэри в женский туалет. Ввалившись в пустую кабинку, она изрыгала из себя кровавую блевотину. Несколько минут ушло на то, чтобы полностью избавиться от остатков пищи в желудке. Холодный край унитаза упирался ей в живот, а все тело били конвульсии.

Наконец тошнота прошла, но тело сковывала слабость. Ее бил озноб. С трудом поднявшись на ноги, Мэри, пошатываясь, вышла из туалетной кабинки и замерла перед рядом умывальников: она испугалась своего собственного отражения. Лицо приобрело серовато-бледный цвет, словно у привидения. Покрасневшие глаза ввалились. На лбу проступило кружево голубоватых вен. Лимфоузел на шее покраснел и разбух до размеров грецкого ореха.

«„Коса“ вошла во вторую фазу. Надо скорее вернуться к машине и принять вакцину...»

— Мисс! С вами все в порядке? — Низенькая, немного полноватая белая женщина с карточкой службы питания на груди ошарашенно смотрела на нее.

— Утреннее недомогание.

Мэри ополоснула рот и убрала мокрые пряди волос, спадающие ей на глаза.

Выйдя из туалета, она покинула здание.

На свежем воздухе головокружение прекратилось. Женщина полной грудью вдохнула холодный декабрьский воздух. Пройдя оцепление, Мэри протиснулась сквозь толпу протестующих. Каждый

приступ кашля орошал людей мельчайшими брызгами зараженной крови.

У светофора при переходе через 1-ю авеню она остановилась, ожидая, когда загорится зеленый свет. Чтобы не упасть, она оперлась рукой о столб светофора. Мысли путались в голове.

«Безумная, но победоносная... истинная воительница Христа...»

Лихорадочный взгляд женщины остановился на черном автомобиле техпомощи, увозящем на буксире ее «хонду».

— Нет!.. Нет!..

Кровь забулькала в горле. Пошатываясь, Мэри выбежала на перекресток.

Завыли автомобильные гудки. Завизжали тормоза. Закричали прохожие.

Толпа сгрудилась у распостертого на асфальте 1-й авеню тела Мэри Клипот.

Война с применением бактериологического оружия

Фаза № 2

Эпизоотическая инвазия

Должностные лица пытаются разобраться, каким образом производитель вакцин «Бакстер интернейшенл инкорпорейтд» создал «экспериментальный вирусный материал», основанный на штамме человеческого гриппа, но включающий культуру высокопатогенного «птичьего» гриппа H5N1, а затем продал новый вирус австрийской компании «Авир Грин Хиллз биотехнология». Случайная утечка культуры живых вирусов H5N1 и H3N2 могла бы привести к серьезным последствиям. Если бы человек, имеющий доступ к этой культуре, заразился одновременно штаммами H5N1 и H3N2, он стал бы «инкубатором» для развития нового гибридного штамма гриппа, который сравнительно легко распространился бы среди людей. Этот процесс «скрещивания» двух штаммов, называемый в науке реассортация, является одним из двух путей зарождения пандемических вирусов.

«Канадиан пресс», 27 февраля 2009 года

20 декабря

146-я Восточная улица

Тюдор-сити, Манхэттен

09:33

22 часа 30 минут до предсказанного конца света

Тридцать четыре минуты прошло с того времени, как Мэри Клипот выбросила стальной чемоданчик в мусорный контейнер... Двадцать четыре минуты назад появилась первая черная крыса.

Rattus rattus. Никто в точности не знает, сколько их в Большом Яблоке. Приблизительные подсчеты колеблются от двухсот пятидесяти тысяч до семи миллионов. Это шустрое создание может стоять на задних лапах, взбираться по приставным лестницам, подпрыгивать на три фута в высоту и через дренажные трубы приплыть в ваш туалет. Эти ночные животные прекрасно охотятся и днем. Крыс не зря относят к грызунам: у них такие крепкие зубы и сильные челюсти, что они могут прогрызть даже строительный раствор в кирпичной кладке; даже железобетон не устоит перед их зубами.

Крысы живут в среднем два-три года. В основном они едят и размножаются. Достигнув половой зрелости в возрасте трех месяцев, самки крыс спариваются более двадцати раз в сутки. В помете от шести до двенадцати крысят. Одна самка за свою жизнь дает потомство от четырех до шести раз. Науке известны случаи, когда самцы совокупляются с самкой до тех пор, пока она не умрет, и продолжают заниматься этим с ее трупом.

Крысы — довольно умные животные, они пируют на богатых банкетах пищевых отходов, которых в изобилии в городах. Обоняние помогает им найти пищу в пределах их территории. Нью-йоркская черная крыса давно потеряла боязнь перед человеком, и эти грызуны охотно бегут на приятные для них запахи, источаемые контейнерами для мусора.

Морнингсайд-Хайтс, Манхэттен

09:38

Франческа Минос вышла из пиццерии «Минос», прижимая к большому животу стопку картонных суповых мисок. Ей было двадцать пять лет, и она ждала своего первого ребенка. Малыш «запаздывал» на неделю. Молодая женщина предпочла бы лежать в кровати, закинув опухшие ноги на подушки, а не болтаться по улицам холодным нью-йоркским утром в спортивном костюме и пальто, но Паоло еще ни разу не отменил утреннюю раздачу супа, и Франческа, беременна она или нет, вынуждена была помогать мужу.

Женщина зачерпнула из большой алюминиевой кастрюли немного испускающего пар овсяного варева и, плеснув его в свободную миску, поставила ее на стол перед бездомным из очереди, которая растянулась до самой Амстердам-авеню. Скоро подойдут другие бездомные, а ее любимый муж, кажется, решил накормить всех и каждого в этой очереди.

Взвод пустых глаз и бесстрастных лиц проходил мимо нее в гробовом молчании.

«Забытые обществом души. Что их погубило? Поддались ли они искушению или просто сдались, покоровшись судьбе?»

Среди стоявших за бесплатным завтраком хватало наркоманов и алкоголиков, но большинство из этих людей просто переживали

трудные времена. Им некуда идти. Треть бездомных были ветеранами иракской войны, половина из которых — инвалиды.

Франческа наполнила очередную миску. Страх сменился раздражением. В одном только Нью-Йорке почти сто тысяч бездомных. Сочувствие к ним заглушало беспокойство о судьбе собственной семьи. Как большинство маленьких предприятий, их пиццерия едва сводила концы с концами. Скоро в семье появится еще один рот. Интересно, а испытывают ли эти бездомные благодарность за то, что их кормят? Или щедрость владельцев пиццерии они воспринимают как должное, как часть своего безрадостного существования? С каждым днем тонкая линия, отделяющая семью Минос от впавших в нищету братьев и сестер во Христе, становилась тоньше. Что будет, если они не смогут их кормить? Поймут ли? Поблагодарят ли за былую щедрость или разобьют витрину, требуя кормежки?

При этой мысли Франческа содрогнулась.

Опустошив кастрюлю, Паоло вытер ладони об испачканный овсянкой поварской передник и направился внутрь пиццерии за новой порцией.

— Паоло... Подожди...

Темноволосый курчавый итальянец остановился и улыбнулся жене.

— Да, мой ангел? Что тебе надо, дорогая?

«Что я хочу?! У меня ноет спина из-за того, что я вынуждена двадцать четыре часа, семь дней в неделю таскать в себе брыкающегося малыша. У меня сильно болят ноги. У меня геморрой. Что я хочу от тебя?! Прекращай транжирить наши сбережения на этих неудачников. Или, по крайней мере, не вовлекай меня в это».

Франческа снова посмотрела на вереницу людей на улице. Их стоптанная обувь протекала, когда они ступали по лужам талого снега. Побитые жизнью, они не жили, а выживали. В любом случае в жизни каждого человека есть надежда и потенциал...

Как ее нерожденный ребенок...

— Франческа?!

Убрав прядь волос с глаз, женщина мило улыбнулась и сказала:

— Последи за плитой, дорогой, а то подгорит...

В двух кварталах на юг от пиццерии «Минос» и в одном квартале к востоку от парка Риверсайд находится Манхассет, одиннадцатизэтажное здание из красного кирпича, построенное в начале прошлого века. Кондоминиум с одной спальней без помещений для стирки и сушки белья стоил здесь больше полумиллиона долларов.

Шторы выходящей окнами на запад квартиры на десятом этаже тщательно задвинуты, снизу к стеклу эркеров тяжелую ткань штор плотно прижимают учебники, чтобы даже тонюсенький лучик света зарождающегося утра не проник в комнату, освещенную пламенем свечи, горящей на полу за спиной у женщины-индуски.

Одетая в традиционное белое сари, некромантка прикрыла глаза. Из украшений на индуске был лишь кристалл на золотой цепочке, висевший у нее на шее. Реагируя на малейшие изменения в мире потустороннего, кристалл был для Маниши, как канарейка в шахте,^[28] — предупреждал о желании ее «знакомых» из мира духов с ней пообщаться.

Изучение искусства некромантии в Непале по сути не отличалось от обучения игре на музыкальном инструменте. Для одних — это хобби, для других — страсть, которая может привести к совершенству, впрочем, если у человека есть талант. Маниша Панд была из рода одаренных, легко общающихся с миром духов. Она родилась в затерянной в Гималаях деревушке и по линии матери восходила корнями к некромантам, известным еще со времен древней Персии. В Средние века искусство некромантии проникло в Европу; здесь его адептами стали самопровозглашенные чародеи и колдуньи, и католическая церковь объявила некромантию оружием Сатаны и прокляла ее. В Непале, впрочем, талантливый некромант даже сейчас неплохо зарабатывает на этом.

Несмотря на врожденный дар, Маниша выросла с твердым убеждением, что ее призвание — не некромантия. Ее отец Бикаш и дяди по линии отца были врачами, а потому ее желание лечить больных стало навязчивой идеей. В шестнадцать лет девушка уговорила отца позволить ей переехать в Индию к одному из ее дядей-врачей, где она хотела изучать психиатрию, а затем помогать женщинам, которые стали жертвами сексуального насилия — довольно распространенного преступления как в Непале, так и во всей

Азии. Тысячи женщин здесь похищают и продают в сексуальное рабство.

Маниша удивилась, когда отец согласился отпустить ее. Она так никогда и не узнала, что много лет назад член тайного общества уже говорил на эту тему с доктором Бикашем Пандом. Талантливая дочь врача должна была встретиться с одаренным представителем другого семейства. Панкая Патела, старшего ребенка в семье, тоже ненавязчиво направили к тому, чтобы он увлекся психологией, а именно, происхождением зла в человеческой душе.

Маниша Пател глубоко вдыхала и выдыхала воздух, ожидая появления проводника в мир духов.

Некромантия — это искусство общения с умершими. Живой человек не может вызывать духов и повелевать ими. Мертвые сами вольны поступать так, как им вздумается. Переехав с мужем в Нью-Йорк через год после событий 11 сентября, Маниша родила дочь и внезапно оказалась в центре внимания беспокойных духов, жаждущих общения. Спустя некоторое время между ней и духом пассажирки одного из врезавшихся в башни-близнецы авиалайнеров возникла тесная ментальная связь.

До сегодняшнего дня все их «разговоры» происходили днем, но этим утром Маниша обнаружила, что ее кристалл вращается вокруг своей оси и едва дождалась, когда Панкай поведет Дон в школу. Близкая связь существовала между ее дочерью и духом мертвой женщины. «Беспокойство» кристалла не предвещало ничего хорошего. Обычно присутствие духа, подобно мелодии хорошо настроенной гитары, приносило гармонию в душу Маниши, переполняя ее безграничным светом Творца. С каждым ударом сердца душа индуски взмывала все выше, но сегодня утром произошел сбой. «Мелодия» звучала фальшиво, наполняя ее душу страхом. Чем больше боялась Маниша, тем фальшивее звучала «мелодия». Внезапно женщина почувствовала себя ужасно одинокой и покинутой всеми, словно потерпевший кораблекрушение на необитаемом острове...

«Маниша...»

— Да. Я здесь. Говори со мной... Что стряслось?

«Ваша семья должна срочно уехать подальше от Манхэттена... Немедленно!»

Форт Детрик

Фредерик, Мэриленд

09:43

Полковник Джон Звава, как и его младшие братья, был импозантной мужчиной. Этот ветеран двух войн видел собственными глазами поле боя, бывал он и в Египте, и на Аляске. До отставки ему оставалось совсем ничего. Год и четыре месяца назад его назначили командовать в форт Детрик. По правде говоря, полковника Зваву просто задвинули подальше. Пентагон не хотел, чтобы он вмешивался в ход текущих операций. До сегодняшнего утра главной заботой полковника было следить за тем, чтобы не опустели автоматы по продаже газированной воды.

Теперь все изменилось. После брифинга Лидии Гагنون он перестал быть простым завскладом.

Микробиолог смотрела прямо в объективы дистанционно управляемых камер. Ее лицо появилось на экранах линии засекреченной связи внутри Пентагона, в Белом доме и даже на борту двух вертолетов команд быстрого реагирования, которые летели к Манхэттену.

— Украденный чемодан содержит бактерии четвертого уровня биологической угрозы. Это сверхсекретный проект «Коса». В двух словах, это самораспространяющееся биологическое оружие, которое позволяет носителю быстро заражать вражеские войска и гражданское население враждебной нам страны бубонной чумой. «Коса» — «черная смерть» в ее наихудшей ипостаси. Она объединяет бубонную, легочную и септицемическую формы чумы и способна быстро распространяться как среди людей, так и среди животных. Во время бубонной пандемии тысяча триста сорок седьмого года бактерия *Yersinia pestis* жила в желудке первоначального носителя — крысиной блохи. Быстро размножаясь, бактерии перекрывали переднюю кишку насекомого, что вызывало голод. Блохи чаще кусали своих носителей. С каждым укусом непереваренная кровь вместе с бактериями чумы попадала в ранку, оставшуюся на месте укуса блохи. Паразитируя на крысах, блохи создали эпизоотическую пандемию, которая в короткие сроки опустошила Азию и Европу. Бубонная чума, хотя и является наиболее поддающейся лечению формой, в то же время — внешне

отвратительна. Пораженные ею люди выглядят и воняют, словно живые мертвецы. Симптомы бубонной чумы: высокий жар, чередующийся с ознобом, и приносящее боль вспухание лимфатических узлов, называемых бубонами. Они вначале краснеют, а затем чернеют. Известная из истории бубонная чума поражала также нервную систему, вызывая крайнюю степень возбуждения, переходящую в бред. Если ее не лечить, бубонная чума умерщвляет около шестидесяти процентов пораженных ею. Легочная чума — это запущенная стадия бубонной чумы. Она наступает тогда, когда бактерии поражают легкие больного. Легочная чума передается непосредственно от человека человеку. Больной часто кашляет, сплевывает кровь, что приводит к бесконечным приступам тошноты. Если здоровый человек вдохнет выдыхаемый больным воздух или вступит в непосредственный контакт с продуктами жизнедеятельности его организма, включая слюну и пот, он заболевает. При холодных температурах слюна замерзает, что способствует распространению заболевания. Если ее не лечить, легочная чума умерщвляет от девяноста до девяноста восьми процентов пораженных ею. Последняя форма — септицемическая — наиболее смертоносна. Если бактерии попадают непосредственно в кровь жертвы, то человек умирает через двенадцать-пятнадцать часов после заражения. «Коса» содержит в себе все три формы чумы. Она быстро распространяется, вызывая сильные муки и сея тем самым страх в рядах потенциального противника. Заболевшие «Косой» умирают через пятнадцать часов. Только созданный в нашей лаборатории антибиотик может помешать распространению инфекции и вылечить больных. Если, конечно, врачи успеют добраться до них вовремя.

— Расскажите о женщине.

Вице-президент Артур М. Кравиц сидел напротив Гарриет Клауснер. Лицо государственного секретаря недовольно нахмурилось.

— Ее зовут Мэри Луиза Клипот. Мы разослали ее фотографию и краткую биографию во все организации, включая ФБР и полицейское управление Нью-Йорка. Мэри — микробиолог. Она и работала над проектом «Коса», именно она доставила образцы чумы из Европы. Мэри — на девятом месяце беременности. Она помолвлена со своим лаборантом Эндрю Брадоски, который, скорее всего, является отцом ее ребенка. Мэри и Брадоски официально считают без вести

пропавшими. В последний раз Мэри видели в два часа одиннадцать минут ночи, когда она выходила из своей лаборатории с чемоданчиком для перевозки биологических материалов четвертого уровня бактериологической угрозы...

Ее прервал вице-президент:

— Доктор Гагنون! А эти «дипломаты»?.. Почему «Косу» готовили к транспортировке и применению?

Лидия Гагنون отвела глаза от экрана Белого дома, надеясь, что выяснение отношений не затянется.

— Мы не принимаем решений, мистер вице-президент, мы их исполняем. Наш отдел выполняет директиву от две тысячи первого года по созданию оружия, способного победить враждебно настроенное население другого государства. Эти приказы никто не отменял.

— А кто вообще знает об их существовании? — настаивал вице-президент. — Я двадцать два года состою в комитете сената по иностранным делам и впервые об этом слышу. Эта директива, доктор Гагنون, не просто незаконна, это пахнет геноцидом.

— Это война, мистер вице-президент, — вмешалась госсекретарь Клауснер. — Как я уже не раз заявляла прежде, нашим войскам не хватит живой силы в случае наземной операции против еще одной страны. Биологическое оружие — это оптимальное решение проблемы.

— Убийство сорока миллионов иранцев — это не «оптимальное решение», госсекретарь Клауснер.

— Не мы снабжаем террористов ядерным оружием.

— Со всем уважением, — вспыхнул полковник Звава, — здесь не самое подходящее время и место для ссор. Доктор Гагنون! Где сейчас может находиться пропавший чемоданчик с «Косой»?

Доктор Гагنون навела курсор на нужное место на спутниковой карте Нью-Йорка и кликнула. Выбранный красный квадратик увеличился в размерах, давая подробное изображение 46-й улицы в отрезке между 1-й и 2-й авеню.

— Это переулок, расположенный в шестидесяти метрах к западу от комплекса зданий ООН. Когда спецназ высадится в указанном квадрате, команда «Дельта» заберет чемодан, а команда «Альфа» вместе с подразделениями национальной безопасности и

сотрудниками Центра контроля заболеваний из Олбани установят контроль вокруг площади Объединенных Наций. Это станет «серой зоной», по крайней мере, до того времени, как мы выясним: выпущена ли «Коса» или нет. Команды быстрого реагирования снабжены антибиотиком в количестве, достаточном для лечения пятидесяти человек. Мы сейчас работаем над увеличением запасов вакцины.

— Покажите нам наихудший из возможных сценариев развития событий, — приказал полковник Звава.

Доктор Гагنون помедлила, но все же щелкнула мышкой по другой ссылке.

Площадь Объединенных Наций и южная оконечность Манхэттена были обведены черной окружностью.

— Предположим, первые полчаса-час распространителями «Косы» будут люди, передвигающиеся исключительно пешком. В этом случае мы сможем удерживать чуму в пределах Нижнего Манхэттена. Если «Коса» выберется с острова и будет передвигаться только на автотранспорте, то через два-три часа ситуация будет выглядеть таким образом...

Вторая окружность охватывала Коннектикут, Нью-Йорк, восточную часть Пенсильвании и Нью-Джерси.

— Если же носители «Косы» сядут на поезд или, не дай Бог, на коммерческий авиалайнер, то чума за сутки распространится по всему земному шару.

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

09:51

— Что ему от меня надо? — спросил Патрик Шеперд.

Чтобы не отставать от Ли Нельсон, он лавировал между больными, которые плелись по переполненным госпитальным коридорам с капельницами на колесиках.

— Думаю, он тебе все объяснит, — сказала женщина. — Помни: де Борн — новый министр обороны в администрации президента Когело. Что бы он ни предложил, отнесись к его предложению как к большой чести.

Патрик вошел в кабинет врача вслед за Ли Нельсон. Седовласый де Борн сидел за столом хозяйки кабинета. Отпустив двух

телохранителей, министр обороны пригласил Ли и Патрика садиться.

— Сержант Шеперд! Познакомьтесь с вами — большая честь для меня. Позвольте представить моего личного помощника мисс Эрнстмайер. А этот джентльмен — подполковник Филипп Ардженти. Он будет вашим новым командиром.

— Зачем мне новый командир? — удивился Патрик. — Я уже свое отслужил.

Де Борн проигнорировал его реплику и, склонив голову, зачитал со своего «блэкбэрри»:

— Сержант Патрик Райан Шеперд. Четыре периода боевой службы. Тюрьма Абу-Грейб... Зеленая зона. Переведен в сто первую авиационную дивизию. Тут сказано, что вас обучали на вертолетчика.

— Меня обучали пилотировать санитарный вертолет «Черный ястреб», — пояснил Патрик. — Я не успел получить сертификат. Меня ранили.

Министр обороны продолжал прокручивать текст на «блэкбэрри».

— А это что? В личном деле указано, что вы играли в бейсбол. Это правда?

— В основном в низшей лиге, — ответил Патрик.

— Сержант также играл за «Бостон ред сокс», — встряла в разговор доктор Нельсон.

Шеп бросил на нее убийственный взгляд.

— Правда? Аутфилдером?

— Питчером.

Де Борн посмотрел на ветерана.

— Надеюсь, вы не левша.

— Шеперд... Патрик Шеперд... Знакомое имя, — раздумывая, произнес подполковник Ардженти и подергал пальцами кончики своих грязно-рыжих волос.

— Пойдите... Это он! Этого парня прозвали Бостонским Душителем. В первом же матче сезона с «Янки» его подачи никто не мог отбить.

— Две подачи все же отбили, — уточнил Патрик.

— Потом ты уделал «Окленд атлетикс».

— Нет. «Торонто».

— Да. Точно. «Торонто». Я смотрел матч в спортцентре. Те добавочные иннинги... Тебя незаконно удалили с поля...

Ардженти возбужденно вскочил с места, потрясая сжатой в кулак рукой перед лицом де Борна.

— Я тридцать лет хожу на бейсбол. Я знаю эту игру как свои пять пальцев. Поверьте мне, этот парень был настоящим зверем. Классная скорость прямого... прекрасно срезал, а «грязная двойка» — вообще на грани фантастики.

Де Борн нахмурился.

— «Грязная двойка»? — не понял он.

— Ну... знаете... «грязный желтый молоток»... «болтушка»... «враг общества номер два»... крученая подача, Берт! Его крученая подача почище гаубицы. Он сводил бэттеров с ума.

Священник оперся о стол доктора Нельсон и взирал на Патрика с обожанием бейсбольного фана.

— Ты был просто чудо, парень. Жаль, что это длилось только три месяца. Что с тобой стряслось? Ты как в воду канул.

— Я пошел в армию, сэр.

— Да... Хорошо. Интересы страны, конечно, прежде всего, но все же жалко, что ты потерял руку. Как это произошло?

— Я не помню. Врачи называют это травматической ампутацией. Мой приятель, военврач Дэвид Кантор, нашел меня истекающим кровью и спас мне жизнь. Ди Кей говорит, что я, должно быть, нашел самодельную бомбу, замаскированную под детскую игрушку, подобрал ее, а она взорвалась в моих руках. Я очнулся в госпитале спустя шесть недель после взрыва и ничего не помнил. Так даже лучше.

— Думаешь вернуться в бейсбол? — ободряюще улыбнулся Ардженти. — Питчер Джефф Эббот и с одной рукой неплохо справлялся.

— Джефф Эббот... У него не было запястья правой руки, а у меня левая рука отрезана по бицепс...

— Хватит бейсбола, падре, — де Борн жестом приказал Ардженти вернуться на место. — Сержант! У меня для вас новое задание. Выполняя его, вы поможете Америке победить наших врагов за океаном и сохранить мир и спокойствие в стране. Вашей задачей будет помощь в рекрутировании нового поколения солдат. Это большая честь. Вы будете путешествовать по стране, посещать школы...

— Нет.

Лицо министра обороны побагровело.

— Что вы сказали?

— Я не буду этим заниматься. Моя жена была настроена решительно против войны. Я не могу еще раз расстраивать ее, сэр.

— Где сейчас ваша жена? — спросил де Борн. — Я хотел бы с ней переговорить.

— Она не хочет со мной разговаривать. Она меня бросила. Забрала дочь и... ушла...

— Тогда почему вас это так заботит?

— Она в Нью-Йорке.

Глаза всех собравшихся уставились на Ли Нельсон, а та зажмурилась, пожалев о своей несдержанности.

Патрик побледнел.

— Док! Что вы говорите? Что вам сказала Би?

— Я еще не связывалась с ней, — объяснила Ли. — Я получила ее адрес по электронной почте сегодня утром. Возможно, это лишь совпадение, но данные полностью совпадают с информацией, которая у нас есть о вашей жене.

Шеп откинулся на спинку стула. Его тело была едва заметная дрожь.

— У меня есть ее телефонный номер. Мы позвоним и убедимся, что... Шеп! Шеп! Что с вами?!

Его накрыло, словно волной прибой. Внезапно ему стало нечем дышать. Белые мухи замелькали у Патрика перед глазами, на лбу выступил холодный пот. Его тело забилося в судорогах, и он сполз со стула на пол.

Доктор Нельсон распахнула дверь и закричала:

— Медсестру и санитару — ко мне!

Опустившись на колени возле больного, она пощупала его пульс. Слабый и быстрый.

— Ты перенервничал, Шеп! Лежи спокойно и дыши глубже. Все будет нормально.

Де Борн посмотрел на Шеридан Эрнстмайер. Женщина пожала плечами.

— Перенервничал... Вы хотите сказать, что он запаниковал? Боже правый! Сержант, поднимайтесь! И это морской пехотинец армии Соединенных Штатов?!

Вбежала медсестра. За ней интерн вкатил кресло-каталку.

Доктор Нельсон помогла Шепу сесть в кресло.

— Поднимите ему ноги повыше, поставьте холодный компресс на шею и дайте ксанакс.

Интерн увез Патрика из кабинета.

Седоволосый министр обороны хмуро смотрел сверху вниз на Ли Нельсон, надеясь таким образом напугать женщину.

— Где живет его жена? — спросил он.

— Я уже говорила. В Нью-Йорке.

— Дайте мне адрес, доктор Нельсон.

— Господин министр! Так не годится. Психическое состояние Шепа нельзя назвать стабильным. Его воспоминания — фрагментарны, а мозг не оправился от последствий взрыва. Мы постоянно имеем дело с подобного рода ситуациями. Посылая солдата три-четыре раза на войну, почти невозможно не разрушить его брак. Некоторые женщины находят себе других мужчин, другие разводятся. Армия больше не занимается полноценной адаптацией участников боевых действий. Через неделю, прямо из боя, они возвращаются на гражданку. Некоторые солдаты не могут войти в собственный дом, предварительно не проверив, не заминирована ли дверь. Они спят с заряженным оружием под подушкой. Я из собственного опыта знаю случаи, когда вернувшиеся с войны солдаты под действием ночных кошмаров закалывали своих жен или стреляли в них. Не думаю, что подобный срыв благотворно отразится на рекламной кампании по набору рекрутов.

— Я не просил вас, доктор, читать мне лекцию на тему ведения современной войны. Дайте мне адрес его жены.

Ли не знала, что ей делать.

— В условиях экономического кризиса, — сказал де Борн, — высокооплачиваемая работа на федеральное правительство — это то, что нужно. За вашу зарплату мы могли бы нанять двоих человек.

Ли вся напряглась.

— Вы угрожаете мне, мистер де Борн?

— Мисс Эрнстмайер! Свяжитесь с Пентагоном. Нам нужен адрес семьи сержанта.

— Подождите.

Сунув руку в карман халата, Ли Нельсон достала распечатку с адресом и неохотно протянула ее министру обороны.

Опустив глаза, де Борн прочитал вслух:

— Беатриса Шеперд. Бэттери-парк, Манхэттен.

— Это рядом, — сказала Шеридан. — Как для простого совпадения, слишком маловероятно. Может, она здесь из-за него?

— Выясни, — распорядился министр обороны.

— Минуточку, — рассердилась Ли. — Шеперд — мой пациент. Если кто и должен переговорить с его женой, так это я.

— Вы слишком близко к сердцу принимаете сложившуюся ситуацию, — не согласился с ней де Борн. — Жены, которые чувствуют себя обиженными армией, требуют особого подхода. Из слов сержанта выходит, что его женушка — из числа мягкосердечных пацифисток. Или я не прав?

— Не знаю.

— Женщины, которые ставят мораль выше семьи — наихудший вид лицемеров. Возьмем Синди Шихан. Потеряв своего сына, она три года протестовала против американской армии, в рядах которой ее сын отдал свою жизнь за страну, и все ради того, чтобы найти свое место в политике. Я подозреваю, что Беатриса Шеперд сделана из того же теста. Мисс Эрнстмайер знает, как разговаривать с подобного рода людьми.

— Хорошо. Занимайтесь этим, а я, пожалуй, вернусь к исполнению своих прямых обязанностей. У меня есть и другие пациенты.

— Минуточку... Вы должны сделать замеры для протезиста.

— Ему делали замеры еще три месяца назад, — сказала доктор Нельсон. — Тогда сказали, что ждать придется от четырех до шести месяцев.

— Подполковник!

— Я сделаю все к вечеру.

Ли Нельсон почувствовала, что тонет.

— Со всем уважением, но, форсируя события и провоцируя ссору между супругами, вы не сможете решить психологические проблемы Шепа.

— Мы сами разберемся с его семьей, доктор, а вы окажете ему психологическую помощь.

Ли сжала ладони в кулаки. Ее кровяное давление повысилось.

— И где же мне найти ему психиатра? Вытащить, словно фокусник, из воздуха? У меня двести шестьдесят три участника

боевых действий, которым нужна помощь психиатра, треть из них со склонностью к самоубийству, а на три госпиталя у нас только два специалиста...

— Сделаем, — перебил ее подполковник Ардженти. — Днем Патрик Шеперд будет разговаривать с самым лучшим психиатром, которого только можно нанять за деньги налогоплательщиков.

Брови на лице де Борна поползли вверх.

— Еще какие-нибудь возражения, доктор Нельсон?

Женщина, почувствовав себя побежденной, уселась обратно на стул.

— Вы собираетесь нанять психиатра... Отлично, но только не торопитесь. Я не хочу, чтобы соседи Шепа по палате узнали об этом... Возникнет напряжение, а Шеп этого не захочет.

— Правильно подмечено, — согласился министр обороны. — Подполковник! Организуйте сержанту встречи с психиатром в его офисе.

— Не сработает, — возразила доктор Нельсон. — На прошлой неделе мы пробовали. Я вывела его на прогулку в город. Думала, это станет первым шагом на пути возвращения Шепа к нормальной жизни. Не сработало. Будет лучше организовать эти встречи здесь, в госпитале.

— Тогда переведем его в отдельную палату, — сказал де Борн. — Скажите ему, что это подарок от Пентагона.

Министр обороны встал, давая понять, что разговор закончен.

— Сегодня днем я должен быть в ООН, но до этого у меня тоже есть дела. Подполковник, поручаю вам это важное задание. Проинструктируйте психиатра, которого наймете, о том, что Шеперд должен быть в Вашингтоне не позднее январского выступления президента перед конгрессом «О положении страны». У него будет четыре недели, чтобы привести мозги нашего парня в форму. — Де Борн зашагал к двери, потом остановился. — Вам нравится Шеперд, доктор? — задал он Ли вопрос.

— Мне безразлична судьба моих пациентов.

— Я видел, как вы на него смотрели. В этом взгляде читалось сексуальное влечение...

— Сэр! Я никогда...

— Конечно, нет. Но для вас, я думаю, не составит большого труда утешить сержанта в случае, если его жена официально подаст на развод.

— Это, разумеется, не ваше дело, — выпалила Ли Нельсон, — но я счастлива в браке. У меня любящий муж и двое чудесных детей. Лучше вам забыть о Шепе. Что бы ни произошло между ним и Би в прошлом, он любит свою жену и дочь, поэтому поступит так, как захочет она, лишь бы вернуться в семью.

Де Борн кивнул головой.

— Так я и думал.

Площадь Объединенных Наций

10:14

Нападение застигло протестующих врасплох. Триста вышколенных бойцов нью-йоркского подразделения войск быстрого реагирования в противогазах и бронежилетах стремительно ворвались на площадь. Работая по отделениям, они в мгновение ока разогнали толпу: заламывали руки за спины, надевали наручники на тех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление, и рядами укладывали задержанных прямо на холодный асфальт.

Разобравшись с протестующими, военные занялись журналистами.

Не жалея телевизионной аппаратуры и игнорируя конституционные права собравшихся, военные грубо оттеснили потрясенных репортеров и телевизионщиков в сторону, где их скрутили и повязали.

— Это Америка! Вы не можете арестовывать представителей прессы!

— Эй, козел! Слышал о Первой поправке к Конституции?!

Представители средств массовой информации так и не увидели, какова была участь полицейских, стоявших в оцеплении вокруг здания ООН. Стражей порядка тоже «изолировали», а их оружие отобрали. Медики заявили, что все действия являются лишь превентивной мерой, направленной против возможной вспышки свиного гриппа. Полицейских завели в «сортировочный пункт», в одну из четырех палаток, установленных военными на площади. Испуганных людей поместили в отгороженные пластиковыми шторами отделение. Медики в белых скафандрах переходили из отделения в отделение,

осматривали полицейских, заверяя, что все будет хорошо и им нечего волноваться.

— Чист. Ведите его в палатку для наблюдаемых.

— В норме.

— У него небольшая температура.

— У моих детей — грипп... Ничего серьезного.

— В палатку для потенциально больных. Сделайте анализ крови и волос. Затем дайте ему антибиотики.

— Доктор! Посмотрите, пожалуйста, этого человека.

Офицера Гэри Бэка усадили на пол. Его резиновая дубинка лежала рядом. Он весь покрылся потом. Лицо его посерело, но главное — полицейский кашлял кровью.

— Изолятор! Быстро! Сообщите капитану Зваве. Полный анализ крови и волос — через десять минут.

Офицер упал на четвереньки. Его стошнило.

— В палатку-изолятор его!

— Сортировка три — Базе. Пришлите мобильный изолятор и команду чистильщиков. Срочно!

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

10:21

Ли Нельсон ввела пациента в одноместную палату на шестом этаже.

— Не так уж плохо, — говорила она Патрику. — Из окна — вид на Манхэттен... Личная ванная комната...

Врач внимательно наблюдала за реакцией Шеперда. Под действием ксанакса его восприятие реальности стало замедленным. Мужчина обвел глазами комнату и начал обыск: посмотрел под кроватью, поднял матрас, выдвинул ящички тумбочки, заглянул в шкаф и даже проверил сливной бачок унитаза.

— Дорогой, здесь все безопасно. Теперь эта комната будет твоей. Будь хорошим мальчиком и ложись... отдохни... Твое состояние меня беспокоит.

Теплое оцепенение распространялось по телу, смиряя душевную тревогу и ослабляя волю. Патрик опустился на кровать. Его тело наливалось жидким, но не обжигающим свинцом.

— Ли... Послушай... Ты меня слушаешь?

— Да, дорогой. Я внимательно слушаю тебя.

— Ты знаешь, что такое истинная любовь? — спросил он.

— Расскажи.

Мужчина посмотрел на Ли. Его широко открытые глаза наполнились слезами.

— Бесконечная пустота.

Ли тяжело сглотнула.

— Шеп, тебе надо поговорить с человеком, который поможет тебе справиться с эмоциями. Де Борн пришлет хорошего специалиста. До разговора с Би тебе, я думаю, следует поговорить с ним.

— Зачем? — спросил Патрик. — Он скажет мне, что я должен забыть ее.

— Нет, дорогой. Он поможет тебе обрести ясность ума и виды на будущее.

Мужчина кивнул головой на картонную коробку с вещами, стоящую на столе.

— Дай мне книгу Би, — попросил он.

Ли Нельсон перебрала содержимое коробки и вытащила «Божественную комедию» Данте.

— Прочти начало первой песни... начальную строфу...

Женщина открыла книгу и прочитала вслух:

— Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины... — Ли взглянула на Патрика. — Ты считаешь, что похож на героя поэмы? — спросила она.

Мужчина указал рукой на вставленную в раму картину, написанную маслом: прибрежное бунгало на фоне тропического пляжа... Единственное яркое пятно в безрадостных полутонах больничной палаты...

— Это должен был быть я, — прикрыв глаза, пробормотал Патрик. Он быстро погружался в полузабытье. — Теперь это все, что осталось от моей жалкой жизни... Я попаду в чистилище, а потом в ад.

— Я не верю в ад, — сказала Ли Нельсон.

— Ты никогда не была в аду, а я бывал, — ложась на кровать, сказал Патрик. — Я был там четыре раза. Когда я ложусь спать, ад поджидает меня во сне. Ад осквернил меня. Он запятнал мою душу. Я

не хочу, чтобы он коснулся моей семьи. — Его язык заплетался. — Де Борн... Скажи ему: нет... Скажи, чтобы он убирался...

Веки мужчины задрожали. Из горла вырвалось тихое похрапывание.

Дом на берегу был светлым и просторным. Обшитый деревянными панелями потолок гостиной повторял форму двускатной крыши. Из огромных, пятнадцати футов в высоту, окон эркером открывался прелестный вид на деревянную веранду и плавательный бассейн. Вдали синел Атлантический океан.

Риэлтор распахнула застекленные створчатые двери, впуская в помещение соленый океанский воздух и успокаивающий звук прибоя.

— Атлантический пляж — привлекательный своей старомодностью поселок, расположенный на берегу океана. Вам здесь понравится. Дом выдержан в средиземноморском стиле. Пять спальных комнат. Шесть ванных. Есть домик для гостей. Цена до смешного умеренная — всего лишь два миллиона сто тысяч.

Патрик посмотрел на свою лучшую половину.

— Ну?

Красавица-блондинка баюкала их двухлетнюю дочь на правом бедре.

— Щеп! Нам это не нужно.

— Пока нет... но потом, как знать... Теперь я играю в высшей лиге...

— Пока только два матча, — уточнила блондинка.

— Мой агент говорит, что договоры на рекламу, которые я скоро подпишу, обеспечат мне три таких дома.

— Атлантический пляж — далеко от города.

— Детка! Мы будем жить здесь только летом, — сказал Патрик. — В городе мы купим кондоминиум.

— В каком городе? В Бостоне или Нью-Йорке?

— Какая разница. Можно купить две квартиры.

Молодая женщина отрицательно покачала головой.

— Это чистой воды безумие.

— Нет, ваш муж прав, — улыбаясь лучезарной улыбкой, заверила риэлтор. — Инвестиции в недвижимость — самое надежное

капиталовложение. Цены на недвижимость могут только расти. Здесь вы не ошибетесь.

— Весьма признательна за ценную информацию, — пересаживая кудрявую малышку себе на левое бедро, сказала блондинка. — Могу я с мужем переговорить наедине?

— Разумеется. Через двадцать минут придет еще один покупатель на этот дом, так что, пожалуйста, не задерживайтесь.

Риэлтор вышла на веранду и остановилась, словно для того, чтобы полюбоваться плавательным бассейном. Двери за собой она не закрыла и теперь могла прекрасно слышать, о чем говорят потенциальные покупатели, но блондинка с треском захлопнула створчатые двери.

Щеп улыбнулся.

— Ты назвала меня мужем, — сказал он. — Очень мило с твоей стороны.

— Давай все разложим по полочкам раз и навсегда. Мы еще не женаты, и я не выйду за тебя замуж, если еще хоть раз застукаю тебя флиртующим с очередной чирлидеркой.

— То были не чирлидерки... Я же тебе уже говорил... Я не флиртовал, а позировал для «Хутез».

— Когда я вошла, эти близняшки терлись сиськами о твое лицо!

— Это моя работа, — оправдывался Патрик, — часть моего нового имиджа. Я — новая звезда «Бостон ред сокс».

Блондинка раздраженно фыркнула.

— Кто ты? Твое самолюбие переходит всякие разумные рамки. Я с трудом узнаю тебя прежнего.

— О чем ты? — удивился Патрик. — Ведь мы этого хотели. Наша мечта воплотилась в жизнь.

— Не наша, а твоя. Я не хочу выходить замуж за эгоцентричного бабника, который только и думает, в чью постель ему прыгнуть, когда меня нет поблизости.

— Ты несправедлива ко мне. Я никогда тебе не изменял.

— Но хотел изменить... Давай посмотрим правде в глаза. Мы начали встречать еще детьми. Скажи правду! Ты совсем не хочешь переспать с другой женщиной, особенно сейчас, когда они сами бросаются на тебя?

Патрик молчал, не желая врать любимой.

— Да. Я это чувствовала!.. Что ж... Мы поступим так. Я возвращаюсь в Бостон с дочерью, а ты сам решаешь, как жить дальше: или ты веселишься с этими близняшками, или создаешь семью со мной. Лучше прямо сейчас расставить все точки над «i». Я не хочу, чтобы ты через три, пять или десять лет пожалел о неверно принятом решении.

Схватив сумку с подгузниками, блондинка направилась к выходу.

— Дорогая! Подожди...

Блондинка обернулась. В ее глазах блестели слезы.

— Запомни, Патрик Щеперд! Иногда мы не ценим того, что имеем, пока не потеряем.

Патрик застонал, уткнувшись лицом в подушку. Под действием лекарства он не мог очнуться ото сна.

Здание Генеральной Ассамблеи ООН

10:28

Дрожащий Джеффри Кук, начальник управления службы безопасности ООН, ввел в комнату контроля здания Генеральной Ассамблеи ООН семь человек в костюмах биологической защиты с закрытыми ребризерами лицами и в толстых перчатках.

— Пожалуйста! Прошу внимания!

Дюжина пар глаз оторвалась от мониторов системы безопасности.

— Это капитан Звава из лаборатории по исследованию инфекционных заболеваний форта Детрик. Ему нужна наша помощь.

— Боже правый! Что стряслось!

— А дышать безопасно?

— Мы подверглись нападению?

— Спокойно!

Джей Звава показал фотографии с рабочих пропусков подозреваемых из Научно-исследовательского института инфекционных заболеваний армии США.

— Мы должны определить местопребывание этих двух людей. Мужчина и женщина. Они оба или кто-то из них мог проникнуть на территорию ООН, начиная с восьми часов утра. Нам надо знать, в какое здание они входили, с кем вступали в контакт и успели ли покинуть территорию комплекса.

Члены команды капитана Джея Звавы раздали техникам фотографии Мэри Клипот и Эндрю Брадоски вместе с компакт-дисками.

— Файл на диске содержит ДНК-маркеры подозреваемых. Пропустите их через систему наблюдения. Начните со здания Генеральной Ассамблеи, затем поищите этих людей в остальном комплексе ООН.

— Кто они? Мы подвергаемся опасности?

— Нам тоже надо надеть костюмы биологической защиты?

— Скафандры — это превентивная мера безопасности для моих людей, — солгал капитан Звава. — Поскольку все вы были в этой комнате, то находитесь в полной безопасности.

Один из техников заволновался.

— Я ходил в туалет десять минут назад.

— Ничего страшного, — сказал капитан. — Один из моих медиков вас осмотрит.

— Один из медиков... Боже правый! Это биологическая атака?

— Спокойно! Мы даже не уверены, что подозреваемые проникли на территорию комплекса.

Техники вставили диски в дисководы и начали перекрестную проверку лиц тех, кого сняли камеры слежения утром.

Джеффри Кук отвел капитана в сторону.

— Ваши люди перекрывают все входы и выходы. Это противозаконно.

— Нет. Это обычная мера предосторожности. Никто не покинет здания ООН без проверки.

— Проверки на что? — спросил Джеффри Кук.

— Вы узнаете, когда в этом появится необходимость. Надеюсь, она не появится.

— А как насчет дипломатов и глав иностранных государств? Вы не можете запретить этим людям покинуть здания. Они имеют дипломатическую неприкосновенность.

— Ни один человек не покинет территорию комплекса, пока мы не убедимся, что он здоров, — твердо заявил капитан Звава. — Это приказ, согласованный с Пентагоном и Белым домом.

— А президент? Вы и ему запретите выходить?

— А что, президент здесь?

— Есть! Я ее нашел! — крикнул сидящий в инвалидном кресле-каталке техник Камерон Хагс.

Все головы повернулись в его сторону. Джеффри Кук заглянул ему через плечо. На черно-белом экране замерло нечеткое изображение. Компьютер увеличил четкость. Теперь, без сомнения, на экране проступило не предвещающее ничего хорошего хмурое лицо Мэри Луизы Клипот.

— Камерон! Где это снято?

— У главного входа. Вот черт! Смотрите на время. Одиннадцать минут десятого.

Пот градом катился по лицу капитана Завы. Он подавил в себе безрассудное желание стянуть шлемофон с головы.

— Промотайте вперед запись. Быстро! Куда она пошла?

Изображение перепрыгнуло с одного края экрана на другой, последовало за Мэри Клипот через все контрольные пункты системы безопасности и потеряло ее из вида в темноте зала Генеральной Ассамблеи.

— Дайте наводку...

— Минутку, сэр! — снова возникло изображение коридора. — Смотрите! Она выходит! Видели? Она говорит с офицером службы безопасности... Направляется к лифтам...

Упущенное время, подобно силе гравитации, давило на Джея Заву. Опоздание в один час ставило его в крайне невыгодное положение. Каждая минута видеозаписи обнаруживала новых и новых контактеров. Риск распространения «Косы» внутри комплекса зданий ООН возрастал с каждой секундой.

— Слишком медленно, — заявил капитан. — Перемотайте видеозапись вперед. Я должен знать, в здании ли она еще или нет. Кук! Предоставьте мне список людей, с которыми подозреваемая вступала в контакт. Затем мне нужна информация обо всех людях, с которыми общались эти люди.

— Да вы с ума сошли? Это сотни, возможно, тысячи людей... У меня не хватит сил...

— Женщина, которую мы ищем, возможно, заразила себя крайне контагиозным штаммом бубонной чумы. Каждый человек, на которого она подышала, мог стать потенциальной жертвой и носителем

инфекции... Так что исполняйте ваш долг. Делайте все быстро. Никто не покинет этой комнаты.

Капитан Звава извлек из пояса для инструментов мобильный телефон и, не снимая перчатки, указательным пальцем нажал кнопку быстрого вызова. Другой рукой он изменил настройки своего шлемофона, переключаясь с командного поста в форте Детрик на безопасный мобильный номер брата.

Форт Детрик

Фредерик, Мэриленд

Командный центр форта Детрик стал местом передачи информации между Овальным кабинетом, Пентагоном и конгрессменами. Сейчас все, кто был на связи, по уши завязли в нескончаемых дебатах, поэтому, устав выслушивать спор между председателем Объединенного комитета начальников штабов, вице-президентом и государственным секретарем, полковник Джон Звава пошел в свой кабинет.

Личный телефон завибрировал в кармане его брюк.

— Слушаю.

— Крутой! Это Вкусный! Могу я говорить?

— Вольно, Джей.

Полковник закрыл дверь своего кабинета и спросил у брата:

— Плохо дело?

— Полный амбец. Все, кто находится в зале Генеральной Ассамблеи, инфицированы. Мы еще не знаем, насколько все серьезно, но президент в эту минуту выступает, с речью перед делегатами ООН.

— Черт побери, Джей! Надо его оттуда вытягивать.

— Конечно, надо... Но только как? Подскажи, как все повернуть, не вызвав всеобщей паники.

Полковник лихорадочно размышлял.

— Сообщение о взрывном устройстве, — предложил он. — Я предупрежу секретную службу. Пусть твои люди окружают зал заседаний, а ребята из отряда чрезвычайного реагирования разведут делегатов по их офисам в здании. Изолированных друг от друга людей ребятам из Центра контроля заболеваний будет гораздо проще осмотреть, переходя из офиса в офис.

— А что делать с президентом?

— Переведите Когело и его людей на президентский этаж подальше от других, но, Джей, ни в коем случае не выпускай его из здания. Никто, повторяю, никто не покинет комплекса зданий вокруг площади, пока мы не разберемся с «Косой». Ты меня понял?

— А что если его люди, несмотря на запрет, захотят вывезти президента? — спросил Джей Звава.

Полковник посмотрел сквозь стекло, отгораживающее его кабинет от командного центра, на стену, состоящую из экранов с говорящими головами.

— Они как раз спорят об этом. Эти придурки из Пентагона завели нас черт знает куда, а теперь, видите ли, спорят... К счастью, коль скоро это касается сдерживания распространения болезни, у меня достаточно полномочий, и я приказываю: никто не должен покинуть здания. Понятно? Пусть это останется между нами. Если люди президента запаникуют, ты прикажешь ликвидировать его агентов секретной службы.

— Бог ты мой! Не зря тебя прозвали Крутым.

— Поступай в соответствии с приказом, — сказал полковник, — а погибшим мы отдадим почести на суде. Где Джесси?

— В переулке. Ищет чемоданчик.

Переулок

46-я Восточная улица Тюдор-сити, Манхэттен

10:42

Джесси Звава и три члена команды «Дельта» вошли в переулок. Резиновые подошвы ботинок скользили по снеговой каше через проложенные колесами автомобилей колеи. Снег под ногами расплзался во все стороны. Ветер свистел в узком переулке, но шлемофоны заглушали этот свист. В оранжевых скафандрах биологической защиты и ребризерах, с полным полевым снаряжением и длинными палками-щупами они были похожи на астронавтов, спустившихся на Землю, чтобы сразиться с невидимым врагом.

Две недели назад доктор Арти Кремер перенес небольшую пластическую операцию на бедре и теперь немного прихрамывал. Костюм биологической защиты, который ему выдали, оказался слишком велик. Он собрался складками вокруг колен, мешая при ходьбе. Еще час назад Кремер и его жена наслаждались чудесным

завтраком в ресторане «Тропикана» города Атланты, впереди у них была целая неделя заслуженного отдыха, но... Дядюшка Сэм расстроил их планы.

Резервисты! Мы никогда не забудем о вас!

Врач натолкнулся на человека, шедшего впереди. Команда остановилась.

Капитан Звава находился в пятидесяти футах от контейнера для мусора. Его рука сжимала джи-пи-эс. Объект, который они искали, лежал поверх горы мусора, но на асфальте перед контейнером валялось кое-что еще. Сначала командир принял это за кучу старого тряпья, но вдруг тряпье зашевелилось.

— Доктор Кремер!

Арни подошел к капитану. Вокруг кучи тряпья копошилось более дюжины крыс, каждая размером с футбольный мяч. Их черный мех блестел от пятен свежей крови.

«Они едят... Но что?»

— Это мертвая собака? — спросил доктор Кремер.

— Посмотрим.

Вытянув вперед палку, капитан ударил ею по куче тряпья. Грызуны не испугались и продолжали есть.

Оба мужчины отскочили назад. Кремер поперхнулся.

Кучей тряпья оказался подсобный рабочий. Крысы выели глаза и обглодали правую сторону его лица. Два самца дрались за зрительный нерв, тянувшийся, словно спагетти, из пустой глазницы трупa. Остальные, похожие на выводок щенков, сосущих молоко у матери, доедали то, что осталось от внутренностей человека. Крысы заползали внутрь, под кожу, от чего казалось, будто человека пучило.

Когда перепачканный кровью маленький грызун выполз изо рта мертвеца, Звава потерял самообладание. Отступив подальше, он выдернул правую руку из рукава, скафандра, нащупал на груди прикрепленный с внутренней стороны защитного костюма гигиенический пакет и поднес его ко рту за секунду до того, как изрыгнул остатки завтрака.

Остальные члены команды «Дельта» стиснули зубы и старались не обращать внимания на мерзкие звуки в наушниках шлемофонов.

Райан Глинка, второй по званию в команде, подошел к Зваве.

— С вами все в порядке, капитан?

Джесси Звава утвердительно кивнул головой. Запечатав пакет, капитан всунул его во внутренний карман и повернулся к своим людям.

— Мистер Зейферт! Думаю, это ваша сфера профессиональных интересов.

— Слушаюсь, сэр! — ответил Габор Зейферт и сделал пару шагов по направлению к трупам.

Впрочем, он не рискнул приблизиться к мертвецу вплотную. Ветеринар-эпизоотолог из Венгрии, специалист по быстро распространяющимся инфекционным болезням у животных, никогда прежде не бывал в деле.

— Что-то здесь не так, — заметил он. — В обычных условиях крысы так не едят. Что-то на них воздействует, стимулирует...

— Тс-с-с! Слышите?

Райан Глинка поднял руку, призывая всех к молчанию.

Несмотря на завывание ветра и сирен вдалеке, они услышали мерное постукивание из стального контейнера для мусора, а черная крыса на глазах членов команды взобралась по проржавевшей стенке контейнера и запрыгнула внутрь.

Мурашки побежали по спине доктора Кремера.

Капитан Звава прикрепил к концу палки-щупа крюк и протянул ее Зейферту.

— Вытащите оттуда чемоданчик... осторожно...

Габор медленно приблизился к мусорному баку. А крысы, словно одержимые, заскакивали и выскакивали из контейнера, не обращая внимания на человека. Венгр подошел еще ближе и заглянул через край.

— Nem értem!

Масса черных тел и розовых голых хвостов дралась, щелкала зубами, копошилась, влезая друг на друга, в попытке добраться до чего-то, погребенного под массой тел. Перед глазами военного мелькал омерзительный калейдоскоп живых, мертвых, раненых зараженных чумой крыс.

— Мистер Зейферт!

— Извините, сэр! Я сказал: «Не понимаю». Их здесь так много! Мы должны...

Крыса запрыгнула на плечо Габору. Ветеринар хотел сбросить ее, но грызун крепко вцепился зубами и когтями в ткань скафандра. Из мусорного контейнера на Габора Зейферта прыгнули еще две крысы... затем еще одна... Крысы прыгали по три-четыре за раз и скоро их было не счесть.

Ветеринар пошатнулся и налетел на доктора Кремера. Черные крысы сидели у него на плечах и висели, вцепившись в ткань защитного костюма на спине и бедрах. Теперь грызуны набросились на Арни. Медики бросились наутек, когда острые когти и зубы крыс вонзились в их скафандры...

Райан Глинка выпустил из цилиндрической трубки в направлении крыс струю сжатого углекислого газа. Твари меховыми мешочками мгновенно попадали в снежную кашу, конвульсивно подергивая маленькими лапками.

Джесси Звава переступил через судорожно хватающих пастями воздух грызунов и подошел к контейнеру, сжимая в руках гранату с CO₂.

— Кому рататую?

Выдернув чеку, капитан бросил гранату в мусорный бак.

Бам-м-м!

Кусочки тел грызунов полетели во все стороны. Звон покоруженного металла накрыл волной наушники шлемофонов. Облако углекислого газа поднялось над мусорным контейнером.

Доктор Кремер справился с рвотными позывами и вытер кровь и клочки черной шерсти со стекла шлема.

— Не слишком ли радикально?

— Нам нужен чемоданчик. Думаю, он где-то под крысами.

— Эти крысы могут оказаться переносчиками инфекции, — сказал Зейферт. — Мне нужно несколько живых особей для токсикологической экспертизы.

— Если вам нужны живые крысы, поймайте их, Габор, — раздраженно произнес капитан. — А в мусорнике вы найдете филе из маленьких ублютков.

Обойдя стальной контейнер, из которого валил дым, Джесси Звава налег на него всем телом — всеми двумястами фунтами собственного веса и, опрокинув, высыпал его содержимое на усыпанный мусором тротуар.

Райан Глинка потыкал палкой в куче окровавленных крысиных трупов и, подцепив крюком, вытащил открытый чемодан.

Крысы полностью обглодали его. Все, что осталось, — часть ручки и стальной каркас, обе половинки которого держались на испачканных кровью петлях.

Глинка поднес остатки чемоданчика ближе к командиру.

— Кажется, у нас большие проблемы, капитан, — сказал он.

— Смотрите!

Встав на одно колено, Джесси Звава осветил фонариком канализационную трубу, тянущуюся вдоль здания. В трубе зияло отверстие, из которого поблескивали крошечные красные глазки инфицированных чумой грызунов. Они смотрели на человека и... ждали...

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.
Перевод со старофранцузского.

4 января 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

Смерть пришла в Авиньон.

Вот уже несколько месяцев страшные известия приходят к нам из Генуи и Сицилии. Чума проникла на Сардинию и Мальорку. Ходили слухи о том, что она поразила Венецию и Рим. Через несколько недель слухи подтвердились. Испуганные люди, наши ближайшие соседи, потянулись на восток к Марселю и Экс-ан-Прованс. Жители Авиньона оставались в своих домах и, не смыкая по ночам глаз, с затаенным ужасом в душе надеялись, что бубонная чума пощадит папский город и его горожан. Все мы надеялись на Господне милосердие.

Мы ждали и молились. Многие думали, что нам будет явлено некое знамение — землетрясение или ядовитый дождь, но ничего такого не произошло. Чума, которая поставила на колени огромную татарскую империю в Азии и обезлюдела все большие торговые города Черного моря и Средиземноморья, пришла в Авиньон ночью, никем не замеченная, пока мы спали. Было начало зимы. Утром в переулке городская стража обнаружила труп чужака. К вечеру болезнь поразила уже десятки людей.

Следуя моим рекомендациям, папа Климент VI приказал запереть городские ворота, но, боюсь, слишком поздно.

Гвидо

Война с применением бактериологического оружия

Фаза № 3

Распространение от человека к человеку

С начала февраля Управление уголовных расследований в форте Мил изучает деятельность Научно-исследовательского института инфекционных заболеваний армии Соединенных Штатов Америки, расположенного в форте Детрик. Приостановив работу над большинством проектов, НИИ ИЗА США провел инвентаризацию и обнаружил излишек некоторых возбудителей болезней и токсинов. Впрочем, представителей Управления уголовных расследований не успокоило данное заявление. Их беспокоил не излишек биоматериалов, а возможные «утечки» в период с 1987 по 2008 год.

Катерина Хиэрбранд.

Газета «Фредерик Ньюс Пост», 22 апреля 2009 года

20 декабря

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

10:44

21 час 19 минут до предсказанного конца света

Рыжеволосая женщина лежала на носилках-каталке в машине «скорой помощи», что-то бормоча и с кем-то споря. Горячка погружала ее сознание в мгновения блаженного неведения. Женщина очнулась и выbleвала содержимое своего желудка со сгустками мокрот на одеяло. Спазмы в животе вернули ее в водоворот действительности. Она с трудом открыла глаза и посмотрела, есть ли в ее блевотине кровь. Благодаря ее гению новая «Коса» поражала организм с поразительной скоростью.

Голова болела. Бедро жгло огнем в месте удара о капот такси. Маленький Исусик бил в животе ножками. Каждый крутой поворот, каждая неровность на дороге отзывалась болью во всем теле Мэри Клипот. Непрекращающийся вой сирены сводил с ума. Писклявый голос в темном закоулке мозга выкрикивал грязные оскорбления и

поднимал панику, как заведенный повторяя одну и ту же мантру паникера: часы тикают, а сыворотка спрятана в ступице колеса в багажнике взятого напрокат автомобиля.

И кто теперь гений?

Машина «скорой помощи» резко затормозила, выводя ее из полузабытья. Сирена смолкла. Отчаяние завладело Мэри.

Скажи им прежде, чем они...

Прежде чем Мэри Клипот смогла вымолвить хотя бы слово, носилки-каталку вытащили под слепящее глаза серое небо. Она вдохнула морозный воздух... Вверх по пандусу... Вдоль по коридору, освещенному неоновыми лампами... Всюду жестко контролируемый хаос... Новые лица... Люди в белых халатах с бейджиками на груди... Они смотрят на нее сверху вниз, но не прислушиваются к ее словам.

— Что у нас здесь?

— Ее сбило такси. Под сорок. Беременна. На девятом месяце. Она была в сознании, когда мы приехали. Учащенный пульс. Высокая температура. Кровяное давление — восемьдесят на шестьдесят. Кажется, удар пришелся ей по ягодицам.

— Она очень бледна. У нее есть открытые раны?.. Кровотечение?..

— Ничего такого мы не видели, но в машине у нее изо рта шла кровь. Думаю, надо срочно делать кесарево сечение, если, конечно, есть шанс спасти ребенка.

— Согласна. От нее чем-то воняет.

— Не знаю. Может, русские не любят принимать ванну.

— Откуда ты взял, что она русская?

— При ней было удостоверение на имя Богданы Петровой, работника русского посольства.

— Отвезите ее на рентген. Мы заберем ее оттуда.

Здание Генеральной Ассамблеи ООН

10:46

— Угроза взрыва бомбы... — агент секретной службы подозрительно смотрел на грузного мужчину в оранжевом костюме биологической защиты. — А где команда саперов?

— Мы и есть саперы.

— Вранье. На вас скафандры биологической защиты.

— Да. Угрожавший говорил о биологическом оружии. Если бомба на самом деле есть и она взорвется, мы будем в безопасности, чего не скажешь о вас. Итак, или вы сию минуту уведомляете президента, или я делаю это сам. В этом случае поднимется паника. А тут у вас сотни дипломатов и глав иностранных держав.

Охранник президента выругался вслух и, опустив голову, вышел из-за кулис на сцену и зашагал к трибуне.

— ...Никто не хочет войны, но мы не остановимся даже перед нею, если на карту будет поставлено полное уничтожение наших крупнейших городов. Обогащенный уран можно использовать как в портативных бомбах, уместающихся в чемодане, так и в боеголовках баллистических ракет. В прошлом Иран, не задумываясь, вооружал террористические группы, такие как «Хезболла» и «Хамас», а те, в свою очередь, не задумываясь, использовали бы ядерные бомбы в чемоданчиках против населения Израиля или любой другой суверенной нации. Таким образом, любой договор...

Президент Когело замолчал. Долговязый лидер свободного мира прислушивался к тому, что агент секретной службы шептал ему на ухо.

— Мистер генеральный секретарь! Уважаемые гости! Мне только что сообщили, что получен звонок с угрозой взорвать Генеральную Ассамблею ООН. Силы национальной безопасности держат ситуацию под контролем, но в целях безопасности нас просят отложить наши прения, пока минеры будут искать бомбу. Всех дипломатов и глав государств, включая меня, просят проследовать в отведенные нам апартаменты в здании секретариата и ждать дальнейших указаний.

Агент секретной службы взял президента под руку и повел со сцены. В это время два десятка вооруженных до зубов бойцов отряда чрезвычайного реагирования в белых скафандрах вошли в зал с заднего входа и вывели изумленных делегатов в коридор.

Перекресток 22-й Восточной улицы и 1-й авеню

Нижний Ист-Сайд, Манхэттен

10:47

Осталось пройти еще один квартал...

Венди Мец была еле жива от усталости...

Мать-одиночка восьмилетнего мальчугана в октябре начала ходить на свидания, знакомясь с мужчинами по Интернету. Примерно в то же

время Венди решила сбросить лишних пятнадцать фунтов. Ее обычный маршрут — от площади Объединенных Наций, где она работала в утреннюю смену, до автобусной остановки на 23-й Восточной улице. За три месяца ее талия уменьшилась на два размера, не говоря уже о деньгах, сэкономленных на метро. Но сегодня утром женщина чувствовала себя ужасно, казалось, она вот-вот упадет в обморок.

Скамейку на автобусной остановке она заметила издали. И это придало ей сил. Каждый шаг отдавался болью во всем теле. Какое-то странное онемение растекалось от шеи вдоль позвоночника к пояснице и ногам. Сильный ветер дул с Ист-Ривер, охлаждая разгоряченный лоб женщины. Она замедлила шаг, пошатываясь из стороны в сторону, и почувствовала, что у нее жар.

Налетел порыв ветра. Женщину бросило в озноб.

Наверное, в сотый раз она вспомнила бледную незнакомку в туалете и подумала: *«Чем же я от нее заразилась?»*

Взгляд Венди затуманился. Она напряглась и вдруг с необыкновенной ясностью увидела все вокруг, например, уличного торговца вдалеке, протягивающего покупателю баночку йогурта.

«Наверно, у меня низкий уровень сахара».

Венди заметила, что на 1-ю авеню поворачивает автобус 25-го маршрута.

«Скорее домой. Надо принять лекарство против гриппа, съесть тарелку горячего супа и поспешить обратно, пока не началась обеденная смена».

Помахав водителю автобуса рукой, Венди Мец вошла внутрь и вместе с семнадцатью другими пассажирами поехала в направлении Восточного Мидтауна и Саттона.

Площадь Объединенных Наций

10:48

Палатка-изолятор быстро наполнялась. Тех, кого объявили инфицированными, теперь насчитывалось двадцать два человека. Каждые шесть минут добавлялось по человеку. Большинство из них — полицейские или демонстранты, задержанные на площади Объединенных Наций. К ним вскоре добавились офицеры службы

безопасности ООН, которые встретились на пути Бубонной Мэри во время ее «турне» по зданию.

Первый выявленный контактер лежал в герметичном изоляторе. Легкие носилки окружала разборная металлическая конструкция, на которую натянули полупрозрачный пластик. Изолятор был снабжен собственной системой подачи воздуха, которая, создавая более низкое давление внутри, препятствовала проникновению вредоносных микробов наружу. Восемь пластиковых ручных манжет, по четыре с каждой стороны, позволяли медицинскому персоналу добраться до больного без нарушения герметичности изолятора.

Офицер Гэри Бэк был очень напуган. Он понимал, что заразился какой-то очень опасной гадостью. Полицейский чувствовал, как болезнь отравляет его организм. Из-за горячки и крайней степени нервного возбуждения его сердце учащенно билось, кровяное давление понизилось, а по коже забегали мурашки. Врачи в белых скафандрах уверяли, что антидот, вливаемый в вену через иглу капельницы, спасет его. Они твердили, что с ним все будет хорошо. Гэри Бэк им поверил и немного успокоился, а тем временем валиум, смешанный с субстанцией «Антикоса», разливался по его венам.

Здесь, в изоляторе, Гэри Бэк думал о своей жене Кимберли и двух детях. Слава Богу, что они сейчас в Пенсильвании, в городке Дойлес, навещают родителей его жены. Гэри чувствовал себя одиноким человеком, случайно оказавшимся не в том месте в неподходящее время, и с трудом сохранял спокойствие.

Ты жив. С тобой все будет хорошо. Специалисты позаботятся о твоём здоровье. Слушайся их советов, и ты вылечишься прежде, чем жена вернется домой от родителей.

Подошла женщина в белом костюме биологической защиты.

Она спросила по интеркому:

— Как себя чувствуете, офицер Бэк?

— Неважнецки. Меня опять стошнило. Все тело болит... И у меня тут... на шее... что-то вспухает.

— Ничего страшного. Это лимфоузел. Старайтесь его не чесать. Мне надо взять у вас еще немного крови на анализ.

— Берите.

Офицер Бэк закрыл слезящиеся глаза. Его тело дрожало мелкой дрожью.

Медсестра набрала в шприц немного крови и впрыснула ее в пробирку-резервуар.

Джей Звава чувствовал, как его засасывают зыбучие пески. Он еще раз прочел медицинский доклад доктора Кремера. Из армейской палатки вышел его младший брат Джесси и сразу же направился к Джею.

— Две команды специалистов по борьбе с грызунами — на пути сюда, — отрапортовал он.

— Лучше прочитай это. Токсикологический отчет о состоянии первых инфицированных.

Джесси Звава просмотрел отчет и помрачнел — это было заметно даже сквозь стекло маски.

— Это объясняет...

— Что?

— Теперь мы в полном дерьме.

— В полнейшем, — согласился Джей. — Не разглашай эту информацию. Это должно остаться между нами и доктором Кремером. Если кто-то другой узнает...

— Ты уже доложил Зету?

— Сейчас позвоню...

— Полковник! У команды «Альфа» срочное сообщение.

— Пусть подождут... Сейчас...

Джон Звава приглушил звук установленных на стене видеомониторов.

— Мистер вице-президент, леди и джентльмены!. Мы только что получили новую информацию от работающей на месте команды... Капитан! Вам слово.

— Полковник! У нас критическая ситуация. Анализ крови инфицированных больных показал, что ДНК бактерий не совпадает с ДНК «Косы».

Доктор Лидия Гагنون схватила ближайший к ней микрофон. Ее голос зазвенел в наушниках Джея Звавы.

— Как это «не совпадает»? В украденном чемоданчике был чистый штамм «Косы»!

— Понимаю, но наши антибиотики оказались бесполезны. Никому из больных не стало легче. Думаю, Клипот каким-то образом изменила ДНК «Косы».

Почувствовав легкое головокружение, полковник Звава опустился на стул.

— Капитан! Пусть доктор Кремер направит все результаты анализов крови в лаборатории четвертого уровня. Доктор Гагنون! Когда ваша лаборатория сможет синтезировать эффективный антибиотик?

— Когда?.. Не знаю, полковник... Может, через день, а может, через год. Это бесполезно. Разве вы не видите, что «Коса» убивает за пятнадцать часов? Заболевание распространяется слишком быстро. Мои люди просто не успеют определить его генетический код, не говоря уже о лечении. Всякий, кто вступает в контакт с заболевшим, может считать себя ходячим трупом. Игра окончена. Мы проиграли. Теперь речь идет лишь о минимизации ущерба. Еще немного, и эта болезнь превратится в глобальную пандемию. Манхэттен — остров и его относительно легко изолировать. Мы должны перекрыть всякий въезд и выезд с острова... Причем немедленно!

— Она права, полковник, — подал голос Джей Звава. — Глава службы безопасности ООН подал мне неполный список лиц, которые контактировали с Клипот. По крайней мере, двенадцать человек уже покинули здание Генеральной Ассамблеи ООН. Кордоны оцепления уже ничего не дают. Мы опоздали на тридцать три минуты.

Доктор Гагنون стояла за монитором вице-президента. Ее голос дрожал от страха.

— Сэр! Или мы изолируем Манхэттен прямо сейчас, пожертвовав жизнью двух миллионов человек, или к завтрашней ночи все человечество, за исключением нескольких диких племен третьего мира, вымрет.

10:51

Районы Бронкс и Квинс отделяют от острова Манхэттен воды реки Гарлем. За быстрой Ист-Ривер начинается Бруклин. За полноводным Гудзоном к югу и западу от Манхэттена находятся Стейтен-Айленд и Нью-Джерси. Их соединяют с центром города две тысячи миль автобусных маршрутов, шестьсот миль туннелей метрополитена,

восемь мостов, четыре автомобильных туннеля, две главные железнодорожные ветки, несколько десятков паромов и вертолетов.

Федеральное правительство выдвинуло требование через пятнадцать минут перекрыть все входы и выходы с острова. Вице-президент Кравиц дозвонился до губернатора Нью-Йорка Даниеля Чирило Второго, когда тот находился на полпути к горнолыжному курорту в Вермонте. После «перестаньте задавать вопросы и выполняйте приказы» губернатор позвонил генеральному директору центрального транспортного управления города Нью-Йорка, в чьем ведомстве находятся метро, железная дорога и автобусные маршруты. Через четверть часа все движение было остановлено в связи с повышенной опасностью террористического нападения.

В 11:06 по восточному времени все автомобильные мосты и туннели Манхэттена превратились в бесконечные пробки, оглашающие воздух звуком тысяч автомобильных гудков. Впрочем, до настоящего хаоса еще было далеко...

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

11:07

На лужайке с чахлой травой, усыпанной стреляными гильзами, в тени полуразрушенного трехэтажного дома дюжина иракских детей играли в футбол.

Патрик Щеперд наблюдал за игрой, стоя в тени старой церкви, которую недавно начали восстанавливать. Солдаты круглосуточно охраняли этот объект. Маленькая девочка, которую товарищи Щепера прозвали Большими Глазами наконец первой добежала до мяча, но ватага старших по возрасту ребят набросились на нее, и девочка упала. Когда мальчишки побежали дальше, Большие Глаза лежала на земле и плакала. Ее правая коленка кровоточила.

Патрик подбежал к девочке. Протиснувшись сквозь толпу обступивших ее детей, он присел на корточки возле пострадавшей и осмотрел ее рану.

— Не плачь, детка, ничего серьезного. Мы сейчас ее промоем.

Карие глаза девочки были полны слез. В них Патрик увидел отражение американского солдата. Он отложил в сторону автомат

и вытащил аптечку. Сначала он промыл рану антисептиком, а затем наложил марлю и перебинтовал.

Девочка обняла его. Патрик немного подержал ее на руках и отпустил.

Игра продолжилась.

Сержант вернулся к церкви, где его поджидал Дэвид Кантор.

— Мило... очень мило... — сказал он.

— Малышка ко мне привязалась.

— Она умеет понравиться. Наслаждаешься спокойствием?

— Не особо, — признался Патрик. — Я не за тем шел на войну, чтобы охранять полуразвалившиеся церквушки.

— Эта церковь является в определенном смысле визитной карточкой Ирака. Ты видел фильм «Экзорцист»?

— Нет.

— В начале фильма показана заброшенная церковь — эта церковь. Съёмки проводились в Ираке еще до захвата власти Саддамом. Тогда страна зарабатывала неплохие деньги на кинематографе. Когда мы отреставрируем церковь...

— Я пошел в армию не для того, чтобы реставрировать старые церкви, которые снимали в каком-то фильме, — перебил его Патрик.

Он достал пистолет из кобуры, снял затвор и промасленной тряпичей осторожно обтер оружие от мельчайших крупиц песка.

— Зачем же ты тогда пошел в армию? — спросил Дэвид Кантор.

— Я хотел убивать врагов Америки, чтобы предотвратить повторение событий одиннадцатого сентября.

— Режим, правивший Ираком при Саддаме, не повинен в терактах одиннадцатого сентября.

— Вы знаете, о чем я хочу сказать, не хуже меня.

— Я знаю лишь то, что у тебя есть серьезные основания ненавидеть Саддама. Ты зол, и эту злость ничем не унять. Сколько бы ты не чистил свое оружие...

— А вы здесь почему? — спросил Патрик.

— Из-за иракского переводчика, с которым познакомился в Кувейте в тысяча девятьсот девяносто первом году. Его приписали к нашему взводу. Во время занятия по страноведению он рассказал нам, что был солдатом правительственных войск во время переворота, организованного боевиками Баас.^[29] Со слезами на глазах он

вспоминал, как сражался на ступенях президентского дворца. После поражения он вынужден был бежать из страны, иначе его ждала смерть. Баасисты повесили нескольких его родственников. А еще наш переводчик рассказывал о пытках и насилии над женщинами, которыми славились баасисты. Его семья так и не оправилась от этих ужасов. Им пришлось жить в постоянном страхе перед собственным правительством. После занятия он и другие учителя, в основном переводчики, которые добровольно вызвались нам помогать, долго пожимали нам руки и благодарили за нашу миссию. Эти немолодые люди, чьи волосы давно покрыла седина, рисковали не только своими жизнями, но и жизнями членов своих семей, оставшихся в Ираке, но они были нам благодарны. Они побывали в таких переделках, что нам и не снились. Они со слезами на глазах вспоминали события, приведшие Саддама и его партию к власти. Я проникся презрением к диктатору. Мне не нравилось то, что США косвенно были причастны к его приходу к власти. Во время ирано-иракской войны американское правительство до зубов вооружило армию диктатора. Общаясь с этими людьми, я проникся глубоким уважением к иракскому народу, полюбил его культуру. Как и мы, они хотели жить в мире без страха перед собственным правительством. Если начистоту, сержант, я здесь для того, чтобы восстановить справедливость.

Собрав пистолет, Щеп всунул обойму на место и передернул затвор.

— Я тоже, капитан. Я тоже.

Патрик Шеперд проснулся, словно от внутреннего толчка. С удивление он осмотрелся в незнакомой обстановке.

«Де Борн. Одноместная палата».

Мужчина привстал на кровати. Сердце колотилось в груди.

«Надо вспомнить... Надо вспомнить что-то важное... Моя семья... Нельсон нашла мою семью».

Патрик свесил ноги с кровати.

Неожиданно это подействовало на Шепу отрезвляюще. Его жена и дочь совсем рядом, на Манхэттене! Можно взять такси и поехать к ним прямо сейчас. Захотят ли они с ним встретиться? Как лучше все организовать? А что будет, если жена вновь отвергнет его? Вдруг она

вышла замуж во второй раз? А его дочь... Теперь она больше не курчавый младенец. А что, если у нее появился новый «папа»? Захочет ли она с ним встретиться? Рассказывала ли ей Беатриса о настоящем отце?

— Беатриса. Беатриса Шеперд. Беатриса, — повторил он вслух.

Имя казалось с одной стороны до боли знакомым, а с другой каким-то чужим.

— Би... Би Шеперд... Би... Тетя Би...

Он ударил себя ладонью по правому виску. На глазах выступили слезы.

«Какое имя у дочери? Первая буква... Надо перебрать все имена по алфавиту... Так мне говорил врач в Германии... А... Анна... Алексис... Б... Беатриса... Нет... Барбара... Бетси... Бонни...»

Мужчина призадумался.

— Бонни?.. Бонни Шеперд?.. — вслух произнес он. — Что-то в этом есть, но не то.

Он пошел в туалет. В нос ударил вездесущий в больнице запах дезинфекции.

— В... Виктория... Вирджиния... А может Г? Грейс... Габриэлла... Глория... Д... Диана... Даниэла... Дебби... Дара...

«Минуточку, надо найти книгу с перечнем женских имен. Точно! Компьютер в библиотеке!»

Помыв руку, Патрик выскочил из туалета и чуть было не столкнулся с опрятным мужчиной, который нес длинную картонную коробку и лэптоп.

— Это вы сержант Шеперд? Я Терри Стригер. Я буду вашим специалистом по трудотерапии?

— А это что такое? — удивился Патрик.

— Ваш протезист. Вот... Смотрите... Я принес вам протез... Хорошего качества. Я надену его на вас и научу им пользоваться. Вы не могли бы снять вашу рубашку?

— Зачем? А-а-а... Извините. — Патрик снял рубашку. — И как эта штука работает? Я буду сильным?

— Ну... бионическим человеком вам не стать, но после тренировки вы вполне сможете обходиться без посторонней помощи. Основа — из легкой стали, вокруг губчатое, похожее на человеческую кожу вещество. Эта модель создана специально для людей, у которых рука

ампутирована выше локтя. Одно из последних новшеств. Министерство обороны хочет, чтобы ветераны с ампутированными конечностями смогли возвращаться в строй.

Шеп вернул протезисту коробку.

— Лучше дайте мне старую модель.

— Старую? Почему старую?.. А, понял. Извините. Забудьте все, что я вам наговорил. Никто не пошлет вас обратно на войну...

Стригер вытащил из коробки завернутый в предохранительную пластиковую пленку протез телесного цвета.

— Мы надеваем его на ваше левое плечо вот так, чтобы кожа соприкасалась с электродами. Это поможет дельтовидной мышце и другим мускулам культи двигать протезом. Сигналы, как переключатели, приводят в действие электрические моторчики, встроенные в локоть, руку и запястье протеза. Ладно... Хорошо... Сейчас мы пристегнем ремешки. О'кей... Теперь, сержант, попробуйте пошевелить вашей новой рукой.

Патрик поднял протез, но искусственная рука оставалась неподвижной.

— Что-то не так, — пожаловался он протезисту.

— Чтобы привыкнуть к ней, необходимо время. Давайте попробуем со стимулятором.

Открыв лэптоп, Стригер прилепил несколько электродов, присоединенных к компьютеру проводом, к новой искусственной руке Шепа.

— О'кей! Когда будет задействован нужный участок дельтовидной или трехглавой мышцы, прямая линия на экране станет зигзагообразной. А теперь попробуем еще раз.

Патрик стиснул зубы и напряг мускулы.

Ничего.

— Ладно. Давайте по-другому. Закройте глаза и представьте, что ваши мышцы срослись с вашей новой рукой. Расслабьтесь. Дышите глубже.

Шеп успокоился и предпринял очередную попытку.

Прямая линия на мониторе вздыбилась.

— Великолепно. Вы разжали пальцы. Теперь попробуйте еще раз, только теперь не зажмуривайтесь.

Шеп сосредоточился и повернул запястье протеза, но вот справиться с пальцами ему никак не удавалось.

— Я разочарован.

— Немного практики — и все будет в порядке. Помните фантомную боль?.. Сколько времени у вас ушло на то, чтобы свыкнуться с тем, что вы потеряли такой важный для повседневной жизни орган? Со временем вы научитесь легко манипулировать протезом.

— У меня и сейчас бывают фантомные боли.

— Они пройдут. Раз на раз не приходится, но ключ к успеху лежит в том, чтобы принять этот протез как продолжение самого себя.

Стрингер поработал с Патриком еще с четверть часа, а затем собрал обертку и пустую коробку.

— Я оставлю компьютер у вас. Будете разрабатывать руку, — сказал он на прощание.

— Я не уверен, что справлюсь.

— А я уверен. Вы ведь спортсмен. Вот и тренируйтесь. Я немного занимался борьбой в школе. Мой тренер любил повторять, что страх — это ложные ожидания, которые кажутся реальными. Ограничения налагаем на себя мы сами. Смотрите шире, сержант, не полагайтесь на пять чувств, и вы получите то, чего пожелаете.

Тюдор-сити, Манхэттен

11:10

Xenopsylla cheopis — южная крысиная блоха — паразит, приспособившийся к существованию на теле грызунов. Кровососущие насекомые, которые паразитировали на колонии крыс, что облюбовали себе 46-ю Восточную улицу, были инфицированы чумой почти сразу же после того, как их четырехлапые «хозяева» залезли в мусорный контейнер. Эпизоотическая инфекция начала свое путешествие по Нижнему Манхэттену.

Когда дело касается распространения чумы, то крысиная блоха — вне конкуренции. Бактерии быстро размножаются в желудках насекомых, вызывая у них страшный голод. Из-за этого блохи начинают кусать грызунов, а те впадают в беспокойство и становятся агрессивными. Учащенное сердцебиение гонит бактерии по крови

грызунов. Сами крысы, хотя и ненадолго, становятся переносчиками чумы.

После краткого периода крайнего возбуждения крысы слабеют и умирают. Каждый инфицированный грызун выделяет сильный афродизиак, который привлекает другую крысу для того, чтобы чумные блохи нашли себе нового «хозяина» и продолжили каннибальскую цепочку среди членов крысиной колонии. Здоровые крысы поедают умирающих и сами заражаются.

Мертвый «хозяин» блохам не нужен, и они перепрыгивают на еще здоровых каннибалов. Размножаясь, сотни вечно голодных кусачих блох доводят грызунов до неистовства...

Зараженные чумой крысы, подобно охваченной жаждой крови армии, понеслись со скоростью шесть миль в час по канализационным трубам под Нижним Манхэттеном на юго-запад, по направлению к Чайнатауну и Бэттери-парку.

Энглвуд, Нью-Джерси

11:26

Темно-синий «лексус» с наклейкой над задним бампером «Поддержи наши войска» свернул к юго-восточному входу в торговый центр «Джей-Си». Легковые автомобили, полноприводные внедорожники и пикапы с заляпанными грязью и солью задними бамперами заполнили все места для парковки, каждый очищенный пяточок рядом с кучками снега, оставшимися после работы снегоочистителя. Водитель «лексуса» выбрал ряд и вступил в увлекательнейшую игру под названием «проследуй за покупателем к его машине».

Охотники за уцененными товарами. Длинные очереди у касс. Плачущие малыши и дети, играющие в прятки, в то время как их невозмутимые мамы пускаются в длинные беседы с кассиршами так, словно они — их двоюродные сестры, с которыми те не виделись уже очень-очень давно. На терморегуляторе — восемьдесят пять градусов по Фаренгейту. Такая жара скорее уместна в теплице, чем в магазине, где нет даже складных стульев для отдыха.

На рождественской неделе в местном торговом центре покупатели чувствовали себя не очень-то уютно.

Были времена, когда доктор Дэвид Кантор, увидев, что на автостоянке мест нет, развернул бы свой автомобиль и уехал, а затем послал бы сюда помощника с кредитной карточкой и списком покупок... За последние двенадцать лет у него было пять «командировок» в охваченные войной регионы мира, которые способны изменить характер любого человека. После трех рождественских праздников, которые он провел в Ираке, даже неудобства на родине кажутся милыми приключениями. Поэтому Дэвид Кантор с терпеливой покорностью судьбе библейского Иова медленно катил между рядами автомобилей, подпевая старой песенке «Соблазны», которую передавали по радио. Он даже уступил освободившееся место матери с четырьмя детьми в автофургоне.

Бывший военврач, которому уже исполнилось пятьдесят два года, больше не занимался медициной. Старший партнер в фирме «Виктори Хоулсейл групп» повидал столько крови, кишок, изувеченных рук, оторванных ног, умирающих молодых мужчин и женщин, что хватало бы и на несколько жизней. Его зачислили в запас по окончании первой войны в Персидском заливе, и теперь он не имел ни малейшего желания принимать участие в новой войне, как казалось, затянувшейся до бесконечности. Пусть его арестовывают. Кантор уже поделился со своей женой Лесли созревшим планом. Во время игры в баскетбол он повредил мениск в левом колене, и теперь целостность передней связки находится под угрозой. Если его вновь пошлют на войну, то бывший атакующий защитник баскетбольной команды Принстонского университета ляжет на операцию.

Дэвид Кантор и его семья исповедовали иудаизм. Своим четверым детям он преподнес подарки на прошлой неделе во время Хануки. Сегодняшний список подарков имел отношение скорее к деловой стороне его жизни. Надо купить несколько безделушек продавцам, работающим на «Виктори Хоулсейл групп», и что-нибудь посерьезнее менеджерам. Еще он обещал портативный DVD-плеер своей тринадцатилетней дочери. Гави закончила семестр на пятерки и заслуживает поощрения. Дэвид решил, что зайдет лишь в один магазин, а минут через двадцать, не позже, будет свободен.

Война изменяет человека, но не полностью...

Дэвид Кантор увидел свободное место возле снежной горы, которую нагреб снегоочиститель, и припарковался. Зазвонил

мобильный телефон. Он не узнал номера звонящего.

— Алло!

— Капитан Кантор?

При упоминании его военного звания сердце мужчины екнуло в груди.

— Да.

— Сэр! Я звоню из Министерства внутренних дел и представляю Национальную гвардию штата Нью-Джерси. Согласно приказа генерал-адъютанта вам полагается немедленно...

— Минуточку, — прервал говорившую Дэвид. — Только не говорите мне, что меня опять отправляют в Ирак. Я вернулся оттуда восемь месяцев назад. Развертывал госпиталь и...

— Нет, сэр. Это внутреннее дело. Где вы сейчас находитесь?

— Сейчас? Здесь, в Ингвуде.

— Вы как раз там, где надо.

Капельки пота выступили на лбу и спине, намочив джинсовую рубашку. Мужчина согнул левую ногу в колене.

— Сэр! Вам приказывают немедленно явиться на контрольный пост форта Ли. Это возле моста Джорджа Вашингтона, со стороны Нью-Джерси. На южной обочине дороги вы увидите штаб Сорок второй пехотной дивизии. Там вам объяснят все ваши обязанности и ответят на все вопросы. После нашего звонка вы обязаны отключить мобильный телефон. Вы не имеете права обсуждать полученную от меня информацию с гражданскими или военными лицами. Ясно, капитан?

— Да, мэм.

Дэвид отключил телефон и уставился на погасший экран в поисках ответа на вопрос: «Что же стряслось?»

Мост Джорджа Вашингтона

Вашингтон-Хайтс, Верхний Манхэттен

11:34

Мост Джорджа Вашингтона — двухъярусный подвесной мост, соединяющий остров Манхэттен с Нью-Джерси, — переброшен через реку Гудзон для проезда автомобильного транспорта.

Такси медленно ползло по Бродвею через Верхний Манхэттен. Впереди выстроился рядами бесконечный, как могло показаться, поток

машин и автобусов. Все ожидали своей очереди, чтобы свернуть налево, на 117-ю Западную улицу, по которой можно было добраться до моста Джорджа Вашингтона. Водитель ругался на хинди, не подозревая, что пассажиры прекрасно его понимают.

Маниша Пател была сами нервы. Негативная энергия, испускаемая кристаллом, который свешивался с ее шеи, пронизывала все тело, словно ток, вырабатываемый батареей накала.

— Панкай! Почему мы до сих пор не сдвинулись с места?

Ее муж и сам находился в предстрессовом состоянии — непрерывно звонил на номер, который несколько месяцев назад ему дал тибетский монах, назвавший себя Старейшиной.

— Маниша! Успокойся, пожалуйста... Пробка рассосется. У нас есть в запасе время.

Какое-то такси протиснулось и загородило им поворот. Водитель-индус нажал на клаксон.

— Должно быть, случилась большая авария. Смотрите! Они перегородили въезд на Девяносто пятую автостраду.

— Панкай! Сделай же что-нибудь! — воскликнула жена.

— И что мне сделать?! Раздвинуть дорожную пробку, как Моисей раздвинул воды моря?

Десятилетняя Дон Пател протиснулась между мамой и папой.

— Пожалуйста, не ссорьтесь. Если движение через мост перекрыто, то можно найти и другую дорогу.

— Наша дочь права. Водитель, поворачивайте машину. Мы едем через туннель Линкольна.

Здание Генеральной Ассамблеи ООН

11:27

Командир подразделения «Альфа» Джей Звава стоял во влажной духоте неповоротливого костюма биологической защиты, оглядывая пустой зал Генеральной Ассамблеи ООН, и размышлял над тем, не здесь ли находится та точка, откуда начнется конец человечества. Напускная храбрость, взлелеянная в нем требовательным отцом и старшим братом-военным, говорила: «Ни в коем случае, пока ты на посту». Он закончил Уэст-Пойнт с отличием, и полученные там знания подсказывали, что шкатулка Пандоры открыта сумасшедшими из

Пентагона, и сейчас самое время начинать молиться и надеяться на чудо.

Сотрудники Центра контроля заболеваний в белых защитных костюмах работали по трое, медленно передвигаясь по рядам пустого зала. В руках у каждого было небольшое сенсорное устройство, по форме напоминающее теннисную ракетку. В основе его конструкции лежал полинуклеотидный биочип, распознающий наличие в воздухе токсичных возбудителей.

Пока сотрудники Центра контроля заболеваний выполняли свою работу, в зале два представителя нью-йоркских саперов делали вид, что ищут бомбу. Их присутствие оправдывало в глазах мира спешную эвакуацию делегатов ООН из зала Генеральной Ассамблеи. Одетые в огнезащитные комбинезоны, тяжелые кевларовые бронежилеты, шлемы и ребризеры, они казались здесь столь же неуместными, как люди, которые пришли на званый прием в спортивных куртках и джинсах.

Джей Звава наблюдал за работающими людьми и размышлял над тем, как долго ему удастся заставить всех ходить по струнке и когда, не найдя бомбу, придется открыть миру правду о «Косе».

— Капитан Звава! Вот здесь!

Двое сотрудников Центра контроля заболеваний остановились у стола с табличкой «Ирак».

— Она здесь была. Рибосомные последовательности совпадают. Все за этим столом имели риск заразиться «Косой». Думаю, все, кто сидел за столами по обеим сторонам прохода, имели шанс быть инфицированными.

— Составьте список стран, представители которых сидели вдоль этого прохода. Пусть их дипломатические офисы проверят в первую очередь. Затем начинайте повальный осмотр. Пройдитесь по всем коридорам, загляните во все офисы. Каждое инфицированное помещение рассматриваем как изолятор. Перед дверями таких помещений выставим вооруженную охрану. Мы выключим вентиляционную систему, поэтому вы раздадите всем желающим одеяла. Говорите, что вскоре мы сделаем официальное заявление. До тех пор никто не вправе выходить из отведенных им помещений.

— Сколько, по-вашему, мы сможем при сложившихся обстоятельствах удерживать около тысячи взбешенных глав государств

и важных шишек на карантине?

— Хоть до бесконечности, сержант. Тут имеют вес только мои и ваши приказы.

**Война с применением
бактериологического оружия**

Фаза № 4

Паралич общественных институтов

Какая разница для мертвых, сирот и бездомных во имя чего творятся произвол и разрушения — во имя тоталитаризма или во имя священной демократии и либерализма?

Махатма Ганди

Нашим обществом управляют безумцы, которые строят безумные планы. Мне кажется, что эти маньяки приведут человечество к гибели. Только заручившись безумием, можно выразить все безумие сложившегося положения вещей, чем я и пользуюсь.

Джон Леннон

20 декабря

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

11:49

20 часов 14 минут до предсказанного конца света

Доктор Джонатан Кларк считал себя человеком волевым и дисциплинированным и гордился этим. Он вставал до рассвета, ел овсянку на завтрак и салат с куриным мясом на обед. Три раза в неделю полчаса физических нагрузок для поддержания сердца в хорошей форме, а затем поднятие тяжестей. Как директор медицинского центра, доктор Джонатан Кларк был сторонником жесткой самодисциплины, а глава обязан показывать всем хороший пример. Персонал должен приходиться на совещания за пятнадцать минут до начала. Кларк называл это «временем Винса Ломбарди».^[30] Всякая работа предполагает выполнение определенных обязанностей, и в работе Джонатана Кларка выполнение правил зачастую спасало

человеческие жизни, и никто, даже сам Господь Бог, не имел права отлынивать от безукоснительного следования предписаниям.

Бледная словно смерть русская ужасно мучилась. У нее был жар. Женщина то и дело харкала кровью. Рентген показал перелом костей таза. Компьютерная аксиальная томография не обнаружила серьезных повреждений внутренних органов. Кесарево сечение, безотлагательное при данных обстоятельствах, было назначено на 11:45. Но прежде следовало сделать противогриппозную вакцинацию и взять кровь на анализ.

К 11:15 бред больной перешел в крайнюю степень исступления. Она неистово завизжала: «Дьявол, изыди!» — и заметалась, словно помешанная. Санитарам пришлось привязать больную к кровати. Медсестра сделала ей успокоительный укол. Ради спокойствия других больных русскую поместили в изолятор. Никто из персонала не придавал значения тому, что русская бредит по-английски без акцента.

Ее готовили к операции, когда в травматологическую палату ровно в 11:29 пришел доктор Кларк и начал свой традиционный обход. Взглянув в медицинскую карточку, он приказал выдать ему хирургический халат, перчатки и маску.

— Сэр! В этом нет никакой необходимости. Ее перевели в изолятор только потому, что она кричит, словно буйнопомешанная.

— В изоляторе должно следовать правилам нахождения в изоляторе, — сказал доктор Кларк, — даже если вы заходите туда лишь для того, чтобы заменить перегоревшую лампочку. Сейчас же оденьтесь подобающим образом, а не то я вычту у вас дневное жалованье. Вам понятно?

— Да, сэр!

— Здесь написано, что она работает в русском посольстве. Вы уже связывались с их дипломатическим представительством?

— Мы звонили, но никто не берет трубку, сэр. Кажется, в здании ООН сейчас какая-то внештатная ситуация.

Доктор Кларк подождал, пока врач и медсестра переоденутся, и в их сопровождении вошел в комнату-изолятор, в которой поддерживалось более низкое давление воздуха.

Даже через резину перчаток доктор Кларк почувствовал жар у пациентки. Ее кожа была настолько бледной, что казалась полупрозрачной. По крайней мере, тонкое кружево голубых вен

проступало под кожей на лбу, висках и шее. Дыхание — тяжелое, затрудненное. Зрачки — расширены. Глаза запали, и вокруг них появилась угрожающая чернота. Губы — бледные, рот — приоткрыт. С каждым выдохом из него вытекала тонюсенькой струйкой кровавая слюна.

Живот женщины был оголен и вымыт перед операцией. Ребенок в утробе матери отчаянно брыкался.

— Вы кололи ей антибиотики? — спросил доктор Кларк.

— Цефуроксим. Никакого эффекта.

Доктор Кларк распахнул халат Мэри и осмотрел ее маленькие груди.

— А это что за красные пятна?

— Мы не уверены. Сначала мы думали, что это травма после удара такси, но... не уверены... Она сильно ударилась об асфальт. Мы ждем результатов лабораторных тестов.

Доктор Кларк ощупал живот, затем пах, коснулся края хлопковых трусиков и застыл, обнаружив выпуклость. Тупоконечными ножницами врач разрезал ткань трусов. В паху женщины показалась темно-красная опухоль размером с мандарин.

— Сэр! Я клянусь, что прежде ее тут не было.

— Это бубон — зараженный лимфатический узел. Кто еще, кроме вас двоих, контактировал с больной?

— Санитары и Холлис из рентгенкабинета.

— А еще парамедики на «скорой помощи», которая привезла ее к нам.

— Эта палата теперь на карантине. Вы оба остаетесь здесь до тех пор, пока мы не обустроим изолятор и не позвоним в центр контроля заболеваний.

— Сэр! Меня прививали против туберкулеза.

— И меня тоже.

— Это не туберкулез, медсестра Кофман, это бубонная чума.

В воздухе висело напряжение. Оно было столь же незаметным, как звук работающей бормашины, но пациенты палаты 19-B его чувствовали. Те, кто находился под воздействием седативных средств, стонали во сне. Война пробралась даже в их сны. Те, кто не спал, расчесывали себе кожу или ругали дежуривших медсестер. Один

человек запустил свое подкладное судно с экскрементами по полу, вызвав целый хор недовольства.

Солдаты в этой палате, как и в десятке других палат во всех трех госпиталях Нью-Йорка, не страдали от пулевых или осколочных ранений. Их руки и ноги были на месте. Самому младшему из них исполнился двадцать один год, самому старшему — тридцать семь. Все они умирали от рака.

Несмотря на официальные запреты, вооруженные силы США продолжали использовать обедненный уран, побочный продукт технологии обогащения, при производстве оружия и боеприпасов. Частные производители оружия в США испытывают слабость к обедненному урану, так как федеральное правительство бесплатно предоставляет его своим подрядчикам, поэтому себестоимость содержащих обедненный уран боеприпасов удивительно низка.

При взрыве снаряда высвобождаются микроскопические радиоактивные частички, которые ветер переносит с места на место. Попадая в организм с воздухом и пищей, обедненный уран ослабляет иммунную систему человека, вызывая болезни дыхательных путей, почечную недостаточность, желудочно-кишечные заболевания... и рак.

Старший сержант Кевин Квердио провел два года в Басре в качестве члена экипажа боевой машины пехоты «М-2 Брэдли», автоматическая пушка которой стреляла по врагу, засевшему в городе Эс-Самава, 25-миллиметровыми снарядами, содержащими обедненный уран. На протяжении нескольких месяцев Кевин и члены его экипажа жаловались командиру на дискомфорт, в особенности, в области живота и прямой кишки. Военврачи отделались тем, что заявили: «У парней геморрой», — но боли со временем все усиливались. Их пересылали от врача к врачу, пока один онколог-резервист не догадался сделать рентген... И обнаружил три случая рака толстой кишки, один случай лейкемии, еще у двоих солдат — лимфому Ходжкина, и одного рядового со злокачественной опухолью головного мозга. ^[31]

Кевина отправили в Нью-Йорк, где хирурги располосовали его прямую кишку, выжгли опухоли в печени, а потом обнаружили, что рак распространился в легкие. Двадцатилетний уроженец Нью-Йорка однажды утром проснулся с калоприемником, неизлечимым

раком толстой кишки и обоих легких. Врачи прогнозировали, что ему осталось жить не больше года.

В довершение к смертному приговору Дядюшка Сэм объявил, что на него не распространяются льготы, положенные раненым в бою солдатам. Правительство Соединенных Штатов отказывалось признавать ответственность за болезнь Кевина Кверцио и его товарищей. Таким образом, тысячам американских солдат ничего не оставалось, как валяться в онкологических палатах ветеранских госпиталей по всей стране и ждать смерти. Страна, ради которой они пожертвовали своей жизнью, предала их. Общественности не показывали раковых больных, ведь это могло помешать продолжению войны...

Но сегодня Кевин Кверцио не мог спокойно лежать на своей кровати. Его душу жгло адским огнем. Он нажал кнопку вызова медсестры, но вместо нее к ветерану подошла заместитель директора, в это время совершавшая обход палат.

Патрик ехал в лифте один и упражнялся во владении протезом. В голове ветерана царил полный хаос. Перспектива воссоединения с женой и дочерью после стольких лет разлуки завораживала, но в то же время пугала, а излишне настойчивые предложения нового министра обороны заставляли нервничать.

«А что если де Борн будет играть жестко и не позволит мне увидеться с семьей? А что если он найдет способ держать их на крючке ради того, чтобы я стал „лицом“ новой кампании по привлечению новобранцев?»

Лифт остановился на седьмом этаже. Двери открылись, и Патрик направился в палату 19-В. Запахи и звуки перенесли его израненное сознание в травмопункт Иба-Сина.

«Кровяное давление понижается. Шестьдесят на сорок. Скорее перекрой плечевую артерию. Надо вколоть добутрекс, а то мы его потеряем».

«Уверен, что это самодельное взрывное устройство? Взгляни на то, что осталось от его локтя. Кожа словно расплавилась».

«Артерия перекрыта. Коли добутрекс. Отлично. Где эта чертова костепилка?»

«Кажется, Роузен резал ею себе корейку».

«Какое кровяное давление?»

«Девяносто на шестьдесят».

«Влейте ему еще крови. Сейчас будем ампутировать. Медсестра! Будьте ангелом и поддержите этот рентгеновский снимок. Резать будем здесь... чуть ниже сухожилий двуглавой мышцы».

«Щеп! Это я, Дэвид Кантор! Ты меня слышишь? Щеп!»

— Шеп!

Патрик выскочил из лифта. Кричала Ли Нельсон. Она звала на помощь. Ворвавшись в палату, он увидел, что старший сержант Кевин схватил одной рукой врача за волосы, а другой выдернул иголку капельницы из вены и хочет задушить ею Ли.

— Отпусти ее, Кевин!

Итало-ирландец поднял глаза вверх и... замер. Маниакальная ярость на его лице сменилась ужасом.

— Нет! Не сейчас, Жнец! Не забирай меня! Прошу! Не забирай!

Шеперд обернулся, не понимая, к кому обращены крики Кевина.

А тот, отпустив доктора Нельсон, упал на колени. Слезы покатались по щекам мужчины.

— Не забирай меня! Пожалуйста! Я не хотел убивать тех людей! Я хотел служить своей стране и вернуться живым домой! Жнец! Молю тебя!

В палате воцарилась тишина.

— Кевин... Я — Шеп... Все в порядке...

— Я лишь исполнял приказы. Я все равно ничего не мог поделать.

— Парень! Остынь!

— Они нам лгали. Пожалуйста, не забирай меня!

— Куда тебя забирать? Кевин! Куда ты не хочешь попасть? Парень вытер слезы. Его ослабленное химиотерапией тело дрожало от ужаса.

— В ад.

Санитары вбежали в палату. Один помог Ли подняться на ноги. Двое других проводили Кевина Кверцио к кровати.

Шеп оглянулся по сторонам. Все больные раком ветераны смотрели на него с суеверным страхом. Некоторые крестились.

Доктор Нельсон оттащила его в сторону и вывела из палаты. Ее тело была нервная дрожь.

— Спасибо, дорогой, — сказала Ли Патрику. — Ты спас мой скальп. С тобой все о'кей?

— А с тобой?

— Не совсем, — нижняя губа женщины вздрогнула. — Извини. Сегодня один из тех дней, когда все идет наперекосяк. Боже правый! Я даже не заметила твою руку... Ух ты! Неплохо. Ты уже привык к ней?

Прежде чем Патрик успел ответить, запищал ее пейджер.

— Что еще? — Ли Нельсон глянула на экран. — Мне надо бежать... Срочное дело.

— Ли! Моя жена... Ты сказала, что знаешь ее адрес.

Лицо женщины помрачнело.

— Я дала его де Борну. Извини. Но ты сможешь найти адрес в моем электронном почтовом ящике. Иди в библиотеку. Мой пароль — Вирджиния Фокс. Извини за неудобство, — Ли поцеловала мужчину в губы. — Большое спасибо, Шеп. Мне надо бежать.

Она сделала два больших шага и остановилась.

— Звонил полковник Ардженти. Твой психотерапевт придет сегодня после полудня. Поговори с ним. Это нужно как тебе, так и Беатрисе.

Помахав на прощание рукой, доктор Нельсон поспешила по коридору отделения к лифтам, не зная еще о том, что служба безопасности уже заблокировала выход из здания.

Секретариат Организации Объединенных Наций

Тридцать третий этаж

11:55

Президент Эрик Когело откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В окружении советников он оказался под перекрестным огнем. Мигрень усилилась. Президенту уже казалось, что маленькие льдинки колют его глазные яблоки.

— ...Да. Иран угрожает нам, но, мистер президент, первоочередной проблемой является «Коса». Работники центра контроля заболеваний подтвердили, что члены иранской делегации инфицированы. Кроме того, разносчиками болезни являются несколько десятков представителей других делегаций и сотни американцев. Пришло время заняться проблемой выявления виновных.

— Женщина, заразившая себя искусственно созданной культурой четвертого уровня бактериологической угрозы, работала в лаборатории форта Детрик. Ее проект финансировало ЦРУ. Она

целенаправленно хотела заразить иранскую делегацию. Если вы хотите узнать, кого объявят виновными, дождитесь следующей речи иранского лидера.

— Этого нельзя допустить, сэр. Рекомендую прекратить трансляцию из здания ООН...

Президент массировал висок, тщетно ища островок спокойствия в этом бушующем море страстей. В каждом обществе есть силы, которые, предпочитая хаос, противодействуют прогрессу. С момента вступления в должность Эрик Когело только тем и занимался, что боролся с этими силами. Его администрация предпочитала искать компромиссы, вместо того чтобы переворачивать воз с яблоками. Этим президент навлек на себя осуждение как «прогрессистов», так и неуступчивых республиканцев, которые предпочитали поляризацию позиций, игру на человеческом страхе, а не разумные и умеренные решения новой администрации. Президент отказывался сдаваться: сплотил сторонников и отправился в крестовый поход против своих оппонентов из фармацевтических и страховых компаний, а также концернов, занимающихся добычей нефти и других полезных ископаемых. Впрочем, молодой Эрик Когело прекрасно понимал, что за нагнетанием нестабильности, способной привести к очередной войне, стоит военно-промышленный комплекс. Ссориться с ним было опасно.

«Какой же сегодня кошмарный день!»

— Мистер президент! «Коса» угрожает не только иранской делегации. Из информации, которая нам пока доступна, следует, что эта болезнь может угрожать каждому из здесь сидящих, включая и вас, сэр.

Все собравшиеся разом повернули головы к главе администрации, словно он сказал ужасную непристойность.

Пресс-секретарь рискнул разрядить ситуацию.

— Сэр! Выступление мэра перед журналистами начнется через четверть часа. Не желаете ли вы присутствовать лично?

— Я не могу покидать здание ООН, — сказал президент. — Если я уеду, то и другие делегаты захотят уехать, и тогда мы нарушим карантин.

— О каком карантине может идти речь?! Выгляните в окно. Военные разбили еще две палатки, а площадь окружили своими

машинами.

— Именно поэтому мы должны убираться отсюда как можно быстрее, пока не стало слишком поздно. Надо посадить вертолет на крышу и эвакуировать президента с Манхэттена.

— Вы хотите сказать: эвакуировать вас?

— А что тут такого? У меня жена и ребенок. Мы даже не заражены.

— Вы уверены?

— Довольно!

Эрик Когело поднялся. Голова раскалывалась от боли.

— Проинструктируйте мэра. Пусть объявит о введении карантина на всей территории Манхэттена, но обязательно пусть сделает акцент на том, что это лишь мера предосторожности, а не необходимость. Не говорите ему ничего о «Косе». Нам не нужна паника... А где первая леди?

— На пути из Чикаго в Белый дом.

— Пусть она остается там. Моя семья должна быть в безопасности, — распорядился президент. — А мне нужно немного полежать... подумать... с часок...

Эрик Когело направился в спальню, но на полпути оглянулся и встретился глазами с каждым из своих советников. Все выглядели напуганными происходящим, но никто не отвел глаза. Хороший признак.

— Мы попали в скверную историю, — сказал президент, — но не стоит терять голову и сеять панику. Последнее, чего мы хотим, — это дать нашим врагам повод говорить, что мы только и мечтаем, как бы завладеть иранской нефтью и установить новый мировой порядок.

— Сэр! «Коса» была задействована за несколько минут до того, как вы начали зачитывать свое обращение к делегатам ООН. Не кажется ли вам...

— Вы хотите сказать, что в Белом доме завелся Иуда? — президент глубоко вздохнул, ущипнув себя пальцами за переносицу. — Не доверяйте никому за пределами этой комнаты.

Здание городского совета

Нижний Манхэттен

12:04

Рожденный в Ниагара-Фолс и выросший в Бронксе Мэтью Кушнер был ньюйоркцем до мозга костей. После учебы в Сиракьюсском университете и Нью-Йоркском юридическом институте Кушнер поступил в фирму отца, специализирующуюся на вопросах иммиграции. Молодой адвокат находился в миле от своего офиса в Нижнем Манхэттене в то памятное утро 11 сентября 2001 года, когда первый захваченный террористами самолет ворвался в воздушное пространство над городом и врезался во Всемирный торговый центр.

Мэр Кушнер стоял на верхней ступеньке здания городского совета перед трибуной, уставленной микрофонами, и боролся с желанием устроить грандиозный скандал. Снова на его любимый город покушаются и вводят блокаду Манхэттена без должного согласования с ним. Об одобрении речь даже не идет. Ему рассказывают полуправду, а в это время черные армейские «хаммеры» разъезжают по улицам и люди в костюмах биологической защиты сеют панику среди жителей Тюдор-сити и близлежащих к комплексу зданий ООН кварталов. У адвоката, специализирующегося на иммиграционном праве, не оставалось сомнений, что гражданские права грубо нарушаются. Из курса лекций, прослушанного в Сиракьюсском университете, он знал, что кровавое давление манхэттенского социума будет медленно повышаться до тех пор, пока это не выльется в массовые беспорядки, по сравнению с которыми бунт в Уоттсе^[32] может показаться пикником.

В конце концов мэр Кушнер согласился сыграть отведенную ему роль пресс-секретаря. Сам он не особо верил в правдивость того, что ему поручили передать, просто у него не оставалось выбора. Иногда ложь политика может спасти гражданский мир, а правда — привести к ненужным жертвам.

— Добрый день! Как большинство из вас, вероятно, уже знает, все мосты, туннели, пешеходные переходы, дороги — все пути с Манхэттена и на Манхэттен — перекрыты. Это сделано по прямому приказу из Белого дома, чтобы помочь медицинскому персоналу из центра контроля заболеваний справиться с небольшой эпидемией похожего на грипп вируса, первая вспышка которого была зафиксирована сегодня утром на площади Объединенных Наций. Мера эта является профилактической. Для вашей же безопасности и чтобы не допустить автомобильных пробок все находящиеся сейчас на

Манхэттене, как постоянно проживающие здесь, так и гости нашего города, должны оставаться в помещении до тех пор, пока карантин не будет снят.

— Мэр Кушнер...

— Мистер мэр!

Не обращая внимания на выкрики журналистов, Мэтью Кушнер в сопровождении своих помощников прошел в здание городского совета, готовясь выплеснуть накопившее раздражение на первого же представителя президентской администрации, который окажется настолько глупым, что ответит на его звонок.

Дом № 143 по Хьюстон-стрит

Нижний Манхэттен

12:55

Здание кинотеатра «Солнечный свет» возвели в 1898 году. Когда-то здесь был театр движущихся картинок «Ипподром», потом еврейский театр водевиля и, наконец, склад. Полвека спустя здание вновь переоборудовали в кинотеатр с пятью современными залами, широкими экранами, удобными мягкими креслами и звуком формата долби диджитал. Кроме того посетитель кинотеатра мог полакомиться изысками кухни ресторана «Уступки гурманам», полюбоваться японским садом камней и посмотреть на город с высоты трехэтажной стеклянной башни.

Тринадцатилетняя Гави Кантор стояла перед кассой кинотеатра в обществе двух своих лучших подруг Шелби Моррисон и Джейми Рамсон. Накануне троица решила прогулять последний день занятий в школе перед рождественскими праздниками. Теперь оставалось решить на какой фильм пойти.

— А как насчет «Сестринства путешествующих джинсов-3»? — предложила Джейми.

— Ты что, лесбиянка? — съязвила Шелби. — Не шути больше так. А ты что думаешь, Гави?

— Мне все равно. Я бы не отказалась и от фильмов в формате блирей в классе миссис Дженкин.

— Ты хочешь сказать, что не отказалась бы посмотреть фильм с Шоном-Реєм Далински?

— Не говори глупостей, Шелби, — покраснела Гави.

— Да ладно, подруга. Его фотки повсюду на твоей странице в «Фейсбуке».

У Шелби зазвонил мобильный телефон. Девочка посмотрела на дисплей.

— Это твоя мама, Гави. Что мне делать?

— Не отвечай.

— Алло! Здравствуйте, миссис Кантор... Нет, я не видела Гави... То есть я не видела ее после перемены. У меня начались колики в животе, и я пошла к врачу... Что? Что произошло? — Глаза девочки округлились. — Серьезно? Хорошо. Когда я ее увижу, то скажу.

Шелби отключила связь.

— Что стряслось? — спросила Гави.

— Какая-то чрезвычайная ситуация. Твоя мама говорит, что все дороги с острова перекрыты.

— Как же мы доберемся домой?

— Пока никак. Нам, наверное, придется остаться на ночь в спортивном зале.

— Точно, подруга. Гави и Шон-Рей Далински будут спать, обнявшись, на деревянном полу.

Джейми рассмеялась, но Гави сейчас волновало другое.

— Нам лучше вернуться в школу.

Не ответив подруге, Шелби протянула свою платежную карточку кассирше.

— Три билета на «Мертвую хватку».

— Шелби! Что ты делаешь?! — воскликнула Гави.

— Мы уже здесь, Гави. Зачем нам возвращаться в школу? Позвони маме позже. Соври, что твой телефон отключился.

— Забудь. Я возвращаюсь. А ты, Джейми?

— Я остаюсь.

Гави немного постояла в нерешительности, затем перешла Хьюстон-стрит и направилась в сторону Чайнатауна.

— Гави! Не уходи! Гави!

— Успокойся, Джейми! Я удивляюсь, что она вообще пошла с нами. Пойдем смотреть фильм. Купи нам попкорн и конфеты.

Мост Джорджа Вашингтона

13:07

Автомобильная пробка с нью-джерсийской стороны моста Джорджа Вашингтона растянулась на несколько миль. Перегородки между полосами движения сняли и теперь водителей заставляли разворачиваться и ехать по Девяносто пятой федеральной автостраде обратно в форт Ли.

Дэвид Кантор расположился в кузове армейского грузовика, который мчался на восток по верхней проезжей части двухъярусного моста в сторону Манхэттена. Гранаты со слезоточивым газом крепились к его боевому поясу. Автомат, заряженный резиновыми пулями, вызывал у Дэвида инстинктивный страх. Маска ребризера на его лице затрудняла дыхание. Каждый вздох давался с трудом. Мужчина задыхался и чувствовал боль в мышцах плеч и спины — за спиной висели сорок фунтов снаряжения.

Впрочем, то, что он увидел за откидным задним бортом грузовика...

Пока команда подрывников прикрепляла специальной клейкой лентой взрывчатку к подвесным канатам моста, их коллеги в ребризерах и комбинезонах распыляли из пульверизаторов с длинными насадками краску на дорожное покрытие и опоры моста.

Дэвид знал, что распыляется вместе с краской, и это его очень встревожило.

«Это безумие. Должно быть, произошло что-то поистине чудовищное».

Он ругал себя за то, что отдал свой мобильный телефон, не позвонив жене и не выяснив, вернулась ли Гави из школы домой.

Грузовик затормозил и остановился. Дэвид был старшим офицером в группе. Он приказал десяти национальным гвардейцам и трем резервистам выстроиться за машиной.

— Капитан Кантор?

Рокочущий голос загремел из встроенного в его шлемофон приемопередатчика. Дэвид обернулся. Перед ним стоял внушительных габаритов бородатый мужчина в форме с эмблемой ООН.

— Я полковник Ойвинд Герстад. Мои люди удерживают аванпост. Вы, насколько я понимаю, старший офицер Национальной гвардии?

— На данный момент, да.

— Ваши люди нужны только для ведения переговоров с гражданскими. Оцепление мы будем поддерживать собственными

силами.

— Оцепление? Что за оцепление?

Полковник Герстад провел его за грузовик.

В конце моста, там, где начинался Манхэттен, все восемь полос движения Девяносто пятой федеральной автострады перегораживали армейские «хаммеры». Дальше находились кольца колючей проволоки, перекрывающие дорожное полотно и оба пешеходных перехода. За «хаммерами» стояли солдаты в форме цвета хаки, шлемах и противогазах.

По ту сторону оцепления, насколько мог видеть Дэвид, весь Манхэттен превратился в одну сплошную автомобильную пробку. Большинство людей оставались в тепле салонов своих машин, другие сбивались в группы и что-то кричали солдатам, требуя объяснений. Несколько мужчин стояли в очереди у стальной опоры моста, за которой стихийно возник общественный туалет. Дальше на восток Дэвид видел съезд на 178-ю улицу. Ограниченные мостовыми конструкциями полосы движения были сплошь, бампер к бамперу, заставлены автобусами, легковыми и грузовыми автомобилями. Как верхняя, так и нижняя магистрали оказались заблокированы со стороны Манхэттена.

— Зачем? — только и произнес Дэвид Кантор.

— Манхэттен сейчас на строгом карантине, — объяснил Герстад. — Никому не позволено передвигаться ни туда, ни обратно до последующих распоряжений.

— А что случилось? Опять террористический акт?

— Биологическая атака. Чума. Крайне заразная. Пусть ваши люди займут позицию поближе к пешеходным переходам. Надо поговорить с людьми, успокоить их, а подразделение «Свобода» будет стоять в оцеплении.

— Что за подразделение «Свобода»? — не понял доктор Кантор.

— Международное формирование... профессиональные солдаты.

— С каких пор правительство Соединенных Штатов использует профессиональных солдат внутри страны?

— Исследования показали, что американская полиция в случае возникновения чрезвычайной ситуации может колебаться в применении оружия против своих сограждан. Подразделение «Свобода» сформировали на случай подобного рода развития событий.

Людей набирают из канадской военной полиции, Королевской нидерландской бригады и вооруженных сил Норвегии.

— Это безумие!

— Это мир, в котором мы живем, — возразил Герстад.

— Когда мы проезжали по мосту, я видел команду минеров. Что они делали?

— Это дополнительные меры предосторожности на случай прорыва оцепления.

— Вы ведь не собираетесь взорвать мост Джорджа Вашингтона?

— Это лишь предосторожность. Не более. Я уверен, что мои люди справятся. Выполняйте поставленную перед вами задачу...

Герстад склонил набок голову, прислушиваясь к командам в наушниках его шлемофона.

— Быстрее приводите ваших людей! — приказал он Дэвиду.

Капитан Кантор бросился за грузовик.

— Отделение! За мной!

Солдаты, построившись в две колонны за офицером, быстрым шагом пересекли заасфальтированную автостраду и направились к пешеходной дорожке через мост. Там толпа из нескольких сотен человек пыталась при помощи запасных шин и монтировок проложить себе дорогу через проволочное заграждение. У нескольких гражданских были в руках пистолеты.

— Пропусти нас, товарищ!

— Никто из нас не болен! Выпустите нас!

— Моя жена — в машине! Она сейчас будет рожать!

Полковник Герстад, отведя Дэвида в сторону, вручил ему мегафон, оснащенный разъемом со штепсельной вилкой, которую можно было вставить в приемопередатчик шлемофона.

— Уговорите их отступить, а то у нас не будет иного выхода. — И норвежец указал пальцем на свое оружие. — Он заряжен не резиновыми пулями.

Дэвид Кантор подошел к людям. В основном мужчины. Отчаяние и страх за себя, за близких и любимых погнал их на проволочное заграждение. Оружия мало, но они могут взять числом, если, конечно, самоорганизуются. Сто тысяч мышей победят даже коты.

Сердце Дэвида учащенно билось в груди.

— Внимание! Прошу внимания! Меня зовут Дэвид Кантор. Я капитан запаса вооруженных сил Соединенных Штатов Америки...

— Дайте нам пройти!

— Мы пока не можем позволить вам этого, — крикнул в мегафон Дэвид.

— Тогда мы пройдем сами!

Над толпой взмыла рука, сжимающая револьвер.

Шеренга бойцов подразделения «Свобода» наставила дула автоматов на толпу.

Люди из толпы явно струсили, хотя кое-кто тоже наставил на военных оружие.

— Подождите!

Дэвид выступил вперед.

Иностранная полиция даже не пошевелилась. Указательные пальцы лежали на спусковых крючках автоматов.

— Где беременная женщина?

Без ответа.

— Я врач. Если ей нужна медицинская помощь, то пропустите ее.

Головы повернулись. Толпа расступилась. Семейная пара латиноамериканцев лет тридцати приближалась к проволочному заграждению. Женщина сутулилась, поддерживая руками свой большой живот.

— Как вас зовут?

— Наоми... Наоми Гутиэрес. У меня отошли воды. Это мой четвертый ребенок. Я скоро рожу...

Полковник Герстад отвел Дэвида в сторону.

— Что вы делаете?

— Веду переговоры.

— Вести переговоры не о чем...

— Нам нужно время, полковник. Сорок вторая бригада на бронетранспортерах еще не подъехала, и я сомневаюсь, что ваши минеры готовы прямо сейчас взорвать все четырнадцать полос движения на двух ярусах подвесного моста. Я знаю, и вы знаете не хуже меня, что на данный момент ваши люди не смогут остановить сотни автомобилей, которые одновременно протаранят проволочные заграждения. Так что пропускайте женщину. Мы усадим ее в кузов грузовика, дадим теплые одеяла, и, если понадобится, я приму у нее

роды. Это даст нам передышку. В Ираке мы называли это «гуманным подходом». Кстати, об этом написан целый доклад. Когда будет время, почитайте.

Герстад взглянул на толпу. За последние несколько минут она стала больше втрое.

— Опустите оружие, — приказал он своим людям. — Пропустите женщину, но только одну женщину.

Дэвид скользнул взглядом по лицам национальных гвардейцев, пока не нашел женщину.

— Как вас зовут, капрал?

— Стефани Коллинз, сэр!

— Вольно, капрал Коллинз! Отведите миссис Гутиэрес к грузовику, на котором мы приехали. Устройте ее там поудобнее, но ни в коем случае не снимайте свой защитный костюм. Ясно?

— Да, сэр.

Дэвид Кантор наблюдал, как люди Герстада отодвигают в сторону секцию проволочного ограждения, пропуская беременную женщину.

Включив мегафон, Дэвид обратился к толпе:

— С женщиной все будет в порядке. Теперь, пожалуйста, ради вашей же безопасности вернитесь обратно к машинам и ждите, когда дорога через мост откроется.

Толпа начала медленно расходиться.

Бойцы подразделения «Свобода» перебросили свои автоматы через плечо.

Доктор Кантор проводил женщин к грузовику и невольно снова посмотрел на команду подрывников, которые продолжали распылять краску по нижней поверхности моста.

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

13:32

Ли Нельсон едва поспевала за доктором Кларком. Босс давал указания и ей, и интернам, которые переводили пациентов в другие палаты. На первом этаже, в отделении экстренной медицинской помощи, было решено обустроить изолятор.

— Мы связались с Центром контроля заболеваний в Олбани, — сказал доктор Кларк. — Они занимаются штаб-квартирой ООН. По-

видимому, заражение началось оттуда.

— Точно. Русская, очевидно, была делегатом на этой конференции.

— Мы сделаем кесарево сечение в отделении экстренной медицинской помощи и вернем мать и ребенка в изолятор на третьем этаже. Новорожденный останется в саморегулируемом инкубаторе, а мать придется держать привязанной к кровати.

— Да, сэр.

— Антибиотики помогли?

— Нет, сэр. Пока нет. Холодные компрессы снижают жар, но незначительно. Когда ребенок родится, мы вколем матери морфин.

— Нет. Пусть остается в сознании. Центр контроля заболеваний хочет, чтобы мы расспросили ее о том, с кем она контактировала, в какие здания входила... Это поручение вам, доктор Нельсон. Узнайте все, что сможете. Ребята из центра уверяют, что смогут сдержать распространение этой заразы, но это чушь собачья. Федералы перекрыли все пути с острова. Я приказал принести со склада все имеющиеся в наличии костюмы биологической защиты и распорядился, чтобы Майерс все тут хорошенько продезинфицировал. Готовьтесь к худшему, Ли. У нас впереди — долгая ночь.

Старик вошел в отделение неотложной помощи. Спокойствие на его лице резко контрастировало с хаосом, царившим вокруг. Пройдя мимо толпившихся у стойки регистратора людей, он направился к лифтам. На каталках вдоль стен стонали больные, а растерявшиеся интерны не могли добиться, что делать, у не менее растерянных медсестер. У ряда лифтов старик нажал кнопку «Вверх».

Первым приехал средний лифт. Его двери открылись. Внутри кабинки стояли администратор больницы и три интерна в хирургических халатах, резиновых перчатках и матерчатых масках на лицах. Они толкали перед собой обернутые прозрачным пластиком носилки-каталку, на которых лежала бледная, как привидение, беременная женщина. Запястья и лодыжки больной были привязаны к перилам фиксирующими ремнями.

— Сэр! Пожалуйста, отойдите в сторону.

Мэри Луиза Клипот открыла впалые глаза и посмотрела на старика. Он помахал ей рукой и шагнул в кабинку лифта.

— Эй! Пай-мальчик! Тебе звонят. Не знаю, кто... Может, твоя старушка, а может, давалка, с которой ты зависал прошлой ночью.

Патрик Щеперд схватил трубку телефонного аппарата.

— Извини, детка. Это один парень из команды так по-глупому шутит. Как твой папа?

— Плохо. Рак распространился на лимфатические узлы. Врачи говорят: он долго не проживет.

Слезы покатались по щекам Щепы.

— Понятно. Я возвращаюсь домой.

— Папа сказал, чтобы ты не приезжал. Он не шутит. Если покинешь команду сейчас, ты загубишь свою карьеру.

— Меня это не волнует, — сказал Патрик.

— А его волнует! Когда он приходит в себя, то только о тебе и говорит. Как там Щеп? Он играл сегодня? И как он играл?

Патрик оглядел коридор, удостоверившись, что его никто не подслушивает.

— Если честно, то тут полный отстой. В команде низшей лиги полно восемнадцатилетних доминиканцев, которые и двух слов по-английски связать не могут. В основном — полные отморозки. Такое чувство, что они только вчера приплыли к нам со своего задрипанного острова. Честно говоря, мне ужасно одиноко. Я скучаю по тебе и нашей дочурке.

— Мы скоро увидимся, — успокоила его любимая. — Как соревнование?

— Хреново. У некоторых парней стероиды лезут из ушей.

— Даже не думай об этом!

— А если это мой единственный шанс пробиться в высшую лигу?

— Патрик!

— Детка! Я — никому не известный новичок из университетской команды Ратджерса. Мне платят каких-то полторы штуки баксов. Пару иголок, и я клянусь, что смогу добавить по крайней мере еще четыре мили в час к своей быстрой подаче.

— Никаких стероидов. Обещай мне, дорогой.

— Ладно. Я обещаю, — сдался Патрик.

— Когда твоя следующая игра?

— В среду вечером.

— Помни, чему учил тебя папа. Не бросай мяч до тех пор, пока мысленно не проследишь траекторию его полета. После первой неудачи бэттера не улыбайся, никак не проявляй свои эмоции. Будь Человеком-льдом. Щеп! Ты меня слышишь?

— Извини... Я не могу мыслить ясно, зная, какая беда случилась с твоим папой... не видя тебя и нашу девочку... Мне кажется, что в сердце у меня словно образовалась дыра...

— Перестань, Щеп. Не скули. Не строй из себя жертву несправедливого мира.

— Он не просто мой тренер, твой папа заменил мне отца.

— Ты попрощался с ним три недели назад. Мы все знали, к чему идет дело. Мы его уже оплакали. Если ты хочешь воздать моему отцу по заслугам, докажи, что он не зря провел жизнь, обучая тебя хитростям бейсбола. И не забудь: я не выйду за тебя замуж до тех пор, пока ты не пробьешься в высшую лигу.

— О'кей, крутая девчонка!

— Ты думаешь, я шучу?

— Мы родные души. Ты не сможешь бросить меня просто так.

— Договор есть договор, — упорствовала любимая. — Если ты бросишь сейчас команду или начнешь колоться стероидами, я тотчас же заберу дочь и уеду.

— Зачем ты так со мной?

— Потому что папа слишком болен и не может лично наставить тебя на путь истинный. Потому что в день, когда ты узнал о моей беременности, мы выработали план действий. Ты должен добиться успеха, Щеп. Не отступай теперь. Мы на тебя надеемся.

Патрик Шеперд, борясь с удушьем, приподнялся в кровати. По лбу и спине градом катился пот. Пребывая на грани истерики, мужчина пытался понять, где он находится.

— Должно быть, вам приснился плохой сон?

Вздвогнув от неожиданности, Патрик обернулся.

Старик сидел, откинувшись на спинку стула, и пристально смотрел на ветерана. Длинная грива седых волос, стянутая на затылке, спускалась вниз «конским хвостом», длина которого достигала добрых шести дюймов. Загорелый лоб. Усы. Аккуратно подстриженная борода обрамляла челюсть, опускаясь до адамова яблока. Голубые глаза за

стеклами очков бордового цвета светились добротой и любознательностью. На старике были потрепанные голубые джинсы и коричневые трекинговые ботинки. Серый шерстяной свитер грубой вязки поверх черной футболки обтягивал маленькое брюшко. Внешне незнакомец походил на гитариста и вокалиста группы «Благодарный мертвец» («The Grateful Dead») Джерри Гарсия, если бы, конечно, тот дожил до семидесяти лет.

— Кто вы? Что вы делаете в моей палате? — спросил Патрик у незнакомца.

— Ваш друг прислал меня поговорить с вами. Кажется, вам нужна помощь. Кстати, кто такая Триш?

— Триш? — переспросил ветеран.

— Вы выкрикивали ее имя.

— Вам послышалось. Я мог выкрикивать имя Беатрисы. Она... была моей женой. Вас прислал де Борн? Вы психиатр?

Старик улыбнулся.

— Что, моя внешность не отвечает вашим чаяниям? — поинтересовался он.

— Вы похожи скорее на человека, сбежавшего из шестидесятых, чем на психиатра.

— А как, по-вашему, должен выглядеть психиатр?

— Не знаю. Более... мозговитым.

— К сожалению, я такой, какой есть. Вы считаете, мне стоит сбрить бороду?

— Старина, — ответил Патрик, — меня не волнует, как вы выглядите. Просто я хочу, чтобы между нами не было недосказанности. Де Борн мне не приятель. Просто он хочет использовать меня в новой рекламной кампании, направленной на привлечение добровольцев в армию. Сразу заявляю: я не собираюсь в этом участвовать.

— Хорошо, — ответил старик.

— Хорошо? И все? — удивился Патрик.

— Ну... Мы, конечно, можем вас немного помучить, но я всегда был сторонником свободы воли.

— Де Борн вам не заплатит, если я не приму его предложение.

— Давайте не будем беспокоиться о реакции де Борна. Все, что вы мне скажете, останется между нами. Таковы правила.

— Не все так просто, — сказал Патрик. — Он может сделать так, чтобы я не увиделся со своей семьей.

Шеп соскользнул с кровати и правой рукой стащил с себя пропитанную потом футболку. С протезом он пока осторожничал.

— Он что, помешал вам увидаться с семьей? — спросил старик.

— Ну... пока нет...

— Тогда почему вы с ними не увидитесь?

— Ну... раньше я считал, что не готов.

— А сейчас готовы?

— Да, — ответил Патрик.

— Хорошо. Вы давно их не видели?

— Очень давно. Лет одиннадцать... Я точно не помню...

— Тогда зачем вообще встречаться с ними? Зачем беречь старые раны?

Психиатр взял со стола книгу Данте «Божественная комедия» в кожаном переплете и небрежно пролистал загнутые то тут, то там страницы.

— Старые раны... Они — моя семья. Я недавно узнал, что они сейчас живут здесь... на Манхэттене...

— Вам не кажется, что вы сами отдалились от своей семьи? Одиннадцать лет, как-никак, огромный срок. Как ваш психиатр, я бы сказал: настало время принимать решения...

— Вы — не мой психиатр и... положите, пожалуйста, книгу на место. Если хотите почитать Данте, возьмите книгу в библиотеке.

— Я уже читал Данте, — сказал старик и, перевернув книгу, прочитал вслух краткое изложение. — «Божественная комедия» написана Данте Алигьери в период с 1308 по 1321 год и считается одним из величайших произведений мировой литературы. Поэма состоит из трех частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай». В «Аде» описывается путешествие Данте по девяти кругам ада. «Божественная комедия» в аллегорической форме изображает путешествие человеческой души к Богу, а в «Аде» дается картина распознавания и неприятия порока...

Патрик вырвал книгу из рук психиатра.

— Я знаю, о чем здесь написано. Я прочел эту поэму столько раз, что почти выучил ее наизусть.

— И вы согласны с выводами, к которым пришел автор? — спросил психиатр.

— С какими выводами?

— Что грешник обречен после смерти на страдания без малейшей надежды на спасение.

— Я католик и я... верю в это, — подумав, произнес Патрик. Затем он спросил: — А вы во что верите?.. Мне просто интересно...

— Я убежден, что искупление можно заслужить даже в последние минуты жизни.

— Вы не верите, что Бог наказывает грешников? — спросил Шеп.

— Каждая душа должна очиститься перед тем, как она сможет двигаться вперед... но наказания... Я предпочитаю говорить о «помехах». Они подталкивают людей на путь божественного света.

— Вы говорите, как гуру новой волны, — пошутил Патрик. — К какому вероисповеданию вы относитесь?

— По правде говоря, я не являюсь приверженцем ни одной из существующих конфессий.

— Значит, вы не верите в Бога?

— Я этого не говорил. Просто я не верю, что познание Творца возможно через посредничество других людей. А вы? Вы верите в Бога?

Патрик хмыкнул.

— Я верю, что Бог заснул, сидя за рулем. Он бесполезен, как соски быка. Я не верю в него. Этот парень еще больший неудачник, чем я сам.

— Вы вините Бога в том, что потеряли руку? — спросил старик.

— Я виню Бога за этот мир. Кругом зло и страдания. Сейчас мы участвуем в двух войнах. Третья вот-вот начнется. Люди голодают, умирают от рака...

— Вы правы. Долой Бога! Если бы Он существовал, то давно бы разобрался со всем этим свинством, смел бы все к чертям собачьим. Ленивый ублюдок!

— Да... нет... Я не о том... Что-то неправильно в нас самих... Зачем нам дана свобода воли?

— Но вы ведь вините Бога за то, как сложилась ваша жизнь?

— Нет. Я виню Его за то, что Он лишил меня семьи, — ответил Патрик.

— Но вы ведь сказали мне, что сейчас они в Нью-Йорке.

— Да... но...

— Вас запирают на ночь?

— Нет.

— Тогда идите и найдите свою жену и ребенка. Перестаньте строить из себя жертву.

Кровь отхлынула от лица Патрика.

— Что вы сейчас сказали?

— То, что вы слышали.

— Вы думаете, это легко? — спросил Шеп.

Он сидел на краю кровати. Нервное беспокойство вернулось. Кожа чесалась в местах крепления протеза к руке. Мужчина нервно подергал своими искусственными пальцами.

— Есть кое-что... в моей голове...

— А-а-а... Вы о ночных кошмарах? — спросил психиатр.

— Ну-у... вы настоящий гений. Да... ночные кошмары, но о них я вам рассказывать не хочу.

— Вы тут босс, — сказал старик.

Откинувшись на спинку стула, он вновь взял в руки книгу Данте.

— Занимательное чтение, — сказал психиатр. — Мне нравятся книги о вызовах, бросаемых человеческому духу.

— В «Аде» пишется о справедливости и наказании грешников.

— И снова мы возвращаемся к Богу, который заснул, сидя за рулем?

— Я принимал участие в настоящей войне. Я видел, как страдали безвинные люди. Почему в мире столько ненависти? Почему столько бессмысленного насилия и жадности? Откуда этот упадок? В мире нет справедливости, поэтому в нем царит зло.

— Вы хотите справедливости или счастья? — спросил психиатр.

— Справедливость принесла бы мне счастье. Если Бог есть, то возникает вопрос: «Почему Он позволяет плохим людям процветать, когда хорошие люди страдают?»

— Вы считаете себя хорошим человеком? — спросил старик.

— Нет.

— Вы страдаете?

— Да.

— Мои поздравления. На свете все же есть справедливость. Теперь вы можете быть счастливы.

— Чушь! — воскликнул Патрик. — Вы просто не хотите меня понять.

— Я вас прекрасно понимаю. Вы хотите, чтобы Господь наказывал грешника немедленно, стоит ему совершить что-нибудь плохое. Но из этого ничего хорошего не получилось бы. Вы когда-нибудь видели, как дрессируют животных? Когда зверь исполняет то, чего от него хотят, дрессировщик дает ему угощение. Если же животное не слушается, его бьют электрошоком. Здесь проблема свободы воли и сопротивления искушениям, которые побуждают людей совершать зло. Надо сдерживать собственное эго. Человеческое эго — вот настоящий Сатана. Сатана — умен. Он временем разделяет причины и последствия так, что нам трудно проследить за тем, как вознаграждаются хорошие поступки и наказываются плохие.

— Ладно. Но наказание, как я понял, рано или поздно настигнет грешника. На войне я совершал поступки, которые казались оправданными. Теперь же, по прошествии времени, я не уверен в этом. Понесу ли я наказание?

— Давайте расставим все точки над «i». Грех — это всегда грех. Нельзя оправдать войной убийство или изнасилование. Без истинного правосудия, — я не имею в виду огонь и серу Данте, — без очищения ни одна человеческая душа не может вернуться к свету. Но для многих очищение — болезненный процесс.

— Вы все время говорите о каком-то свете, — сказал Патрик.

— Мои извинения. Под светом я понимаю свет, исходящий от нашего Создателя, безграничность, чувство полного удовлетворения.

— Вы говорите о рае?

— Не стоит упрощать, но вы, в принципе, правы, — ответил психиатр.

Шеп обдумал услышанное.

— Что делать, когда зло повсюду? Что делать, когда каждый ваш выбор неправилен, и вы ничего с этим поделать не можете?

— Когда зло достигает критической массы, оно распространяется по свету подобно чуме и мешает доступу Божественного света. Тогда даже невинные страдают в грядущем массовом очищении, которое по безжалостности превосходит даже творимые злом беды. Вы ведь

помните о Ное? Вы помните о Содоме и Гоморре? Впрочем, эти массовые очищения имели место до того, как Бог, по вашим словам, заснул за рулем.

Шеп не ответил. Он смотрел на левое запястье старика. Рукав свитера задрался, открывая вытатуированный на внутренней стороне ряд цифр.

— Вы были в нацистском лагере смерти? — спросил он старика.

— Да.

Глаза Патрика от удивления округлились.

— Я тоже видел зло, — сказал он.

— Верю, сынок.

— Я совершал ужасные поступки.

— Поступки, которые ваша жена никогда бы не одобрила? — спросил психиатр.

— Да.

— И теперь вы хотите с ней помириться?

— И вернуть дочь. Она забрала мою дочь. Я очень скучаю по ним обеим.

— Почему вы уверены, что ваша жена захочет вас видеть?

— Потому что мы — родственные души.

Старик вздохнул.

— Родственные души... Слишком сильно сказано, мой друг. Вы когда-нибудь задумывались над тем, что это значит? Родственные души — это две половинки некогда единой души, разделенной Богом.

— Я никогда прежде не слышал об этом.

— Это часть древней мудрости, которая предшествовала религии. Воссоединение родственных душ — благословенное событие, но не в вашем случае. Родственные души не могут воссоединиться до тех пор, пока обе души не исполнят свой тиккун...^[33] свое духовное исправление. А вы, мой друг, далеки от этого.

Старик поднялся, чтобы идти.

— Эй, док, одну минуточку. Я передумал. Мне нужна ваша помощь. Скажите, что я должен сделать, чтобы воссоединиться с моей любимой, и я сделаю это.

— Все в этой жизни имеет причины и последствия. Исправьте причины, и вы исправите последствия.

— И что это значит, черт побери? — вспыхнул Патрик. — Это она бросила меня. Я что, должен перед ней извиниться? Это что, поможет?

— Не спешите... Обдумайте все хорошенько... Решите, что вам нужно от жизни. Когда вам надоест строить из себя жертву, свяжитесь со мной.

Старик засунул руку в карман и, выудив оттуда визитку, протянул карточку Шепу.

Патрик Шеперд прочел на квадратике картона слова:

*ВИРДЖИЛ ЩЕХИНА^[34]
ИНВУД-ХИЛЛ, НЬЮ-ЙОРК.*

Инвуд-Хилл, Нью-Йорк

13:51

Расположенный на северной оконечности острова Инвуд-Хилл не похож ни на один из районов Манхэттена. Здесь нет небоскребов. Река Гарлем омывает его с северо-востока. На юге к нему примыкают Хай-Бридж-Парк и Вашингтон-Хайтс. На западе от Инвуд-Хилла тянутся спортивные поля и площадки, принадлежащие Колумбийскому университету. Тем, кто случайно попал в эту холмистую, покрытую густым лесом местность, может показаться, что он находится за тысячи миль от Большого Яблока.

Парк Инвуд-Хилл — единственный природный лес, сохранившийся на острове Манхэттен. Если взобраться на каменистую вершину холма, то можно насладиться великолепным видом на реку Гудзон. Бродя по лесу, можно наткнуться на древние пещеры, в которых задолго до прибытия первых европейцев обитали индейцы племени ленапе.

Черный «шевроле» въехал на территорию парка Инвуд-Хилл, сделал разворот на сто восемьдесят градусов на перекрестке Бродвея и Дикман-стрит и остановился.

Бернард де Борн вышел из машины и хлопнул дверцей. Перейдя проезжую часть, он подошел к новому уличному телефону, проверил, работает ли он, а затем набрал на своем мобильном телефоне номер и позвонил...

— Да?

— Это я. Перезвони по номеру 21–24–33–46–13.

Министр обороны нажал на кнопку отбоя и ждал. Как только уличный телефон зазвонил, де Борн сорвал с рычага трубку.

— Что стряслось? — спросил он.

— «Коса» выпущена на волю.

Мужчина нахмурился.

— Где? Когда?

— Площадь Объединенных Наций. Около пяти часов назад.

— Пять часов? Пять часов — это целая вечность. Ты не имеешь ни малейшего представления, как быстро эта дрянь распространяется в большом мегаполисе. Я должен добраться до ООН раньше, чем у них кончится вакцина...

— Берт! «Коса» генетически изменена. Теперь ее не победить ни одним из известных антибиотиков.

Холодный пот выступил на лбу министра обороны.

— Министерство национальной безопасности закрыло все входы и выходы с Манхэттена. Где ты сейчас?

— На севере острова, — ответил Бернارد де Борн.

— Ты здоров?

— Пока да. Я был в безопасном месте, встречался с ведущими членами совета.

— И?..

— Они поддержали план, но теперь это не имеет значения, — сказал Бернارد де Борн. — Все под большим вопросом.

— Не обязательно. Подумай: если эпидемия «Косы» вспыхнет в следующем месяце в Тегеране, это никого не удивит...

— Тише! О чем ты вообще говоришь? Если «Коса» проникнет за пределы Манхэттена в ее теперешней форме, все мы будем через месяц мертвы. Без вакцины «Коса» — это поезд-экспресс без тормозов. Мне нужно поскорее выбраться с острова, пока я не заразился. Где президент?

— В здании ООН. На карантине. Никого оттуда не выпускают.

— Президента и его окружение надо вывезти в форт Детрик и держать там в изоляции, пока мы не найдем лекарство. Я сейчас еду в ООН. Это мой единственный шанс. Звони мне на мобильный телефон, если будет что-то новенькое.

— Берт! Эта линия небезопасна.

— Никто не будет прослушивать наши разговоры. На Манхэттене
— чума...

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.
Перевод со старофранцузского.

17 января 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

Чума распространяется по Авиньону.

То, что началось как шепот в ночи, теперь превратилось в вопли умирающих и горестные стенания их близких и родных. Спасения нет.

После первых жертв чумы болезнь за несколько дней свела в могилу их родных и тех, кто ухаживал за больными. Постоянно звонят колокола. Братские могилы быстро наполняются телами. Ужас пожирает души живых, в то время как холодная рука бродящей по улицам города Смерти касается тех, кто впредь будет избавлен от всех невзгод, что выпали на долю живых. Никто не может чувствовать себя в безопасности — ни взрослый, ни ребенок, ни кардинал, ни проститутка.

Крестьяне падают замертво за столиками харчевен и на церковных скамьях.

Некогда богатые и обширные домовладения вымирают до единого человека.

Службу в церквях уже некому отправлять. Оставшиеся в живых священники занимаются самобичеванием.

Больных и умирающих грабят в их же собственных спальнях, а потом воры и разбойники также умирают, пережив своих жертв на несколько дней.

Счет мертвым растет с каждым днем. Сначала в день умирали дюжинами, потом сотнями, теперь же речь идет о тысячах. Когда кладбища при церквях заполнили свежие могилы, папа освятил землю под новое кладбище. Когда и оно было заполнено, за городской стеной стали рыть огромные

братские могилы. Все гробовщики заболели, и тогда крестьяне с окрестных холмов пришли и согласились собирать мертвых утром и днем и хоронить их к закату солнца за деньги, которые этим беднякам, должно быть, кажутся огромным состоянием. Тела сваливают в телеги одно на другое, свозят к братским могилам и аккуратно складывают рядами сотня за сотней. К ночи верхний ряд усопших забрасывают землей. А ночью дикие собаки и кабаны приходят, разрывают могилы и поедают зараженную плоть. То, что остается на скелетах, достается полчищам крыс.

Каждую ночь я засыпаю под бесконечный плач и стенания, что раздаются с улицы. Утром меня будят гроыхающие по булыжникам мостовой телеги. Я со страхом осматриваю свое тело в поисках признаков смертельного недуга. К полудню очередь недавно заразившихся людей выстраивается у дверей моего дома. Матери кашляют, укачивая своих плачущих детей, мужья утешают жен. Я не в силах облегчить страдания всех тех, кто обращается ко мне за помощью. Их слишком много, а я бессилен перед чумой. К тому же моя врачебная помощь необходима папе, и я ухожу. Когда я вернусь, буду лечить тех, кто меня дождется. Надеюсь, я проживу достаточно долго, чтобы понять, что это за зараза и как с нею бороться.

Что касается чумы, то я знаю, что тело человека подвержено заболеваниям лишь тогда, когда нарушается внутренняя гармония. Для гибели такого числа людей должна быть веская причина. Несколько месяцев назад на звездном небе наблюдался редчайший астрономический феномен, во время которого Марс, Юпитер и Сатурн выстроились в одну линию. Потеря космической гармонии, в этом нет ни малейшего сомнения, привела к тому, что губительные миазмы проникли на землю и заразили человечество. Влияние этих пагубных испарений гораздо опаснее в городе, поэтому те, кто побогаче, спасаются бегством из Авиньона, надеясь переждать мор в сельских шато.

Я молил Климента VI тоже покинуть город, но папа решил остаться. Впрочем, он согласился с моим предложением поставить в его опочивальне жаровни с тлеющими в них углями. Жар и пламя, если на то будет воля Божья, очистят воздух от

зловредных миазмов. Пока мне удастся спасти папу от чумы, но зловонные миазмы зла расползаются по городу. Боюсь, что самое худшее еще впереди.

Гвидо

Война с применением бактериологического оружия

Фаза № 5

Социальная катастрофа

Видя, с какой скоростью вирус свиного гриппа распространился в нескольких странах, Всемирная организация здравоохранения подняла уровень опасности до пятого по шестибальной шкале. Теперь вирус официально считается способным вызвать всемирную пандемию. Все страны должны ускорить свои приготовления...

Информационный центр Организации Объединенных Наций

29 апреля 2009 года

Потеря привычного образа жизни может стать следствием экономического краха, быстро нарастающих климатических изменений, войн, непомерно высоких цен на нефть, эпидемии или непредсказуемой комбинации этих или иных факторов. При этом наибольшую тревогу вызывает поведение людей в случае утраты привычного образа жизни. Мы станем свидетелями либо социального коллапса, когда каждый человек будет сражаться за выживание, пытаясь возвыситься над другими, либо фашизма, при котором люди из-за страха перед хаосом отдадут всю полноту власти харизматичным вождям.

Сара ван Гельдер, ответственный редактор журнала «Да!»

20 декабря

Секретариат ООН

Площадь Объединенных Наций

14:49

17 часов 31 минута до предсказанного конца света

Тридцатидевятиэтажное здание Секретариата ООН возвышается, словно отвесная скала, над площадью Объединенных Наций. Благодаря характерной прямоугольной форме и зеленым стеклам фасада это одно из наиболее узнаваемых строений в Нью-Йорке. Как часть комплекса зданий ООН оно считается «международной территорией» и его обитатели никогда не подпадали под американскую юрисдикцию... до сегодняшнего дня.

Вооруженные до зубов бойцы нью-йоркского подразделения войск быстрого реагирования рассредоточились по вестибюлю и на этажах Секретариата ООН. Чтобы не допустить распространения «Косы» через вентиляционную систему, во всем здании вырубili электричество. Теперь в помещениях было холодно, и это не способствовало хорошему настроению дипломатов.

Новые данные поступали в штаб ликвидации очага заражения каждый час. Шесть команд сотрудников центра контроля заболеваний обходили этаж за этажом, комнату за комнатой, обследуя запертых в них дипломатов.

Лифт приводил в движение автономный генератор. Доктор Рой Мохан и два сопровождающих его офицера подразделения войск быстрого реагирования в молчании доехали до семнадцатого этажа. Мохан прекрасно понимал глубину разворачивающейся трагедии. Полгода назад пьяный водитель забрал жизни его жены и новорожденного сынишки. Теперь врач работал в центре контроля заболеваний по шестьдесят часов в неделю, заглушая работой душевную боль утраты. За прошедшие четыре часа Рой Мохан осмотрел более семидесяти гражданских лиц и тридцать одного полицейского. То, что он увидел, разбудило в нем худшие воспоминания.

«Коса» была безжалостным убийцей, созданным так, чтобы распространяться быстрее любого из известных микробиологам вирусов. Чума производила на организм человека разрушительный эффект, вызывая у врача сверхъестественный ужас. Через несколько минут после заражения новый носитель сам заражал других людей через поцелуй, рукопожатие, объятия или кашель. Иногда достаточно было постоять возле зараженного человека. «Коса» косила людей, быстро распространяясь по зданию Секретариата ООН, который стал инкубатором для смертоносных бактерий.

— Доктор! Вы готовы?

Врач кивнул офицеру. Трое мужчин вышли из лифта. Один из полицейских постучал прикладом тазера в дверь под номером 1701. На табличке, прикрепленной к двери, значилось: «Демократическая республика Конго».

Через секунду дверь приоткрылась, и в щели появилось лицо двадцатилетнего молодого человека с кожей цвета зерен какао. Он прикрывал нос и рот окровавленным полотенцем и кутался в одеяло. Его темные, с желтоватыми белками глаза были расширены, и в них читался ужас.

— Mai... polado.

Офицер службы безопасности посмотрел на своего товарища.

— Кто-нибудь понимает по-африкански?

— Это лингала, — сказал доктор Мохан.

Врач вытащил из рюкзака пластиковую бутылку с водой. Мужчина схватил ее и жадно осушил.

— Вы говорите по-английски?

— Немного. Я учился в «Тасок»... Это американская школа в Киншасе. Меня зовут Мэтью Винсент Альберт Хокинс. Мои родители работают на правительство. Вы скажете мне, что нас убивает?

Ответил первый полицейский:

— Это сильный грипп. Мы должны осмотреть всех в помещении, а затем вернемся с лекарством.

— Вы лжете! Это не грипп!

Хокинс распахнул дверь.

В помещении находилось более дюжины человек. Большинство — темнокожие, но встречались и европейцы. В углу лежала женщина европеоидного типа лет пятидесяти. Лица людей укрывали газеты, и местами на бумаге проступали пятна свежей крови.

— Четырнадцать уже мертвы. Пятеро в соседнем офисе еще живы, но инфицированы. Я учусь на врача, так что не лгите мне. Что нас убивает?

— Бубонная чума, — ответил доктор Мохан. — Этот штамм распространяется очень быстро.

— Почему не использовать антибиотики? — задал вопрос Хокинс.

— К сожалению, мы не выявили тех, которые производили бы желаемый эффект.

Хокинс дернулся. Гнев исказил его лицо, а из носа вырвалось сердитое сопение. Опустив вниз одеяло, он разорвал ворот рубашки. На груди у молодого человека была сделана татуировка в виде льва, окруженного надписью «Mwana ya Congo». Над татуировкой, на ключице врач увидел большую, размером с яблоко, черную опухоль.

— Мы заслуживаем лучшего. Да?
— Да.
— Мои брат и сестра... Они хотят пить...
Доктор Мохан передал им рюкзак.
— Там вода и немного еды. Да поможет вам Бог.
Хокинс кивнул и закрыл за собой дверь.

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

14:44

Ли Нельсон стояла перед переносным пластиковым изолятором. Направив свет фонарика в полуоткрытые впалые глаза русской женщины, врач увидела, что ее зрачки реагируют.

Мэри Клипот барахталась в глубоких водах тошноты и бесконечной боли. Следуя за тонким лучиком света, она вынырнула на поверхность сознания.

— Дана! Меня зовут доктор Нельсон. Вы понимаете по-английски?

— Мой ребенок?

— С вашим ребенком все в порядке. Нам пришлось делать кесарево сечение.

«Маленький Исусик родился!»

— Дана! Послушайте меня. С вашим ребенком все хорошо, но вы очень... очень больны. Надо подождать, пока вам станет лучше. Антибиотики скоро начнут действовать.

— Принесите мое дитя...

Слова забулькали в горле, полном смешанной со слюной крови.

— Дана! У вас заразное заболевание.

— Ребенок не заразится, — сказала больная. — Я сделала ему прививку против «Косы».

— Косы?

— Против бубонной чумы... Новый штамм... Выращен в моей лаборатории...

Кровь отхлынула от лица Ли.

— В какой лаборатории?

Мэри закашлялась кровью, затем облизала губы, но кровь осталась на них.

— В форте Детрик.

— И вы его вырастили? — переспросила доктор Нельсон.

— Антибиотики бесполезны... Антidot — в машине... В ступице запасного колеса...

— Где ваша машина?

— Ее забрал буксир... сегодня утром... с... возле ООН... Принесите мне антidot, и я скажу, как им пользоваться.

**Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии Соединенных Штатов Америки Форт Детрик
Фредерик, Мэриленд**

14:53

Спутниковая карта Манхэттена, сделанная в реальном времени, отображалась на стосорокадюймовом проекционном экране. На ней были видны улицы и отдельные здания. Красными точками обозначали поддающееся проверке количество инфицированных в определенном районе. Сбоку изображения приводились цифры.

Хуже всего дело обстояло в Нижнем Ист-Сайде, где на территории четырех кварталов, окружающих площадь Объединенных Наций, выявили до двух сотен инфицированных.

Впрочем, куда большее беспокойство у полковника Звавы вызывало растущее число зараженных в других районах Манхэттена, а именно в Верхнем Ист-Сайде, на Ленокс-Хилл, в Центральном и Восточном Гарлеме, где болезнь распространилась в западном направлении до площади Линкольна и Манхэттенвилля. Каждый новый прыжок «Косы» начинался с единичного случая заражения. Ничего не подозревающий человек инфицировал сначала членов своей семьи и друзей, а потом и медицинских работников. Чума распространялась с чудовищной скоростью.

Полковник Звава посмотрел на настенные часы.

«До следующей пресс-конференции мэра Кушнера осталось семь минут, а от президента — ни слуху, ни духу».

Словно прочитав его мысли, черный монитор на стене ожил, показывая Эрика Когело. Президент выглядел уставшим и мертвенно-бледным.

— Приношу извинения за опоздание. Свет выключили, но мы кое-как выходим из сложившегося положения. Наши мониторы в конференц-зале не работают. Вице-президент на связи?

— Да, мистер президент. Я сейчас нахожусь в оперативном центре вместе с государственным секретарем Клауснером. Кроме того, я пригласил на совещание генерал-лейтенанта Фолино из Национальной гвардии и адмирала Огрена из береговой охраны. Они мобилизовали силы для охраны мостов, туннелей и водных путей, ведущих из Нью-Йорка.

— Кто принял решение задействовать подразделение «Свобода»? — спросил Когело.

Вице-президент с раздраженным видом нахмурился.

— Об этом лучше спросить у госсекретаря Клауснер.

Гарриет Клауснер не стала прятаться в кусты.

— Я отдала приказ, мистер президент. Глава Министерства национальной безопасности позвонил мне лично по пути в Нью-Йорк и прямо заявил, что на мобилизацию и переброску Национальной гвардии потребуется три часа. Счет шел на минуты. Все пути с Манхэттена следовало перекрыть как можно скорее, и я позвонила командованию подразделения «Свобода». Они прислали роту из Джерси-Сити. Я делала то, что посчитала нужным.

— Понятно, — сказал президент. — А кто командует иностранной полицией?

— Я, мистер президент.

На экране появилось лицо голубоглазого коротко стриженного мужчины с волосами пепельного цвета. Его акцент выдавал выпускника военного училища сухопутных войск в Сандхерсте, графство Беркшир.

— Джеймс О'Нил, Вооруженные силы Великобритании, исполняющий обязанности командира подразделения «Свобода». Позвольте мне развеять ваши опасения, мистер президент. Взаимодействие с гражданским населением — это специализация моих ребят. Подразделение «Свобода» несло службу в Косово, Сьерра-Леоне, Северной Ирландии...

— Я не ставлю под сомнение вашу профессиональную пригодность, мистер О'Нил. Меня беспокоит то, что госсекретарь приняла решение задействовать международные силы полиции в ситуации, которая является нашим внутренним делом.

— Со всем уважением, сэр, но должен заметить, что сложившаяся обстановка полностью отвечает ситуации, ради устранения которой и

было при вашем предшественнике сформировано подразделение «Свобода». В случае возникновения чрезвычайной ситуации мы проводим мобилизацию быстрее, а действуем эффективнее, чем Национальная гвардия.

— Мы высоко ценим ваше рвение, но сложившееся положение вещей требует деликатности и присутствие подразделения «Свобода» может только навредить. Генерал Фолино!

— Да, сэр.

— Сколько времени понадобится на то, чтобы заменить иностранную полицию нашими войсками?

— Мы мобилизовали боевую группу первой бригады третьей пехотной дивизии. Они в пути с мест дислокации в форте Стюарт, штат Джорджия. Что же касается Национальной гвардии, то нам придется снять одну или даже две дивизии, которые сейчас заняты возведением дамб на берегах Миссисипи.

— В любом случае американские войска должны заменить подразделение «Свобода». Понятно, генерал? Полковник Звава! Какова ситуация на территории комплекса ООН?

— Плохо, сэр. Люди из аэромедицинских карантинных команд и центра контроля заболеваний не справляются из-за большого количества инфицированных. Мы готовимся к эвакуации на остров Говернорс.

— Подождите... Вы говорите, что мы потеряли ООН?

— Мистер президент! Уже несколько часов, как мы потеряли Манхэттен.

— Манхэттен... Боже правый...

— Сэр! Мы надеемся, что к семи часам вечера сможем подготовить подходящее помещение. Тогда мы пришлем вертолеты за членами американской делегации и другими выжившими делегатами. Сейчас все лаборатории четвертого уровня заняты разработкой эффективного антибиотика, который справился бы с мутировавшим штаммом вируса.

— Говорите прямо, полковник, — сказал Когело. — Вы собираетесь переправить нас на остров Говернорс и держать там в карантине. Я прав?

— Да, в карантине. Там вы будете находиться под рукой, и в случае обнаружения эффективного антибиотика нам будет легче лечить вас.

— Но ведь мы потеряем Манхэттен?!

— Да, сэр. Вне Манхэттена не зафиксировано ни единого случая заражения, а на острове «Коса» распространяется с ужасающей быстротой. Каждый очаг заражения подобен пожару в зарослях кустарника. Мы давно потеряли контроль над ситуацией.

— Генерал Фолино! Могут ли ваши войска поддерживать карантин?

— Пока еще да. Ситуация подобна перегону скота. Дюжина ковбоев на лошадях сможет управиться со стадом, если животные не напуганы. Когда же количество заболевших достигнет критического уровня, стадо испугается, и нам придется иметь дело с самоорганизовавшейся толпой в несколько сотен тысяч человек. И тогда наши люди не смогут поддерживать порядок.

— Что вы посоветуете? — спросил Когело.

— Поручите мэру очистить улицы от людей. Пусть никто не выходит из дома. Затем ввести военное положение. Гражданские, собираясь на улицах, способствуют распространению «Косы». Любые общественные беспорядки станут угрозой карантину.

— Адмирал Виллик!

Стивен Виллик, председатель Объединенного комитета начальников штабов, появился на экране.

— Я согласен. По моему мнению, сейчас наибольшую угрозу представляют сто тысяч жителей пригородов, которые застряли в пробках на манхэттенских мостах и в туннелях. Беспokoйство среди гражданских нарастает, и мы предполагаем, что массовая лобовая атака транспортных средств может прорвать наши заслоны. В случае прорыва мы взорвем мосты. Для побега с острова можно также использовать Гарлем, Гудзон и Ист-Ривер. В данный момент мы уже патрулируем береговую линию от Бронкса до Квинса, а также остров Рузвельта. Еще два катера береговой охраны находятся на пути к месту несения боевой охраны. Вскоре ожидаем транспортный самолет с беспилотными летательными аппаратами последней модификации на борту. Сейчас нам крайне важно, чтобы мэр выиграл время, и мы смогли выдвинуть наши части на позиции.

— Сколько это займет времени?

— Два часа.

Президент помассировал себе виски, прикрыл глаза, задумался...

— Свяжите меня с мэром Кушнером, — наконец приказал он.

Кинотеатр «Солнечный свет»

Нижний Манхэттен

14:47

Шелби Моррисон ела попкорн из большой пластиковой банки, которую поставила себе на колени. Ее подруга Джейми набирала текстовое сообщение на мобильном телефоне.

— Brent Трип пригласил меня, — сообщила она подруге.

— Прислал эсэмэску из Джорджии?

— Он симпатичный.

— Ш-ш-ш! — шикнула дородная женщина, которая сидела через ряд за спинами девочек.

Шелби понизила голос.

— Он похож на бойскаута.

— Да... на скаута-орла.^[35] Он — крутой, хочет стать кинорежиссером...

— Серьезно?

— Ш-ш-ш!

— Сама потише!

Шелби схватила пригоршню попкорна и вскрикнула, поджав ноги вверх.

— Джейми! Что-то коснулось моей ноги!

— Собака?

— Нет... думаю, крыса...

— Ой! Боже мой!

Джейми Рамсон подняла ноги вверх и увидела, что большая черная крыса ползет по штанине ее джинсов.

— А-а-а-а-а!

Ударом банки с попкорном испуганная девочка сбросила грызуна с ноги.

Полчища черных крыс затопили пол кинозала, запрыгивали на сиденья. Люди с визгом бросились по проходу к дверям.

— Бежим!

Шелби, перепрыгивая с места на место, наступила на крысу и подвернула ногу.

Включили свет. Девочки увидели перед собой дородную женщину в шубе, которая бежала по главному проходу. Несколько крыс

запрыгнули ей на спину.

Джейми схватила Шелби за руку и поспешила сквозь толпу к экрану, возле которого спасительным светом сиял распахнутый выход. Люди толкали их отовсюду. В водовороте пальто и курток девочки неслись вперед. Они хватались за одежду бегущих людей, отчаянно стараясь сохранить равновесие, и молились.

Холодное дыхание декабря. Серый дневной свет. Девочки бежали по переулку... мимо мусорного контейнера, переполненного пластиковыми пакетами с отходами... мимо бездомного, который корчился, лежа на боку... Он был настолько пьян, что не мог отбиваться от дюжины крыс, облепивших его рваную одежду, которые вгрызались зубами в человеческую плоть.

С криком они неслись в толпе по проезжей части Хьюстон-стрит, остановив тем самым движение.

— Боже мой! Боже мой! Меня сейчас стошнит.

— Шелби! У меня кровь на ноге. Кажется, она меня укусила.

— Серьезно? Боже мой! Джейми! Ты истекаешь кровью!

— О, Господи! Я умру?

— Нет. Все будет хорошо. Людей часто кусают крысы. Надо только промыть рану, а то ты можешь заболеть бешенством. Пойдем.

Чайнатаун

14:51

Чайнатаун на Манхэттене — здесь работают и живут более 160 тысяч человек. В лабиринте узких улочек бродят уличные торговцы. Там же расположились множество овощных, рыбных и ювелирных магазинов и пара сотен «настоящих» китайских ресторанов. Впрочем, Чайнатаун знаменит не только дим-самами^[36] и дешевыми духами. В этом азиатском квартале процветает черный рынок. В задних комнатках магазинчиков, в подвалах и переулках торгуют дешевыми подделками солнцезащитных очков и сумочек от прославленных кутюрье.

Гави Кантор обходила Мотт-стрит в поисках рождественского подарка для своего нового бойфренда Шона-Рея.

Парень, который стоял на стреме, внимательно осмотрел белую девочку, и, когда она приблизилась, подал сигнал напарнику, и тот кинулся к Гави.

— «Прада»... «Гуччи»... «Коуч»... Хочешь «Прада»?.. Или «Гуччи»? Я сделаю большую скидку.

— Я ищу часы для своего парня, — сказала девочка.

— Сколько у тебя денег?

— Сорок долларов.

— Ну-у-у... Могу предложить «Сейко» или «Таймекс». Стой! Как насчет «Ролекса»?

— За сорок долларов? Ты шутишь?

— Нет. Они выглядят как новые, хорошо идут. Тебе понравится. Даже коробка есть. Пойдем со мной. Я тебе покажу.

Представляя себе, как обрадуется Шон-Рей Далински, наивная тринадцатилетняя девочка последовала за новоявленным Гамельнским Крысоловом в узенький боковой переулок, а затем вниз по ступенькам в полутемный подвал большого здания из красного кирпича. Там ее ждал длинный коридор, заканчивающийся тьмою...

Таймс-сквер

Пересечение Бродвея и 45-й улицы

Мидтаун, Манхэттен

15:02

Это сердце Манхэттена, его Мекка. Двенадцать кварталов театров, кинотеатров и концертных залов, над которыми высятся сверкающие громадины небоскребов. Повсюду экраны, на которых постоянно крутят рекламу...

Застрявшие в дорожной пробке водители и прохожие — около четверти миллиона человек — смотрели на шесть гигантских экранов с высоким разрешением, на которых мэр делал заявление для прессы.

— ...Чтобы предотвратить распространение вируса и создать условия, при которых медики смогут эффективно лечить инфицированных, мы вводим комендантский час с семнадцати ноль-ноль. Каждый, кто появится на улице после этого времени, будет арестован. Тех, кто застрял на мостах и автострадах, мы эвакуируем автобусами в Мэдисон-сквэр-гарден,^[37] где они проведут ночь. Комендантский час будет действовать до тех пор, пока Министерство здравоохранения не объявит, что опасность заражения миновала...

По толпе прокатился стон.

На больших экранах репортеры наперебой выкрикивали вопросы.

— Мистер мэ́р! ООН сейчас на карантине. Что с президентом Когело?

— Президент Когело, работники его администрации и члены делегаций ООН будут находиться в полной изоляции до тех пор, пока не исчезнет опасность. Президент просит всех соблюдать те же меры безопасности.

— Насколько опасен вирус? Каков процент смертельных случаев?

— Болезнь чрезвычайно заразна, но никто не говорит, что она смертельна.

— Извините, мэ́р Кушнер, но мы сами видели команды медиков на площади Объединенных Наций. Все они в костюмах биологической защиты. Эта видеозапись есть на «ютубе»! Как вы можете, глядя нам в лицо, заявлять, что вирус не смертелен?

В толпе среди взволнованных и испуганных владельцев магазинов, туристов и бизнесменов шел Санта-Клаус, одаривая окружающих отнюдь не рождественскими подарками.

Хит Шелби в костюме Санты, пошатываясь, брел куда глаза глядят. У него начался жар. Все тело болело. Белые пряди парика прилипли к покрытому испариной лбу. Капельки крови, которой он кашлял, забрызгали ватную бороду. Его подташнивало.

— Мистер мэ́р! Как вы можете, глядя нам в лицо, заявлять, что вирус не смертелен?

«Смертелен...»

Волонтер Армии спасения взглянул на большой экран, установленный на усеченном треугольнике здания, которое ньюйоркцы называют башней Таймс.

«Беременная на площади Объединенных Наций? Она ведь была больной».

Сердце Хита Шелби сильнее забилося. Он был похож на человека, которому только что вынесли смертный приговор. *«Надо куда-то бежать. Надо добраться до больницы».* Но вокруг бурлило людское море. Само его присутствие угрожало жизни этих людей. Его распирали гнев и отчаяние, но вокруг были люди, и Шелби не мог позволить себе пойти на поводу у своих чувств.

Расталкивая людей, мужчина нетвердым шагом подошел к мусорной урне. Его стошнило.

— Мама! Смотри! Санта-Клаус заболел!

Мама покачала головой.

— Это не Санта, дорогая. Это какой-то пьяница.

— Нет, мама. Он болен. Смотри! У него кровь.

Женщина повернулась и посмотрела на Хита Шелби.

— Боже! У него вирус. Он больной!

Подхватив на руки шестилетнюю дочь, мамаша бросилась в толпу с криком:

— Он заразный! Посторонись!

Головы прохожих повернулись в сторону Шелби.

Поняв, что о его болезни догадались, мужчина вытер рот и пошел сквозь толпу, заражая «Косой» все новых и новых прохожих.

Пересечение 38-й Западной улицы и 12-й авеню Манхэттен, Нью-Йорк

15:19

Таксист посмотрел в зеркало заднего вида на симпатичную брюнетку в респираторе.

— Мы попали в пробку. Полицейский участок за шесть кварталов. Вам будет быстрее добраться туда пешком.

Расплатившись с таксистом, Ли Нельсон вышла из машины на тротуар. Повсюду сновали нервные прохожие. Женщина задержалась на секунду, чтобы забрать свои вещи из машины, как ее толкнули. Многие прохожие прижимали к уху мобильные телефоны. Они скорее кричали, чем говорили...

— Позвони сенатору! Я дал двадцать штук на его прошлую предвыборную кампанию! Пусть он вытащит меня с этого чертового острова!

— Дорогая, я не знаю, когда вернусь домой. Они перекрыли все дороги. Думаю, мне придется ночевать в офисе.

Полицейская автостоянка находилась возле туннеля Линкольна, самого оживленного из подземных туннелей в мире. Вход в него расположен в самом сердце Манхэттена. По шести автодорогам, проложенным под рекой Гудзон в трех «трубах» туннеля, из центра Нью-Джерси на Манхэттен и обратно ежедневно проезжает до ста двадцати тысяч автомобилей.

Следуя указателям, Ли Нельсон добралась до Четыреста девяносто пятой федеральной автострады. Дойдя по ней до 5-й авеню, она

остановилась. Сцена, открывшаяся ей, напоминала сюрреалистичный сон.

Шлагбаумы контрольных постов были опущены, туннель Линкольна перекрыт, а на автостраде и прилегающим к ней улицам, насколько хватало обзора, тянулась бесконечная, непроходимая, словно завал на лесной дороге, череда легковых машин и автобусов. Пассажиры выходили из них и выкрикивали оскорбления в адрес вооруженных представителей портовых властей и полицейских. Кто-то собирался небольшими группами и обсуждал возможность бунта.

— Какого черта нас отправляют в Мэдисон-сквэр-гарден? Что мы там забыли?

— Помните, что случилось с людьми, которые во время урагана Катрин сидели под крышей спортивной арены «Супердоум» в Новом Орлеане?

— Мне нужна еда и горячая ванна. Возьми ребенка и запри машину. Мы уходим отсюда.

Полторы мили до штрафной автостоянки Ли преодолела за двадцать минут. В полицейском участке царил хаос. Патрульные и спецназовцы, многие в противогазах, без конца входили и выходили из него.

Ли Нельсон с трудом протиснулась к столу дежурного.

— Меня зовут доктор Нельсон. Я к вам по очень срочному делу. Я ищу машину, которую отбуксировали к вам сегодня утром.

— Извините, доктор, но мы не выдаем машин до тех пор, пока ситуация в городе не стабилизируется, — заявил полицейский.

— Мне не нужна машина. В машине лекарство. У меня умирает больная...

Пропорив еще минут десять, женщина вытаскала кредитную карточку и заплатила штраф.

Белая «хонда» с вирджинскими номерами на вид казалась непримечательной. Но все же неприятный холодок пробежал по спине женщины при виде автомобиля. Ли Нельсон наблюдала за тем, как полицейский просунул разводной ключ под крышку багажника и взломал замок. Завыла противоугонная сигнализация.

Надев резиновые перчатки, Ли Нельсон сняла лежащую сверху запаску. Под ней оказался ящичек из полированного дерева размером с

сигарную коробку. Открыв две шарнирные защелки, Ли откинула крышку. Внутри в пенопластовых углублениях располагались двенадцать небольших закупоренных пробирок с прозрачной жидкостью.

Сверху лежал сложенный листик бумаги с текстом следующего содержания:

«Коса МК-36». Вакцина (антидот).

Инструкция. Принимать внутрь. Одна доза рассчитана на одного пациента.

Побочные последствия. Антибиотик содержит сильный нейромедиатор, способный проникать в кровь и воздействовать на мозг. Может вызывать галлюцинации. Гнев и раздражительность обостряют симптомы. Пациент должен оставаться спокоен. Не оставляйте пациента одного в течение 6–12 часов после применения антибиотика.

Ли вытащила мобильный телефон из кармана и нажала кнопку быстрого набора.

— Доктор Кларк! Это доктор Нельсон. Она у меня!

— Вы уверены, что это та вакцина?

— Не знаю наверняка. Надо проверить ее на пациентах. Но женщина умоляла меня привезти ей эту вакцину.

— Когда вы сможете добраться до центра? — спросил доктор Кларк.

— Примерно через час.

— Хорошо. Я предупрежу людей в центре контроля заболеваний. Отлично справились, доктор Нельсон. Возможно, вы спасли нас от пандемии чумы.

Адреналин бушевал в крови. Сердце учащенно билось в груди. Ли раскрыла рюкзак и осторожно положила коробочку между медицинским халатом и шерстяным шарфом. Поправив респиратор на лице, женщина спортивным шагом пошла прочь от штрафной автостоянки.

Центральный парк, Манхэттен

15:42

Он расположен в самом сердце Манхэттена. Это самый посещаемый парк в Соединенных Штатах. Две и шесть десятых мили — в длину, полмили — в ширину. Великолепный образчик «дикой» природы, созданный руками людей. 136 акров леса, 250 акров лужаек и 150 акров поверхности рек и искусственных озер. Самое большое из них, водохранилище Жаклин Кеннеди-Онассис площадью 106 акров, вмещает более миллиарда галлонов воды. 58 миль пешеходных дорожек. Четыре с половиной мили верховых троп для катания на лошадях. Общая длина скамеек составляет семь миль. 21 спортивная площадка. 36 мостов и проходов под арками. Самое высокое строение вздымается на высоту в 71 фут — гранитный обелиск весом 244 тонны, вытесанный в Древнем Египте около 1500 года до н. э. Весь Центральный парк покоится на образовавшейся 450 миллионов лет назад породе кристаллического сланца.

Марта Эванс было тридцать шесть лет. Рядом шла Тина Вилкинс, ее подруга и любовница. В сплошном людском потоке они направлялись на юг по Вест-драйв. Извилистая дорожка вывела их к построенному из валунов искусственному гроту, называемому Пул. Здесь одиннадцать лет назад женщины и познакомились. Тогда была весна, и берега озера покрывала сочная зеленая трава. Теперь всюду лежал снег, ивы стояли голые, без единого листочка, а водную гладь озера покрывала тонкая корка льда.

Марта толкала перед собой легкую детскую коляску с их пятилетней дочерью Габи. Лесбийская пара жила в Де-Мойн, штат Айова, но это Рождество женщины решили встретить в Нью-Йорке. Утром они побывали в киноконцертном зале «Рэдио-сити», а после обеда планировали посмотреть большую рождественскую елку в Рокфеллер-центре.

Теперь женщины хотели одного — живыми выбраться с Манхэттена.

Вместе с тысячами других напуганных граждан они двигались к одному из пунктов сбора, о которых можно было узнать из спешно напечатанных листовок. Слева находилось водохранилище, такое огромное, что на его поверхности свободно бы уместились десять кварталов города. Американские вязы росли по обеим сторонам аллеи,

и их ветви смыкались над головами идущих по ней людей. Тонкие ветви мелькали в сером небе, словно кадры из «Сонной лощины».

Через четверть часа они добрались до Великой поляны. Впереди, на скале Виста-Рок, красовался Бельведерский замок. Его каменные стены возвышались над театром «Делакорте». Там собралось около десяти тысяч человек, а еще больше было на подходе. Под их ногами пятьдесят пять акров покрытой снегом поляны превратились в грязное месиво.

Высоко над сценой висел большой виниловый транспарант:

*ГОРОД НЬЮ-ЙОРК ПРЕДСТАВЛЯЕТ
«УОЛТ ДИСНЕЙ» НА ЛЬДУ
28 ДЕКАБРЯ — 7 ЯНВАРЯ*

Добровольцы устанавливали микрофон и систему местного оповещения на сцене амфитеатра. Глаза всех присутствующих неотрывно следили за белым мужчиной лет шестидесяти. У него были темные, зачесанные назад волосы и загар жителя Флориды. Пройдя через сцену, мужчина остановился у микрофона.

— Меня зовут Лоуренс Гершман. Я был помощником заместителя министра обороны во время второго президентского срока Буша. Я пришел сюда, чтобы с полной ответственностью заявить: нам лгут. Если мы не предпримем решительных действий, то вскоре умрем.

Толпа зашумела.

— То, что я сейчас вам скажу, является секретной информацией. Долгие годы правительства США и других западных стран планировали использовать пандемию, более беспощадную к людям, чем испанка, которая в 1918 году свела в могилу тридцать миллионов человек. Фармацевтическая промышленность по уши погрязла в этом. Правительство имеет тайные контракты на массовое производство вакцин от генетически измененных вирусов, которые создают сумасшедшие ученые, работающие на Министерство обороны США. С их помощью намереваются истреблять население враждебных государств. Уверен, что именно один из подобных вирусов случайно выпустили возле здания ООН сегодня утром. Эти сумасшедшие ублюдки напортачили и теперь упустили контроль над ситуацией. Военные никого не пускают внутрь, но количество трупов растет там

так быстро, что власти не знают, что с ними делать. В мегаполисе, подобном Манхэттену, вирус распространяется со скоростью лесного пожара.

Тина схватила Марта за руку. Женщины дрожали от страха.

— Есть только один способ выжить, и действовать нужно немедленно, до того как в людей начнут стрелять на улицах. Завяжите нос и рот, наденьте перчатки и бегите... бегите с острова. Идите по туннелям метро, плывите, если придется, но выбирайтесь отсюда, пока вы не попали в мешок для трупа.

**Война с применением
бактериологического оружия**

Фаза № 6

Сатурация, изоляция, смерть

Пять к одному, детка, один к пяти.
Никто из нас не выйдет отсюда живым!
У тебя свое, детка,
А у меня свое!
Если попытаться, детка, все получится!

Группа «Дорз». Пять к одному

20 декабря

**Научно-исследовательский институт инфекционных
заболеваний армии Соединенных Штатов Америки Форт Детрик
Фредерик, Мэриленд**

15:47

15 часов 28 минут до предсказанного конца света

Полковник Джон Звава вздрогнул, когда мобильный затрезвонил в заднем кармане.

— Говори, Джей!

— Возможно, мы нашли нашу беглянку. В центр контроля заболеваний только что позвонили из местной больницы. У них чумная больная, которая утверждает, что знает, где находится вакцина от «Косы». Описание подходит под внешность Клипот.

Сердце полковника чаще забило в груди.

— Где сейчас вакцина?

— В багажнике взятой напрокат машины, которая находится на стоянке конфискованных полицией автомобилей.

— Какой адрес?

— Теперь это не важно. Директор больницы отправил помощницу забрать вакцину. Сейчас она возвращается обратно.

— Больница далеко от тебя? — задал вопрос полковник.

— В Ист-Сайде, но из-за дорожных пробок я не доберусь туда и за час. Я не могу вдаваться в подробности. Эвакуация назначена на семь часов вечера.

— Хорошо. Я посылаю отряд захвата. Какая больница?

— Медицинский центр для ветеранов на Ист-Сайде.

Верхний Ист-Сайд

15:45

В течение двух часов раздраженная до предела женщина на черном «шевроле» лавировала между заполонившими улицы города автомобилями. Она то и дело включала сирену, но это не помогало. Выбарывая каждый дюйм, «шевроле» двигался на юг по Парк-авеню.

Вот показалось четырехэтажное здание из известняка, выдержанное в неоклассическом стиле. Повернувшись к мужчине, развалившемуся на пассажирском сиденье, Шеридан Эрнстмайер с силой пихнула его в бок. Эрнест Лозано проснулся.

— Что? — спросил он.

— Мы проезжаем мимо Совета по международным отношениям. Может, отсидимся там?

— Может...

Лозано перегнулся через спинку сиденья и осторожно коснулся колена Бертрана де Борна.

— Извините, что разбудил вас. Мы проезжаем мимо Совета по международным отношениям. Может, нам остановиться?

— И какого хрена нам туда переться? — рассердился министр обороны. — Или ты думаешь, что у Совета по международным отношениям стойкий иммунитет к «черной смерти»?

Шеридан мысленно улыбнулась.

— Нет, сэр. Я просто подумал... — промямлил Лозано.

— Если бы ты «подумал», то вместо придурочного женишка Клипот занялся бы непосредственно ею!

В кармане завибрировал мобильный телефон, и де Борн умолк. Протерев глаза со сна, министр обороны ответил на звонок.

— Говорите.

— Хорошая новость. Оказывается, есть вакцина.

Сердце де Борна бешено запрыгало в груди.

— У кого?

— Сейчас ее везут в медицинский центр для ветеранов. Сделай себе прививку, и мы тебя вывезем по воздуху. Скажем, что ты входил в команду медиков, которые собирали образцы крови для нового антибиотика. Ты станешь героем. Пресса преспокойно все схавает.

— Большое спасибо, — сказал де Борн. — Я позвоню, как только прибуду на место.

— Только будь осторожнее. В новостях сообщают, что местные выходят из-под контроля.

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

15:49

В безмолвной пустоте стерильной палаты, которая не имела ни воспоминаний, ни надежд на будущее, Патрик Шеперд смотрел на картину на пожелтевшей стене, изображающую дом на берегу моря, и думал, как бы сложилась его жизнь при других обстоятельствах.

«Что сказал психиатр? Все имеет причину и последствия. Устрани причину — и ты устранишь последствия. Я отправился на войну, и Беатриса меня бросила. Я вернулся с войны, и моя семья приехала в Нью-Йорк. После стольких лет... Зачем? Может, она хочет официального развода? Может, это вообще не имеет ко мне никакого отношения? Кто знает?»

Патрик потянулся к картине своим протезом, пытаясь взять деревянную раму, но неудачно... Попробовал снова... Опять ничего не вышло...

Разгневанный мужчина дернул стальной рукой и сбил картину со стены.

«Перестать вести себя, как безмолвная жертва. Найди Беатрису. Узнай, почему она здесь. В любом случае пришло время действовать».

Район Бэттери-парка, Манхэттен

15:51

Беатриса Шеперд перебирала содержимое последней картонной коробки. Старые рукописи в резиновых лентах... С ними связаны приятные воспоминания, вот только в ее новой квартире не так уж

много места. Женщина выкинула их в мусорное ведро, которое специально приготовила для макулатуры.

На дне картонной коробки лежала пластиковая папка. Отклеив пожелтевший скотч, Беатриса открыла ее. Несколько нераспечатанных конвертов. Фотография в рамке. Она вытерла пыль со стекла. Мужчине на фотографии было лет двадцать пять. Одет в солдатскую рабочую одежду песочного цвета. Пуговицы на груди расстегнуты.

Глаза женщины наполнились слезами. Некоторое время она смотрела на фотографию, а затем поставила ее на книжную полку возле телевизора с плоским экраном. Она пока не знала, как объяснит это дочери.

Ее глаза остановились на экране телевизора. Показывали новости, но звук был выключен. Найдя пульт дистанционного управления, Беатриса включила звук. После слов «пандемическое заболевание» и «комендантский час» она набрала номер мобильного телефона дочери. После четвертого звонка включилась функция голосовой почты.

— Это мама. Перезвони мне, как только сможешь.

Лишь только трубка коснулась рычажка, телефон зазвонил.

— Где ты?

— Извините. Это миссис Шеперд? — Голос принадлежал пожилому мужчине.

— Да. А вы кто?

— Вы меня не знаете, мэм. Я звоню по поводу вашего мужа, Патрика. Сейчас он в Нью-Йорке, и ему нужно срочно увидеться с вами.

Гамильтон-Хайтс, Нью-Йорк

16:02

Перед открытым ноутбуком на полированном бамбуковом полу сидел в позе лотоса тибетский монах. Микротонкие провода тянулись из задней панели мини-компьютера по полу через открытую дверь на балкон седьмого этажа, выходящий на реку Гудзон. Там они соединялись с небольшой спутниковой тарелкой, укрепленной на кирпичной стене.

Старейшина медитировал.

Катер береговой охраны проплыл на юг по реке. Рокот сдвоенного двигателя отдавался многократным эхом вибрации во всем теле

монаха.

Ровно в 16:08 Гелут Паним открыл глаза. Он взял японскую маску театра кабуки, которая лежала у его правого колена, и надел на лицо. Заработал спутниковый канал связи. Экран мгновенно разделился на девять равных квадратиков (три ряда на три колонки). Восемь по-разному разукрашенных масок уставились на Гелута Панима. В левом верхнем углу находилось изображение его собственной маски. Седьмой квадрат на экране был пуст.

Многие опасались, что это «собрание» Общества девяти неизвестных станет последним.

Прежде чем заговорить, Старейшина «прощупал» биоритмы каждого из братьев.

— Друзья мои! Мир изменяется у нас на глазах. Первую костяшку домино в ряду стоящих за ней повалили.

— «Коса» не должна была стать первой костяшкой домино. Клипот сыграла роль «дикой» карты. ^[38]

— Верно, Номер Четвертый. Но мы точно не знаем, является ли Клипот на самом деле «дикой» картой или в события вмешалось Провидение. В любом случае ее поступок изменил план иллюминатов.

— Я бы подождал пару дней, прежде чем называть это божественным вмешательством. Может статься, что все люди, за исключением тех, кто носит набедренную повязку, умрут к истечению этого строка.

— Не исключено, Номер Второй, но я чувствую, как в сферах небесного происходят важные изменения. Творец решил вмешаться прежде, чем слугители зла вовлекут нас в Третью мировую войну.

— Де Борн и его иллюминаты не захотят спокойно уйти в небытие, — произнес Номер Пятый с сильным франко-канадским акцентом. — Они разожгут пожар так же легко, как Чейни убедил американцев в том, что Саддам должен ответить за одиннадцатое сентября. Мы и оглянуться не успеем, как Мэри Клипот станет мусульманкой-фундаменталисткой, а возглавляемая США коалиция вторгнется в Иран. Россия и Китай проведут мобилизацию, после которой де Борн получит свою войну.

— Номер Четвертый! Где сейчас де Борн? — спросил Номер Восьмой.

— Мои люди сообщают, что все еще на Манхэттене.

Старейшина кивнул.

— С ним надо разобраться до исхода сегодняшнего дня.

— А как же быть с Номером Седьмым?

— Он со своей семьей очутился в нью-йоркской ловушке. Мобильная связь не работает, но я чувствую его присутствие.

— Вы собираетесь использовать его в качестве приманки? — спросил Номер Третий.

— Если действительно настал конец дней, во что мы все верим, Создатель изберет праведника ради того, чтобы дать человечеству последний шанс выжить и спастись. По причинам, мне пока неизвестным, семья Номера Седьмого избрана в качестве связующего звена между праведником и вышним миром. Отслеживая биоритмы Номера Седьмого, я смогу определить, произошла ли встреча, и в случае надобности предложу ему, или ей, свою помощь.

— А как же «Коса»?

— Моя иммунная система справится с вирусом, — ответил монах.

— Но Седьмой не имеет иммунитета против болезни. Не исключено, что они уже умирают.

— Да, Номер Шестой. Я почти уверен, что Седьмой и его семья заразятся еще до окончания этой ночи. Есть большая вероятность, что они умрут, как и все мы...

Бурные восклицания членов общества резко контрастировали с бесстрастным выражением масок.

Старейшина подождал, пока ропот стихнет.

— Многие люди умрут до утра дня зимнего солнцестояния. Остается уповать на то, что человечество переживет час очищения. «Коса» ниспослана нам, друзья мои, не в качестве нашего палача. Это испытание.

— Что нам делать?

Маска театра кабуки оставалась безучастной.

— Молиться.

Медицинский центр для ветеранов

Ист-Сайд, Манхэттен

16:18

Ли Нельсон бежала по 23-й Восточной улице. Здания медицинского центра виднелись впереди. Добежав до 1-й авеню, она замедлила бег,

пораженная изменениями, произошедшими за каких-то полтора часа.

Стоянка для машин «скорой помощи» превратилась в зону сортировки больных. Очередь из нескольких сотен людей выстроилась от 1-й авеню и до 25-й Восточной улицы. Лица, закрытые респираторами и шарфами. Матери, качающие завернутых в одеяла младенцев. Мужья и жены. Друзья. Семьи и одиночки. Такое скопление людей лишь облегчало невидимому убийце его черное дело.

Медперсонал в халатах, марлевых масках, резиновых перчатках и черных полиэтиленовых накидках быстро осматривал прибывших, разделяя их на два потока: возле главного входа стояли палатки тех, чье заболевание вызывало сомнение; стоянку для автомобилей персонала отвели под больных, ждущих своей очереди.

Ли заметила доктора Кларка у дверей приемного отделения. За ним шли два интерна с одеялами.

— Раздавайте только детям младше двенадцати лет, — распорядился он. — Скажите полицейским...

— Доктор Кларк!

Заметив Ли Нельсон, он жестом просил ее оставаться на месте, затем взял чистую накидку со стопки лежащих у входа на столе и направился женщине навстречу. Их пути пересеклись посередине 1-й авеню. Доктор Кларк надел водонепромокаемую пластиковую накидку ей через голову.

— Сэр! Все эти люди... — начала Ли.

— Если они и были здоровы, когда приехали сюда, то теперь они наверняка больны. Сейчас мы пытаемся выиграть время, переводим их из одной зоны ожидания в другую. Где вакцина?

— В моем рюкзаке.

— Мы перевели рыжеволосую на четвертый этаж, подальше от новорожденной. Введите вакцину и доложите о результатах, — распорядился доктор Кларк.

Завыла сирена. Они оглянулись и увидели черный «шевроле», который заезжал на тротуар по 23-й улице.

— Министр де Борн! Что он здесь делает? — воскликнула Ли.

— Я займусь министром, а вы занимайтесь вакциной.

— Слушаюсь, сэр.

Патрик Шеперд вошел в больничную библиотеку. Его удивило, что в медиа-центре никого не оказалось. Пройдя мимо стеллажей с пожертвованными больнице книгами, он увидел компьютеры на столах. Патрик уселся перед монитором, вошел в интернет, ввел адрес и пароль электронной почты доктора Нельсон и бегло просмотрел содержимое ее корреспонденции. Тема «ЗАПРОС О ПРОПАВШИХ» заинтересовал его. Патрик кликнул по сообщению.

Доктор Нельсон!

Спасибо, что обратились к нам за информацией о Беатрисе Шеперд, 30–38 лет, имеющей дочь 14–16 лет. Мы провели поиски в базах данных 5 названных вами штатов, а именно, в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Коннектикуте, Массачусетсе и Пенсильвании.

Найдено два человека, чьи данные соответствуют запросу:

1) миссис Беатриса Шеперд, проживающая на Манхэттене, город Нью-Йорк;

2) миссис Беатриса Шеперд, проживающая в Вайнленде, штат Нью-Джерси.

Также мы нашли 4 миссис Б. Шеперд в штате Нью-Йорк, 1 миссис Б. Шеперд в Нью-Джерси, 6 миссис Б. Шеперд в Массачусетсе и 14 миссис Б. Шеперд в Пенсильвании.

Для более детальной информации предлагаем обратиться в нашу детективную службу (Уровень 2). Наш гонорар составит \$195.95.

Неловко наведя мышь, ветеран кликнул по адресной ссылке и распечатал страницу. Он поспешил к кабинке, в которой был установлен телефон, подключенный к системе платежей «Ай-Пей». Патрик сел за встроенный в стену стол и вставил карточку в телефонный аппарат.

Оставшийся кредит: 17 минут

Он начал набирать номер Беатрисы Шеперд, проживающей в Бэттери-парке, но вдруг понял, что не может совладать со своими нервами. Волна близкого к панике лихорадочного возбуждения накрыла Патрика с головой. Ему стало трудно дышать.

«Что я делаю? Что я ей скажу? Привет, детка, это Шеп! Я хочу к тебе вериться. Чушь!»

Он с раздражением грохнул телефонной трубкой по аппарату.

«Хорошенько обдумай, что ей сказать, осел. Вспомни, что сказал психиатр... Причина и следствие. Надо первым делом извиниться».

— Привет... а-а-а... Это Шеп. Извини, что оставил тебя и дочь и вступил в армию... Блин!

«Нет, не то. Лучше будет все записать на магнитофон».

Из кабинки Патрик поспешил к справочному столу. Поискав в выдвижных ящиках, он нашел то, что искал, — небольшой, размером с ладонь, магнитофон, на который ампутанты надиктовывали свои письма. Он вернулся в кабинку, собрался с мыслями и нажал на кнопку «Запись».

— Би... Это Шеп... Помнишь меня?..

Остановив запись, мужчина ее стер, а затем начал снова:

— Би! Это я, Патрик. Я вернулся, родная. Я сейчас нахожусь в Нью-Йорке, в медицинском центре для ветеранов. Возможно, это судьба так распорядилась, что мы оказались снова вместе на Манхэттене. Детка, меня ранило. Я не могу без тебя. Ты самый близкий мне человек, родная душа. Я хочу вновь увидеть тебя и нашу маленькую доченьку... Правда, она уже не маленькая...

Слова застряли в его горле. Мужчина сглотнул слюну.

— Я совершил чудовищную ошибку. Я разозлился и поступил опрометчиво. Детка, я не могу без тебя. Если ты сможешь меня простить...

Скрипнула, открываясь, дверь. Патрик смолк...

Мэри Клипот лежала на спине, привязанная за запястья и щиколотки ног к кровати. Пластиковый капюшон герметичного изолятора не давал зараженному воздуху проникнуть наружу. Внутри изолятора ужасно воняло. Зловонное дыхание больной заглушал запах ее пота. Больничный халат был перепачкан засохшей блевотиной. Даже после укола морфия боль и постоянная тошнота не давали ей забыться. Женщина дышала с трудом и бредила, а жар толкал ее на грань безумия. Зрачки расширены. Рот исказила гримаса боли. Губы побелели и потрескались. Желтые зубы окровавлены.

Прохладная жидкость омыла ее кровь живительной влагой. Дыхание стало более спокойным. Через несколько минут жар спал. Истерзанные болезнью внутренние органы заработали ровнее. Мэри открыла глаза.

Ли Нельсон стояла над ее кроватью, сжимая в руке пустую пробирку.

— Вакцина помогает? — спросила она.

Мэри Клипот хотела ответить, но в горле пересохло. Женщина закашлялась. Из рта полетели сгустки крови.

Ли приподняла кровать так, чтобы больная могла полулежать под углом в сорок градусов, и через ручной манжет протянула Мэри пластиковую бутылочку с водой, вставив соломинку ей в рот.

Мэри начала жадно пить.

— Благослови тебя Господь, сестра.

— Кто вы? Что такое «Коса»? — спросила доктор Нельсон.

— Ослабь мои путы, и я все тебе расскажу.

Просунув свободную руку в открытый пластиковый манжет, Ли расстегнула кожаный ремень, которым правая рука больной крепилась к кровати.

Мэри согнула затекшую руку и сама отвязала запястье левой.

— А теперь скажите мне: что такое «Коса»? — повторила вопрос Ли Нельсон.

— Биологическое оружие... Генетически измененная пандемия. Это часть засекреченной биологической программы. Болезнь питается негативными эмоциями человека, особенно гневом.

— Гневом? Как такое возможно?

— Когда инфицированный человек раздражается, в его организме выделяются адреналин и норадреналин. Сердцебиение учащается, повышается кровяное давление, поражается поджелудочная железа... Чем больше сердится человек, тем быстрее болезнь распространяется по его организму. Вакцина... Вы принесли оба ящичка?

— Нет, — ответила доктор Нельсон. — Я нашла только один.

— Отведите меня к машине, и я покажу, где спрятан второй.

— Сначала скажите мне: кто выпустил «Косу» на Манхэттене?

— Бог. Он сделал меня своим сосудом, — ответила Мэри.

— Бог приказал вам «выпустить» созданный людьми штамм чумы?

— Да. После того как Господь сделал меня матерью своего ребенка. Где он? Принеси мне мое дитя!

«Она сумасшедшая. Кларк говорил, что ее надо держать связанной. Надо снова привязать ей руки к кровати...»

— Конец дней близок. «Коса» — наша избавительница. Она избавит нас от еретиков. Я принесла в этот мир мессию. Где мой сын? Принесите мне ребенка Христа!

— Новорожденный находится в специальном инкубаторе... Кстати... ребенок Христа — не мальчик, а девочка.

— Что?! — воскликнула Мэри. — Нет!.. Этого не может быть! Ты лжешь!

— Я лгу?! Послушай меня, ты, убийца-психопатка! Твоя чума уже убила тысячи ни в чем неповинных людей. И еще несколько десятков тысяч, возможно, миллионов человек умрут прежде, чем мы произведем твой антидот в достаточном количестве.

— Подожди... Сегодня не двадцать пятое декабря.

— Ты меня вообще слушаешь?

Лицо больной перекосилось. Голос стал хриплым, надтреснутым.

— Ребенок должен был родиться двадцать пятого. Вы слишком рано вынули его из моего чрева!

Ли Нельсон отпрянула. Ее рука потянулась к висящему на стене телефону, предназначенному для связи с медсестрами...

Далекий рокочущий гул отвлек ее внимание. Он нарастал медленно, но неуклонно. В окнах задрожали стекла.

Мэри Клипот тоже услышала странный звук. Ее глаза расширились. На кардиомониторе беспокойно запрыгали сигналы ее сердцебиения.

— Сатана! Он послал своих приспешников убить меня. Как он узнал так быстро?

Ли подошла к окну и раздвинула жалюзи.

— Что это?

В воздухе, на высоте нескольких сот футов над землей, зависли три черных вертолета. Несколько дюжин спецназовцев в полной боевой экипировке и масках ребризеров спускались по канатам на тротуар. Вся их экипировка, начиная от шлема и заканчивая ботинками, была черного цвета.

Мэри Клипот увидела нечто совершенно отличное от реальности. Вакцина против «Косы» проникла из крови в мозг, и ее воздействие на центральную нервную систему выразилось в нарушении поступления серотонина, медиатора нервной системы, который отвечает за перепады настроения и чувственное восприятие. Вид одетых в черное командос высвободил мысли, навеянные большим эпилептическим припадком, который случился ранее с Мэри. Образы исказили чувства женщины и послали ее расстроенный разум в полное галлюцинаций путешествие, в котором реальные события переплетались с адскими видениями.

Черные демоны, хлопая своими перепончатыми крыльями, летали перед окном четвертого этажа. Кроваво-красные глаза, казалось, проникали ей в душу. Противные голоса нашептывали ей ядовитые мысли: «Ты от нас не убежишь, Мэри Луиза. Наши когти будут рвать твою плоть до костей. Твое существование вычеркнут из Книги жизни, а твоя душа утонет в огненных реках ада и вечно будет пребывать во власти Сатаны».

«Santisima Muerte! Пресвятая Смерть! Умоляю тебя прогнать этих демонов прочь!»

Мэри повернула голову налево.

Женское воплощение Смерти возникло перед ее взором. Кроваво-красная мантия. Рыжий парик на голове.

— Санта-Муэрте!

Богиня смерти рассекла лезвием косы воздух и повернула голову к парящим за окном демонам. Нижняя челюсть задвигалась, отдавая неслышимый приказ.

Посланцы ада растаяли в воздухе.

Все внимание Ли поглотили действия командос. Солдаты приказали всем гражданским лечь на землю. Мать с больным ребенком на руках замешкалась и получила прикладом автомата по голове. Доктор Кларк побежал к стоянке машин «скорой помощи». Командос открыли по нему огонь.

Ли вскрикнула, когда пули настигли ее начальника. Мужчина споткнулся и упал навзничь на асфальт...

Потом комната завертелась и погрузилась во тьму...

Мэри Клиптон перешагнула через бесчувственное тело Ли Нельсон. Алюминиевое подкладное судно выпало из ее рук. Женщина

едва держалась на ногах.

— Санта-Муэрте! Она говорила правду? Я родила дочь?

Фигура в кроваво-красном балахоне утвердительно кивнула головой.

— Девочка... Чья она? Она от Бога?

Костлявая рука женского воплощения Мрачного Жнеца тронула себя в области живота.

— О!.. Нет!..

Мэри споткнулась о лежащую на полу Ли, нагнулась, сняла с нее медицинский халат и надела на себя. Затем широко распахнула окно и перелезла с подоконника на пожарную лестницу...

Внезапный приступ паранойи загнал Шепу под встроенный стол кабинки с телефонным аппаратом. В щель между двумя листами деревоплиты ветеран левым глазом следил за перемещениями Бертрана де Борна. Министр обороны пересек помещение библиотеки и занял смежную с Патриком кабинку телефона, подключенного к системе платежей «Ай-Пей». Де Борн набрал номер.

— Это я... Уже в госпитале... Да... появился... Меня надо срочно отсюда эвакуировать. Меня и двух охранников.

Шеп приподнял руку с цифровым магнитофоном и нажал кнопку записи.

— Мне наплевать, какие ниточки тебе придется дергать. «Коса» вступила в шестую фазу поражения. Я нахожусь в большой опасности, могу подцепить вирус... Нет. Я не могу добраться до Когело. На дорогах — пробки. Мы с трудом доехали до госпиталя... Нет! Послушай теперь меня! Я нахожусь в эпицентре заражения. У тебя есть выбор: или ты находишь способ забрать меня отсюда не позже, чем через час, или в шестичасовых новостях передадут все, что я знаю про дело о письмах со спорами сибирской язвы и о «Баттеле»... Ты, черт побери, прав. Я назову все имена и начну с двух твоих приятелей из ФБР, которые утаили найденные в Вест-Джефферсоне файлы.

Мышцы левого плеча Патрика непроизвольно сжались. Он прислонился локтем протеза к столу, и тот заскользил по пластиковому покрытию. Потеряв равновесие, Патрик ударился головой о ножку стола.

— Кто здесь? — Де Борн выглянул из-за невысокой перегородки.

Патрик поднялся на ноги.

— Дело о письмах со спорами сибирской язвы, значит, — делая правильные выводы из услышанного, произнес ветеран. — Ты сумасшедший ублюдок. Ты хочешь развязать еще одну войну.

Министр обороны, пятясь назад, вышел из кабинки и потянулся за мобильным телефоном.

— Любая война служит определенной цели, сержант. Я хочу сохранить американский способ жизни и уменьшить угрозу коммунистического реванша. Сейчас в мире происходят большие перемены, и ты мог бы стать частью великого плана, а вместо этого превратился в небольшую помеху.

Де Борн нажал кнопку на мобильном.

— Ты мне нужна.

Шеридан Эрнстмайер вошла в библиотеку из внешнего коридора.

— Агент Эрнстмайер! Я только что застал сержанта Шеперда во время звонка по телефону с угрозами взорвать здание ООН. Согласно четыреста одиннадцатой статье, пункт Би, Патриотического акта я приказываю вам арестовать сержанта Шеперда.

Бывшая убийца, работавшая на ЦРУ, ухмыльнулась. Вытащив «глок-22» из подмышечной кобуры, женщина неторопливо навинтила глушитель системы «ЭйЭйСи Эволюшен» на дуло.

Шеп нырнул за кабинку с телефонным аппаратом. Стальной протез разбил стеклянную перегородку, когда ветеран полз на четвереньках к ряду стеллажей с книгами.

Справившись с глушителем, Шеридан методически осматривала каждый ряд стеллажей в поисках жертвы. Ее пульс едва превышал семьдесят ударов.

Патрик Шеперд побежал по одному из двенадцати рядов между высокими, до восьми футов в высоту, рядами стеллажей с книгами. У стены он пригнулся, прячась за одним из стеллажей, и осторожно выглянул из-за угла.

Женщина-убийца сняла сапоги и теперь неслышно шла на цыпочках справа налево вдоль противоположного края рядов стеллажей. Она останавливалась и внимательно осматривала каждый ряд прежде, чем продолжить свой путь.

— Выходите, сержант, — послышался откуда-то голос де Борна, кажется, из-за стола библиотекаря. — Мы не собираемся в вас

стрелять. Вы — ветеран... герой. Я уверен: что бы вы ни сделали, это все последствия посттравматического шока.

Женщина находилась в трех рядах от Патрика... В двух... Зажатый в левой руке пистолет выставлен вперед.

«Она левша».

Далекое воспоминание зазвенело, подобно колокольчику.

«Не думай о неприятном. Думай об успехе. Возвращайся на „горку“ только тогда, когда ты полностью успокоишься».

Дыхание Шепа успокоилось. Разум прояснился.

«Дело не в силе, Шеп, дело — в хитрости. С левшами надо использовать бросок с переменной скоростью. Это выводит их из равновесия».

Женщина-убийца была за ряд от Патрика.

«Используй бросок с переменной скоростью. Сделай ее».

Сняв левый туфель, Шеп положил его набок слева от себя так, чтобы подошва была заметна в зазор между нижней полкой стеллажа и полом. Вприсядку он переместился вправо и спрятался за краем стеллажа. Глядя в зазор между книгами, Шеп ждал появления женщины.

Шеридан Эрнстмайер выглянула из-за дальнего стеллажа. Ряд казался пустым. Женщина знала, что жертва, припав к полу, прячется где-то за боковой стенкой стеллажа. Она заглянула в следующий ряд. Так и есть! Краешек туфля выглядывал в зазор. Без обуви, в одних носках, она неслышно заскользила по покрытому кафельными плитами полу. Дуло пистолета нацелено на туфель.

Шеридан и не догадывалась, что Патрик тихо крадется вдоль соседнего ряда ей навстречу. Добравшись до середины, он уперся правым плечом в подпорку длинного стеллажа и резко оттолкнулся от пола натренированными ногами.

Двадцать футов в длину и восемь футов в высоту. Стеллаж накренился, и книги посыпались на голову Шеридан Эрнстмайер. Подчиняясь инстинкту, она прыгнула вперед и достигла конца ряда, где увидела лежащий на полу пустой туфель. Женщина подняла глаза, но поздно... Стальной протез обрушился ей на затылок.

— Бросок! Счет три-ноль.

Схватив пистолет убийцы, Патрик сунул ногу в туфель и поспешил вдоль прохода к Бертрану де Борну. Он нацелил дуло пистолета прямо

в лоб министру обороны, но в серо-голубых глазах навывкате не читалось и тени страха.

— Обдумайте все хорошенько, сержант. Если вы меня убьете, то больше никогда не увидите своей семьи. Я знаю, где они живут. Если вы думаете, что сможете добраться до них раньше моих людей, то я в этом сомневаюсь. Мои люди уже побывали в их доме.

— Я записал на магнитофон весь твой разговор. В шестичасовых новостях все узнают правду.

Выражение лица де Борна изменилось.

— У тебя ничего на меня нет.

— Посмотрим.

— Тогда я получу магнитофонную запись в обмен на твою семью. Сегодня утром подполковник Ардженти разговаривал с твоей женой. Даже после многолетней разлуки она хочет с тобой повидаться. Не рискуй разрушить все своим безрассудным поведением.

Правая рука Шепа вздрогнула.

— Он разговаривал с Би?

Голос де Борна смягчился.

— Опустит оружие, сержант. Я отвезу тебя к ней.

В голове Патрика возникла сумятица. Он не мог рационально мыслить, не знал, как себя вести. И он опустил дуло пистолета.

Звук выстрела разорвал тишину. Затем послышался звон разбитого стекла в дверях библиотеки. Стреляли где-то рядом.

Патрик словно потерял рассудок: помчался мимо де Борна к небольшой нише в противоположном конце библиотеки, а миновав кабинет библиотекаря, ударом ноги открыл дверь пожарного хода и оказался на бетонной площадке лестничного колодца.

Оглушенная ударом подкладного судна Ли Нельсон открыла глаза и привстала. Ее подташнивало. Голова кружилась. Женщина прикоснулась к затылку и нащупала большую шишку.

Ли огляделась. Рыжеволосая сбежала.

Нетвердой походкой она направилась к сложенному на сиденье вращающегося стула пальто. Под ним лежала полированная деревянная коробочка с пробирками, наполненными вакциной.

Ничего не пропало.

Откуда-то совсем близко раздавались испуганные крики и звук автоматных очередей.

«Они убили Кларка! Они убьют и меня! Надо доставить вакцину в Нью-Джерси, в центр контроля заболеваний! Но как?!»

Звук вращающихся лопастей боевых вертолетов черных спецназовцев стих вдали.

«Вертолет „медэвака“... Надо найти пилота... А где он может быть? Может, наверху... в комнате для отдыха...»

Ли Нельсон приоткрыла дверь изолятора и выглянула в коридор в направлении поста медицинской сестры. Три женщины лежали на полу со связанными за спиной руками. Два командос прижали санитару Джона Войда к стене.

— Где вакцина?

Бывший игрок университетской футбольной команды бросил взгляд в направлении, куда ушла Ли, но, спохватившись, отвернулся.

— Какая вакцина? Ничего не помогает. Мы все перепробовали.

Командос поднял одну из медсестер на ноги и прижал дуло автомата к подбородку.

— Говори, где доктор Нельсон, или она умрет.

— Она ушла около часа назад, — сказал санитар. — Клянусь! Я не видел ее с тех пор.

Второй командос недоверчиво покачал головой.

— Он врет. Выведи ее наружу и пристрели. Посмотрим, освежит ли это его память.

Ли выскочила из комнаты и опрометью побежала к лестнице.

— Вот она! Стоять!

Пригнувшись, женщина раскрыла ударом собственного тела стальную дверь пожарного выхода и побежала по ступенькам вверх, на крышу.

Двое командос вбежали в лестничный колодец вслед за ней.

— Мы нашли ее, — передал один по рации. — Северная лестница. Направляется на крышу.

Пуля провизжала мимо уха. Ли почувствовала сильный удар по мышце икры левой ноги и упала...

Двое командос, одетые во все черное, стояли над ней.

— Пожалуйста, не убивайте меня! — взмолилась доктор Нельсон. — У меня двое детей.

— Отдай чемодан.

Один из спецназовцев склонился над деревянной коробочкой, отобранной у Ли, а другой завопил от боли, когда раскаленный добела кусочек свинца расколол на мелкие осколки коленную чашечку его левой ноги.

— Сука!

Патрик навел «глок» на второго командос.

— Бросай пушку и отойди от доктора! Живей! — приказал он.

— Ты совершаешь большую ошибку, приятель, — сказал солдат. — Мы с тобой на одной стороне.

— Заткнись!

Шеп ударил противника между ног, тот сложился вдвое, взыв от боли, тогда ветеран ударил его по затылку рукояткой пистолета.

Ли вскочила на ноги и обняла Патрика.

— Успокойся, куколка, — сказал он. — Нам надо добраться до крыши.

Женщина схватила деревянную коробку и захромала по ступенькам вверх.

Шеп поймал ее за руку.

— Что случилось? Кто эти парни?

— Одна из моих пациенток... рыжеволосая женщина, которую мы поместили в изолятор... — начала объяснять Ли, — она выпустила генетически модифицированный штамм чумы в здании ООН. Манхэттен — на карантине. Эти ублюдки убили доктора Кларка. Они охотятся за вакциной.

— Ну, отдай им вакцину, — предложил Патрик.

— Люди де Борна создали эту заразу. Я не могу доверить им вакцину. Мы должны передать контейнер в Центр контроля заболеваний в Нью-Джерси, пока эта зараза не стала пандемией.

— Джерси? И как?

— На медицинском вертолете. Шеп! Ты ведь пилот. Ты поведешь вертолет.

— Нет. Я не смогу.

— Сможешь! — настаивала доктор Нельсон.

— Нет, не полечу. Ли! Моя семья живет в Бэттери-парк. Я должен найти их прежде, чем де Борн разделается с ними.

Они добрались до крыши. Дул сильный ветер, и Ли не стала тратить время на расспросы о де Борне.

— Мы найдем твою семью, но прежде отвези меня в Нью-Джерси.

— Я... не...

— Шеп! Выслушай меня! Мы должны получить вакцину в нужном количестве, иначе Беатриса, твоя дочь и два миллиона ньюйоркцев умрут к завтрашнему утру. А теперь побежали.

Ли вытащила засов из двери пожарного хода на крышу и толкнула ее от себя. Порыв ветра обдал холодом их лица.

Ветер свистел и кружился вокруг них. Дневной свет угасал на глазах.

Пули срикошетили внутри лестничного колодца. Еще с десятков командос гнались на ними.

Доктор Нельсон захлопнула за собой дверь.

— Дай мне пистолет, — попросила она у Патрика. — Бери вакцину и заводи двигатель вертолета. Я их задержу.

Мужчина остановился в нерешительности.

— Быстрей!

Патрик побежал к стоящему на вертолетной площадке санитарному «Сикорскому Эс-76». Сев в кресло пилота, он засунул деревянную коробку между сиденьем второго пилота и пультом управления. Затем завел два турбовальных двигателя.

Сначала медленно, а затем все быстрее четырехлопастный несущий винт начал вращаться вокруг своей оси.

Желая замедлить приближение командос Ли приоткрыла дверь и, не целясь, выстрелила несколько раз и с грохотом захлопнула дверь.

Она осмотрелась. На кирпичной стене висел пожарный шланг.

Отбросив в сторону пистолет, доктор Нельсон схватила пожарный рукав и, отмотав двадцать футов шланга, продела его в стальную ручку двери.

Правая рука Шепы сжимала круглую ручку управления, с помощью которой пилот направляет движения вертолета в воздухе. Ноги коснулись двух педалей управления рулем направления, с помощью которых можно контролировать направление, используя хвостовой винт.

Пот градом катился по лицу. Патрик пытался разжать искусственные пальцы своего протеза. Надо было во что бы то ни стало обхватать горизонтальную ручку управления, которая торчала из пола возле левой ноги, но у него никак не получалось. Ручка «шаг-газ» изменяет угол лопастей несущего винта вертолета, позволяя летательному аппарату подниматься и опускаться. Если он не сможет справиться с ручкой «шаг-газ», он не взлетит. Куда хуже, если протез откажется его слушаться в полете. Тогда вертолет завертится волчком в воздухе, лопасти будут толкать его вниз, и машина весом в семь тысяч фунтов каменной глыбой рухнет вниз.

«Ну же! Действуй!»

Винты набрали нужное для успешного взлета количество оборотов в минуту. Не в силах разжать искусственные пальцы протеза, Патрик замахал Ли правой рукой.

Продев шланг в ручку двери, женщина оттащила пожарный рукав обратно к щитку и завязала его узлом. Она бежала к вертолету, когда командос достигли двери, но не смогли открыть ее с ходу.

До вертолета оставалось футов двадцать, когда дверь подорвали. По Ли открыли огонь. Она упала. Пули срикошетили от гравия. Несколько пуль попали по вертолету. Тридцатисемилетняя женщина-врач, мать двоих детей, закричала от боли. Она не смогла встать на ноги. Ли прокричала Шепу: «Лети!», — но ее крик потонул в шуме вращающихся винтов.

Волна адреналина прошла через тело Патрика, словно электрический разряд. Искусственные пальцы протеза раскрылись, и мужчина, сжав ими ручку «шаг-газ», резко дернул ее вверх. Оторвавшись от крыши, вертолет подкинуло в воздухе и понесло вперед в головокружительном кульбите.

Командос нацелили в его сторону автоматы и открыли беглый огонь, но вертолет «медэвака» уже скрылся из виду, нырнув с крыши прямо вниз.

Командир спецназовцев Брайан Пфайффер поднял руку, приказывая прекратить огонь. Он бегом пересек взлетно-посадочную площадку и глянул с крыши вниз.

— Черт побери!

За три этажа до земли винты вертолета поймали воздух. Мгновение аппарат висел над разбегающейся толпой, а затем медленно полетел на

запад вдоль 25-й Восточной улицы. По бокам от вертолета тянулись манхэттенские небоскребы.

Пфайффер переключил каналы в своем шлемофоне.

— «Дельта-один» вызывает «Дельту-два». Подозреваемый сбежал на вертолете «медэвака» с вакциной против «Косы». Цель движется на запад вдоль 25-й Восточной улицы по направлению к Парк-авеню. Немедленный перехват. Повторяю. Немедленный перехват.

Командир глянул на распростертое на гравии тело Ли Нельсон. Изыщная брюнетка стонала. Земля вокруг нее была усеяна полудюжиной резиновых пуль.

— Заткните ей рот и свяжите. Пусть следующим вертолетом ее доставят на остров Говернорс.

Вращающиеся лопасти винта проносились в пугающей близости от фонарных столбов и фасадов зданий. Металлический лязг звенел в ушах. Шеп снизил скорость. Где-то в тридцати футах под ним застыл автомобильный поток. Патрик не рискнул подниматься выше. Сжимающие ручку «шаг-газ» искусственные пальцы протеза с трудом его слушались. Патрик летел, лавируя, по лабиринту небоскребов — сначала на запад, затем на север и опять на запад... Поднятый вращающимися винтами ветер сбивал с ног прохожих. Рев был подобен пальбе из гаубиц. Когда вертолет пролетал над 40-й улицей, его протез соскользнул с ручки «шаг-газ». Аппарат дернуло вниз. Верхушки вязов в парке Брайанта угрожающе приблизились к хвостовому винту.

Выпустив ручку управления, Шеп обхватил искусственными пальцами ручку «шаг-газ», плотно сжал их здоровой правой рукой и дернул протез вверх.

Вертолет, словно пассажирский лифт, взмыл над крышами и шпилями домов. Ухватившись правой рукой за ручку управления, Патрик развернул «медэвак» на запад. Далеко внизу простирался Центральный парк. Впереди блеснули воды Гудзона. До Нью-Джерси — несколько минут лету.

«Приземляюсь в Джерси, оставляю пару пробирок для семьи, а остальное отдам... Потом сразу же обратно. Би живет в Бэттери-парке. Надо будет посадить эту корзину с болтами на крышу ближайшего небоскреба...»

Черные вертолеты появились из ниоткуда. «Апачи». Они заняли выгодную во всех отношениях позицию над санитарным вертолетом. Две авиационные одноствольные автоматические пушки «Эм-230» кровожадно целились на кабину пилота. Он почувствовал себя домашним котом, загнанным в угол ротвейлерами.

— Потише, парни. Я на вашей стороне, — сказал Патрик, поднимая деревянную коробочку с вакциной.

Пилот «Апача» справа сделал ему знак садиться.

Шеп утвердительно кивнул и показал поднятый вверх палец правой руки. Чтобы выиграть время, он начал опускаться под малым углом. Вертолет продолжал лететь на запад к реке Гудзон.

«Не позволяй им посадить тебя на Манхэттене. Надо лететь к воде».

Он увидел мост Джорджа Вашингтона и свернул туда.

Из туреля летящего справа «Апача» вылетела очередь из двух сотен тридцатимиллиметровых снарядов малого калибра. Они разорвались близко от вертолета Патрика, заставляя его пойти на более резкое снижение высоты. Сердце билось в груди в унисон с рокотом роторов. Патрик уменьшил шаг несущего винта. Корпус вертолета «медэвака» опасно завибрировал, борясь с сильным ветром, дующим над береговой линией Гудзона.

«Если приземлишься, они тебя убьют или арестуют. В любом случае ты больше не увидишь свою семью».

В отчаянии Патрик быстро снижал свой вертолет. Его взгляд шарил по мелькающей внизу местности. Мост Джорджа Вашингтона был совсем рядом...

— Полегче... Не толкайся... мне надо тебя повернуть...

Просунув пальцы в хирургических перчатках глубоко в вагину женщины, доктор Дэвид Кантор осторожно высвободил плечики младенца.

— Хорошо. Теперь тужьтесь.

Из расширившегося влагалища женщины показались слипшиеся черные волосы, затем крошечная головка и сморщенное личико. Рука врача, затянута в латекс, нежно помогла новорожденному выйти из лона матери. Это было подобно чуду. Розовый младенец весом восемь

футов и десять унций сучил ножками, а за ним тянулась извивающаяся кольцами пуповина.

— Поздравляю, мальчик!

Стекло маски запотело, когда военврач начал укачивать младенца. Обмотав мизинец влажной медицинской салфеткой, он почистил новорожденному дыхательные пути. Булькающий плач сменился здоровым детским криком. Кислород начал поступать в легкие, и личико малыша сразу же порозовело. Стефани Коллинз завернула новорожденного в одеяло. Капрал с заплаканными глазами передала сверток плачущей матери.

— Gracias... Gracias... — благодарила она.

— Mazel tov,^[39] — ответил Дэвид и взял в руку пуповину младенца.

Залп прозвучал, словно сегодня праздновали Четвертое июля.

— Черт побери!

Быстро перевязав пуповину, врач перерезал ее лезвием перочинного ножа и снял окровавленные хирургические перчатки.

— Капрал! Оставайтесь с роженицей...

— Сэр! Ваши руки!

— А-а-а... Да. Точно.

Натянув перчатки защитного костюма, капитан Дэвид Кантор выпрыгнул из крова автомобиля. Без автомата, налегке, мужчина побежал к заграждению. На середине дороги он остановился, тяжело дыша в маске ребризера.

Перед ним разворачивалась пронизанная ужасом картина побоища...

Холод, голод, злость, отчаяние и страх сделали свое черное дело. Толпа, подойдя вплотную к заграждению из колючей проволоки и бетонных блоков, открыла огонь по солдатам из подразделения «Свобода». Те ответили градом газовых гранат, и национальные гвардейцы оказались под перекрестным огнем. Кто-то успел спрятаться, кто-то присоединился к соотечественникам и начал стрелять в иностранных военных. Дело принимало нешуточный оборот. Появилась кровь. Падали убитые. Остановить побоище уже не мог никто. Водители сигналили и давали полный газ. Началось лобовое наступление. Первые ряды машин шли на таран бетонных

заграждений, но шквальный заградительный огонь нес смерть каждому прорвавшемуся.

Машины взрывались, словно бензиновые бомбы. Их пассажиры превращались в горящие факелы, впрочем, их печальная судьба была predetermined несколько часов назад тем, какое место они заняли в потоке автомобилей.

Вторая волна машин врезалась сзади, толкая горящие автомобили вперед. Преодолев двухтонные бетонные блоки, они сталкивались с бамперами армейских «хаммеров». Через несколько секунд жизнь превратилась в гонку на выживание, где судьбу человека решали мгновения.

В хаосе разрушения Дэвид заметил полковника Герстада. Он лежал в луже собственной крови и выкрикивал что-то в свою портативную рацию.

Глаза Дэвида расширились от ужаса.

— Нет! Нет!

Капитан бросился со всех ног обратно к армейскому грузовику, забрался в кабину, завел двигатель и помчался на запад по мосту Джорджа Вашингтона. Его испуганных пассажиров мотало из стороны в сторону в кузове грузовика.

Два «Апача» вели медленно спускающийся вертолет «медэвака» к теннисным кортам, расположенным к югу от моста между берегом реки и автострадой Генри Гудзона.

«Пора!»

Шеп пошел на резкое снижение, сделал петлю, уворачиваясь от военных вертолетов, и полетел низко над водой. На ветровом стекле появились брызги. Волны плескались меньше чем в десяти футах под шасси санитарного вертолета, ветер свистел в кабине пилота...

Патрик вел вертолет на запад, но «Апачи» спешили перекрыть ему дорогу. Пришлось делать петлю и лететь на север к мосту Джорджа Вашингтона.

Шеп снизил вертолет так, что свинцово-синие воды реки коснулись его шасси. «Медэвак» нырнул под нижний ярус подвесного моста. Вой роторов рвал барабанные перепонки. Вертолет вынырнул из-под моста...

Бум!.. Бум!.. Бум!..

И наступила тишина. Декабрьский воздух раскалился так, словно солнце поменялось местами с луной. Ослепительные оранжевые языки пламени гигантскими грибами взметнулись в небо. Стальные балки, покрытые содержащей термит краской, взрывались, выделяя температуру пять тысяч градусов по Фаренгейту и расплавляя металлические балочные фермы и кабели, словно сливочное масло в микроволновой печи. Столбы черного густого дыма частично скрыли из вида Девяносто пятую федеральную автостраду. Верхний ярус моста, местами превращенный в расплавленную сталь, рухнул на нижний ярус, и середина моста Джорджа Вашингтона — все шестнадцать полос движения — погрузилась в воды Гудзона.

Лавина шипящей стали погребла и оба «Апача».

Осколки, словно маленькие горящие метеоры, ударили в бока и хвост санитарному вертолету. Педали не слушались Шепа, а хвостовой винт вспыхнул ярким пламенем. Несущий винт натужно бил лопастями воздух. Вертолет, словно подбитого пеликана, несло на север над водами Гудзона. Желая во что бы то ни стало сохранить высоту, Патрик что есть силы рванул на себя ручку «шаг-газ». Вертолет подбросило вверх, и он зашел в штопор. Река исчезла, теперь под «медэваком» проносился поросший деревьями склон холма.

Угол лопастей несущего винта нарушал все законы аэродинамики. Вертолет накренился, вызвав у Шепа приступ тошноты, а затем упал на кроны деревьев. Мощные ветви, ломаясь, вконец изувечили и без того подбитый вертолет. Лопасты разлетелись на куски. Стекла вылетели из иллюминаторов кабины пилота. Ничего не прощающая земля поприветствовала Патрика зубодробительным ударом, переломав все внутри кабины.

Какофонию сменило металлическое позвякивание, а затем настала гробовая тишина.

Холодный, колючий воздух свистел по кабине пилота.

Патрик Шеперд открыл глаза. Сквозь туман он разглядел массивные стволы деревьев. Узловатые, покрученные временем корни выглядывали из-под покрывала опалой листвы и снега.

Изувеченные лыжи шасси вертолета зацепили бигборд. С трудом Патрик прочитал:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПАРК ИНВУД-ХИЛЛ!

Он повернул голову, интуитивно почувствовав чье-то присутствие. Кто-то худощавый в черном плаще с низко надвинутым на лицо капюшоном стоял в тени деревьев. Пустые глазницы смотрели на него. Неизвестный ждал.

Потом видение исчезло, утонув во мраке беспмятства.

Часть третья

Верхние круги ада

В аду девять кругов, каждый из них соотнесен с важностью грехов проклятых душ. В нижнем кругу находится Сатана, навечно вмерзший в лед.

Данте Алигьери. Ад^[40]

Круг первый

Лимбо^[41]

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!

Данте Алигьери. Ад

20 декабря

Парк Инвуд-Хилл, Манхэттен

19:37

12 часов 16 минут до предсказанного конца света

Тьма. Кромешная тьма. Непроницаемая тьма. Только выл ветер и кусал холод, давая человеку понять, что хотя он, возможно, и ослеп, но не умер. Мужчина попытался пошевелиться. Нечто неподатливое сжимало его плечи, туловище и левую руку. Внезапный приступ клаустрофобии довел человека до паники, хотя неясное воспоминание подсказало, что к чему.

Санитарный вертолет «медэвака»...

Мужчина открыл глаза, вытянул шею и выглянул из иллюминатора на пробивающийся из-за облаков лунный свет. Паника отступила. Патрик понял, где находится. Он сидит пристегнутый к креслу пилота. Вертолет приземлился в лесу. Ночь.

Ветер проникал через выбитое стекло, обжигал кожу, пробирал до костей. Ветви невидимых дубов ударялись о поврежденную кабину пилота. Леденящий холод цепко вонзал когти в тело человека.

Правой рукой Шеперд нащупал и расстегнул ремни безопасности. Он попробовал встать, но не смог. Протез зажалось в смятом в лепешку пульте управления, но Патрик не видел этого и тянул его, пытаясь высвободиться.

Паника накатила на него волной. Патрик что есть мочи дернул протез — и лишь повредил пластиковую оболочку на металлическом каркасе протеза. Он неистово теребил протез и видел, что с каждым усилием пластик отваливается, оголяя стальные прутья.

Вдруг он замер, почувствовав присутствие зверя. Он ощутил мускусный запах животного, и волосы на голове встали дыбом, когда Патрик услышал шелест листвы под лапами приближающегося зверя. Глаза привыкли к темноте. Через выбитое стекло он увидел черную тень хищника.

Волк вышел из леса на освещенную лунным светом прогалину. Да, это был именно волк, не волчица. Мрачный... истощенный... Слюна текла из его пасти. Подрагивающая верхняя губа обнажала желтые клыки. У морды хищника клубился пар.

Волк подбежал поближе к попавшей в западню потенциальной жертве.

Сердце мужчины громко стучало в груди. Правой рукой он шарил по земле, ища что-нибудь, чем можно защититься.

— Убирайся! Брысь!

Волк зарычал громче. Тонкая струйка слюны потекла из уголка его пасти.

Адреналин бушевал в крови. Шеп уперся ногами в разбитый пульт управления, дернулся — и высвободил протез из ловушки. Болты, крепившие искусственные пальцы, не выдержали...

Волк подбежал к вертолету и заглянул внутрь. Вдруг его уши встали торчком, зверь прислушался, втянул голову, развернулся и легкой трусцой скрылся во тьме ночи.

Шеп наклонил голову и прислушался. Точно. Откуда-то сверху раздавались раскаты грома. Да нет же! Это не гром. Свет поисковых прожекторов вертолетов осветил ночь. Впрочем, неярко. Густые ветви деревьев служили неплохим укрытием.

«Надо убираться отсюда!»

Он перелез через раскуроченный пульт управления и стал выбираться наружу, но зацепился ногой и вывалился вперед головой, выбив то, что осталось от ветрового стекла. Гул моторов вверху превратил лесную тишину в ужасающую какофонию. Два движущихся

снопа света прорезали землю. Шеп посмотрел вверх, увидел солдат, спускающихся с вертолетов на тросах, и побежал.

«Вакцина!»

Патрик бросился обратно к вертолету, просунул правую руку в кабину и нащупал за сиденьем второго пилота полированную деревянную коробочку. Повернув голову, он оцарапал лоб о поздно замеченный осколок стекла. Кровь залила ему глаза.

Он побежал...

Тяжело экипированные спецназовцы двигались медленно, то и дело спотыкались о выступающие корни деревьев, продираясь через густой кустарник.

Шеп остановился. Кругом лишь тьма и деревья. Ни тропинки, ни дорожки. Куда бежать — непонятно.

— Эй! Есть кто-нибудь живой?

Патрик повернулся на голос. Тот принадлежал мужчине и казался немного знакомым. В темноте заплясал луч карманного фонарика. Патрик бросился на свет.

— Я здесь! Помогите мне!

На прогалину вышел грузный мужчина: кожаная куртка распахнута, на груди темно-синего анорака белыми буквами была выведена надпись: «Колумбийский университет». Седые волосы собраны на затылке в конский хвост. Борода...

— Вирджил?

— Сержант Шеперд? Вы были на том вертолете?

— Да! Я перевозил вакцину против чумы, когда меня сбили.

Ветеран бросил взгляд на мелькающие между стволов деревьев темные силуэты. Свет прожекторов поблескивал на металле автоматов.

— Они гонятся за мной. Выведи меня отсюда.

— Держи меня за руку.

Вирджил повел Патрика заметной только ему тропой вглубь леса.

Мост Джорджа Вашингтона

Форт Ли, Нью-Джерси

19:51

Район сосредоточения увеличился раза в три. Прибыли еще два батальона Национальной гвардии, вооруженные до зубов. Вдалеке, на месте центральных пролетов моста Джорджа Вашингтона в небо

поднимался черный густой дым. Что-то продолжало гореть, впрочем, и без этого пятьсот футов пустоты, разделяющих части взорванного моста, надежно удерживали людей на Манхэттене от проникновения в Нью-Джерси. Этот путь к спасению был надежно перекрыт.

Дэвид Кантор едва успел выбраться оттуда перед взрывом. В зеркале заднего вида капитан запаса видел, как огненный шар поглотил середину моста между штатами и рухнул в реку. Злость кипела в его груди. Изможденный и разбитый, Дэвид вошел в госпитальную палатку и стал ждать возвращения своего командира.

Вошел полковник Дон Гамильтон. В свои пятьдесят девять он все еще находился на службе в Национальной гвардии. Гамильтона выманили из Ньюарка, где у него был собственный бизнес по продаже автомобилей, и после короткого инструктажа бросили на выполнение задания с минимальным личным составом. В течение первых нескольких часов его мысли то и дело возвращались к предрождественской распродаже гибридных систем, но неожиданный взрыв моста Джорджа Вашингтона вернул полковника к зловещей реальности.

Гамильтон протянул врачу мобильный телефон.

— Дозвониться до Манхэттена или прилегающих к нему районов сейчас невозможно, — заявил полковник, — но по этой линии вы можете связаться со своей женой в Нью-Джерси. Только помните: никаких разговоров о нашей операции.

Дэвид набрал свой домашний номер. Полковник стоял поблизости так, чтобы слышать, что говорит врач.

— Лесли! Это я!

— Дэвид! Ты где? Я пыталась дозвониться до тебя весь день. Ты знаешь, что происходит?

— Да. Меня призвали в гвардию. Я нахожусь сейчас близко от центра событий. Лесли! Гави тебе позвонила?

— Нет, но я дозвонилась до ее школы. Их хотят оставить на ночь в спортивном зале. Дэвид...

— Не паникуй раньше времени. Если она останется в помещении, с ней все будет в порядке.

Полковник Гамильтон направился к Дэvidу с явным намерением отобрать телефон.

— Лесли! Я должен идти. Не волнуйся. Я сделаю все, что от меня зависит.

— Я тебя люблю, — сказала жена.

— И я тебя люблю.

Дэвид нажал кнопку отбоя и вернул телефон командиру.

— Сочувствую вам, капитан. Мы с женой потеряли сына. Ему было семь лет, когда он умер от лейкемии. Это случилось на пятнадцатую годовщину нашей свадьбы. Жаль, что ваша дочь... там...

Гамильтон повернулся, намереваясь уйти.

— Полковник! Что с женщиной?

— Приказ есть приказ, капитан. Мне очень жаль. Сильная душевная усталость не позволила врачу совладать с вспышкой ярости.

— Вам жаль? Она ведь была здорова!

Дэвид грубо схватил Гамильтона за руку, до синяков, и удержал на месте.

— Прочь! — полковник вырвал руку из стальной хватки врача. — Никто не покинет Манхэттен иначе, чем в герметично закрытом скафандре или в мешке для трупа. Таков приказ.

— Ублюдок! Ты ее убил! А ребенка?!

— Война — это ад, капитан. Я помолюсь за благополучие вашей дочери.

Остров Говернорс, Нью-Йорк

19:58

Остров Говернорс. 172 акра недвижимого имущества в Нью-Йоркской гавани в полумиле от южной оконечности Манхэттена. Во время войны за независимость на острове выстроили крепость, которая имела большое стратегическое значение в годы войны с Англией в 1812 году. В следующем столетии Говернорс превратили в военную тюрьму, а потом — в зону отдыха для туристов и лодочных экскурсий. В течение нескольких десятилетий инвесторы обсуждали идею превращения острова в игральный курорт.

Вчера вечером туристический аттракцион был объявлен «серой зоной». Леггетт-холл занимает середину острова Говернорс. Здание настолько большое, что там смог бы расположиться целый полк. Когда-то его считали самым большим строением в мире. Здание ударными темпами переоборудовали в изолятор четвертого уровня

бактериологической угрозы, куда предполагалось перевести глав государств и дипломатов, с отчаянием и надеждой ожидающих в комплексе на площади Объединенных Наций.

Капитан Джей Звава прохаживался по огромным казармам, наслаждаясь свободой передвижения после двенадцати часов, проведенных в костюме биологической защиты. Его младший брат Джесси остался в ООН руководить ночной эвакуацией по воздуху, если, конечно, «промежуточная карантинная станция» вообще будет когда-нибудь оборудована на этом острове.

Человека, которому поручили это нелегкое задание, звали Джозеф «Джой» Паркер. Он был, в сущности, отличным парнем родом из Теннесси, но вел себя как зануда. Джей Звава застал инженера по медицинскому оборудованию за осмотром вентиляционного канала.

При этом Паркер кричал по «воки-токи» своему бригадиру:

— Послушай меня, придурок! В этих казармах больше щелей, чем в самом задрипанном борделе в Лас-Вегасе. И этот кусок швейцарского сыра, который ты почему-то называешь вентиляционной системой, надо довести до божеского вида.

— Какие-нибудь трудности, мистер Паркер? — поинтересовался Джей Звава.

Инженер захлопнул крышку «воки-токи» и повернулся ругаться с капитаном.

— У моего коня — запор. Это я называю трудностями. Здесь же на карту поставлены человеческие жизни. Во-первых, в этой говенной хибаре надо все хорошенько заделать, а то мы не достигнем необходимой разницы давлений, и при любом открытии двери ваш вирус вырвется на свободу. И не спрашивайте, когда мы закончим. Я повидал на своем веку курятники, в которых было поменьше дыр, чем здесь.

— Скажите, что вам нужно. Больше людей? Больше оборудования?

— Мне необходимо больше времени и волшебная палочка, — проворчал инженер. — Чья это была блестящая идея? Почему бы вам не отправить всех этих высокопоставленных засранцев, живущих в башнях из слоновой кости, в уже готовое здание, приспособленное для четвертого уровня бактериологической угрозы?

— На то есть свои соображения, мистер Паркер, — ответил Джей Звава. — Итак, сколько времени на это уйдет?

— Сколько времени... Сколько времени... Предположим, новую вентиляционную систему я получу к девяти часам вечера, тогда одно помещение будет готово к двум часам ночи.

— Оно должно быть готово к полуночи.

— А мне бы хотелось оставаться не лысым, а кучерявым, как в молодости, но это невозможно.

У Паркера зазвонил мобильный телефон.

— Сюзанна Линн! Я тебе перезвоню.

Звава хмуро смотрел на инженера.

— Послушайте, капитан. Вы поручили мне сделать эту работу, и я ее сделаю. Мои рабочие вкальывают как проклятые, но вся проблема заключается в выборе здания. Оно очень старое. Даже если мы все тут внутри заделаем, воздух все равно будет проникать из щелей наружу. Никакой герметичности, а значит, вирусы смогут попадать в воздух. Рано или поздно этот остров превратится в общую могилу.

Мобильный телефон капитана завибрировал.

— Звава.

— Сэр! Только что привезли женщину из ветеранского госпиталя. Мы поместили ее в двадцатое здание.

— Я сейчас приду.

Джей Звава обратился к инженеру:

— В два часа ночи, мистер Паркер. Минутой позже, и ваше следующее место работы будет непосредственно связано с чисткой каналов для кондиционирования воздуха где-нибудь на Манхэттене.

Парк-форт Трайон

Инвуд, Манхэттен

20:22

Они двигались по лесу быстро. Вирджил умело прятался за стволами деревьев от приборов ночного видения. Незамеченными они шли по едва различимым во тьме тропинкам. Почва была каменистой, а под опалой листвой то тут, то там попадались узловатые корни, выходявшие на поверхность. Патрик несколько раз споткнулся.

Дорога пошла вверх...

Вскоре они оставили далеко позади шарящие по лесу прожекторы вертолетов и гул вращающихся лопастей. Вирджил вывел Патрика на просеку, на которой находилась детская площадка.

Шеп закашлялся — это холод добрался до легких.

— Где мы? — поинтересовался он.

— Парк-форт Трайон. А что случилось с твоим протезом?

— С моим протезом? — повторил за ним Патрик.

В свете фонаря он рассмотрел, насколько пострадала его искусственная рука. Пластик, некогда ее покрывавший, был содран от локтевого соединения и до кончиков пальцев, от которых тоже ничего не осталось. Теперь протез заканчивался полосой металла, загнувшейся в виде лезвия серпа.

— Я его, должно быть, повредил, когда вытаскивал из-под пульта управления, — объяснил Патрик.

Он поднял искореженный протез и резко опустил его вниз. Острый конец со свистом рассек морозный ночной воздух, словно лезвие ножа.

— Как коса, — сказал Патрик. — Неплохое оружие.

— Лучшеними его, а то можешь поранить себе ногу.

Шеп полез под свитер и подергал за застежку.

— Намертво сцепилось, — проворчал он. — Датчики под дельтовидной мышцей. Не думаю, что они в исправности.

— Патрик! В этой деревянной коробке... ты сказал: там вакцина?..

— Ли... доктор Нельсон сказала, что вакцина. Эти ублюдки застрелили ее, когда она бежала к вертолету. Они бы и меня убили. Это большая удача, что я до сих пор жив.

— Ночь сегодня светлая. Открой коробку и посмотри, что внутри, — предложил Вирджил.

Шеп сел на деревянную скамейку и поставил полированный ящичек себе на колени. Расстегнув две защелки, он приоткрыл крышку. В середине было одиннадцать пробирок с прозрачной жидкостью. Двенадцатая ячейка пустовала. В уголке, между пенопластом и деревом, торчал небольшой, сложенный вдвое листочек бумаги.

Вирджил, развернув его, прочел:

— Осторожно! Антибиотик содержит сильный нейротрансмиттер, который способен преодолевать гематоэнцефалический барьер. Может вызывать галлюцинации. Гнев и агрессия обостряют симптомы. Не нервничайте пациента. Не оставляйте пациента без присмотра в течение шести — двенадцати часов после принятия лекарства.

— Нельсон хотела, чтобы я доставил эти пробирки в центр контроля заболеваний в Нью-Джерси, — сказал Шеперд. — Теперь это невозможно.

— Патрик! Люди умирают на улицах десятками тысяч.

— И что нам делать?

— Нам? Это ты играешь роль Бога, а не я.

— Не понял, — сказал Патрик.

— В твоих руках находится власть над жизнями людей, и это делает тебя, друг мой, Богом. Итак, всевышний Патрик, ты переживешь эту ночь, но многие умрут...

— Де Борн... — спохватился Шеперд. — Я совсем забыл о нем! Я должен найти мою семью. Они в смертельной опасности.

— Патрик?..

— Де Борн пытался меня убить. Теперь он будет охотиться за моей семьей. Я должен добраться до Бэттери-парка прежде, чем...

— Патрик! Я разговаривал с той, кого ты считаешь самым близким и любимым человеком на свете.

Кровь отхлынула от лица ветерана.

— Ты разговаривал с Беатрисой? Когда?

— Сегодня днем, — ответил старик, — после нашей встречи в госпитале.

— И что она тебе сказала? Ты говорил ей, как сильно я по ней скучаю? Она хочет меня видеть?

— Она тебя по-прежнему любит, но боится, что ты опять наделаешь глупостей. Я сказал твоей жене, что у тебя — потерянный и несколько напуганный вид. Она надеется, что я смогу помочь тебе разобраться в самом себе. Я пообещал ей... Я пообещал, что верну тебя в семью... когда ты будешь к этому готов.

— Я готов! Клянусь Господом, Вирджил! — заверил его Патрик.

— Сынок, оглянись вокруг. Все изменилось. Ангел тьмы пирует на Манхэттене, и город сходит с ума от паники и страха. Мы в Инвуде, это северная оконечность острова. Бэттери-парк — южная его оконечность. Это добрые семь миль по прямой, а на своих двоих так будет все четырнадцать. Общественный транспорт не ходит, а улицы перекрыты брошенными машинами. Нам придется идти пешком. На улицах лежат мертвые. Целые кварталы заражены чумой.

— Ничего страшного. Я отправлюсь, если понадобится, даже в ад, лишь бы воссоединиться со своей семьей.

— Хорошо, Данте, я понял. Если ты хочешь попутешествовать по аду, я буду твоим проводником. Вот только перед началом пути выпей содержимое одной из этих пробирок, а то, чего доброго, не доберешься живым до Бэттери-парка.

— Да... конечно... — согласился Патрик, — это разумно. Возьми и ты себе одну.

— Я старый человек, — сказал Вирджил. — Лучшие мои деньки прожиты. К тому же один из нас должен быть в твердой памяти, если мы хотим отыскать твою семью.

— Тогда вакцину должен принять ты, а я буду проводником, — предложил Шеперд.

— Благородно, но неразумно. Я хорошо знаю эти места. Без меня ты здесь заблудишься через пять минут. Делай так, как я предложил. Не будем попусту тратить драгоценное время. Солдаты в лесу охотятся за вакциной, и я подозреваю, что они сначала стреляют, а потом уже задают вопросы. Впрочем, кто я тебе, чтобы советовать?

— Хорошо, — согласился Патрик, — но я на всякий случай отложу тебе вакцину.

Он вытащил из деревянной коробочки пробирку, зубами открыл пробку и залпом выпил прозрачную жидкость.

— Ну и как? — спросил старик.

— Хорошо... Наконец-то у меня появилась цель в жизни.

— Готовься ко всему, сынок. То, что ждет нас впереди, может погубить душу всякого.

Вирджил пошел впереди. Стена кустарника тянулась вдоль Риверсайд-драйв. Заасфальтированная дорожка вела их к реке и парковой автостраде Генри Гудзона.

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.
Перевод со старофранцузского.

2 марта 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

Вокруг меня смерть.

Она не покидает меня ни на мгновение. Смерть проникает даже в мои сны. То, что я до сих пор здоров, можно объяснить божественным провидением или теми мерами предосторожности, на которые я иду, общаясь с больными (примечание переводчика: смотрите «Chirurgia magna»). В любом случае это дает мне время, которое я с пользой потрачу на то, чтобы описать все увиденное. Возможно, эти записки попадут в руки тех, кто, прочитав их, сможет найти лекарство от убивающей нас болезни.

То, что у меня не проявляются симптомы болезни, не значит, что я не заразился. Как личный лекарь последних трех пап, я мог бы укрыться в папском дворце и оставаться в относительной безопасности, проводя дни в изучении содержания папского стула и следя, чтобы у великого первосвященника не пучило живот, но сейчас такое поведение не может считаться достойным. Жажда знаний заставляет меня идти на определенный риск. Ignoti nulla curatio morbid. Нельзя лечить неопознанную болезнь. Я вверяю свою жизнь Господу, вполне осознавая, что могу заразиться от чумных больных, которых лечу, и умереть. Часть меня даже призывает подобный конец, ибо душа моя не в состоянии выносить столько человеческих страданий.

Мне не хватает слов, чтобы описать весь ужас виденного. Я утешал рыдающую мать, которая прижимала к груди бьющегося в агонии младенца. Я помогал родителям хоронить их умершее дитя. Я умолял убитого горем мужа расстаться с заразным

телом его жены, которая скончалась более суток назад. Все это выше моих сил.

Как можно утешить страждущих? Как можно продолжать молиться Создателю, который дал нам жизнь только затем, чтобы впоследствии безжалостно отнять ее у нас? Как можно просыпаться каждое утро, зная, какой ад ожидает тебя впереди?

Когда я остаюсь один, мой отравленный разум размышляет о смысле нашего существования в этом мире. Мысли мои ясны. Только смерть может придать такую ясность уму. Страдания поселились подле нас задолго до прихода «черной смерти». Мы, оставаясь физически здоровыми, просто не хотели обращать на это внимание. Разрушительные войны, лютый голод и зло стали обычным явлением в этом мире. Те, кто в силу своего рождения обладает властью, погрязли в пороках. Они считают, что вправе распорядиться жизнями своих подданных. Как лекарь я общался как с сильными мира сего, так и с сирыми и убогими, я видел не только красоту мира, но и ее уродливого двоюродного брата — бездушие. Я убежден, что сейчас мы пожинаем то, что посеяли. Наш Господь, как рассерженный отец, разочаровавшись в своих непутевых детях, наказывает нас за опрометчивость и непослушание.

Моим наказанием является то, что я, оставаясь здоровым, лечу умирающих. По правде говоря, я видел столько людских страданий, что мое сердце зачерствело. Я живу как во сне, в вечной тьме, а впереди меня ждет Ангел Смерти.

Жнец душ обязательно придет за мной, ибо я видел его бредущим по кладбищу. Его лицо скрывал низко натянутый капюшон плаща. В костлявых руках Ангел Смерти сжимал косу, с виду обыкновенную косу, из тех, которыми наши крестьяне косят траву. Без сомнения, он знает, что я его видел. Жнец часто является мне во снах. Его присутствие тяготит мою душу, сжимает ее ледяными тисками.

Не один я видел Жнеца. Многие горожане рассказывают, что видели этого торговца смертью, возглавляющего *la Danse macabre*.^[42] Когда я впервые услышал об этом, то решил, что люди бредят. Помутненное сознание человека, потерявшего

близких и родных, просто не может справиться с тяжестью утраты. Но теперь я так не думаю. Когда ничего не осталось, ради чего стоит жить, когда каждый вздох причиняет боль, а каждый удар сердца переполняет душу горечью, живые приветствуют Смерть с распростертыми объятиями.

Быть может, скоро я и сам позову Мрачного Жнеца. Скоро, но не сейчас. Моя работа еще не завершена. Пока я буду записывать свои наблюдения, искать способ обуздать этот страшный мор. Только так я смогу оправдать свое никчемное существование в глазах Создателя.

Гвидо

Круг второй

Похоть

Когда они стремятся вдоль скалы,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На господа ужасные хулы.

И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

И как скворцов уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла

Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Там нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеянный покоем.

Данте Алигьери. Ад

20 декабря

Парковая автострада Генри Гудзона

Инвуд-Хилл, Манхэттен

20:32

11 часов 31 минута до предсказанного конца света

Патрик Шеперд вслед за Вирджиллом вышел на Риверсайд-драйв. По пустынной дороге они добрались до одиннадцатимильной парковой автострады Генри Гудзона, на которой полосы движения бежали на юг вдоль живописных берегов реки Гудзон.

Впереди простиралось море автомобилей. Они стояли тесными рядами — бампер к бамперу, дверца к дверце, почти касаясь бетонных разделителей между полосами движения. Три ведущие на север полосы слепили светом фар неподвижно застывших машин. На трех других горели гирлянды красных огней задних фонарей автомобилей. Они тянулись вдоль берега реки, изгибались и поднимались по пандусу, который вел к взорванному мосту Джорджа Вашингтона.

Все замерло без движения. Хаос мегаполиса растворился. Лишь свист ветра да гудение нескольких моторов, сжигающих остатки бензина.

— Вирджил! Что здесь произошло?

Бородатый старик прижался лицом к стеклу ближайшего внедорожника.

— Чума, — наконец произнес он.

Сжимая в руках деревянную коробочку с вакциной, Шеп шел между неподвижно застывшими машинами. Это зрелище несколько отличалось от увиденного ранее, предшествующие трагедии события, без сомнения, развивались следующим образом. Заблокированные в бесконечной автомобильной пробке десятки тысяч раньше незнакомых людей выходили на обочину автострады, делились своим недовольством с товарищами по несчастью, обсуждая сложившуюся ситуацию; возможно, угощали друг друга едой и питьем. Когда солнце скрылось за горизонт и день сменился ночью, их злость уступила место отчаянию. Похолодало, и теперь люди прятались в своих машинах. Те, кто подхватил чуму, заразили остальных.

«Коса» действовала быстро и безжалостно. Каждое транспортное средство стало инкубатором для болезни. Снабженные вентиляционными системами замкнутого цикла транспортные средства гарантировали распространение заболевания среди своих пассажиров.

Увиденное шокировало. Родители, сжимающие своих детей в последнем объятии. Старики, завернувшиеся в одеяла. Бледные лица застыли с выражением безмерного ужаса и боли. На посиневших губах запеклась кровь. В салонах машин валялись раскиданные вещи, лежали трупы домашних любимцев.

Дорога человеческого горя. Дорога смерти.

Внезапно все вокруг показалось Патрику до боли знакомым.

Под действием вакцины ночь превратилась в день, а зима — в лето.

Вместо свитера на Патрике Щеперде был бронезилет. Искореженный протез превратился в настоящую руку из плоти и крови, в которой он сжимал автоматическую винтовку M16A2.

Ирак. Палящее солнце над пустыней. Щоссе. Над покорезженными, почерневшими от копоти машинами поднимается дым. В воздухе запах горелого человеческого мяса и бензина. Черный дым над оранжевыми языками пламени. Повсюду части человеческих тел. Начиненные взрывчаткой автомобили превратили стихийный рынок в кровавую баню. Толстые стволы пальчатых финиковых пальм,

посаженных вдоль шиитского анклава, испещрены осколками разорвавшихся неподалеку гранат. Стреляли из гранатометов. В тени пальм лежит двадцать один труп — мужчины, все здешние крестьяне, которых люди в форме солдат иракской армии выволокли из домов и безжалостно расстреляли.

Сержант Щеперд осматривает убитых. Дуло его винтовки, как на учениях, поворачивается в направлении малейшего движения. Он оборачивается налево. Кончик указательного пальца правой руки слегка касается спускового крючка. В прицеле автоматической винтовки оказывается шиитка в черной парандже. Она истошно голосит над изувеченным телом мертвого сына, вытирая кровь с его обожженного лица.

Сержант Щеперд идет дальше. Убитой горем матери он ничем помочь не сможет.

Паранойя придает уставшему от тяжелого снаряжения телу новые силы. Сознание изнемогает от недосыпания. Издали слышен женский крик, но этот звук существенно отличается от выражения горя лишившейся сына матери. Там происходит нечто ужасное.

Отделившись от группы своих людей, сержант Щеперд входит в здание сгоревшего полицейского участка. Он делает вид, что не слышит команд в наушниках шлемофона. Стены строения испещрены осколками, потому что полицейский участок был одной из важных целей нападения суннитских боевиков. Сержант пересекает заваленное поломанной мебелью помещение, направляясь к комнате в задней части здания.

Там трое мужчин и... девочка. На вид лет четырнадцать-пятнадцать. Окровавленная кофточка разорвана на груди. Ниже талии — нет одежды. Она лежит животом на столешнице.

Насильники — члены ветви иракской службы безопасности, организации перебежчиков с подмоченной репутацией, не раз подозревавшихся в том, что они покрывают «эскадроны смерти» религиозных фанатиков. Один мужчина насилует девчонку сзади. Его штаны сползли до лодыжек. Он держит ее за волосы. Его двое товарищей в полном вооружении ждут, словно животные, своей очереди.

Темные глаза и дула винтовок встречают непрошеного гостя, вторгшегося в этот вертеп беззакония.

Напряжение, впрочем, моментально сходит с лиц иракцев. Насильники, ободренные общностью мужского начала, нервно улыбаются американцу.

— Ты хочешь эту суннитскую сучку?

Голос в наушниках шлемофона приказывает Щеперду уходить:

— ...не ваша война, сержант. Немедленно покиньте помещение!..

Его запятнанная, но не заскорузлая совесть против этого. Он не знает, что делать.

Девчонка просит о помощи. Ее слова не требуют перевода с фарси.

Кровь стучит в висках. На акт беззакония нужно реагировать немедленно, но Патрик понимает, что его следующий опрометчивый шаг запустит череду событий, которые, скорее всего, закончатся его смертью и, возможно, смертью этой девочки.

Правая рука вздрагивает на патронной обойме. Указательный палец ложится на курок. В темных глазах иракцев вспыхивают огоньки беспокойства.

— Сержант Щеперд! Докладывайте немедленно!

«Господи! Почему я оказался здесь?»

— Щеперд!

После минутного колебания он выходит из помещения полицейского участка...

День сменился ночью. Холодный декабрьский ветер вызвал дрожь во вспотевшем теле.

— Сержант!

Патрик повернулся к Вирджилю. В глазах мужчины блестели слезы.

— Я ничего не сделал... Я должен был их всех убить... — проговорил он.

— Кого убить? Кого ты должен был убить?

— Солдат... В Баладрузе... Они насильовали девчонку, а я стоял и... ничего не делал...

Вирджил помолчал, обдумывая, что сказать.

— Думаешь, эти люди заслужили смерть? — наконец спросил он.

— Да. Нет. Я не знаю... Трудно сказать... Баладруз — шиитская деревня. Когда мы туда прибыли, повсюду валялись трупы. На селение напали сунниты. Девчонка тоже была сунниткой, но... есть ведь законы... В Ираке не было законов, не было правил. Вчера мы воевали

против шиитов, сегодня — против суннитов. И всегда гибли невинные люди. Их убивали, словно овец. Местные жители смотрели на наших солдат с немым укором, словно это мы во всем виноваты. Мы старались делать вид, что это не так, но в глубине души понимали, что они правы. Уже более миллиона человек погибли с начала войны. Иногда я задавал себе вопрос: «Почему я здесь?» Ведь эти люди не нападали на мою страну. Садам... Он, конечно, настоящий злодей, кровавый ублюдок, но и мы не ангелы. Убийство остается убийством независимо от того, кто нажимает на курок.

— В тот день ты испытывал ненависть к этим людям? — спросил Вильям.

— Ненависть? Я словно онемел. Я шел по дороге, а повсюду видел куски человеческих тел. Подошвы моих ботинок липли к земле от свежeproлитой крови маленьких детей. А потом я услышал крик. Инстинкт возобладал над хладнокровием. Я представил, что там насилуют мою дочь. Ненависть?.. Да, я ненавижу их. Ты бы видел их глаза... Они были похожи на диких похотливых животных. Я должен был их остановить, перестрелять всех к чертовой матери!

— Три смерти в наказание за попрание человеческой души. Разве одна жестокость может исправить другую?

— Да... Нет... Мне стыдно за себя. Просто, не вмешавшись, я стал сообщником насильников. Ну... Что мне надо было делать?

— Я не вправе давать советы. Ты мог что-то предпринять; возможно, тебе следовало вмешаться, но иногда однозначных ответов не существует... Иногда страдают невинные люди... Сколько раз ты бывал в Ираке? Четыре, кажется?

— Да. Это случилось на третью неделю моего первого пребывания в стране.

— А я вот о чем подумал, — сказал Вирджил. — Жизнь — это испытание, Патрик. Некоторые души, словно солдат, снова и снова забрасывают в бой на Землю, чтобы они пересдали ранее невыученный урок. Древняя мудрость, о которой я тебе рассказывал, называет это тиккун, процесс духовного исправления. Считается, что душе позволено четырежды побывать в Малхуте, физическом мире, и попытаться исполнить свой тиккун.

— Перестань, Вирджил. Ты и впрямь считаешь, что Бог преднамеренно захотел, чтобы я стал свидетелем того, как содомируют

невинную девушку? Какую-такую истину должен был я постигнуть? Какая-такая истина стоит всей этой мерзости?

— Как раз это тебе и следует понять. Замыслы Создателя нам не дано постичь. Но запомни: один дурной поступок, словно капля, содержащая возбудитель чумы, может поразить миллионы людей, но и одно доброе деяние обладает такой же силой. Что случилось с девочкой?

— Она умерла... в мучениях...

Шеп подошел к бетонному ограждению ведущей на юг полосы движения автострады. Глаза остановились на водах Гудзона. Мужчина замер на месте. Кровь в жилах холодела при виде фигуры, застывшей на железнодорожных путях корпорации «Амтрак» в шестидесяти футах от него.

— О-о-о... блин...

Мигающий красным светом поездной сигнал освещал каждые двадцать секунд кого-то в длинном черном плаще с капюшоном. В руках — коса, насаженная на длинный держак. Шеп не мог разглядеть лица Мрачного Жнеца, но ощущал исходящий от него холод.

— Вирджил! Нам надо отсюда уходить... с этой автострады. Немедленно!

— Успокойся, сержант.

Шеп резко повернулся и в упор посмотрел на старика.

— Никогда не называй меня сержантом! Можешь звать Патриком или Шепом, но не сержантом. Я больше не в армии.

— Понял... Патрик, а эта вакцина... она воздействует на твои чувства?

— Вакцина? — не понял ветеран.

— Она может вызывать галлюцинации. Ты что-нибудь видел такое?

— Да... Может...

Патрик поискал глазами Мрачного Жнеца, но увидел на том месте лишь тени.

— Вокруг нас слишком много смертей, Вирджил. Мы окружены чумой. Либо ты принимаешь вакцину, либо поскорее убирайся с этого шоссе смерти. Смотри! За мостом есть несколько съездов с автострады. Давай поторопимся. Скорее... Я тебе помогу...

Правой рукой Патрик Шеперд обнял старика за талию. Они припустили по лабиринту брошенных автомобилей, направляясь к

догоорающему мосту Джорджа Вашингтона.

Остров Говернорс, Нью-Йорк

Здание № 20

20:43

Стены подвального помещения были сложены из шлакобетонных блоков. Пол был бетонным и сырым.

Ли Нельсон, свернувшись калачиком, лежала на ничем не накрытом матрасе под зеленым шерстяным солдатским одеялом. Ее тело болело от резиновых пуль. Желудок урчал от голода. Кандалы натерли кожу на лодыжках. Тушь для ресниц расплылась потеками по лицу. Женщина плакала, вспоминая своих близких и родных. Ей хотелось позвонить мужу и хоть немного успокоить его. Но больше всего Ли хотелось, чтобы ее наихудшие опасения оказались беспочвенными и вспышка чумы не превратилась во всемирную пандемию. Доктор Нельсон надеялась, что ее тюремщики знают, что она — врач, а никакая не террористка.

Несмотря на все старания, она проигрывала свой психологический бой со страхом. В женщину стреляли, надели на руки наручники, привязали к носилкам переносного изолятора и доставили по воздуху на остров Говернорс. Ли Нельсон раздели и окунули в бактерицидную жидкость зеленого цвета, а затем полтора часа подвергали медицинскому осмотру. Анализы крови подтвердили, что женщина не инфицирована, но похотливые глаза одного из военных полицейских и чувство поправленного достоинства подсказывали Ли Нельсон отказаться сотрудничать с этими людьми.

Женщина услышала, как открылась дверь наверху. Несколько человек вошли в здание. Над ее головой заскрипели половицы. Заскрежетала дверь, ведущая в подвал.

Ли приподнялась, плотнее закутываясь в наброшенное на плечи одеяло. Визитеры спускались по лестнице в подвал.

Впереди шел военный полицейский. Офицер отставал от него на две ступеньки. Он оказался довольно грузным мужчиной. Вся его поза выдавала усталость.

— Миссис Нельсон?

— Я доктор Нельсон. Почему меня здесь держат, словно военнопленную? Мы ведь на одной стороне, не так ли?

— Почему вы позволили вашему другу сбежать на санитарном вертолете с вакциной против «Косы»? — задал вопрос военный.

— Ваши командос ворвались в больницу, словно в лагерь террористов. За что убили моего босса?

— Наше оружие заряжено резиновыми пулями.

— А как я могла это знать? — парировала Ли. — День был полным кошмаром. Почему вы ворвались, а не представились нормально, без стрельбы? Я бы с радостью передала вам и вакцину, и рыжеволосую женщину, которая ее создала. Мы вместе смогли бы спасти Манхэттен.

— Манхэттен обречен.

Женщина почувствовала легкое головокружение.

— О чем вы говорите? Конечно же, Манхэттен можно спасти.

— Можно спасти президента. Если мы вовремя найдем вакцину, то спасем большинство дипломатов в зданиях ООН. А самое главное: если карантин продержится до утра, у нас неплохие шансы не допустить глобальной пандемии. Что же касается жителей Манхэттена...

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Вы с ума сошли? Это же два миллиона человек...

— Три, если считать и тех, кто приезжает на Манхэттен на работу, — поправил ее офицер. — Все они сейчас ютятся на двадцати восьми квадратных милях городских джунглей, по которым гуляет крайне заразная форма бубонной чумы, сводящая человека в могилу за пятнадцать часов. Даже если у нас будет вакцина, мы не сможем произвести достаточного ее количества в сжатые сроки.

— Боже правый...

— К сожалению, это так.

— И что вы будете делать? — спросила Ли Нельсон.

— Предпринимать все, лишь бы удерживать этот кошмар в пределах Манхэттена. По нашим подсчетам, четверть миллиона людей уже мертвы. Полмиллиона больных и здоровых предпринимают попытки выбраться с острова. Мы заблокировали туннели и взорвали мосты, но число умерших множится, и отчаяние придает людям решимости. Существует серьезная опасность того, что несколько ловкачей все-таки проникнут за оцепление. Ваша семья, насколько я знаю, живет в Нью-Джерси?

— В Хобокене.

— На моторной лодке туда за час можно добраться по Гудзону, — сказал мужчина. — Большинство нарушителей карантина мы, конечно, остановим, но ньюйоркцы — отчаянные ребята. Не исключено, что кто-то из заразных прорвется, и мы потеряем Нью-Джерси.

— Что вам от меня надо? — спросила женщина.

— Нам нужна вакцина. Ваш пилот совершил вынужденную посадку в парке Инвуд-Хилл. Кто он? Куда он направлялся?

— Сержант Патрик Шеперд. Один из моих пациентов.

Джей Звава ввел полученную информацию в свой «блэкбэрри».

— Он ветеран? — задал вопрос офицер.

— Да. С сегодняшнего утра у него протез левой руки. Его жена и дочь живут где-то в Бэттери-парке.

— Как зовут эту женщину?

— Беатриса Шеперд.

— Сержант, — позвал капитан подчиненного.

— Да, сэр?

— Освободите доктора Нельсон. Она пойдет со мной.

Бэттери-парк, Манхэттен

21:11

Беатриса Шеперд спустилась по ступенькам северного лестничного колодца. Ее мучил страх за судьбу дочери, которая до сих пор не вернулась домой. Женщина дошла лишь до застекленного входа в двадцатидвухэтажный многоквартирный дом и застыла, оставаясь в тени.

Смерть воцарилась на Манхэттене, разрушая саму сердцевину Большого Яблока. Она лежала, распластавшись, на обочине под строительным навесом и истекала кровью. Она сидела за рулем неподвижного такси. Мотор работал вхолостую. Она заразила общественный транспорт и мобилизовала армию живых мертвецов, состоящую из впавших в отчаяние, испуганных туристов, которым некуда было деться.

На противоположной стороне улицы отец троих детей запустил кирпичом в витрину погруженного в темноту здания ломбарда. Этот турист из Англии искал место для ночлега. Скрывающийся во тьме владелец нажал на спусковой крючок дробовика. Выстрел сначала ослепил, а затем отбросил туриста на землю.

Беатриса поспешила в вестибюль. Господь подал ей знак. У дочери больше шансов найти ее здесь, чем у нее отыскать дочь в этом хаосе. Она должна оставаться в своей квартире и молиться.

Съезд с парковой автострады Генри Гудзона на 158-ю улицу 21:47

Двадцать минут понадобилось им, чтобы дойти до подземного перехода под мостом Джорджа Вашингтона. Чем ближе они подходили к месту, тем громче и пронзительней становились крики. Вопли далеко разносились в морозном декабрьском воздухе. Где-то раздавались автоматные очереди. Странные свистящие звуки слышались над рекой Гудзон, когда невидимые невооруженному глазу беспилотные самолеты пролетали высоко над головами. Патрульные катера сновали по реке. Их моторы урчали, а прожекторы освещали воды в поисках нарушителей. Высоко над их головами, на Бронкской скоростной автостраде очаги оранжевого пламени освещали ночь. Десятки горящих автомобилей озаряли собравшихся вокруг них людей.

Запах горелого, исходивший от моста, перебивал все запахи.

Патрик и Вирджил, прячась за стальными перилами, разделяющими парковую автостраду Генри Гудзона посередине, быстро миновали восточное основание моста. За лабиринтом съездов со взорванного моста они перелезли через четырехфутовый барьер к ведущим на север полосам движения. Преодолев стальное дорожное ограждение, мужчины добрались до съезда на 158-ю улицу. Там было пусто. Дорога круто шла вверх. Спутники шли дальше. Белесый пар поднимался в холодном воздухе из приоткрытых ртов.

— Вирджил! В госпитале ты говорил, что все в жизни имеет причины и последствия.

— Только исправив причину, можно исправить последствие.

— И как же это сделать? — спросил Патрик. — Люди умирают тысячами. Де Борн и его приспешники втягивают мир в очередную войну. Как исправить столько зла и несправедливости?

— Несвоевременный вопрос, друг мой. Ты спрашиваешь меня как психиатра или как духовного наставника?

— Какая разница. Я хочу получить ответ на мой вопрос.

Старик шел, обдумывая заданный ему вопрос.

— Я отвечу, но ответ тебе не понравится, — наконец произнес он. — Зло в этом мире преследует определенную цель. Оно побуждает людей делать выбор. Без зла не было бы духовного роста, преображения. Только через преображение люди изменяют свою эгоистичную природу и способны на альтруистические поступки.

— Эзотерическая чушь! — фыркнул Патрик. — Господи! А я-то думал, что ты профессионал. Представляю, что ты говоришь матери, чьего ребенка застрелили на улице.

— Я ведь говорю не с матерью, а с солдатом, который нажал на спусковой крючок.

Земля ушла у него из-под ног. Мир закружился, и Патрик опустился на колени, сильно ударившись о бетон. В груди защемило сердце.

— Кто?.. Кто рассказал тебе об этом? Де Борн?

— А какая разница? — спросил Вирджил.

— Его отец был в ярости... Он бежал на меня. Фарси... Я не знал, что говорить... Меня учили действовать. Я не хотел его убивать. Просто у меня не было другого выбора.

— Ты серьезно в это веришь?

Шеп отрицательно покачал головой.

— Мне следовало умереть еще тогда... Моя смерть вместо смерти отца ребенка... А вместо этого... Боже!..

Нервы сдали, и спазм пронзил его тело. Отчаяние поглотила ночь, и без того переполненная страданиями.

— Самоубийство не имеет ничего общего с духовным преображением, Патрик. Это грех. — Вирджил опустился на бетон рядом с Шепердом и обнял его за плечи. — Как давно это произошло?

— Восемь лет и три месяца назад.

— И ты мучишься с тех пор?

— Да.

— Ну вот, — сказал психиатр. — Чувство справедливости у тебя есть, а с преображением что-то не выходит.

— Не понял.

— Ты спрашивал, почему Бог допускает существование зла. Я бы задал другой вопрос: «Почему Бог вообще создал этот мир?» Каков смысл существования человека? Что если я скажу тебе, что все, окружающее нас — этот съезд, этот город, эта планета — все, что мы

называем физическим миром, составляет один лишь процент бытия, созданного с одной единственной целью — дать возможность выбирать.

— Выбирать? Кому? Человеку?

— Человек склонен делать ошибки, — Вирджил подмигнул Патрику. — У меня свело мышцы спины. Помоги мне встать.

Шеп обнял старика за его широкую талию и помог подняться на ноги. Охнув, Вирджил продолжил свой путь по длинному петляющему съезду с автострады.

— У каждого человека, Патрик, есть душа, и душа — это искра света нашего Творца. Божий свет — чист, он способен только давать, а не отнимать. Чистая душа стремится к постижению бесконечного величия света Господнего. Чтобы достичь света, надо возжелать его. Чтобы приблизиться к Создателю, душа желает самоусовершенствования. Самоусовершенствование невозможно без возможности выбирать. Вот и все.

— И это твой ответ? — спросил Шеперд.

— Пока да... Я мог бы еще многое сказать, но пока не пришло время. Когда придет время, я все тебе открою. Сейчас же запомни: это мешает душе воспринимать Божий свет. Это — это отсутствие света. Именно оно повинно в насилии, похоти, жадности и ревности. История о солдатах и девушке, которую ты мне рассказал, — пример того, что случается, когда божественный свет не проникает в душу, а на поверхность всплывает инстинкт разрушения.

— В их глазах было столько ярости.

— Ярость — самая опасная из черт это человека, — сказал Вирджил. — Она заставляет человека идти на поводу своих темных инстинктов. Подобно похоти, ярость — животный инстинкт. Чтобы побороть ее, человек должен творить добрые дела и посредством этого получить доступ к божественному свету.

— Но ведь люди, совершившие смертный грех... Разве им не закрыт доступ к свету?

— Нет, не закрыт... На преобразование способна любая душа любого человека вне зависимости от зла, которое он прежде совершил. В отличие от людей, Создатель любит всех своих чад, даже заблудших.

— Подожди, — сказал Патрик. — Выходит, Гитлер, истребивший шесть миллионов евреев, мог перед смертью попросить о прощении и

его получить? Не верю.

— Духовное преобразование не имеет ничего общего с исповедью, соблюдением поста или десятью прочитанными подряд «Аве Мария». Преобразование — это акт чистого альтруизма. За то, что ты делал в Ираке, ты будешь держать ответ в геенне.

— Геенна... Ведь это же ад?

— Для некоторых — да... Но помни: каждый добрый поступок, совершенный тобой до смертного часа, может облегчить процесс очищения потом, после смерти.

— И как же мне преобразиться? — задал вопрос Патрик.

— Первым делом, перестань строить из себя жертву. Человек не рожден для страданий. Предаваясь самобичеванию, ты отгоняешь от себя Божий свет. Не думаю, что тебе это нужно.

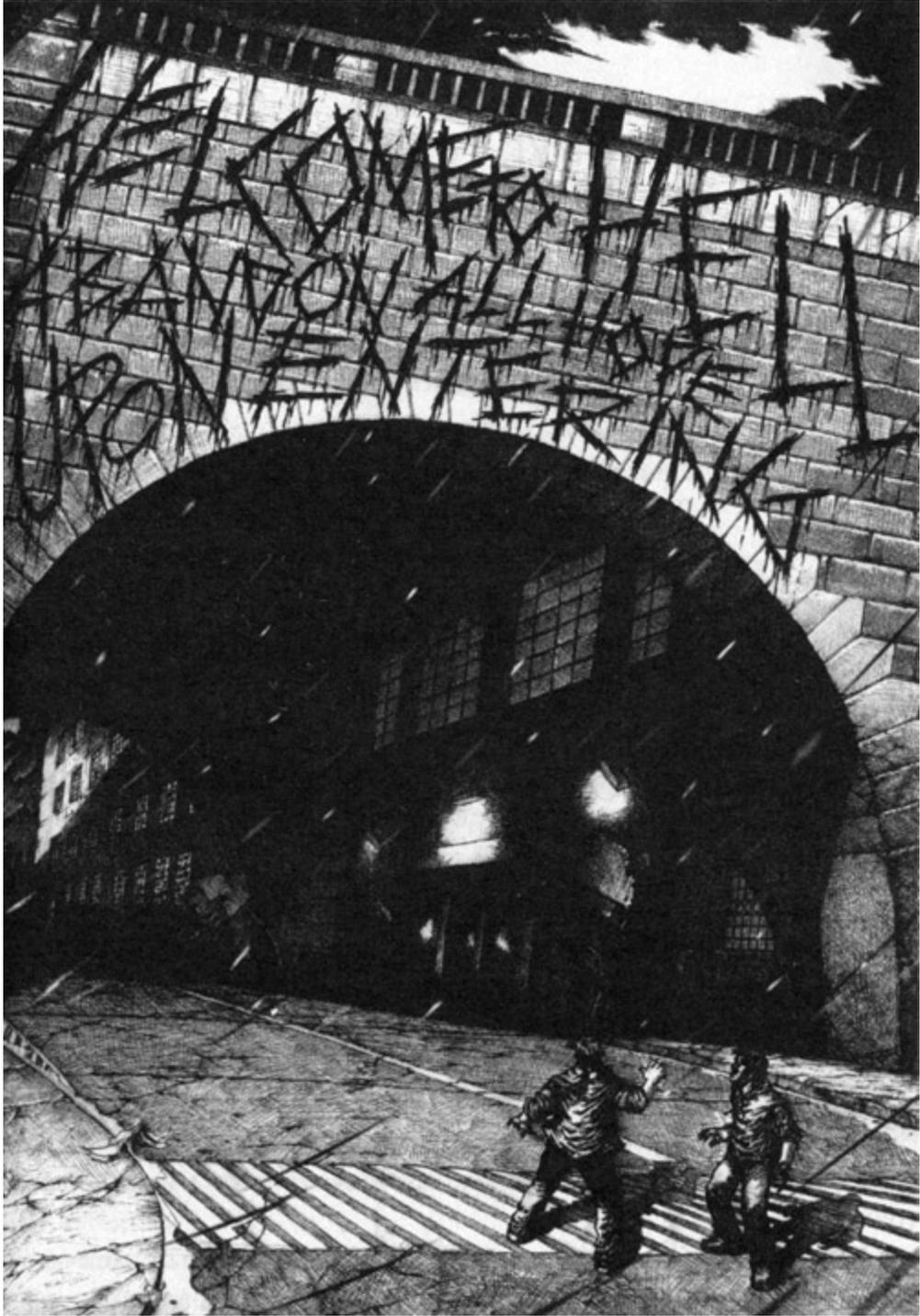
— По правде говоря, единственным моим желанием сейчас является вновь увидеть мою семью.

— Существует причина, почему вы сейчас не вместе, Патрик. Тебе надо найти причину твоих несчастий, чтобы ты смог справиться с их последствиями.

Ветер усилился, принес с собой дождь. Старик посмотрел на небо, затем перевел взгляд вперед, на сводчатый проезд под автомагистралью, где заканчивался съезд.

Они дошли до Манхэттенвилля. Пустынная 158-я улица нырнула под гигантскую арку эстакады автомагистрали. Красной краской из баллончика кто-то написал граффити на бетонной стене. Надпись была совсем свежей. Потеки краски еще расползались по поверхности стены.

*ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД! ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК
СЮДА ВХОДЯЩИЙ.*

Круг третий

Обжоры

Я в третьем круге, там, где, дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он все так же длится.

Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой.

Трехзевый Цербер, хищный и громадный,
Собачьим лаем лает на народ,
Который вязнет в этой топи смрадной.

Данте Алигьери. Ад

20 декабря

158-я улица

Манхэттенвилль, Манхэттен

22:06

9 часов 57 минут до предсказанного конца света

Дождь перешел в мелкий снег. Патрик и Вирджил нашли убежище под массивной аркой конструкции, поддерживающей Риверсайд-драйв. Под туннелем находился гараж, один из многих, принадлежащих нью-йоркскому департаменту министерства транспорта США.

Они очутились в огромном, никак не меньше пяти этажей в высоту, похожем на пещеру туннеле. Посыпанная гравием дорожка терялась во тьме. По туннелю завывал ледяной ветер. Шеп поежился — промокший свитер был слабой защитой в декабрьский холод.

Слева они заметили небольшую застекленную будку. Там было темно и пусто. Вирджил дернул ручку — незаперто. Старик вошел внутрь и вскоре вернулся, неся с собой черную горнолыжную парку.

— Надень-ка ее, — предложил Вирджил Шепу.

— Мала. Я не могу просунуть в рукав протез.

Старик расправил левый рукав куртки и протянул его Патрику.

— Разрежь его лезвием протеза, чтобы рука прошла.

Одним резким движением мужчина полоснул ткань. Гусиный пух, подхваченный ветром, полетел по воздуху.

Вирджил держал парку, чтобы его спутнику было легче ее надевать. Шеп осторожно ввел покореженный конец протеза в левый рукав горнолыжной парки и медленно всунул его до самого плеча. Старик помог ему застегнуть молнию-змейку.

— Теперь теплее? — поинтересовался он.

— Теплее... Вирджил! Слышишь?!

Вой ветра стих, и спутники услышали женский крик. Отчаянный призыв о помощи отозвался эхом во тьме от стен туннеля.

— Пойдем! — крикнул Шеп, сунув коробочку с вакциной за пазуху, и побежал во тьму гаража. Вирджил последовал за ним.

Потолок постепенно снижался, а через несколько сотен ярдов туннель закончился тупиком: мужчины уперлись в бетонную подпорную стену и уходящий куда-то под землю лестничный колодец. В слабом свете лампочек аварийного освещения они увидели трех ротвейлеров. Их привязали за поводки к железным перилам лестницы, перекрыв доступ посторонним. Цепи собачьих поводков переплелись и теперь злобные черно-коричневые сторожевые псы были плотно прижаты друг к другу. Ротвейлеры скалились, брызгая пеной, но не могли дотянуться до женщины.

Женщине было за пятьдесят. Плотного телосложения. Белая. Раздетая до нижнего белья, она стояла по грудь в грязи, натекающей из открытых дренажных труб, замусоривших все вокруг сточными отложениями.

Увидев Патрика и Вирджила, женщина начала с упреков:

— Ну вот! А вы, как я вижу, не торопились. Я уже двадцать минут стою здесь и зову на помощь. Сначала они украли у меня все драгоценности, затем отобрали противогаз, который, между прочим, обошелся мне в пять тысяч долларов. Потом эти маленькие ублюдки раздели меня до лифчика и трусов и оставили здесь умирать...

Собаки залаяли на Патрика, когда он подошел к женщине.

Их тела слились в одно гигантское тело трехглавого пса... Цербер! Мифическая гончая подземного царства Гадеса встала на задние лапы. Истекая пеной, Цербер раскрыл пасти и залаял на Патрика.

Шеп отступил на шаг назад. Окружающий мир завертелся волчком...

Бетонная стена превратилась в длинный коридор тюремного блока. По бокам — стальные двери-решетки. Арестанты лежат бок о бок на полу в конце коридора. Тюремщики смеются, едва сдерживая трех сторожевых псов. Ротвейлеры заходятся в лае, бросаясь на испуганных голых иракских заключенных.

Офицер службы разведки поворачивается к Щепу.

— Мы называем это «зашугивать задержанных», — говорит он Патрику. — Следователи ценят наш труд. Зашугивание помогает развязывать языки.

— А в чем их вина? — спрашивает Патрик.

— Не знаю. А какая разница? Наша работа заключается в том, чтобы вселить страх Господен в этих клиентов Гуантанамо. Давай вот этого. Тащи его жирную задницу ко мне.

Щеп хватает испуганного иракца за локоть, поднимает на ноги и, отделив от товарищей по несчастью, тащит к офицеру.

Тот приставляет ствол пистолета к виску задержанного.

— Смитти! Скажи ему, чтобы взялся руками за щиколотки ног. Если он разожмет руки, я вышибу ему мозги. Щеперд! Когда я скажу, ударишь арабскую собаку по спине резиновым шлангом.

— Сэр! Я не думаю, что смогу...

— Ты не думаешь?.. Кто просит тебя думать? Это приказ, сержант. Щеперд! Мы получаем приказы непосредственно из службы разведки. Если мы будем добросовестно исполнять свои обязанности здесь, то дома, в Америке, больше никогда не повторится одиннадцатое сентября. Тебе понятно? А теперь бери этот чертов шланг. Смитти! Говори ему то, что я тебе сказал...

Служащий-контрактник переводит слова офицера на фарси. Дрожь от страха, тучный заключенный сгибается в три погибели и обхватывает руками свои лодыжки.

— Щеперд! А теперь врежь, как следует, террористу по заднице!

Секунду поколебавшись, Патрик шлепает по волосатой спине сорокалетнего водителя такси и отца пяти детей резиновым шлангом.

— Что с тобой? Или ты любитель мусульман? Вмажь ему, как следует, сержант Щеперд! Ударь его так, словно перед тобой упрямый мул.

Офицер службы разведки подмигивает переводчику-контрактнику. Тот вынимает из уголка рта недокуренную сигарету и засовывает ее горящим концом в левое ухо арестанту.

Человек взывает от боли. Боясь быть застреленным, он, не выпуская из рук лодыжек, валится лицом вперед на покрытый кафельными плитками пол, разбивает себе голову и теряет сознание.

Офицер и переводчик-контрактник громко хохочут.

Щеп отступает от раненого человека и лающих, брызжащих слюнями собак...

Один из ротвейлеров внезапно замолк... За ним другой... Третий... Животные задыхались, словно что-то попало им в пасть.

— Патрик! С тобой все в порядке? Патрик!

Щеп вытряхнул из сознания воспоминания о тюрьме Абу-Грейб. Он снова находился в туннеле под Риверсайд-драйв. Рядом стоял Вирджил. Правая рука старика вся была в грязи.

Три ротвейлера выплевывали грязь, попавшую им в пасти.

Грузная женщина вскочила на ноги, прошлепала мимо собачьей своры и скрылась в лестничном колодце, оставляя после себя следы грязи и сточных вод.

Вирджил взглянул на Шепу. Инвалид казался очень бледным. Он весь дрожал.

— Очередная галлюцинация?

— Скорее плохое воспоминание.

— Расскажешь?

Патрик смотрел на собак. Воспоминания крутились в его голове.

— Это было в Ираке... Во второй раз меня определили системным администратором в тюрьму Абу-Грейб. Я там должен был сидеть за компьютером и наблюдать. Новеньких обычно ставили в ночные смены, а там много чего нехорошего происходило...

— Ты имеешь в виду пытки?

Щеп утвердительно кивнул головой.

— Меня заставляли принимать в этом участие. Когда я пожаловался, то мне сказали заткнуться и выполнять свою работу. Дела пошли совсем гадко, когда из Гуантанамо прибыли секретные агенты. Не поверишь, но это были психически больные люди. Они не давали заключенным спать и сутки напролет читали им детские стишки. Это сводило арестантов с ума. Иногда эти придурки

подвешивали заключенных в наручниках и оставляли на несколько часов. Сам я этого никогда не видел, но слышал, что заключенных пытали, опуская головой в воду. Иногда агенты заходили слишком далеко и по-настоящему топили арестантов. Когда такое случалось, они помещали тело в мешок для трупа и приказывали нам избавиться от него ночью.

— Но ведь не это тревожит тебя? — спросил Вирджил.

Шеп отрицательно замотал головой. Взгляд его затуманился.

— У нас содержался иракский контр-адмирал Хамид Забар. Чтобы заставить адмирала говорить, секретные агенты привели его шестнадцатилетнего сына и пытали на глаза у отца... Мне тоже пришлось присутствовать при этом...

Патрик немного успокоился.

— Я работал в тюрьме полгода. Кое-кто из нас смог передать сведения о творимом там произволе в средства массовой информации. Началось официальное расследование. Я как раз вернулся в Нью-Йорк и сообщил в соответствующие органы о своем желании дать показания, но меня даже слушать не захотели. Расследование оказалось сплошной фикцией, рассчитанной на то, чтобы успокоить общественное мнение и американскую прессу. Вину за пытки возложили на нескольких офицеров низших чинов, назвав их «гнилыми яблоками», затесавшимися среди морально-здорового коллектива. И ни слова не сказали о нашем начальнике, который лично давал приказы пытаться заключенных. Рамсфелд несет ответственность за жестокое обращение с заключенными. Его правая рука Пол Вольфовиц лично руководил экзекуциями... А был еще генерал-майор Джеффри Миллер. Рамсфелд послал его в Абу-Грейб, и он превратил тюрьму в Восточное Гуантанамо. Никто из виновных не был осужден и даже не получил дисциплинарные взыскания. Только тупицы вроде меня получили по шапке. За согласие давать свидетельские показания нам вначале уменьшили категорию по денежному содержанию, а затем тайно внесли в список «вечных возвращенцев». Через восемь месяцев я снова оказался в Ираке.

— А кем были эти заключенные? — спросил Вирджил.

— В том-то и дело! Большинство из них — случайные люди. Их хватало во время облав. Некоторых оговаривали местные сексоты,

которым за их услуги платили немалые деньги. Их держали, не заводя никаких дел, даже не интересуясь, кто они такие...

— И ты ничего не сделал, чтобы этому помешать? — задал вопрос Вирджил.

— Я же тебе говорил! Я писал рапорты. Что еще мне оставалось делать?

— Эй, вы двое! Чего опаздываете?

Они повернулись на звук голоса. Мужчина в форменной одежде черного цвета, на лице — маска ребризера, указывал им дулом автомата на ведущие вниз бетонные ступени лестницы.

— Поживей, придурки. Баржа будет здесь с минуты на минуту. — И мужчина в черном оттащил свору за поводки.

Воспользовавшись моментом, Патрик и Вирджил без лишних вопросов зашагали вниз по лестницы в непроницаемой тьме.

Причал «А»

Район Бэттери-парка

22:11

Строительство причала «А» на юго-западной оконечности Финансового квартала, на территории Бэттери-парка, завершили в 1875 году. Сложенный из природного камня пирс 285 футов в длину и 45 футов в ширину выступал далеко в реку Гудзон. Возле причала возвышалось старое трехэтажное здание. Его окрашенные белой и зеленой краской рамы окон с арками и выдержанная в викторианском стиле башня с часами, расположенная в ближней к воде части строения, производили благоприятное впечатление.

Несколько часов назад причал паромной переправы у причала «А» гудел как пчелиный улей. Десятки тысяч человек стекались отовсюду в этот расположенный у реки парк. Большинство из них — гости Нью-Йорка, которые отчаянно искали способ вырваться с острова. Байдарку покупали за пять тысяч долларов. Гребные лодки обменивали на ключи от «мерседесов» и «ягуаров». К закату всякая посудина, которая держалась на воде, была продана, перегружена до предела людьми и отправлена через Гудзон.

Береговая охрана перехватывала утлые суденышки через пару минут после отплытия и безжалостно топила их. Оставшихся в живых

пассажиров вынуждали плыть обратно в ледяной, до судорог, воде. Только немногие добирались до берега, а счастливицы шли ко дну.

Калитка, ведущая к огражденному цепями причалу «А», открывалась и закрывалась под порывами ветра. Холодный воздух, прилетевший с гавани, раскачивал строительные леса. Переносной генератор давал энергию шести лампочкам, которые тускло освещали помещение.

Здесь на лодочном прицепе стоял каютный круизер «Бейлайнер 2850 Контесса Седан Бридж», спущенный на воду в далеком 1982 году. Корпус длиной десять футов был сделан из стекловолокна и окрашен в голубые и кремовые цвета. Каютный круизер мог довольно комфортно разместить восемь пассажиров. Камбуз был оснащен кухонной плитой, работающей на спирту или электричестве. В носовой части — раковина для умывания, душ и портативный биотуалет. В кормовой части — три каюты.

Катер крепился с помощью каната к лебедке, закрепленной над люком, через который каютный круизер спускали на воду в северо-западной части причала.

Хит Шелби купил катер за шесть тысяч долларов у управляющего причалом. Двигатель работал нормально, а вот корпус протекал от пробоин, полученных несколько лет назад при столкновении. Ремонт судна сделали небрежно, поэтому катер едва держался на воде. В качестве дополнительной платы владелец судна согласился оставить его на причале «А» до тех пор, пока Шелби не закончит ремонт.

Хит Шелби лежал на пыльном деревянном полу, укрывшись одеждой Санта-Клауса. Все его тело горело лютым огнем. Через каждые пару минут он кашлял кровью с желчью. Опухоль размером с киви выскочила у него под мышкой слева.

Ему было страшно оставаться здесь одному, но еще больше он боялся заразить чумой жену и сына, поэтому Хит укрылся под катером, молясь только о том, чтобы пережить предстоящую ночь.

Мобильный телефон снова зазвонил. Слезящимися глазами Хит Шелби посмотрел на экран, чтобы увериться, что это не жена.

— Слушаю, — сказал он.

— Хит! Это ты?

— Паоло?

— Я только что разговаривал с сестрой. Она в отчаянии.

Находясь на грани бреда, Шелби приподнялся с пола.

— Дженни больна?

— Нет. Она ужасно волнуется из-за того, что ты не отвечаешь на ее звонки.

— Выдался тяжелый день на работе.

— Тяжелый день, — повторил за ним Паоло. — Хит! Манхэттен поражен чумой. Мы должны увезти наши семьи с острова.

Хит Шелби откинулся на полу, борясь с позывами к рвоте.

— Как?

— На катере, который мы отремонтировали для Колина. На нем мы переплывем через реку. Ты ведь заделал течь?

— Да... Нет... не помню... Паоло! Я в сарае для лодок... Я болен. Я не хочу никого заразить. Болезнь съедает меня изнутри.

— Чем я могу тебе помочь?

— Ничем, — сказал Хит Шелби. — Держись от меня подальше. Передай это и моей семье.

— Хит! Сейчас повсюду чума. К утру никто на острове не сможет чувствовать себя в безопасности. Твоя семья еще не заболела. Их можно спасти. Подготовь катер к плаванию через Гудзон. Мы с Франческой заберем Дженни и Колина из Бэттери-парка как только сможем. Я уверен, что смогу спасти их. Когда мы доберемся до Нью-Джерси, я постараюсь тебе помочь.

— Думаю, для меня уже все кончено. Бери катер. Я почию его и уйду отсюда подальше. Только сделай мне одно одолжение, Паоло. Передай Дженни, что я ее люблю. Скажи Колину, что его папа очень им гордится.

— Хорошо... Да... Алло!.. Хит!.. Ты меня слышишь?

Выпустив из руки мобильный телефон, Хит Шелби на четвереньках подполз к мусорной урне и облегчил свой желудок.

Остров Говернорс, Нью-Йорк

22:14

На северо-западном берегу острова Говернорс вздымается округлое фортификационное строение из красного песчаника, известное под названием замок Уильяма. Эту крепость возвели в 1807 году для защиты водных подступов к Нью-Йорку. Диаметр «замка» составляет

двести футов, высота крепостных стен — сорок футов, толщина — восемь футов.

Ли Нельсон шла за капитаном Звава по большому саду, разбитому во внутреннем дворе «замка». Затем они вошли в башню и по винтовой лестнице поднялись на террасу, с которой открывался вид на гавань Нью-Йорка. Над Бэттери-парком и Манхэттеном висела непроглядная ночь.

— Капитан! Пожалуйста... — попросила Ли. — Я должна позвонить мужу. Я только скажу ему, что со мной все в порядке, — и все...

Джей Звава сделал вид, что не услышал обращенных к нему слов. Все его внимание поглотил завораживающий вид Финансового квартала, небоскребы которого освещало зарево бушующих внизу пожаров.

— Я увлекаюсь историей, — сказал капитан женщине. — До террористического акта одиннадцатого сентября именно Финансовый квартал был тем местом, где произошла самая кровавая трагедия в истории Нью-Йорка. В июле 1863 года, во время Гражданской войны, агенты конфедератов начали беспорядки, во время которых погибло около двух тысяч ньюйоркцев и еще восемь тысяч получили ранения разной степени тяжести. На остров Говернорс напали, но полиция отбила атаку мятежников.

— Капитан! Как насчет одного телефонного звонка?

— Хорошо, но после того, как вакцина будет у нас.

— Но я ведь помогаю вам, — не унималась Ли Нельсон. — Вы меня попросили, и я пошла вам навстречу. А что случится, если ваши люди не найдут Шепа?

— Тогда ваш телефонный звонок не будет иметь смысла.

К ним подошел адъютант.

— Извините, что отвлекаю вас, сэр. Теперь мы можем подавлять сигналы всех мобильных операторов и готовы обесточить город.

— Выполняйте.

— Есть, сэр.

Адъютант побежал вниз по лестнице.

Ли Нельсон выглядела ошеломленной.

— Вы отключаете электричество?

— Наша задача — удерживать три миллиона человек на острове, — начал объяснять Джей Звава. — Обесточив город, мы дадим нашим термочувствительным датчикам лучший обзор. К тому же, выключив электричество, мы принудим людей сидеть по своим домам.

— Вы спровоцируете панику.

— Доктор! Паника уже началась... пять часов назад.

Они смотрели на город.

Отключение электричества началось с южной оконечности Манхэттена. Кварталы один за другим погружались во тьму. За Бэттери-парком и Финансовым кварталом последовали Чайнатаун и Нижний Ист-Сайд... Трибека... Маленькая Италия... Сохо... Распространяясь на север, темная волна прошла по центральной части, погасив огни Центрального парка. Затем тьма спустилась на Верхний Ист-Сайд и Верхний Вест-Сайд. Весь остров погрузился в бархатистую темень, впрочем, пока не полную: от брошенных на улицах автомобилей еще исходил свет.

Из тьмы послышался крик. Преодолев разделяющее два острова расстояние, он ужасал единодушием: так обычно кричат на американских горках. Только крик этот вылетел из ртов миллионов обреченных на смерть людей, тщетно взывающих во тьму...

Под 158-й улицей

Манхэттенвилль, Манхэттен

22:31

Они спускались во тьму. Патрик и Вирджил. Мужчина, защищенный от чумы вакциной, но страдающий от пустоты в собственном сердце, и старик, ослабленный прожитыми годами, но защищенный от всех напастей верой в свою благородную цель. Чтобы не оступиться и не скатиться вниз по бетонным ступенькам лестницы, они спускались, держась за руки. Единственным источником света был фонарик в руке вооруженного человека. Каждая невидимая ступенька, которой касались их ноги, приближала их к болезни и тьме. Снизу стоял гнилостный запах сточных вод. Мерзкий цокот скребущихся по бетону крысиных лапок наполнял души людей трепетом.

Три лестничных пролета... шесть... восемь... двенадцать... Наконец спуск закончился. Перед ними возник вход в бетонный туннель восьми футов высотой. Никак не меньше, чем на один фут он

был залит подмерзшей жижей сточных вод и грязи. Отпечатки подошв обуви свидетельствовали, что через этот туннель прошла не одна сотня ног.

Вооруженный человек отрывисто приказал им идти дальше. Увязая по щиколотку в грязи, они продолжили путь. Патрик терял терпение. Бывший морской пехотинец всерьез подумывал кончиком изуродованного протеза располосовать вооруженному человеку горло. Словно прочитав его мысли, Вирджил обогнал Шеперда, и теперь шел между ним и незнакомцем.

Преодолев еще сотню ярдов, они вышли с другой стороны сточной трубы на берег реки Гудзон. Снег с дождем закончился, и на небе, не освещенном городской иллюминацией, стали видны звезды.

Патрик смотрел на группки людей на берегу. Подойдя ближе, он понял, что здесь собрались представители двух совершенно разных социальных слоев. Лица представителей элиты в дорогих парках и пальто закрывали высокотехнологичные противогазы и ребризеры; даже на маленьких детях, а таких было немного, красовались детские противогазы уменьшенных размеров. Их слуги, преимущественно иностранцы, донашивали за хозяевами одежду. Ночным морозным воздухом они дышали через респираторы или марлевые маски. На спинах у слуг были небольшие детские рюкзаки, а в руках — набитые вещами огромные чемоданы; некоторые из них вели на поводках хозяйских собак.

Дюжина вооруженных людей в противогазах подвела процессию к небольшому причалу. Глаза всех собравшихся на берегу были устремлены на реку, по которой медленно плыла баржа для перевозки мусора.

Наконец баржа причалила. Патрик узнал эмблему компании. Судно принадлежало семье Лукези, преступному синдикату, базирующемуся в Бруклине. Из рулевой рубки вылезла темнокожая женщина лет сорока. Она была одета в длинное кожаное пальто, сапоги в тон и темные камуфляжные штаны. Тонкую талию перетягивал ремень с кобурой, в которой Патрик заметил «магнум» сорок четвертого калибра.

Женщина направилась к Грэгу Мастрояни по прозвищу Счастливчик, который, как известно, был капо^[43] семьи Лукези.

— Я Шэрон. Помощник сенатора организовал нам помещения на острове Говернорс. Надо спешить. Катер береговой охраны вернется через двадцать минут.

— Пусть садятся, но сначала каждый должен заплатить за проезд.

— Слышали, люди! Деньги, драгоценности, золото... Никто не взойдет на борт без предоплаты.

Хорошо одетый человек лет сорока, обогнав пожилую пару, открыл перед Шэрон свой дипломат.

— Здесь двадцать шесть миллионов в облигациях на предъявителя. Этого более чем достаточно за одиннадцать человек плюс две иностранные студентки.

Темнокожая женщина посветила фонариком на содержимое дипломата.

— Нефтяные компании. Годится. Теперь старик. Вы следующий. Сколько у вас людей?

Вперед вышел сухопарый седовласый старик лет семидесяти-восьмидесяти в отороченном мехом шлеме летчика, за ним ковыляла, опираясь на трость, его жена, а два широкоплечих телохранителя ее поддерживали.

— Со мной восемьдесят или девяносто человек, — сказал старик. — Половину суммы я уже перевел. Другую половину вы получите тогда, когда мы в целости и сохранности доберемся до места назначения. Моей жене недавно сделали операцию на тазобедренном суставе. Проследите, чтобы ее разместили удобно на судне.

— Это вам не «Королева Мария».^[44] Ваша жена и на мусоре посидит. Все там будут сидеть...

В голосе старичка зазвенел убийственный металл.

— Да как вы смеете! Вы не имеете ни малейшего представления, с кем разговариваете!

Вирджил оттащил Патрика в сторону.

— Нам надо идти... сейчас же...

— А как же дети? У меня десять пробирок вакцины. Если я оставлю две для моей семьи, то...

— Спрячь коробку и помалкивай. На своем пути мы еще встретим людей, более достойных спасения.

— А что, если я дам им несколько пробирок, чтобы они доставили их медикам в Нью-Джерси? Доктор Нельсон говорила...

— Раскрой глаза, Патрик. Перед тобой пиявки общества. Они думают лишь о собственном благе и спасении от чумы. Жизнь они прожили в богатстве, свято веря, что весь остальной мир должен подчиняться их воле и служить удовлетворению их капризов. Духовное разложение отвратило их от света, а жадность сделала приспешниками Сатаны. Под этими респираторами скрываются лица людей, которые обворовывали пенсионные фонды на десятки миллионов. Даже сейчас эти люди пытаются за свои несправедливо нажитые богатства купить пропуск с Манхэттена, прекрасно понимая, что тем самым могут распространить заразу по всему миру. Хорошенько рассмотри их, сынок. Это пиявки, не больше.

Патрик наблюдал за седоволосым стариком, который, как полный дурак, снял с лица противогаз, ругаясь с темнокожей женщиной.

— А теперь слушайте меня. Мои предки управляли этой страной, когда ваши бегали в чем мать родила по джунглям. А вы, мой сицилийский друг, пребываете в полнейшем неведении. Кто, по-вашему, организовал эту маленькую эвакуацию? Ваш босс работает на меня. Ваш сенатор, между прочим, тоже, — обратился он уже к негритянке. — Без меня вас бы и на пушечный выстрел не подпустили к этому причалу.

Капо мафии посветил фонариком в лицо старику, затем развернул листок бумаги и сверил данные.

— Блин... лажа... Немедленно пропустить.

— Пусть ваши головорезы помогут моей жене подняться на борт, — приказал старик. — И поживее. Мне нужно как можно скорее попасть на Говернорс. В аэропорту «Ла Гуардия» нас ждет частный реактивный самолет. Через восемь часов я должен быть в Лондоне.

Седовласый остановился, словно спиной почувствовал враждебное присутствие. Медленно он повернул голову и посмотрел на Патрика.

Его глаза светились, словно у кота. Уши заострились, как у летучей мыши. Тонкие губы растянулись, обнажая гнилые острые зубы, покрытые желтоватым налетом. Пальцы вытянулись, превращаясь в когти. Его осанка оставалась стариковской, но теперь в нем чувствовалась внутренняя сила. Он превратился в живой труп, создание ночи, похожее скорее на рептилию, чем на человека.

Вокруг его слуг зароились тучи ос и шершней. Их лица опухли и покрылись кровоточащими укусами. Рты оказались набитыми

стодолларовыми банкнотами.

Седовласый Носферату подобно змее зашипел на Щеперда:

— Тебе чего-нибудь нужно?

Темнокожая Щэрон выглядывала из-за правого плеча вампира. Она обольстительно улыбалась Щепу. Ее кожаное пальто превратилось в пару гигантских крыльев. Вооруженные боевики вокруг нее стали похожи на неандертальцев. Глаза за стеклами противогазов казались противоестественно большими и желтушными.

Вирджил потянул Шепа обратно в толпу, подальше от голодных глаз, горящих злобой, подальше от произносимых шепотом проклятий. Они выбрались оттуда без приключений и направились на юг вдоль берега реки, ступая по припорошенной земле.

Патрик не прикрывал лицо от ветра, желая, чтобы морозный воздух рассеял адские видения, выветрил их из памяти.

— Вакцина... — прошептал он. — Эти галлюцинации кажутся такими реальными.

— Что ты видел?

— Демонов и проклятых. Бездушные мешки плоти.

— А я видел людей, которые не любят Бога и не уважают других людей, — сказал Вирджил. — Даже если они смогут перебраться через реку, свой багаж — хаос и тьму — они возьмут с собой. Они умрут нераскаившимися и после смерти сполна заплатят за свои грехи. Им воздастся за страдания, которые они навлекли на своих соотечественников.

Вирджил и Патрик брели вдоль берега, когда последняя группа богачей взобралась на борт баржи. Свои чемоданы они ставили прямо на кучи мусора и садились на них как на табуреты. Через пару секунд заработали сдвоенные двигатели. Вращающиеся гребные винты плавно отвели баржу от причала и взяли курс на юг к острову Говернорс.

Внезапно Патрик почувствовал необыкновенную тяжесть во всем теле. Казалось, земля притягивала его к себе с двойной силой. Кровь сержанта Щеперда превратилась в жидкий свинец. Его движения были замедлены.словно во сне, он повернул голову налево. Окружающее казалось сюрреалистичным. От страха у него свело низ живота.

Ангел Смерти стоял на берегу и смотрел на плещущиеся волны. Его черное тяжелое одеяние, местами рваное, напоминало гигантские

крылья. От существа пахло столетним тленом, и Патрик чуть было не задохнулся. Мрачный Жнец стоял к нему в профиль. Из-под надвинутого капюшона были видны длинный, тонкий нос и заостренный подбородок. Плоть клочками отставала от костей. Узловатая правая рука существа сжимала держак косы. Лезвие — повернуто вправо. Металл отливал странной зеленью цвета спаржи.

Ангел Смерти смотрел на отчаливающую баржу и... улыбался.

Река Гудзон

Международный аэропорт Джона Кеннеди

22:47

«Жнец» парил в трех тысячах футов над рекой Гудзон. Его видящие во тьме «глаза» пронизывали мрак, жадно высматривая любого, кто осмелится предпринять попытку сбежать из Манхэттена...

В длину аппарат не превышает тридцать шесть футов. Размах крыла — шестьдесят шесть футов. Вес пять тысяч фунтов. «ЭмКью-9 Жнец» относится к классу дистанционно управляемых самодвижущихся аппаратов, дронов, широко используемых для разведки, слежки и рекогносцировки местности. «Жнец» превышает по размерам и мощности «ЭмКью-1 Хищника», поэтому его относят к категории «охотников-убийц». Вооружение «Жнеца»: реактивные снаряды «ЭйДжиЭм-114 Адский огонь», «интеллектуальное» оружие «ДжиБиЮ-12 Мостовая» с лазерным наведением^[45] и всепогодные корректируемые крылатые бомбы «ДжиБиЮ-38».

Два «Жнеца» прибыли в международный аэропорт Кеннеди на борту транспортного самолета «Локхид Си-130 Геркулес» в сопровождении дюжины техников, четырех групп управления полетом, состоящих из двух человек каждая, передвижного трейлера с двумя наземными станциями управления и майором Розмари Лейпли, в прошлом оператора дрона, а ныне командира подразделения.

Для управления беспилотным летательным аппаратом с ударными возможностями необходимо задействовать двух людей: пилот использует в реальном времени изображение, формируемое инфракрасными датчиками, а оператор средств обнаружения следит за работой камер, датчиков и управляет оружием с лазерным наведением. Стажеры майора Лейпли не были ни командос, ни пилотами; это воины будущего, а именно, представители поколения Икс —

непревзойденные компьютерные игроки. Молниеносная реакция делала их отличными кандидатами на роль операторов дистанционно управляемых самодвижущихся аппаратов. Отсутствие летного опыта из недостатка превращалось в достоинство.

Любимчиком и гордостью майора Лейпли был Кайл Хэнли. Впрочем, его биография мало чем отличалась от биографий других ее учеников. В школе Кайл плохо учился и слыл хулиганом. В семнадцать лет его девушка забеременела. Кайл украл машину и, чтобы не сесть в тюрьму, пошел в армию. Через две недели после начала службы парень сбежал в «самоволку», за что попал в военную тюрьму, где продемонстрировал превосходную реакцию, играя в видеоигру «Мир боевого мастерства». Там-то его и заприметила майор Розмари Лейпли.

Кайла определили оператором средств обнаружения на «Жнец-1». Перед ним находилось несколько экранов, на которые передавались данные с камер ночного видения и инфракрасных датчиков. Последние легко могли «увидеть» теплое человеческое тело в холодной воде реки Гудзон. Кайл по шлемофону передавал инструкции пилоту Бренту Фоэлю, толстому, весившему добрые триста фунтов, бегемоту в старой футболке для игры в бейсбол с именем Брайана Доукинса и логотипом клуба «Филадельфия иглз».

— Еще два аквабайка. «Наезжаю» первой камерой. По два пассажира. Снижаемся до трех сотен футов.

— Понял! — ответил Кайлу пилот. — Снижаюсь до трехсот футов. Ложусь на курс один-восемь-ноль. Мы как раз пройдем над ними.

— К бою готов!

— Цели расходятся.

— Я их вижу. Перехват — север-юг.

— Понял! Расстояние — пятьдесят метров. Уменьшаю скорость до сорока узлов. Поджарь их, чувак! Пусть их дождиком намочит!

Град пуль, казавшихся на темном экране летящими вниз белыми звездами, пропорол борт первого аквабайка, убив уроженку Южной Каролины сорокалетнюю Синти Грейс и ее мужа Сэма прежде, чем добрался до их родственников. Вспышка белого света «ослепила» тепловизионный прибор ночного наблюдения Кайла, когда взорвался топливный бак второго аквабайка.

— Еще четырех — в задницу, — воскликнул Кайл.

Оператор средств обнаружения нагнулся и пожал руку своему пилоту.

— Отставить! — приказала майор Лейпли.

Она чувствовала, что ее тошнит. Еще немного и содержимое съеденного пайка окажется на свободе.

— Это вам не монстры из видеоигр и не террористы. Это люди, граждане Америки! — заявила Розмари Лейпли.

— Мы просто по-другому не можем, майор, — сказал Brent Фозль. — Если мы не будем играть, а начнем задумываться, мы не сможем быть вам полезными.

— Мы постараемся больше так не шутить, — склонив голову, пообещал Кайл.

— Этого будет достаточно. Спасибо, — майор взглянула на электронные часы на стене над станцией управления. — Заканчивайте. Сейчас я пришлю ребят сменить вас.

Кайл подождал, пока майор Лейпли выйдет, и недовольно заявил:

— Это вам не монстры из видеоигр... Каково? Не помню, чтобы нашу лицемерку воротило от того, что мы вытворяли в Пакистане с местными...

— Аминь, брат мой. Эдди! Какой счет?

Оператор средств обнаружения «Жнеца-2» Эд Уайт выглянул из-за перегородки своей станции.

— До конца осталось шесть минут, чувак. Мы впереди на четырнадцать трупов.

— Не спеши тратить невыигранные деньги, горячая голова, — сказал Brent.

Он резко набрал высоту и направил «Жнеца-1» на юг вдоль береговой линии.

— Ложись на курс два-семь-ноль. Посмотрим, что происходит возле руин моста Джорджа Вашингтона.

Кайл нагнулся к пилоту и прошептал ему на ухо:

— До одиннадцати вечера эта зона над Гудзоном закрыта для полетов.

— Это ты так говоришь, а мне сказали, что всякий, сбежавший с Манхэттена, может заразить чумой весь остальной мир. Никто и носа не покажет на реке Гарлем еще добрые полчаса, а я не собираюсь проигрывать пари. Мне все равно, кто там будет: парни на весельной

лодке, аквалангист или развеселая компашка шлюх на спасательной шлюпке. Каждый, кто попытается покинуть остров, — труп.

— Точно.

Брент изменил курс полета «Жнеца». Теперь дрон летел на юго-запад, на высоте четырехсот футов над восточной береговой линией Гудзона.

Кайл не отрывал глаз от четырех экранов, расположенных над пультом управления. Когда дрон пролетал над взорванным мостом Джорджа Вашингтона, на радиолокаторе с синтезированной апертурой появился большой «след». Благодаря ультракоротким электромагнитным волнам этот дистанционно зондирующий прибор, легко пронизывая ночь и густую пелену облаков, создает двумерное изображение объекта.

— Дичь, партнер! — крикнул Кайл пилоту. — Один большой «след» от носа и два от волн за кормой. Цель — в трех целых семи десятых километра к югу от моста. Двигается на юг со скоростью двенадцать узлов. Слишком большой след для моторного катера. Опустит дрон до пяти сотен футов. Надо считать показания тепловых датчиков.

Брент навел «Жнеца» на переданные ему координаты и, уменьшив скорость, начал постепенно снижаться.

— Забудь. Это баржа с мусором.

— Баржа с мусором и... людьми! Чувак! Глянь на телевизор! Мы напали на золотиносную жилу!

Эдвард Уайт вылез из-за пульта управления своей станции и присоединился к соперникам.

— Вы играете не по правилам, девочки, — заявил он. — Зона над Гудзоном закрыта для полетов до одиннадцати ночи.

— Не обращай на него внимания, Кайл, — заверил со своего места Брент. — Сколько ты там насчитал трупов?

— Двести двадцать восемь человек, не считая семнадцати собак и нескольких сотен крыс, — проверив показания термосканера, доложил его напарник.

— К оружию, чувак! Настало время поджарить этих паразитов!

Кайл ввел команду на экран своего монитора. Сердце учащенно стучало в груди.

— К бою готов! Два реактивных снаряда «Адский огонь». Всю ночь ждал, когда доведется запустить хоть одну из этих малюток.

— Двадцать секунд. Давай! Устрой им танцы! Врежь как следует! Четыре... три... два...

Кайл ухмыльнулся.

— Пришло время зажечь ночь.

Река Гудзон, Манхэттен

22:54

Не было слышно рокота приближающихся моторов. Ничто не предвещало трагедии.

Ослепляющая вспышка белого, фосфоресцирующего пламени превратила ночь в день. Затем громыхнул оглушающий раскат грома. Чудовищная по силе взрывная волна обрушилась на берег, обдав людей жаром.

Патрик упал на колени и закрыл голову руками. Перед глазами сновали кровавые пятна. В ушах звенело. С неба посыпалась огненная шрапнель. Она с шипением гасла, падая в грязные воды Гудзона. Куски человеческой плоти падали вокруг него на тающий снег. Они были похожи на обгоревшие маршмэллоу,^[46] выуженные из костра. Только когда с неба перестали падать головешки, Патрик осмелился поднять голову и посмотреть на погружающийся в воды реки огненный остров.

Отблеск горячей баржи озарил еще одного зрителя, стоящего на берегу слева от Шеперда. Мрачный Жнец откинул покрытую капюшоном голову назад. Костлявые руки сверхъестественного создания разошлись в стороны. Полы плаща затрепетали, словно крылья. Казалось, Ангел Смерти вдыхал в себя души сожженных заживо людей.

Мрачный Жнец повернул голову. Некогда пустые глазницы черепа теперь заполняли сотни глаз. С позеленевшего лезвия косы капала кровь.

Горло Шеперда стиснула невидимая удавка, все мышцы в теле напряглись.

Порыв пропитанного гарью воздуха остудил мокрую землю. Зигзаг кроваво-красной молнии разорвал бурлящую тьму небес.

Беспмятство овладело Патриком Шепердом, унося его прочь,
прямо в ад...

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.
Перевод со старофранцузского.

17 мая 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

Ангел Смерти ходит среди живых. Он послан Господом нам в наказание. Настал конец дней. В этом нет ни малейшего сомнения. Я собственными глазами видел те чудовищные прегрешения, вынудившие Ангела Смерти ходить среди людей, собирая свою жатву.

О каких чудовищных преступлениях я говорю? Я говорю об убийстве невинных детей, о сожжении тысяч человек на кострах, об истреблении одних людей другими.

Богохульство этого варварства отягчено тем, что никто не раскаивается в содеянном.

То, что я вверяю свои мысли бумаге, не менее опасно для моей жизни, чем ежедневное общение с чумными больными. Впрочем, я не боюсь людей. Лучше уж покаяться и спасти свою бессмертную душу.

История немилостива к евреям. Этот жизнерадостный, но презираемый всеми народ подвергают гонениям и истребляют со времен фараонов. Расцвет и падение Римской империи принесло им еще больше горя. В течение семи столетий, что последовали за гибелью Рима, ненависть к евреям воплотилась в погромах, часто переходящих в бесчинства и кровавую резню. Новоявленные крестоносцы врываются в еврейские поселения посреди глухой ночи, вытаскивая ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей из своих жилищ. Людей заставляют смотреть на казни их близких и родных. Людей заживо сжигают на кострах. Это настолько ужасно, что некоторые евреи предпочитают собственноручно убивать своих жен и детей, чтобы не видеть

звериный страх на их лицах от знания того, что их ждет впереди.

Не имея права свободного проезда и покупки земли, евреи обратились к ростовщичеству — занятию, которым, согласно церковному праву, не должно заниматься доброму христианину. Высокие проценты за даваемые займы деньги умножили ненависть к евреям, поэтому им пришлось искать защиты у королей, епископов и городских советов. Во Франции эта ненависть вылилась в знаменитый Суд над Талмудом, который состоялся в Париже в 1240 году.^[47] В 1306 году евреев изгнали из страны.^[48] После Великого голода, что предшествовал приходу чумы, по стране прокатилась волна погромов.

Весной 1320 года на юго-западе Франции, в районе реки Гаронны, возникло движение Pastoureaux.^[49] Отчаяние порождает страх, страх перерастает в ненависть. Евреи стали легкой добычей для банд «пастушков». Привлекая в свои ряды все больше крестьян, погромщики пошли на Тулузу и убивали на своем пути всех евреев. Когда лидеров мятежников пленили, монахи отпустили их на волю, объявив во всеуслышание, что пленники спаслись благодаря Божьему промыслу.^[50]

Волна убийств распространялась, словно мор. Когда мятежу Pastoureaux пришел конец, более сотни еврейских общин на юге Франции, в Испании и Каталонии были разорены; погибло более ста тысяч ни в чем неповинных людей.

Хотя возжаків Pastoureaux обезвредили, неурожай и все усиливающийся голод породил в душах людей всепоглощающую ненависть к тем, кто был достаточно богат, чтобы выжить. В 1321 году начали распространяться слухи о заговоре против короля. Рассказывали, что прокаженные, желая вызвать бунты, отравляют колодцы на юге Франции. Эти слухи дошли до Филиппа V. Их величество приказал провести повсеместные аресты. Тех прокаженных, кто сознавались сразу, сжигали на костре. Если же арестованный упорствовал, утверждая, что невиновен, его пытали, пока он не сознается, а потом сжигали.

Разумеется, состояние общин прокаженных досталось короне.

Богатства прокаженных делали их уязвимыми перед человеческой завистью, то же можно сказать и о евреях. Иногда обвинения выдвигались и против мусульман.

На Страстной неделе поползли слухи об отравителях-евреях. Волна убийств вспыхнула с новой силой. В Тулоне сожгли сто шестьдесят евреев. В Витри-ле-Франсуа сорок человек перерезали себе горло, чтобы не попасть в руки религиозных фанатиков.

26 апреля на небе люди наблюдали явление, предопределившее судьбу оставшихся в живых евреев — на протяжении четырех часов солнце казалось залитым кровью. (Редакторское примечание. Солнечное затмение.) Поверив, что Судный день близко и в этом повинны евреи, люди занялись погромами. Всех евреев Франции либо перебили, либо посадили в тюрьму.

Во время Великого голода я был молод и работал на ферме отца в Лангедоке. Еврейские погромы вызывали в моей душе отвращение, но я делал вид, что ничего не происходит. А что я мог сделать? Только благодарить Всевышнего, что не родился евреем.

Судьбой мне было предопределено стать свидетелем того, как одна молодая женщина благородного по виду происхождения упала с лошади. Она получила серьезные ранения и сломала левую ногу. Я сумел остановить кровотечение и забинтовать сломанную ногу так, что она правильно срослась. Через несколько месяцев ко мне приехал ее отец, который оказался евреем-ростовщиком. В благодарность за спасение ноги, а возможно, и жизни его дочери он предложил оплатить мою учебу на врача. Я поступил в Болонский университет и стал изучать анатомию и хирургию. Этот благородный поступок навсегда изменил мою жизнь. С тех пор я не могу безучастно смотреть на притеснения евреев и других изгоев.

Что ж, вернемся к чуме.

Меня несколько не удивило, что винить в «черной смерти» стали евреев. Это было одной из причин, почему я отдал столько сил поискам лекарства от этой болезни: я не сомневался в таком повороте событий.

Впрочем, на этот раз свирепость еврейских погромов ужасала.

Как и ранее, первое избиение имело место на Страстной неделе. В ночь на Вербное воскресенье, 13 апреля, христиане Тулона совершили нападение на еврейский квартал. Людей вытаскивали на улицы и убивали прямо на месте. Дома грабили, выносили все самое ценное, прежде всего деньги, а затем поджигали. Тела убитых без одежды потом волокли по улицам города.

От Тулона погромы распространялись быстрее чумы. Огонь выжигал целые еврейские деревни. В некоторых случаях христиане предлагали спасти маленьких детей, крестив их, но матери отказывались идти против своей веры и, прижимая детей к груди, шли на костер.

На Пасху распространился слух, что евреи распространяют чуму, отравляя колодцы и родники. Хотя эти обвинения против евреев были похожи на те, что выдвигались против прокаженных в 1321 году, люди в них с легкостью поверили, особенно после того, как в Шильонском замке, в Швейцарии, у нескольких евреев под пытками вырвали признание в том, что местный хирург-еврей и его мать изготавливали чумной яд.

Пока я пишу эти строки, страшное зло творится по всей Европе. Обвиняя в чумном море евреев, чернь льет воду на мельницу Сатаны. Вместо покаяния в своих грехах люди думают, что их деревню можно спасти, если истребить в ней всех иудеев. То, что и евреи умирают от чумы, никак не разубеждает этих фанатиков. Особенно стараются те, кто ходит в должниках у ростовщиков-евреев.

Три сотни иудеев были убиты на прошлой неделе в Тарреге, еще несколько дюжин в Барселоне. Каждый день выдумывают новые пытки и казни. Последней выдумкой погромщиков стал терновый венец, который надевают на голову еврея. Затем его бьют по голове дубинкой, вгоняя шипы в тело, пока бедолага не умирает.

Моровое поветрие стало не только оргией смерти. Оно превратилось в вакханалию аморальности. Наши страхи и ненависть вынесли на поверхность отвратительные черты

характера человека. Моя душа истекает кровью из-за деяний моих соотечественников. Я говорил с Климентом VI. После этого папа подписал буллу, сообщающую о том, что евреи не повинны в распространении эпидемии, ибо чума не щадит ни христиан, ни евреев.

Но убийства не прекращаются.

А тем временем Климент VI вместе с кардиналом Колонна покинули папский дворец в Авиньоне и перебрались в Этуаль-сюр-Рон. Перед отъездом он пообещал, что прикажет и впредь разводить в жаровнях огонь.

Я отказался от предложения папы последовать за ним. Я — главный хирург, и мое место в Авиньоне. Впрочем, у меня была еще одна причина отказаться от предложения папы: кажется, я заболел.

Гвидо

Круг четвертый

Алчность

Кто недостойно тратил и копил,
Лишен блаженств и занят этой бучей;
Ее и без меня ты оценил.

Ты видишь, сын, какой обман летучий
Даяния Фортуны, род земной
Исполнившие ненависти жгучей:

Все золото, что блещет под луной
Иль было встарь, из этих теней бедных
Не успокоило бы ни одной.

Данте Алигьери. Ад

20 декабря

Берег реки Гудзон

Северный Манхэттен

23:04

8 часов 59 минут до предсказанного конца света

Патрик Шеперд открыл глаза.

Дождь со снегом закончился. Тучи над головой рассеялись, и мужчина увидел звезды.

— С тобой все в порядке, сынок? Ты потерял сознание. Патрик взглянул на Вирджила, стоящего возле него на коленях.

— А что произошло?

— Баржу взорвали, — объяснил старик. — Думаю, это был управляемый снаряд. Тебя контузило взрывной волной.

— А все те люди на барже...

— Они умерли так же, как и жили, думая только о себе.

К Шепу вернулась память.

— Вирджил! Я видел его! Он стоял на берегу за секунду до взрыва.

— Кто стоял?

— Ангел Смерти. Мрачный Жнец. Он следует за мной после падения вертолета!

— Успокойся.

— Это не из-за вакцины, Вирджил! Я не страдаю галлюцинациями! Ты должен мне поверить.

— Я верю тебе.

Патрик увидел выражение глаз старика.

— Ты его тоже видел? — спросил он.

— Не в этот раз... Души грешников взывают к нему. Послушай, мы должны торопиться, если хотим найти твою семью. Ты можешь идти?

Патрик поднялся на ноги и почувствовал легкое головокружение. Он не помнил, когда ел в последний раз. Шеп с трудом мог припомнить, как его зовут. Он оглянулся, не зная, куда идти.

На берегу повсюду валялись тлеющие обломки и человеческие останки. Тела обгорели до неузнаваемости. То тут, то там Шеп видел оторванные руки и ноги, головы и не поддающиеся идентификации части тел.

На юге горизонт Манхэттена тонул во тьме. Черные громадины небоскребов устремлялись вверх, словно далекая горная цепь. На востоке небо озаряли спорадические вспышки оранжевого света. Рельеф местности не позволял спутникам разглядеть источник этого свечения. Дорога обратно в город шла вверх по крутому склону, а затем по въезду на эстакаду автострады. Уставшее тело Патрика вряд ли справилось бы с такими физическими нагрузками.

— Вирджил! Я не думаю, что у меня хватит сил еще раз взбираться наверх.

— Я знаю другую дорогу, — сказал старик, протягивая товарищу полированную деревянную коробочку. — Не забудь ее. Помни, что ты нужен своей семье.

Взяв Патрика под локоть правой руки, старик повел его обратно, по направлению к парковой автостраде Генри Гудзона, по узкой асфальтированной дорожке, которая пересекалась с Риверсайд-драйв.

Чайнатаун

23:09

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум...

Равномерные удары безжалостно выталкивали ее из черноты забвения. Звуки привлекали ее, словно рыбу извивающийся на крючке червяк.

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум...

«Какая досада... Дайте мне поспать...»

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум...

Гави Кантор открыла глаза. Девочка горела в бреду.

Лампочка без абажура. Непокрытый простыней матрас. Тяжелый запах спермы. Бессвязная человеческая речь.

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум...

Глазами удивленного котенка Гави смотрела на пакет для внутривенного вливания, покачивающийся высоко над ее головой. Расширенные зрачки медленно проследили за пластиковой трубкой, которая, извиваясь, спускалась вниз к ее руке. Одурманенный наркотиками разум с трудом мог отделить кошмар от действительности. Наконец ей это удалось. Гави застонала.

— Помогите... Кто-нибудь... пожалуйста...

Звук отдавался эхом в ее сознании, пустом и исковерканном. Девочка попыталась приподняться, но обнаружила, что ее руки и ноги привязаны к кровати ремнями.

Бред разбился на куски.

Кровь отхлынула от ее головы, и изо рта девочки вылетел истощенный, преисполненный животного ужаса вопль:

— Боже!.. Боже мой!.. Помогите!.. Спасите!..

Девочка кричала и билась в истерике, пока над ней не склонилась голова ее похитительницы.

Мексиканке было за пятьдесят. Жировые отложения на ее толстых руках дрожали, когда она с холодным равнодушием впрыснула какое-то вещество в пакет для внутривенного вливания и поправила пластиковую трубку капельницы.

— Спи, кралечка. Мы скоро тобой займемся.

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум...

Гигантская стиральная машина вдруг стихла... Тринадцатилетняя девочка погрузилась во тьму беспомощности...

Остров Говернорс, Нью-Йорк

23:17

Вертолет «ЭмЭйч-60Джи Пэйв Хок» высоко летел над Нью-Йоркской гаванью. Пилот выбрал кружной маршрут из Нью-Джерси, огибая закрытую для полетов зону над Гудзоном. Боевой вертолет средней грузоподъемности был вооружен двумя установленными

вдоль боковых иллюминаторов пулеметами системы «ДжиЭйЮ-2Би» и двумя пулеметами пятидесятого калибра, размещенными внутри боевого отделения за двумя скользящими дверьми. Первый и второй пилоты вместе с бортинженером сидели в кабине. В боевом отделении, кроме восьми вооруженных до зубов рейнджеров в черном, находился уставший и немного испуганный медик-резервист.

Дэвид Кантор чувствовал себя в роли футболиста, который ударил из положения вне игры и теперь стоит перед неумолимым судьей на линии. Когда вертолет, сделав резкий поворот, пошел на посадку, все внутри него сжалось. Приземление было жестким. Дэвида сильно тряхнуло. Рейнджеры с педантичной дотошностью проверили свое снаряжение и выскочили из вертолета прежде, чем смолкли двигатели.

Оставшись один в боевом отделении, Дэвид Кантор зажмурился, пытаясь собраться с мыслями.

«Зачем я здесь? Какой в этом может быть смысл?»

Выпрямив затекшие ноги, он спрыгнул из вертолета на заснеженную траву.

Полицейский возле джипа махнул ему рукой.

— Капитан Кантор! Садитесь, пожалуйста, в машину.

Дэвид залез в джип и схватился руками за край сиденья. Машина сорвалась с места и затряслась по заснеженному полю. Переехав ров без воды по узкому деревянному мосту, группа военных оказалась в старом фортификационном укреплении.

Древнее по американским меркам четырехугольное строение форта Джей превратилось в ультрасовременный командный пункт. От стоящих на территории старого укрепления рядов генераторов тянулось нескончаемое сплетение толстых кабелей. По ним ток подавался к пультам управления портативных вычислительных машин и тарелкам спутниковых антенн.

Дэвида провели в одну из четырех кирпичных казарм. Помещение освещалось переносными светильниками и обогревалось портативными печами на керосине в качестве топлива. В центре барака на столе для игры в пинг-понг лежала большая, семь на десять футов, карта Манхэттена.

Командовал здесь широкоплечий офицер в оранжевом скафандре. Его мощная грудь едва помещалась в ткань защитного комбинезона.

Когда Дэвид зашел, офицер орал по телефону:

— Нет. Слушай меня! Для карантина четвертого уровня биологической угрозы нет и не может быть никаких исключений. Мне наплевать, о чем там договорился сенатор, — его лицо побагровело. — А мне наплевать! Хоть король Сиама! Исключений не будет. Предупреждаю, если ты хоть раз еще посмеешь доставать меня своими звонками, я лично прилечу в Вашингтон, засуну тебя и твоего сенатора в вертолет «Апач» и выброшу прямехонько на Таймс-сквэр посреди Манхэттена. Понятно, слизняк?!

Командующий офицер лязгнул трубкой телефона по аппарату.

— Козел, — добавил он.

— Разрешите обратиться, сэр, — несмело подал голос военный полицейский. — По вашему приказанию я доставил капитана Кантора.

Начальник посмотрел на военного.

— Кого?

— Дэвида Кантора, сэр. Мы доставили его по воздуху из Нью-Джерси. Пациент доктора Нельсон...

— Врач... Точно. Извините, — офицер перевел взгляд на Дэвида и представился. — Джей Звава! Добро пожаловать в чистилище. Полковник Гамильтон ознакомил вас с сутью дела?

— Нет. Он только сказал, что это будет особо важная миссия.

— Ну, если спасение жизни нашего президента, не говоря уже о сотнях иностранных дипломатов, можно назвать «важной миссией», то да. О предотвращении всемирной пандемии этой заразы я умолчу, — отпустив военного, Джей Звава протянул Дэвиду папку с личным делом. — Человек, которого мы ищем, умудрился стащить единственное известное нам лекарство от биологического оружия, заразившего добрую половину жителей Манхэттена. По последним подсчетам количество умерших перевалило за четыреста тысяч человек. Так совпало, что наиболее разыскиваемый в стране беглец, — ваш друг.

Дэвид раскрыл папку и взглянул на фотографию трехлетней давности, сделанную в «зеленой зоне» американского контрольного пункта системы безопасности.

— Шеп! Вы ищете Шепа?

Капитан Звава подал рукой сигнал другому военному полицейскому, который подвел к ним низкорослую брюнетку в армейской парке, висевшей на ней мешком.

— Доктор Ли Нельсон. Доктор Дэвид Кантор, — представил он друг другу врачей. — Расскажите капитану о вашем больном.

— Семь часов назад, — начала женщина, — военные проводили излишне... жесткую операцию в ветеранском госпитале на Манхэттене. Патрик, забрав небольшую деревянную коробку с вакциной против чумы, сбежал на вертолете «медэвака». Вертолет сделал вынужденную посадку в парке Инвуд-Хилл. Я склонна считать, что сейчас он движется по Манхэттену на юг к Бэттери-парку.

— Откуда такая уверенность? Почему именно к Бэттери-парку?

— Из-за жены и дочери.

Дэвид закрыл папку и положил ее на стол. В голове царила полная сумятица.

— Это Шеп сказал вам, что его семья живет в этом районе?

— Нет. Я нашла их сегодня утром.

— Мы посылаем группу захвата, капитан, — объяснил Джей Звава. — Только мы не можем рисковать. Если ваш приятель выйдет из себя и уничтожит вакцину... Кантор! Вы меня слушаете?

Дэвид с усталым видом глянул на офицера.

— Вы хотите, чтобы я летел с вашей группой захвата? — спросил он.

— В самую точку.

— А что если его семьи нет на Манхэттене? Может, они успели уехать?

— Главное, что он верит в то, что его жена и дочь в Бэттери-парке. На этом построен весь наш план. Мы знаем, что сегодня он уже пытался связаться с ними. Ваш друг нам не нужен. Нам нужна вакцина.

Дэвид Кантор обошел стол и, встав у южной части карты, взглянул на Бэттери-парк.

«Оттуда рукой подать до школы Гави. Всего пару миль. Не выдай своего волнения. Покажи твердость».

— Одно условие... Я сыт по горло вашими передислокациями, заданиями и затыканием мною дыр. Мне сейчас же нужны полностью оформленные документы о том, что я снят с военного учета. Только при таком условии я полечу...

— Согласен... Доктор Нельсон! Будьте добры, принесите, пожалуйста, из столовой пару сэндвичей для нашего друга. Сейчас мы

подберем ему бронежилет по размеру.

Финансовый квартал, Манхэттен

23:22

Первым проявлением болезни была усиливающаяся головная боль. Затем перед глазами плыли красные пятнышки. Человека знобило, потом бросало в жар. Воспаление лимфатических узлов снимало все сомнения. Красноватые припухлости размером с двадцатипятицентovou монету выростали на шее или под мышками. Иногда они появлялись в паху. Через два часа припухлости приобретали темно-красный оттенок, набухая кровью и гноем. Жар усиливался, переходя в лихорадку. Глаза казались невидящими, словно остекленевшими. Больные обильно потели. От них отвратительно пахло. Их лица приобретали смертельно-бледный цвет. Когда бубоны увеличивались до размера головки репчатого лука, они чернели, созревали и прорывались, отравляя кровь «черной смертью».

К горлу подкатывала тошнота. Не справившись с очередным спазмом, больной извергал из себя остатки последнего съеденного обеда вперемешку с кровью. Зубы и губы покрывались запекшейся кровью, но больной не обращал на это ни малейшего внимания. Все его тело болело. Боль, казалось, проникала в самые его кости. Мышцы ныли. Внутренние органы отказывали... Через четыре часа с момента заражения смерть казалась желанной избавительницей от страданий...

Ноги немели, затем леденели. Холод медленно полз вверх, пока не достигал паха. Сфинктер разжимался. Кишки выпускались наружу, лишая жертву остатков человеческого достоинства. Последний вздох сопровождался ужасным приступом боли. Холодная рука смерти сжимала сердце.

Душа покидала тело. Она неслась вверх по ярко освещенному, приятно теплomu, успокаивающему всякую боль туннелю...

Чума тоже покидала мертвое тело. Ее ДНК побуждала бактерии искать следующую жертву. Это было просто. К заражению приводили прикосновение потного тела, произвольное чихание или кашель больного, вдыхание вредоносных бактерий, окровавленное полотенце, брошенное в гараже. Убитые горем родные и близкие не заботились о своей безопасности. Полная изоляция в многоквартирных высотных домах была просто невозможна.

Ужас и безысходность сложившегося положения усугублялись еще и тем, что после смерти члена семьи оставшиеся в живых понимали, что должны спешно избавиться от источника убийственной заразы.

Стенной шкаф? Зловоние проникало во все уголки квартиры. Общий коридор? А что скажут соседи?

«Коса» превратила Манхэттен в «Титаник» без спасательных шлюпок. Надежды на чудо не оставалось. Действительность была грубой до безобразия. Смерть неотступно приближалась, и не было от нее спасения.

Шелби Моррисон сидела на полу гостиной и допивала четвертую бутылку пива. Ароматическая свеча горела на кофейном столике. Дядя ее подруги сидел у окна. Рич Гудман преподавал в средней школе химию. Его жена Лори находилась сейчас в спальне вместе с двумя маленькими детьми.

Джейми Рамсон лежала в комнате для гостей. Позывы к тошноте сменялись у нее стонами.

Рич Гудман не сомневался, что его племянница умирает. Вопрос, который горел ярким факелом в голове дяди, заключался в том: сколько членов его семьи она возьмет с собой в могилу?

Ответ мог быть: всех... если, конечно, он не будет действовать расчетливо и решительно. Дилемма была непростой. На что можно решиться ради выживания?

«Моя душа за жизнь моих близких. Не мешкай. Сейчас не до самокопаний. Сперва подругу Джейми, а потом...»

Рич Гудман взял бронзовый канделябр, задул свечу и обрушил его на затылок Шелби Моррисон. Раздался треск проломленной черепной коробки тринадцатилетней девочки, которая сначала ударилась лбом об угол кофейного столика, а затем повалилась на пол. Темная кровь, похожая на кленовый сироп, который часто подают с оладьями, расплылась по линолеуму. В затылке образовалось отверстие, из которого, словно из дыхала кита, фонтанировала кровь. Струя обдала свитер и левую щеку Гудмана.

Мужчина снял с себя свитер и вымыл лицо водой с жидкостью для мытья посуды. Переступив через труп девочки, он подошел к кухонному окну. Полторы минуты ушло на то, чтобы открыть двойную щеколду. Кипя от ярости, Рич Гудман обеими руками вытаскивал

шпингалеты из пазов. Наконец он распахнул покрытое морозными узорами окно настежь.

Ледяной ветер загулял по квартире, задувая свечи.

Гудман поднял тело девочки с пола. Повсюду капала кровь. Мужчина подбросил труп в воздух и перекинул его головой вперед через подоконник. Теперь половина тела свешивалась вниз, а половина оставалась в комнате. Схватив тело за лодыжки, Гудман приподнял его и выбросил из окна.

Тело пролетело десять этажей со скоростью тридцать два фута в секунду и с глухим ударом упало на асфальт.

Мужчина попятился от окна. Его била мелкая дрожь, хотя Гудман отметил, что ощущает какое-то странное чувство удовлетворения. Туфли чмокали по залитому кровью полу, а в уме преступника созревал дальнейший план действий.

«Сначала смыть кровь! Нет... нет... Руки помою, когда выброшу Джейми... Потом помою, полью белизной и дезинфицирую. Перчатки... Мне нужны перчатки и респиратор...»

Выкинув хлам из-под кухонной раковины, мужчина нашел пару резиновых перчаток и респиратор, который он надевал на себя шесть лет назад во время ремонта на кухне. Гудман надел перчатки и полил их белизной, стараясь не замечать подступающей к горлу тошноты.

У мужчины начался жар.

Вашингтон-Хайтс, Манхэттен

00:03

Они молча шли по Риверсайд-драйв миля за милей. Ветер приносил с востока одинокие крики и предсмертные вопли.

Какофония человеческих страданий действовала на расшатанные нервы Патрика. Обрывки воспоминаний проносились в его голове. Образы прошлого соединялись, сильные эмоции наполняли его душу.

Бесконечная муштра в форте Драм... Сплошная пытка... Пылающая, словно сера, ненависть...

Выброска... Транспортный самолет... Жар кувейтской пустыни... Их поделили на десятки, словно овец...

Первая ночь... Внезапные порывы ветра... Сирены воздушной тревоги... Неудобный противогаз... Еще две тревоги... Без сна... Без еды... Мало воды... Бронежилет, противогаз и стоградусная жара...

Идти в бой, словно париться в сауне... Чувство неловкости, когда теряешь сознание... Санитары, стягивающие с тебя бронезилет...

Багдад... Свист пуль из АК-47... Они ложатся совсем-совсем близко... Добро пожаловать на представление, новобранец!..
Оглушающий шум разрывающихся
стоятидесятипятимиллиметровых снарядов... В ушах звенит... В носу вонь горячей нефти и белого люминофора.

Кровь хлещет из раны товарища. Он умирает, пока ты перевязываешь бинтом простреленную навывлет грудь... Мать, прижимающая к груди младенца с оторванной рукой... Муж у трупа жены... Ребенок у безжизненного тела матери... Политики ни за что не позволят, чтобы их избиратели увидели все это. Неприкрытая правда о войне вызвала бы массовые акции протеста борцов за мир...

Для новобранца война — это ненависть и сомнения, патриотизм и невысказанные вопросы...

Дом остался на другой стороне земного шара... Поле боя — это островок одиночества, страха и полной сумятицы... Где кончается правда и начинается кривда?.. Моральный выбор приходится делать чуть ли не ежеминутно... Постепенно правила упрощаются: главное — остаться в живых и вернуться домой...

Чтобы выжить, надо убивать...

Деревня на берегу Евфрата... Большинство крестьян никогда прежде не видели ни одного живого американца... Мужчина и его сын бегут к тебе... Их намерения столь же непонятны, как фарси, на котором они что-то выкрикивают... Он машет им руками, призывая остановиться, но отец и сын продолжают бежать. Он кричит что-то на своем чудовищном фарси, но иракцы его, кажется, не понимают. Расстояние между ними сокращается. С каждой секундой опасность оказаться рядом со спрятанной на их теле взрывчаткой (если, конечно, это смертники) возрастает. Иракцы вбегают в зону поражения.

Из его винтовки вылетает кусочек раскаленного свинца. Отец падает, как подкошенный.

Десятилетний мальчик опускается на колени возле мертвого отца, не веря в реальность происходящего. Красное пятно медленно расплывается на одежде убитого. В порыве ненависти мальчик вскакивает и продолжает бежать к завоевателю, который только

что застрелил его отца. Не погибли ли другие члены его семьи? Кто знает? Зачем он бежит? Кто знает? Возможно, он и сам не понимает этого.

Жизнь рождается и умирает за долю секунды. Поведение мальчика представляет угрозу. Правила выживания довольно просты.

Патрик стреляет в мальчика. Теперь сын воссоединился со своим отцом...

Время проходит в бесцельном, полуживотном существовании. Щеп чувствует, как превращается в тень человека. Такие, как он, составляют крошечные винтики огромной машины под названием «армия». У таких, как Щеп, никогда не берут интервью. Их показывают на экранах телевизоров, но никогда не дают им права голоса... День сменяется ночью, а ночь днем... Приятные сны и мечты о лучшей жизни сменяются кошмарами во сне и наяву. Душа черствеет. Разум занят только мыслями о том, как бы не погибнуть. Впрочем, от солдата только этого и ждут... Собственная воля побеждена. Воспоминания сглаживаются. Он забывает лицо своей жены, забывает ребенка, которого никогда больше не будет укачивать на руках...

Смена обстановки. Срок истек... Две недели ускоренной акклиматизации, во время которой он притворяется, что стал прежним Патриком Щепердом и... обратно в Бостон...

Только на этот раз он один.

Дом поражает его своей пустотой. В нем ужасно холодно. Жена и дочь давно там не живут... Прощальной записки нет, но история стара как мир. Посеявший горе должен сполна его испытать...

Действительность распадается на фантазмагорические осколки. Боль режет ему сердце. Где-то улыбаются сто тысяч мертвых иракцев, понимая, что его страдания только начинаются.

Он много пьет... Приходят старые друзья, но Патрик Щеперд, которого они прежде знали, давно мертв... Звонят из «Ред сокс», но образ застреленного девятилетнего мальчика не дает Щепу покоя... Он продает дом и переезжает в беспокойный район города. Главное, чтобы его оставили в покое...

Через восемь месяцев Дядюшка Сэм его находит. Добро пожаловать обратно в ад!

— Патрик! Открой глаза. Посмотри на меня. Ты меня слышишь?

— Вирджил...

— Ты впал в ступор. У тебя опять галлюцинации?

Горячие слезы потекли из глаз ветерана.

— Патрик...

— Я не могу... извини... просто... пойдём...

— Сынок! Ты не сможешь убежать от того, что обитает в твоей голове.

— Лучше не будем об этом, — попросил Патрик. — Не надо заикливаться на моих проблемах... Просто давай уйдём отсюда поскорее.

— В том-то и дело, — вздохнул Вирджил. — Ты не смог уйти от себя. Это твоей семье пришлось уйти от тебя.

Не обращая внимания на слова старика, Шеп зашагал по Риверсайд-драйв.

— Перестань строить из себя жертву, — не унимался Вирджил. — Те, кто хотят быть жертвами, похожи на дождевых червей. Они безрадостно проводят свою жизнь под камнями, во тьме, думая, что так проще жить.

— Возможно, я заслужил жить во тьме.

— Слова настоящей жертвы.

— Оставь меня в покое... психиатр...

— Если ты на самом деле этого хочешь, мы можем разойтись в разные стороны прямо сейчас. Твоя любимая думает, что в тебе есть много хорошего. Ты рано похоронил себя заживо. Или она не права?

Слова психиатра произвели на Патрика должное впечатление.

— Она вправду это сказала?

— Да. И только поэтому я сейчас здесь, рядом с тобой.

Шеп повернул голову и посмотрел на старика. На глаза навернулись слезы.

— Я убил ребенка. Он оказался близко от меня, не дальше, чем ты, и я выстрелил. А до этого я застрелил его отца.

Мужчина вытер нос.

— Я не жертва. Я убийца. Как можно очистить свою душу от такого?

— Первым делом надо брать на себя ответственность за свои поступки, — сказал Вирджил.

— Ты что, глухой, старик? Ты что, не слышал того, что я тебе только что сказал?

— Да. Я слышал твое признание, — ответил психиатр. — Что ж... Чувство вины и ненависть к самому себе не помогут тебе, сынок. Если ты и впрямь хочешь измениться... если ты хочешь вернуть свет в свою жизнь, то тебе следует начать брать на себя ответственность за свои поступки.

— И каким же образом? Я что, буду всю оставшуюся жизнь только тем и заниматься, что каяться в совершенных мною преступлениях? Или беседы с психиатром мне помогут?

— Нет. Брать на себя ответственность за свои поступки означает не заниматься самобичеванием, а перестать быть игрушкой в чужих руках. Стань хозяином своей судьбы. Оказывай благотворное влияние на жизнь других людей. Внутри тебя кроется способность давать, делиться, любить, заботиться и быть щедрым и великодушным. Что бы ты не совершил в прошлом, в тебе есть потенциал к хорошему.

— Тебе просто меня не понять, — упорствовал Патрик. — Я пошел в армию, чтобы бороться за справедливость. Я пожертвовал всем — семьей, карьерой, славой, богатством — ради защиты нашей страны от врага!

— Праведный человек, попавший в хаос окружающего его греха, сам начинает совершать несправедливые дела.

— Точно.

— Тебе надо построить ковчег.

— Да... Что? К чему тут ковчег? — не понял Патрик.

— Ты ведь знаешь библейскую историю о Ное? Ной был праведным человеком, рожденным во времена великого духовного падения. Ему было непросто жить на свете, приходилось бороться с непониманием других людей и внутренними терзаниями, которые разрывали его сердце. Подобно тебе, Ной был далеко не святым, но ему довелось жить в мире, настолько изъеденном проказой алчности, что он выгодно выделялся на фоне полного упадка. Книга Бытия называет этих жадных людей нефилимами — исполинами, падшими ангелами, людьми славы. Не надо трактовать слова Библии буквально. Для простых людей эти нефилимы были исполинами не в прямом, а в переносном смысле слова. Они имели огромную власть над своими соотечественниками. В современном мире нефилимами можно считать могущественных брокеров, которые коррупцией разрушили Уолл-стрит и Вашингтон, используя страх и войну ради наживы. Нефилимы

считали себя выше других людей. Их отличали заносчивость и патологическая тяга к ничем не ограниченной власти. Под их влиянием люди становились все более ущербными душой. Мир стал мрачным местом, лишенным божественного света. Тогда Господь нашел лучшего из людей и предупредил его о грядущем потопе в случае, если ничто не изменится. Ной попытался предупредить людей, но они оставались глухи к его словам. Тогда Создатель приказал ему построить ковчег, на котором он сможет спасти свою семью и после потопа вновь заселить землю. Новые люди должны были искать самоусовершенствования в Божьем свете и почитать друг друга.

— Интересная история, — сказал Патрик, — и очень профессионально передана, но это же смешно: животные, которых собирают парами... потоп, покрывший водой всю землю... Я никогда не воспринимал библейские рассказы буквально.

— А их и не стоит воспринимать буквально. В Ветхом Завете зашифрована древняя мудрость. В каждой фразе на арамейском языке таится сокровенная тайна человеческого существования, познав которую, можно приблизиться к божественному свету, победить изначальный хаос.

— Что-то я раньше об этом не слышал, — сказал Шеперд.

— Большую часть последних четырех тысячелетий человеческой истории она была скрыта от людей, но сейчас, когда коней дней близок, это знание стало доступно каждому.

— А в чем скрытый смысл библейского рассказа о Ное?

— Ну... об этом можно дискутировать не одну неделю, поэтому я буду говорить как можно понятнее. Согласно сокрытому знанию, любой человек, который входит в нашу жизнь, может поспособствовать нашему духовному росту, спасению и самоусовершенствованию. Создатель приказал Ною построить ковчег, и тот выполнил волю Бога, втайне желая отомстить всем тем, кто всю жизнь плохо поступал с ним. Ной не стал просить у Господа дозволения спасти еще кого-нибудь, кроме его семьи. Строительство ковчега было испытанием, ниспосланным Ною Богом, и патриарх не прошел его. Он смирился с уничтожением человечества и не попытался спасти павших, предоставив им шанс покаяться и исправиться. История Ноя имеет два измерения. В физическом мире это катаклизм, почти полностью истребивший человечество. В

духовном плане восшествие Ноя на ковчег представляет собой проникновение горнего света в наш физический мир. Сила добра уничтожила силу зла.

— Бог истребил зло. Понятно...

— Нет, Патрик. Создатель никого и ничего не истребляет. Свет Господа может творить только добро. Плохие последствия определяются не Богом, а теми людьми, которые воспринимают его свет. Божественный свет похож на электричество. Одни люди умеют правильно подключать приборы, добываясь добра и самореализации, другие прикасаются мокрыми руками к штепсельной вилке и получают сильный электрический разряд. Как бы то ни было, природа света всегда одинакова. Когда Ной взошел на ковчег, горний свет уничтожил порок, который запятнал этот мир. Только те, кто не был равнодушен и пытался самосовершенствоваться, избежали гибели. Все те, кто наслаждался своими пороками, утонули.

— А что стало с самим Ноем? — спросил Патрик.

— Он умер грешником.

— Подожди... Ты только что сказал...

— Ковчег построили, и Ной со своей семьей укрылись на нем, когда Ангел Смерти пришел покарать человечество. Наводнение длилось двенадцать месяцев. Этого времени должно было хватить, чтобы души Ноя и его близких очистились, в то время как души грешников направились в геенну огненную. Но Ной совершил ошибку. Ту же самую ошибку, которую в свое время совершил Адам. Фруктом, который на самом деле соблазнил Адама, было не яблоко, а виноград, вернее вино, получаемое из плодов виноградной лозы. Вино может загубить человеческую душу, низводя ее на такие уровни подсознания, куда не проникает Божий свет. Воды потопа схлынули, и Ной поддался искушению и выпил вина, желая достичь иных уровней сознания. Когда его сын Хам, будущий отец земли Ханаанской, застал Ноя пьяным и голым, то кастрировал его. За это Ной проклял землю Ханаанскую.

— Пожалуй, это несколько жестоко...

— Сейчас поясню. Ной из праведника превратился в жертву, по крайней мере, он поверил, что является жертвой. Этот человек стал свидетелем смерти почти всех живых существ на земле, спас свою семью, но так никогда и не понял истинной причины своих страданий.

Ошибка Ноя заключалась в том, что, построив ковчег, он притворился, что сочувствует тем, кто погиб от потопа. Ной думал, что страдания очистят его душу, но на самом деле он оставался безучастным к их горю. Патриарх не смог вырасти духовно.

Они шли на запад по Риверсайд-драйв. Шеп погрузился в свои мысли.

— Я принес в этот мир боль, Вирджил, — наконец произнес он. — Как я могу надеяться на прощение моих грехов, если даже Ной не нашел его? Для такого грешника, как я, самое место в аду!

— Прежде чем искать очищение души, надо раскрыть свою душу перед другими.

— Ты хочешь сказать, что я очерствел сердцем? — спросил Патрик.

— Ты так считаешь?

Шеп помедлил с ответом.

— Иногда это необходимо. В мире слишком много зла, Вирджил. Воюя с террористами, нельзя вести себя, как Ганди.

— Ганди говорил: «Сначала измени себя, а потом уже пытайся изменить весь остальной мир». Насилие приводит только к насилию.

— Хорошо сказано, но не особенно годится для ситуации с мятежниками, которые убивают ни в чем не повинных людей.

— Разница между мятежником и борцом за свободу, — сказал Вирджил, — часто определяется тем, на чьей стороны ты в данный момент воюешь. В любом случае мертвые не интересуются политикой. Жизнь — это экзамен, Патрик. Ной его провалил. Его душа отвергла свет Творца, не исполнила свой тиккун, поэтому Создатель вновь послал ее на Землю. Такова участь всех тех, кто не смог исполнить свое предназначение.

— Постой... Ты мне сейчас рассказываешь о реинкарнации?

— Этот процесс называют Гилгул нешамот, что переводится как Колесо души. Душа попадает в физический мир только потому, что ей нужно усовершенствовать себя, снискать прощение за те грехи, которые она совершила в прежней жизни. Если душа прожила только одну жизнь, то у нее остается еще три на исполнение своего тиккуна. Конечно, каждый раз возвращаясь в физический мир, она рискует наделать новых ошибок под влиянием сил зла.

— Давай уясним... Ты хочешь сказать, что все, через что мне довелось пройти, — это наказание за грехи прежней жизни? — задал вопрос Патрик.

— Не исключено.

— Но это же безумие. Я ничего не помню ни о каких прошлых жизнях.

— А ты помнишь каждый момент твоей жизни, начиная от рождения?

— Конечно же, нет.

— Но ты же их прожил!.. Когда речь заходит о прежних жизнях, человеческая память так же ограничена, как пять чувств, которые то и дело вводят человека в заблуждение. Можешь принимать это или отвергать, но каждая душа в физическом мире уже жила на этой земле. То, кем ты был когда-то, не так важно. Куда важнее знать, какой тиккун ты исполнил для духовного самоусовершенствования.

— Хорошо... чудесно... Предположим, я соглашусь с твоим взглядом на жизнь. Тогда у меня закономерно возникает вопрос: «Каков мой тиккун?»

— Не знаю, — сказал старик. — Часто то, что вызывает у человека душевную боль, и надо исправить. Та душевная боль, которую ты испытываешь, то, что не дает тебе идти к свету, как мне кажется, непосредственно связано с размолвкой, которая возникла между тобой и женой. Исправь причину, и ты справишься с последствиями.

Свернув с Риверсайд-драйв, они подошли к западным воротам старого кладбища.

Кладбище Святой Троицы. Двадцать четыре акра холмистой местности над рекой Гудзон. В 1776 году эту землю омыла кровь британских солдат и мятежников во время битвы на Вашингтон-Хайтс. В 1842 году вспышка холеры, тифа и ветряной оспы превратила эту землю в кладбище. В настоящее время более тридцати двух тысяч человек лежат рядами на кладбище Святой Троицы или покоятся в собственных склепах.

Шеп остановился, не зная, стоит ли входить в ворота.

— Все в порядке, — успокоил его Вирджил. — Ангелу Смерти нечего делать на кладбище.

Старик шел первым. По сторонам от дорожки высились столетние дубы. Их толстые ветви скрипели на ветру. Узловатые корни

пробивались в трещины бетонного покрытия. Присыпанная снегом дорога пошла вверх. Шеп помог Вирджилу взобраться на склон. По бокам высились могильные камни американской истории. Джон Джеймс Одюбон...^[51] Джон Джейкоб Астор...^[52] Джон Питер Зенгер...^[53]

Дорога стала еще круче. Старик тяжело задышал.

— Мне надо передохнуть, — сказал Вирджил.

— Сюда.

Они присели на свободный от снега клочок земли. Луна выбилась из-за туч.

— Вирджил! А Мрачный Жнец, он — зло или нет?

— Ангел Смерти — это нейтральная сила, которая исполняет свое предназначение. В истории человечества бывали периоды, когда власть Сатаны становилась особенно сильной. Зло расплзлось по земле, закрывая от людей доступ к божественному свету. Жажда власти и алчность приводили к моральному разложению, и люди впадали в амок. Тогда людская порочность открывала дорогу Ангелу Смерти, и он спускался на землю. Во все эпохи бывали времена тяжелых испытаний, но после тьмы всегда приходил свет.

— Ты ведь сам жил в темные времена, — сказал Патрик. — Расскажи о холокосте. Как тебе удалось выжить?

— Почему тебе это важно знать?

— Не знаю. Просто так...

Вирджил прикрыл глаза. Некоторое время он сидел молча. Лицо освещал серебристый лунный свет.

— Как тому иракскому мальчишке, которого ты убил, мне было девять лет, когда нацисты вытащили меня и всех моих близких из постелей и вместе с другими евреями погнали через польскую деревушку, в которой мы тогда жили, на железнодорожную станцию. Нас затолкали в вагоны для перевозки скота. Было так тесно, что я едва мог дышать. Люди взбирались на плечи друг друга, чтобы глотнуть свежего воздуха из единственного окошечка под потолком. Я, должно быть, потерял сознание. Когда свист паровозного гудка вернул меня к действительности, мы уже подъезжали к Освенциму, который немцы называли Аушвицем. Я до сих пор помню яркий свет прожекторов и вооруженных автоматами солдат в черной форме. Как и сегодня ночью, воздух был морозным, а от разгоряченного паровоза

поднимались клубы пара. Из тумана вышел хорошо одетый человек, само воплощение зла. Впоследствии мы узнали его имя: доктор Йозеф Менгеле. Тогда я впервые увидел Ангела Смерти. Он стоял за спиной у нациста, облаченный в белый плащ с капюшоном. Ангел Смерти посмотрел на меня, затем на мою мать и трех сестер. Пустые глазницы его черепа заполнились десятками мерцающих глаз. Пока он смотрел, с покрытого зеленью лезвия косы начала капать кровь. Менгеле подошел ко мне и отцу. Нас отделили от женщин и увели направо. Всех остальных, включая матерей с маленькими детьми, пожилых людей, всех сестер, дочерей и тетюшек погнали налево. Я помню, как кричали те, кого разлучали с близкими и родными. Одна мать не хотела брать на руки плачущего младенца, думая, что эта «обуза» предрешит ее судьбу. Эсэсовец застрелил ее на глазах у остальных. Больше я никогда не видел мою мать и сестер. Потом мы узнали, что их отвели в газовые камеры. А когда открыли крематорий, в пламя печей живьем бросали детей.

Патрик почувствовал себя нехорошо. Его бил озноб.

— Мужчин и мальчиков, которые казались достаточно сильными, повели по дороге, огражденной забором из колючей проволоки к главным воротам. Над ними на немецком языке было написано: «Arbeit macht frei», что переводится: «Работа делает свободным». В Аушвице не было ни мгновения свободы, не было света, а лишь сплошная тьма. Каждое утро начиналось с переклички и распределения дневной работы. Иногда мы часами стояли голыми на холоде, а врачи осматривали нас, решая, кому жить, а кому умереть. Отец сказал мне, чтобы я бегал на месте. Так мои щеки порозовеют, а лагерные врачи увидят, что я вполне здоров. Едой для нас были кусок хлеба и миска баланды. От такой еды загнулся бы даже дворовый пес. Немного мерзлого картофеля считалось пиршеством. Со временем мы стали похожи на ходячие скелеты — только кожа да кости. Вены просвечивались сквозь кожу. Рот болел от многочисленных ран и гнойников. Постоянный голод сводил меня с ума. Однажды я сорвал пучок травы и съел его. Потом мне стало плохо. Диарея чуть было не лишила меня жизни. Наша одежда воняла. Вместо обуви мы носили деревянные сабо, на которых просто невозможно быстро идти. Но любая одежда лучше, чем полное ее отсутствие. Без одежды человек кажется беззащитным. Ходить голым — стыдно. Жизнь стала

невыносимее, когда заработал крематорий. Печи пылали и днем и ночью. Огромный столб черного дыма поднимался из единственной трубы, отравляя воздух. Иногда в этом дыму мне чудилось лицо Сатаны, который, глядя на наши мучения, насмехался. Позже я видел Ангела Смерти, но теперь на нем была черная одежда.

— Ты боялся Ангела Смерти?

— Нет. Я боялся нацистов. Я боялся Менгеле. Жнец олицетворял собой смерть, а смерть несла избавление от страданий. Впрочем, нацистам удалось сделать процесс умирания настолько ужасным, что люди делали все, лишь бы отдалить страшный конец. Некоторые решили, что останутся жить ради того, чтобы поведать миру о тех злодеяниях, которые творились в лагере. Это долг перед убитыми членами их семей. Мы работали на смерть. Став дантистами, мы извлекали коронки и мосты из черепов. Мы собирали вещи убитых: чемоданы с пожитками, женские сумочки, драгоценности и одежду. Мы дезинфицировали волосы мертвых и сушили их на чердаках. Мы выносили трупы из газовых камер и сжигали их в печах крематория. После мы удобряли лагерные поля золой. Мы жили в аду, но, как верно подметил твой друг Данте, преисподняя имеет много кругов. Последним, самым ужасным был десятый блок. Там проводились медицинские эксперименты под руководством Менгеле. Это была его личная камера пыток, в которой он проводил хирургические операции без анестезии. Он изменял пол, переливал жидкости, ампутировал конечности и вырезал органы. Он «изучал» последствия кровосмесительных оплодотворений. Менгеле предпочитал проводить свои эксперименты на детях, желательно близнецах. Молодых евреев и цыган кастрировали. Других замораживали живьем или убивали в компрессионной барокамере. Людей ослепляли, испытывали на них действие лекарств, подвергали пыткам настолько ужасным, что о них трудно говорить. Если ты думаешь, что это вызвало возмущение в среде немецких врачей, то ты глубоко ошибаешься. В Аушвиц потянулись медики, готовые принять участие в этих сатанинских экспериментах. До этого у них не было возможности вволю поэкспериментировать над людским стадом. Каждый день в лагерь прибывали поезда с новым материалом для опытов доктора Менгеле.

— Кто-нибудь пытался бежать?

— Немногие. Беглецов в основном ловили. Когда кто-нибудь бежал, нас заставляли часами стоять на плацу, пока беглеца ловили. Если его находили и притаскивали обратно в лагерь, над ним издевались и вешали у нас на глазах. Понимаешь, Патрик, мы были евреями, которых изгнали в ад. Нас никто не любил. Куда нам было бежать? Даже союзники, которые в конце концов освободили узников концентрационных лагерей, воевали с Гитлером не ради нашего спасения. Нас учили, что мы богоизбранный народ, но Бог отвернулся от нас, как многие из евреев отвернулись от Бога на горе Синай. Молиться запрещалось. Нацисты считали нас грязными паразитами, но некоторые из нас сумели найти лучик света, спасти последний островок человеческого достоинства, которое у нас хотели отобрать. Для меня таким лучиком света стало умывание. Каждый вечер перед тем, как лечь на нары, вместе с четырьмя-пятью такими же ходячими скелетами, как я, мы старались отмыть руки от золы и грязи, прилипшей к ним за день. Так я боролся со своими угнетателями. Эти маленькие победы не давали моей душе спуститься во тьму.

— Ты верил, что вас спасут? Как ты поддерживал в себе надежду?

— В Аушвице надежда была большим грехом. Те, кто надеялись выжить, прожить хотя бы еще один день, теряли человеческое достоинство и совершали страшные дела. Я видел, как матери отказывались от своих детей, а женщины позволяли себя насиловать охранникам за кусок хлеба. Я видел, как один человек задушил своего брата и съел его пайку. Зло порождает только зло, Патрик. Ты и сам это прекрасно понимаешь. Впрочем, несмотря на все это безумие и жестокость, мы верили, что однажды мир изменится к лучшему и придет наше спасение.

Вирджил открыл глаза.

— Я рассказал тебе свою историю. Не думаю, что она улучшила тебе настроение.

— Честно говоря, твой рассказ только подтвердил то, что я уже понял в Ираке. Бога нет, а Божий свет, о котором ты все время говоришь, не существует. Если Бог всемогущ, то почему на свете столько зла? Если Бог и вправду любит нас, то почему Он не остановил холокост? Если Он не вмешался, то я отрекаюсь от этого чудовища.

Старик поднялся на ноги. У него болела спина.

— Я понимаю твои чувства, Патрик. Я уже тысячи раз слышал подобного рода высказывания. Ответ на твой вопрос — в постижении смысла жизни. Жизнь — это испытание для души, исполнение ее тиккуна. Зло существует, чтобы существовала свобода выбора.

— Какая свобода выбора была у тебя, когда охранники уводили твою мать и сестер в газовую камеру? — спросил Патрик. — Если Бог был рядом, то почему Он не ответил на твои молитвы?

— Бог ответил отказом на мою молитву.

— Отказом...

Патрик недоверчиво покачал своей головой.

— И ты принял Его отказ? Нацисты бросали младенцев в огонь, а Бог ничего не делал...

— Кто мы такие, чтобы осуждать промысел Божий? Каждый из нас живет в ограниченном микрокосме своего времени и пространства. Твой жизненный опыт ограничивается тремя десятилетиями. Ты живешь в физическом мире, который представляет собой не более одного процента бытия.

— Узники концлагерей были невинными жертвами настоящего зла.

— Настоящее зло, как ты его назвал, существует на свете изначально. Предположим, я приму твою точку зрения... Как Бог должен был поступить в ответ на злодеяния нацистов? Устроить еще один всемирный потоп? Или умертвить каждого немецкого первенца, как Он сделал когда-то в Египте? Можно было бы наслать чуму, превратив их жизнь в адские муки... А как насчет небесного огня в виде атомной бомбы? Впрочем, ее черед настал позже... И слава Богу! Теперь мир куда лучше и безопаснее, чем до нее. Все упирается в свободу выбора, Патрик. Господь дал нам законы и право следовать им или нарушать их. Или ты думаешь, что заповедь «не убий» не относится к гибели сотен тысяч людей ради получения доступа к арабской нефти?

— Саддам Хусейн был злом, — не согласился с ним Патрик. — Мы освободили от него иракцев.

— А от кого твои предки освобождали индейцев? Ведь целые племена были перебиты до единого человека, а их земли достались белым.

Шеперд хотел возразить, но не нашелся, что ответить.

— Хорошо. Принимаю. Мы воевали во имя наших интересов, значит, я виноват еще в большей мере.

— Да. Ты виноват. И как каждая душа, не закончившая свой тиккун, ты будешь возвращаться... если, конечно, твоей душе будет за чем возвращаться...

Дойдя до вершины холма, они остановились. Перед ними тянулись акры земли, на которых рядами стояли надгробья кладбища Святой Троицы. Дальше к востоку располагался Бродвей, освещенный светом сотен костров.

Вирджил указал на него рукой.

— По Бродвею мы доберемся до Бэттери-парка, но путь будет небезопасен. Чума распространяется быстро, и люди впали в панику. Спрячь вакцину под паркой, иначе твоим жене и дочери ничего не достанется. Патрик! Ты меня слышишь?!

Но Шеперд не слушал своего товарища. Он смотрел на дорожку, которая скрывалась во тьме. Асфальт испещряла сетка трещин. Справа тянулся ряд мавзолеев, слева виднелись могильные камни.

— Что с тобой?

— Кажется, у меня дежавю, — прошептал Патрик.

— Ты уже бывал здесь?

— Не знаю. Мне сейчас холодно... как в морозильной камере...

О... Нет... Это он.

Патрик указал рукой на костлявую фигуру у могильного камня со скульптурой ангелочка на верхушке. Это был Мрачный Жнец.

— Вирджил! Он здесь.

— Кто? Ангел Смерти? Где?

— Разве ты его не видишь? Он стоит на дорожке и показывает рукой на могилу. Вирджил! Что мне делать?

— Не подходи к нему близко, — предупредил Патрика старик. — Не позволяй ему касаться тебя. Ты видишь имя на могильном камне?

— Нет.

— Ты уверен, что никогда прежде не бывал на этом кладбище?

— Уверен.

Жнец мотнул рукой, на этот раз более энергично.

Шеп почувствовал, как ледяные щупальца прикасаются к его телу, костлявые пальцы сжимают его голову, стараясь проникнуть в мозг. Он

никогда прежде не чувствовал такого ужаса, даже в Ираке, даже в худшем из своих ночных кошмаров.

Волна паники затопила его сознание.

Патрик Шеперд пустился наутек!

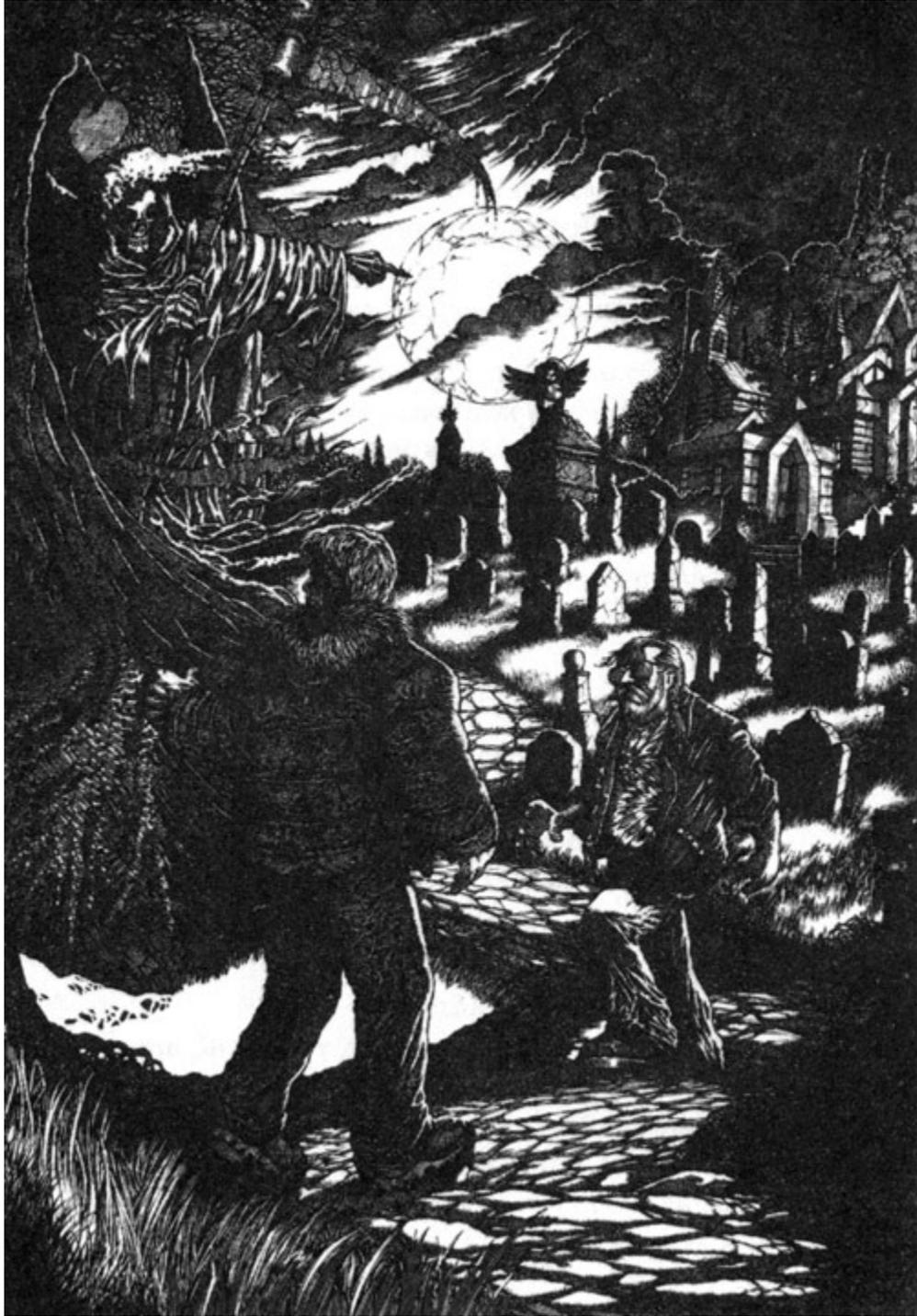
В четыре прыжка он обогнул склеп и помчался вниз по восточному склону холма, лавируя в лабиринте могил. Снег, покрывший неровности земли, сделал небезопасным бегство сержанта Шеперда. Стараясь сохранить равновесие, Патрик отставил в сторону свой протез. Изогнутое «лезвие» то и дело цеплялось за надгробия. Каждый удар высекал из камня искру, которая могла навести Ангела Смерти на его след.

Справа от себя он увидел дорожку по границе кладбища. Заиндигевший асфальт спускался вниз, к Бродвею.

Патрик побежал к дорожке и споткнулся о засыпанную снегом могильную плиту. Он полетел лицом вниз по склону холма, словно на санках, перекувыркнулся и покатился дальше. Снег забился ему под ворот куртки. Ночное небо проносилось перед глазами на бешеной скорости. Наконец мужчина ударился бедром о старый каменный столб, на котором висела створка восточных ворот кладбища Святой Троицы.

Оглушенный Шеп перевернулся на спину. Все тело болело. Больше он не боялся. Леденящее сердце чувство присутствия Жнеца исчезло. Лежа в снегу, он смотрел в ночное небо. Полная луна пробивалась среди облаков.

«Бог! Если ты есть... помоги мне, пожалуйста...»

Патрик услышал, как снег скрипит под чьими-то ногами, и закрыл глаза, думая, что это Вирджил. Но голос принадлежал не старику.

— Вот еще один.

— Оставь его мне.

— Маркиз! Ты же мне обещал следующего!

— Не доставай меня, придурок!

— Хорошо, чувак! Все — тип-топ...

— Да... Так я и думал...

Шеп привстал. Ночь взорвалась, когда сапог ударил его по лицу.

Круг пятый

Гневливость

Но спустимся в тягчайшие мученья:
Склонились звезды, те, чтоплыли ввысь,
Когда мы шли; запретны промедленья.

Мы пересекли круг и добрались
До струй ручья, которые просторной,
Изрытой ими, впадиной неслись.

Окраска их была багрово-черной;
И мы, в соседстве этих мрачных вод,
Сошли по диким тропам с кручи горной.

Данте Алигьери. Ад

21 декабря

**Научно-исследовательский институт инфекционных заболеваний армии Соединенных Штатов Америки Форт Детрик
Фредерик, Мэриленд**

0:27

7 часов 36 минут до предсказанного конца света

Полковник Джон Звава был на пределе своих сил. Ситуация ухудшалась с катастрофической быстротой. Каждая последующая новость была хуже предыдущей. Кровь стучала в висках.

В ООН царил полный хаос. «Коса» убила верховного лидера Ирана, обладавшего всей полнотой политической и религиозной власти в стране. Совет стражей конституции на чрезвычайном заседании провозгласил аятоллу Ахмада Джаннати новым лидером страны. Этот человек возглавлял консервативно настроенное крыло в совете стражей конституции и считался одним из ярых противников демократизации Ирана. Однажды он уже призывал верующих убить израильского министра иностранных дел Ципи Ливни. И теперь этот человек имеет доступ к новому тайному оружию своей страны — к русским межконтинентальным баллистическим ракетам с ядерными боеголовками.

Новый духовный лидер Ирана сейчас скрывается где-то в здании Секретариата ООН. Только несколько мулл знает его точное местопребывание. Через посредника аятолла Ахмад Джаннати потребовал, чтобы его на вертолете доставили в международный аэропорт Кеннеди, откуда он на частном реактивном самолете собирается лететь обратно в Тегеран. Джаннати не знал, что его последнее шифрованное сообщение по электронной почте было перехвачено Управлением национальной безопасности и переведено.

Оказывается, после возвращения в Тегеран новый духовный лидер Ирана собирается объявить себя махди, предсказанным пророками спасителем ислама, что положит начало *Yawm al-Qiyāmah*, Дню воскрешения, и, руководствуясь заповедями ислама, очистить мир от страха, несправедливости и тирании. Эксперты пришли к выводу, что Джаннати собирается отправить вооруженных чемоданами с ядерными бомбами террористов в Тель-Авив, Иерусалим, Эр-Рияд и на американскую военную базу Виктория под Багдадом.

Проведя краткое совещание в своих апартаментах в здании ООН, президент Эрик Когело незамедлительно приказал отложить эвакуацию до рассвета, пока он и его советники обдумают, как наилучшим образом разрешить сложившуюся ситуацию.

Пока президентская администрация втайне организовывала экстренное совещание Совета Безопасности ООН, полковнику поручили разбираться с безумием, царящим на Манхэттене.

Большое Яблоко гнило изнутри. Новые сведения, полученные от представителей здравоохранения с места событий, вселяли мало надежды. Общее число умерших от чумы перешагнуло полумиллионный барьер. Каждый час умирало примерно сто тысяч человек. Многоквартирные дома и небоскребы стали настоящими инкубаторами по разведению бактерий «Косы». На улицах — полно инфицированных людей. Единственный путь к спасению, который остался, — водный.

Чтобы предотвратить массовый прорыв карантина военные дополнительно задействовали четыре вооруженных беспилотных самолета «Жнец» и три патрульных катера береговой охраны. К счастью, течение было быстрым, а температура воды упала ниже сорока шли градусов, приводя любое длительное моржевание к гипотермии.

Но Звава знал, что отчаяние — мать изобретательности. Если ничего не предпринимать, то утром легионы выживших, используя акваланги, придумают, как обмануть тепловые датчики «Жнецов», и выберутся на побережье Бруклина, Бронкса, Квинса и Нью-Джерси. С их появлением начнется всемирная пандемия. В качестве профилактической меры незаряженные районы города были эвакуированы. Так же поступили с Инглвудом в Нью-Джерси и всеми прибрежными поселениями к югу вплоть до Байонна.

Оставалось только решить: что делать с самим Манхэттеном?

Только немногие из незадействованных в операциях аналитиков службы разведки знали о существовании этого отдела. Спустившись на шесть этажей под землю, полковник Звава вышел из лифта. Пройдя два контрольных пункта системы безопасности, он в сопровождении охраны направился по ничем не выделяющемуся, покрытому белой кафельной плиткой коридору к стальным дверям с табличкой «Отдел Си».

Засовы автоматически открылись, и левая дверь распахнулась перед полковником. Изнутри послышалась какофония в исполнении рок-группы «Инэксэс».

Джон Звава вошел в хорошо кондиционируемое помещение. За прямоугольным столиком сидел мужчина лет сорока. Его голова была обрита налысо. Благодаря солярию он поддерживал загар круглый год. Одет мужчина был в бело-оранжевую гавайскую рубашку, шорты серфингиста и сандалии фирмы «Тева». Солнцезащитные очки для этого человека всегда были атрибутом гардероба, также как и курительная трубка, набитая табаком с добавлением опиума.

Подойдя ближе, полковник заметил, что поверхность стола представляет собой трехмерную голограмму, на которой изображен снятый со спутника в режиме реального времени Манхэттен.

— Я Звава.

Мужчина ударил пальцем по оправе очков. Музыка стала тише.

— Дино Гарнер.

Физхимик вытащил из небольшого холодильника под столом банку газированной воды.

— Хотите «Доктора Пеппера»?

— Нет... Спасибо...

— Я как раз изучал сложившуюся ситуацию, Звава, — сказал ученый. — Вам ужасно повезло и чертовски не повезло одновременно.

— Как так? — удивился полковник.

— Повезло, потому что утечка случилась на Манхэттене. Если бы это произошло в любом другом районе Нью-Йорка, то городу пришел бы конец уже к воскресенью. Манхэттен — остров, здесь довольно легко организовать карантин. К сожалению, это одно из самых густонаселенных и богатых мест на земле, что, по правде говоря, чертовски усложняет мою задачу. Трудно будет подчистить грязь, которую вы тут развели...

Гарнер встал и обошел стол, рассматривая голограмму с разных точек.

— Наша задача, в сущности, сводится к следующему: надо превратить в пепел всю имеющуюся органику, живую и мертвую, а именно, всех людей, крыс, блох, клещей, птиц и декоративных чихуахуа, но оставить в неприкосновенности коммуникации. Мы считаем, эта задача не составляет особого труда. Сейчас я подсчитываю минимальное количество систем доставки, но в общих чертах решение уже найдено. Операция будет проходить в две фазы. Во-первых, надо создать густой «потолок» из туч углекислого газа и стабилизирующих элементов. Мы уже конфисковали три турбореактивных «воздушных трактора» у «Джерсийской пестицидной компании». Еще два скоро придут. В течение ближайших трех часов химикаты доставят в Линденский аэропорт. Еще час — на перегрузку, и самолеты летят над Нью-Йоркской гаванью в сторону Манхэттена.

— Извините, мистер Гарнер, но зачем нам «потолок» из углекислого газа?

— Доктор Гарнер, полковник. Он необходим, чтобы мы перешли ко второй фазе операции, а именно, к сожжению. Представьте себе, что перед тем как окуривать дом, кишаций паразитами, вы натягиваете над ним брезентовый тент. В нашем же случае речь идет об обеззараживании целого города. Для этого мы используем смесь белого фосфора, магния и еще нескольких химических ингредиентов, о природе которых вам знать не положено. Надо создать такую высокую температуру, чтобы плоть полностью обгорела на костях. Кислород станет катализатором, горючим газом, используемым в

топке. Когда вспыхнет пламя, оно выжжет весь воздух в туннелях метро, крысиных норах и квартирах. Представьте себе вспышку пламени гигантских размеров, которая потухнет лишь тогда, когда пожрет весь воздух.

— Господе Иисусе...

— Иисус умел лишь ходить по воде, а вот для того, чтобы сжечь два миллиона зараженных людей и три миллиона крыс, нужно быть гением. К счастью для вас, я тот, кто зарабатывает на жизнь, решая такие вот непростые задачи.

Полковник Звава подавил приступ омерзения к собеседнику.

— А это облако углекислого газа, — спросил он, — как долго оно будет висеть над Манхэттеном?

— Не беспокойтесь. Оно развеется, когда город будет сожжен.

— Нет. Меня интересует, сколько времени оно будет держаться в воздухе, прежде чем мы начнем финальную фазу операции...

— Я вас не понимаю...

— Президенту нужен предлог, чтобы отложить эвакуацию ООН. «Коса» быстро распространяется между людьми и крысами, особенно через укусы чумных блох. Мой специалист по вспышкам заболеваний среди животных боится, что блохи инфицируют птиц, в особенности голубей. Заразившись чумой, голубь с рассветом может перенести «Косу» в Нью-Джерси или другие четыре района Нью-Йорка.

— Углекислый газ убьет всех поднявшихся в воздух птиц. Когда будут задавать вопросы о целесообразности создания облака, ссылайтесь на это.

— А как насчет задержки с эвакуацией делегатов ООН?

— Вам везет, полковник. В нынешних погодных условиях облако будет неподвижно висеть над Манхэттеном до рассвета. Мы перейдем ко второй фазе операции до того, как оно развеется. Восемь часов утра будет в самый раз, если вы не хотите все нам испортить.

Полковник Звава глянул на часы.

— Осталось семь с половиной часов. Вы успеете подготовить операцию?

— Все будет сделано в срок. Не беспокойтесь. Что касается инфраструктуры, то пройдет от трех до пяти месяцев, прежде чем люди смогут заселить зону поражения, но это не моя головная боль, полковник, а ваша.

— Можно задать вам личный вопрос, доктор?

— Вы хотите спросить меня, как я проведу ночь.

— Ладно... забудьте... — Звава покачал головой и повернулся к стальным дверям.

— Чувство вины — это удел гражданских, полковник. В случившемся следует винить яйцеголовых и политиканов. Тут, под землей, мы принимаем трудные решения после того, как другие напортачат и обратятся к нам за помощью. Мой вам совет, полковник. Примите капсулу викодина, выпейте стакан «Капитана Джека» и будете спать, как невинный младенец.

Кладбище Святой Троицы Вашингтон-Хайтс, Манхэттен

00:33

Их было шестеро. Латиноамериканские подростки, одетые в черные куртки. Головы повязаны банданами цветов Доминиканской Республики — красный, белый и синий. Преступная группировка, называвшая себя ДНШ (доминиканцы не шутят), распространяла наркотики на Вашингтон-Хайтс и в близлежащих кварталах Квинса и Бронкса, используя связи в колумбийском наркокартеле.

Восемнадцатилетнего парня с заплетенными по-африкански волосами звали Маркиз Джексон-Хорн. Широко расставив ноги, он склонился над Шепом.

— Бумажника нет... блин... никакого золотишка... А это что? Ага!.. У него тут есть кое-что...

Латиноамериканец распахнул парку Шепа и увидел полированную деревянную коробочку. Он потянулся к ней, но вдруг протез ветерана взметнулся вверх, и лезвие прижалось к кадыку главаря банды. Правой рукой Патрик схватил Маркиза за кожанку и притянул к себе.

— Извини, друг, но это ты не получишь.

Вмиг пять девятимиллиметровых стволов нацелились на Шеперда.

— Убери лезвие, белый. Медленно и аккуратно, — проговорил Маркиз.

— Если они выстрелят, у меня хватит времени перерезать тебе горло. Пусть твои парни уйдут отсюда, тогда я тебя отпущу.

Никто не двинулся с места.

— В коробочке денег нет. Там только лекарство... для моей дочери. Я знаю, что мир сошел с ума и вам на все наплевать, но перед тем как все вы предстанете перед Создателем, у вас, ребята, есть шанс сделать доброе дело.

Глаза главаря банды округлились. Он весь кипел в душе.

— Сделать доброе дело... Ты спутал меня с кем-то другим, Спайк Ли. ^[54] Я всех ненавижу. Я со всеми воюю.

— Я только что вернулся с войны. Я бывал на войне четыре раза. Я тоже ненавижу многих людей, но, знаешь, что я только что понял? Те, кто ненавидит, ненавидят потому, что думают: с ними несправедливо поступили. Они хотят справедливости, только не понимают, что справедливость и счастье — не одно и то же. Я не виделся со своей семьей одиннадцать лет. Я винил в этом многих людей, но сейчас я хочу все исправить.

Злой блеск в глазах латиноамериканца погас.

— Никому не двигаться. Тебя это тоже касается, капитан Крюк.

Маркиз осторожно открыл коробочку и увидел пробирки с сывороткой. Затем главарь банды повернулся к своим людям.

— Ya stuvo. ^[55]

Доминиканские подростки неуверенно переглянулись.

— Вы меня слышали?! Пошевеливайтесь!

Засунув пистолеты за пояса джинсов, латиноамериканцы заковывали прочь.

Дождавшись, когда бандиты дойдут до Бродвея, Шеп отпустил Маркиза.

— Сколько тебе лет? — спросил Патрик.

— Достаточно, чтобы уметь убивать.

— Я тоже убивал. Поверь мне: жить без убийств куда лучше...

— Хрень собачья. Ты ни черта не знаешь обо мне. Моя мать мертва. Двоюродные братья мертвы. Моя сестра сейчас умирает, харкая кровью. Ей всего лишь шесть лет. Она никому ничего плохого не сделала.

Шеп полез в коробку и вытащил оттуда две пробирки.

— Дай это выпить своей сестре, а вторую выпей сам.

— Ты, что, рехнулся?

— Это вакцина против чумы. На... возьми и никому не говори...

Главарь шайки уставился на пробирки.

— А ты не заливаешь?

— Нет. После нее начинаются галлюцинации. Твоей сестре, думаю, все равно, а ты постарайся держать себя в руках. Эти галлюцинации могут быть не очень-то приятными.

— Зачем ты даешь мне вакцину?

— У меня есть дочь, — сказал Патрик.

— Ну и?..

— Считай, что я даю тебе шанс что-нибудь исправить в своей жизни.

— А если я заберу всю коробку?

— Зачем? Ты все равно не доберешься домой. За мной гонятся военные. Вполне возможно, что сейчас они наблюдают за нами через спутник. Иди и спаси свою сестру. Вдвоем у вас есть шанс выбраться с острова.

Маркиз немного постоял, раздумывая, а затем побежал прочь.

Патрик повернул голову и встретился глазами с Вирджилом.

— Это было рискованно. Он вернется со своей бандой и отберет у нас оставшиеся пробирки. Нам надо поскорее уходить отсюда.

— А как насчет Мрачного Жнеца?

— Твой добрый поступок дал нам еще немного времени. Молись, чтобы этого времени хватило. Скоро он снова будет тебя искать.

Площадь Объединенных Наций

00:43

Бертран де Борн сидел на заднем сиденье черного «шевроле» за пустым местом водителя. Его лицо, впрочем, как и лицо Эрнеста Лозано, скрывала маска противогаса.

Бывший агент ЦРУ посмотрел в зеркало заднего вида на своего босса. Когда на министра обороны надевали ребризер, его седые волосы сильно растрепались. Теперь там, где ремни, которыми крепилась маска, не закрывали Лозано обзор, он видел залысины и печеночные пятна на коже старика. Серо-голубые, немного навывкате глаза де Борна казались за пластиковым стеклом ребризера холодными и злыми. Босс, не мигая, смотрел вперед.

Лозано увидел, как за охраняемым периметром появилась Шеридан Эрнстмайер в сопровождении человека в белом костюме биологической защиты. Быстрым шагом женщина направилась к ним.

Шеридан залезла в машину. Несмотря на маску ребризера на ее лице, Лозано услышал, как она тяжело дышит.

— Ну? — спросил де Борн.

— Плохо дело, — ответила Шеридан. — Меры по сдерживанию распространения болезни оказались неэффективными. От них отказались еще двенадцать часов назад. Теперь готовят эвакуацию.

— Твой осведомитель может передать президенту, что я здесь?

— Он местный полицейский. До президента ему не добраться.

Де Борн ударил кулаком по спинке водительского кресла.

— Я, черт возьми, министр обороны или кто?!

— Сэр! Все средства связи заблокированы, за исключением прямой линии между офисом Когело и Вашингтоном. Никого не пускают на президентский этаж, даже сотрудников центра контроля заболеваний.

— Сукины дети! — выругался де Борн.

Его маска запотела. Министр обороны подавил желание сорвать ее и выбросить в окно автомобиля.

— Сэр! Поступила другая информация. Спецназ организывает группу захвата. Мой осведомитель в нее входит. Их задача — найти Шеперда.

Худое лицо де Борна побледнело.

— Это не то, что вы подумали, — успокоила босса Шеридан. — Шеперд сбежал из ветеранского госпиталя с футляром вакцины против «Косы».

Де Борн выпрямился. Его ум лихорадочно работал.

— Мы должны найти Шеперда раньше их. Он — наш билет отсюда.

Пошарив в карманах пиджака, министр обороны извлек оттуда сложенный вчетверо листок, вырванный из записной книжки. На нем был записан адрес Беатрисы Шеперд.

— Везите нас в Бэттери-парк... и поживее...

Эрнест Лозано повернулся и посмотрел в лицо боссу.

— Сэр! На всех улицах Манхэттена пробки. Люди побросали свои машины и...

— Езжай по долбаным тротуарам, если нужно, — приказал де Борн Шеридан. — Мы просто обязаны добраться до семьи Шеперда раньше спецназовцев.

Манхэттенвилль, Морнингсайд-Хайтс

01:37

Здания утопали во тьме, а уличные фонари погасли, но ночную темноту рассеивал свет от сотен горящих автомобилей и пламя, вырывающееся из огнеметов полицейских. Пораженные чумой трупы усеивали улицы. Зараженные живые, шатаясь, брели по тротуарам или лежали, корчась, на обочинах. Их рты и ноздри кровоточили, создавая иллюзию, что это каннибалы, только что закончившие свое отвратительное пиршество. Сюрреалистичная картина тянулась на юг вдоль Бродвея, напоминая кадры из фильмов ужасов семидесятых годов прошлого века.

Штурмовой отряд Министерства национальной безопасности — все в черном, на лицах противогазы — в полном боевом порядке наступал по перегороженной машинами авеню. Рассвирепевших граждан они загоняли обратно в подъезды собственных домов. Испугавшись засады, какой-то штурмовик выпустил из огнемета струю горячей смеси пропана и природного газа по куче сваленных на тротуаре тел. Из нее выскочили негритянка и двое ее детей. Охваченные пламенем и вопя от боли, они побежали прочь. Было видно, как пораженная чумой плоть отваливается от костей бегущих.

С окрестных зданий по штурмовикам открыли огонь. Два человека упали на тротуар. Их товарищи начали стрелять и ответ.

— Отступаем!

Подобрав раненых, они начали отходить под защиту своих «хаммеров». Латиноамериканка, истерически рыдавшая над трупом своего грудного ребенка, высунулась с третьего этажа и бросила его в бойца штурмового отряда. Маленькое тельце угодило в полицейского. Его бурная реакция побудила десятки взбешенных родителей начать сбрасывать с балконов и из окон зараженные чумой останки своих детей. Штурмовики отступили на середину Бродвея.

Изменение в тактике подстегнуло бунт. Не прошло и нескольких минут, как сотни местных жителей, вооружившись бейсбольными битами, ножами, пистолетами и автоматами, высыпали из близлежащих домов. Языки пламени, беспорядочная стрельба удовлетворили их ярость и жажду мести, но ненадолго.

Вернув себе улицы, толпы рассеялись, вымещая злость на близлежащих магазинах и закусочных. Люди разбивали витрины,

врывались внутрь и начинали мародерствовать.

Вирджил оттащил Шеперда в сторону и повел ветерана вдоль рядов покинутых автомобилей, мимо кампуса Колумбийского университета.

— Когда социальный порядок рушится, наступает хаос, — сказал старик. — Сейчас мы с тобой, Патрик, стали свидетелями того, как испытывается вера. Кажется, Сатана победил.

«Жнец» парил в тысяче футов над Бродвеем. Кроваво-красные линзы «глаз» аппарата сканировали улицу, над которой он пролетал. Его оператор находился на расстоянии в тридцать миль от дистанционно управляемого дрона и пристально вглядывался в лица из толпы, которые «Жнец» передавал на экран его компьютера. Каждый снимок головы посылался на физиогномический видеоискатель, который создавал двумерную лицевую карту по восемнадцати заранее определенным точкам. Эти точки затем сравнивались с трехмерной моделью строения лица разыскиваемого объекта, загруженной в компьютер.

Оптический сканер увеличил изображение старика и его молодого спутника, быстро шагавших на юг по Бродвею. Компьютер разложил изображение лица молодого человека на элементы, рефокусировал и построил его двумерную карту.

Соответствие подтверждено. Объект найден.

— Майор! Мы его нашли. Объект движется на юг по Бродвею. Приближается к 125-й Западной улице.

Розмари Лейпли заглянула через плечо оператора беспилотного самолета.

Убедившись, что он прав, майор сказала:

— Отличная работа. Не своди глаз с объекта. Сообщи на остров Говернорс людям капитана Звавы. Передавай им картинку в реальном времени.

— Слушаюсь, мэ.м.

Остров Говернорс, Нью-Йорк

01:53

Вертолет «ЭмЭйч-60Джи Пэйв Хок» ходил ходуном на лыжных шасси. Гул несущих винтов боевого вертолета эхом разносился в холоде декабрьской ночи. Девять членов группы захвата, все рейнджеры, уже заняли свои места в боевом отделении и с нетерпением ожидали, когда последний член команды заберется на борт.

Дэвид Кантор с трудом дотащил свое измученное тело и сорок фунтов нагруженного на спину снаряжения до вертолета на заснеженном поле. У двери двое рейнджеров подхватили его под мышки и, затащив в боевое отделение, затолкали на дальний край скамьи.

Майор Стив Дауни наклонился к нему и увеличил громкость встроенного в шлемофон капитана микрофона.

— Вы Кантор? — спросил он.

Дэвид утвердительно кивнул головой.

Рейнджер протянул руку в перчатке и громко, чтобы Кантор услышал, сказал:

— Я — майор Дауни. Добро пожаловать. Как понимаю, вы уже знакомы с поставленной перед нами задачей.

Дэвид схватился руками за скамью, когда вертолет поднялся в воздух.

— Я служил вместе с ним в Ираке.

— И все?

— Да, сэр.

Дауни стащил с головы шлемофон и противогаз. Показался ежик коротко стриженных волос, козлиная бородка и жесткие карие глаза.

— Согласно вашему послужному списку вы пересекались с ним, по крайней мере, трижды. Вы даже приглашали его на свадьбу вашей старшей дочери, впрочем, сержант так и не ответил на ваше приглашение. Не хитрите со мной, Кантор. На кону — жизни многих людей, включая президента, делегатов ООН и всех тех людей, кто имел счастье не оказаться сегодня запертыми на Манхэттене. Передо мной поставлена простая задача — добыть вакцину. Мне все равно, выживет ваш приятель или нет... Я выражаюсь достаточно ясно?

— Да, сэр.

— Когда мы приземлимся на Морнингсайд-Хайтс, — сказал майор Дауни, — нас будут ждать два «хаммера». Я хочу, чтобы вы сели рядом

со мной.

— Да, сэр... Извините. Вы сказали Морнингсайд-Хайтс? Я не ослышался? Мне говорили, что мы садимся в Бэттери-парке.

— Один из разведывательных дронов заметил Шеперда поблизости от Колумбийского университета. Теперь мы летим туда. Его жена подождет. А что не так, капитан?

Дэвид прикрыл глаза за затемненным стеклом ребризера.

— Все хорошо, сэр.

Собор Иоанна Богослова

Амстердам-авеню

01:57

Тысячи людей шли к собору. Кто-то преодолел несколько миль пешком, кто-то жил по соседству с церковью. Правительство бросило их на произвол судьбы. Медицина была бессильна, поэтому люди пришли искать помощи у высшей силы. Погрузив инфицированных близких и родных в кресла-каталки или просто в тележки для покупок, люди шли к собору. Напрасно они стучали в запертые двери и кричали в глухую пустоту. Никто не отпер им. Такое уже случалось в Европе... шестьсот шестьдесят шесть лет назад...

Внутри кафедрального собора преподобный каноник Джеффри Хок шел по проходу между скамьями под высоким сводом. Нижнюю часть его лица прикрывал красный шелковый шарф. В соборе нашли убежище несколько тысяч человек. Многие спали, лежа прямо на церковных скамьях.

Люди начали приходить незадолго перед полуднем. Сначала старики, которые, казалось, сверхъестественным образом почувствовали приближение беды. К двум часам дня сотни прихожан и туристов, застигнутых врасплох катастрофой, стекались в церковь. Там было тепло, а рядом находился чистый туалет.

Настоящий наплыв начался за час до сумерек, когда раздражение и растерянность сменились отчаянием, а отчаяние породило страх. Введение комендантского часа означало, что несколько сотен тысяч человек должны искать себе пристанище в школьных спортзалах, церковных миссиях и в Мэдисон-сквэр-гарден. Последнее место невольно вызывало ассоциации с судьбой тех, кто укрывался от урагана Катрина под крышей спортивной арены «Супердоум». Только

на этот раз к отчаянию, беспомощности и бедности прибавилась еще и чума. Когда вдоль Амстердам-авеню выстроилась очередь из тех, кто искал убежища, епископ Джанет Сандерс приказала священникам закрыться в соборе.

Преподобный Хок остановился и зажег свечу. Рядом встал Майк Мак-Дауэлл, декан семинарии.

— Преподобный Хок! Мы поступаем неправильно. Как можно не пускать людей к Богу? Как мы можем отказывать умирающим в последнем причастии?

— Я не имею никакого отношения к принятому этому решению. Поговорите с епископом Сандерс.

— Собор Иоанна Богослова открыт для людей разных конфессий. Я не признаю авторитет епископа, — сказал декан.

— А я признаю, мистер Мак-Дауэлл.

Мощные удары в трехтонные бронзовые ворота храма не смолкали ни минуты. Они отражались громовым эхом от стен похожего на пещеру корабля собора, что тянулся на шестьсот футов в длину.

Мак-Дауэлл пошел по центральному проходу к апсиде, где вместе с небольшой группой прихожан молилась Джанет Д. Сандерс, вторая женщина, избранная примасом местной общины англиканской церкви.

— Епископ Сандерс! Я хотел бы переговорить с вами с глазу на глаз, — обратился к ней декан Мак-Дауэлл.

Шестидесятисемилетняя уроженка Канзаса посмотрела в его сторону.

— То, что вы хотите сказать мне наедине, можете смело говорить перед моей паствой.

— Со всем уважением, епископ, но большинство ваших прихожан находятся за стенами собора. Они напуганы. Собор Иоанна Богослова может всем им дать приют.

— Всевышний, — сказала епископ, — напустил чуму на этот город. Каждый, кто находится за этими стенами, рискует заболеть. Если мы откроем двери сейчас, то вы, мистер Мак-Дауэлл, обречете на смерть тех избранных, кого Иисус Христос пожелал спасти.

Прихожане согласно закивали головами.

Декан почувствовал, что его лицо заливают краской от гнева.

— Если Всевышний и впрямь наказывает нас за грехи, то этот наш поступок вполне может служить веским доказательством людской

порочности. Я думаю, если мы позволим нуждающимся в приюте расположиться в подвале, подальше от незараженных, этот наш поступок послужит Всевышнему доказательством того, что мы заслуживаем спасения.

Прихожане перевели взгляд на епископа, ожидая, что она ответит.

— Я думала над этим, мистер Мак-Дауэлл. Когда день клонился к вечеру, я стала искать в Библии ответы на тревожащие меня вопросы. В первый раз, когда Бог решил сокрушить грешников, Он приказал Ною построить ковчег, корабль спасения, по площади равный собору, в котором мы сейчас находимся. Ной предупреждал людей, но они не хотели его слушать. Когда пошли дожди и начался потоп, никому не было позволено взойти на ковчег, ибо Ангел Смерти уже пришел на землю. Двери в ковчег заперты, мистер Мак-Дауэлл. Ангел Смерти сюда не войдет.

Тридцать семь прихожан облегченно вздохнули. Кое-кто даже зааплодировал.

Звук вращающихся винтов вертолета достиг их ушей за несколько секунд до того, как свет прожектора рассеял тьму.

Патрик и Вирджил посмотрели вверх. Армейский вертолет завис над ними, готовый приземлиться.

— Надо куда-нибудь спрятаться... Лучше затеряться в толпе...

— Сюда.

Вирджил повел его по 113-й Восточной улице, мимо домов, в окнах которых горели свечи. Кружок света словно прилип к ним и неотступно следовал за беглецами. Они выскочили на Амстердам-авеню. На фоне ночного неба вздымалась громадина собора Иоанна Богослова. Вокруг него бурлил палаточный лагерь, в котором собралось несколько десятков тысяч человек. Беглецы, низко пригнувшись, легко затерялись в толпе. Кружок света потерял их из виду. Обогнув Фонтан мира, мужчины по засыпанной снегом лужайке выбежали на Кафедральную дорогу.

Все вокруг померкло. Патрик взглянул вверх и замер на месте...

Черный крылатый демон летел в восьмидесяти футах над его головой. Кроваво-красные глаза, не мигая, буравили Щеперда, словно хотели заглянуть ему прямо в душу.

Вирджил схватил его за руку и с силой потянул за собой. Они свернули в узкий переулок, зажатый двумя многоквартирными жилыми домами, но вернулись назад, увидев, что проход завален грудой мертвых тел. Теперь они шли медленно, огибая брошенные машины.

Прожектор вертолета «Пэйв Хок» снова отыскал их на Амстердам-авеню.

Вирджил согнулся вдвое, задыхаясь.

— Иди... без меня, — прохрипел старик.

— Нет.

Шеп огляделся, отчаянно ища места, где бы спрятаться.

Черные крылатые демоны спускались с неба. Время замедлилось. Каждый удар сердца отдавался эхом в ушах. Ночные создания спускались с неба, чтобы цапать его своими когтистыми лапами...

Лазурно-голубой свет прожектора метнулся в сторону, когда порыв ветра со скоростью сорок миль в час ударил в его стальной бок. В кружке света оказалась вывеска «Пиццерия „Минос“».

Все магазины и кафе на Амстердам-авеню пострадали от вандалов. За разбитыми витринами лежали груды битого стекла и поломанной мебели, но пиццерия «Минос» оставалась в целостности и неприкосновенности. Когда кружок света возвратился к Шеперду, ветеран увидел, что пиццерию охраняет кордон из сорока или более бездомных. Ни один мародер не осмелился вступить с ними в схватку.

Шеп помог Вирджилилу встать на ноги, и они направились к пиццерии. Оборванные мужчины и женщины перегородили им путь.

— Пожалуйста, нам необходимо убежище.

Приземистый итальянец в очках, с нечесаной бородой и волосами с проседью вытащил длинный охотничий нож.

— Уходи прочь или умрешь.

Шеп увидел на шее бездомного жетоны на цепочках.

— Сержант Патрик Шеперд, морская пехота Соединенных Штатов Америки, рота «Лима» третьего батальона двадцать пятого полка.

— Пол Спатола, сто первый воздушно-десантный, — отрекомендовался итальянец.

— Кого ты охраняешь, Спатола?

— Владелец пиццерии. Они хорошие люди.

— Я могу их спасти, — Шеп открыл деревянную коробочку, показывая итальянцу пробирки. — У меня есть вакцина от чумы. Правительство хочет ее украсть. Нам надо спрятаться... Быстрее...

Спатола посмотрел на танцующий свет луча прожектора вертолета. Рейнджеры спускались по канатам на улицу.

— Идите за мной.

Он провел их через толпу бездомных и забарабанил кулаком по алюминиевым жалюзи, опущенным на витрину пиццерии.

Дверь слегка приоткрылась. Мужчина внутри оставался в тени. Его речь приглушал респиратор.

— Что такое?

— Ветерану и его дедуле надо скорее сматываться с улицы. Он говорит, что у него есть вакцина против болезни, — объяснил Спатола.

— Вакцина? — недоверчиво спросил владелец пиццерии.

Шеп подошел ближе.

— За нами гонятся военные. Помогите нам, и мы поможем вам.

Из глубины пиццерии раздался женский голос.

— Не надо, Паоло!

Свет прожектора осветил лицо Патрика, зажатую в его руке небольшую деревянную коробочку и стоящего рядом Вирджила.

— Я могу вам доверять?

Старик кивнул головой.

— Если хотите пережить эту ночь, доверьтесь нам.

На Амстердам-авеню вооруженные до зубов рейнджеры расталкивали толпу, вглядываясь в лица людей.

— Входите! Быстрее!

Отперев решетку, Паоло приподнял ее вверх настолько, чтобы два незнакомца, согнувшись в три погибели, протиснулись под ней. И хозяин пиццерии резко опустил ее вниз. Сработал автоматический замок.

— Теперь никто сюда не войдет, — сказал он.

В помещении никого не было. От запаха итальянской стряпни, который проникал сюда из темной кухни, в животе у Патрика заурчало. Он направился было на запах еды, но Паоло остановил его.

— Я должен проверить вашу кожу. А вдруг вы заразились?

Мужчины подняли свои рубашки и приспустили штаны. Паоло, светя фонариком, осмотрел их шеи, подмышки, ноги и промежности.

Шеп передернулся, когда кошка ткнулась носом в голую левую икру.

— Кажется, с вами все в порядке, — наконец произнес хозяин пиццерии. — Идите за мной.

Они проследовали за итальянцем мимо застланных клетчатými скатертями столиков на кухню. На алюминиевых разделочных столах лежали буханки хлеба, качалки не до конца порезанной салями и кубики сыра. Рядом стоял поднос с сэндвичами.

— Берите все, что хотите, — сказал Паоло. — Остальное достанется бездомным. Все равно продукты пропадают.

Шеп схватил с подноса сэндвич и в три прихода проглотил его.

— Вирджил! Бери... ешь...

— Я уже ел. У нас мало времени. Солдаты...

Алюминиевая дверь холодильной камеры открылась. Из-за нее показалась беременная итальянка с черными как смоль волосами. В руках она сжимала дробовик.

— Все в порядке, Франческа, — сказал Паоло. — Они здоровы.

— Никого сейчас нельзя считать абсолютно здоровым, — сказала женщина. — Мы все умрем от чумы.

С улицы донеслась ругань. Раздались выстрелы.

— Быстрее в холодильник!

Паоло подтолкнул Шепу и Вирджила в холодильную камеру и с силой захлопнул дверь за собой.

Они оказались в темноте. Воздух в холодильной камере был спертым. Воняло гниющими продуктами. Мяукали коты. Тусклый лучик фонарика в руке женщины осветил ее мужа. Паоло подвинул в сторону ящики с салатом латуком и встал на колени на мокром деревянном полу. В руке мужчина сжимал загнутую крючком проволоку. Просунув один конец в отверстие, оставшееся от выпавшего из доски сучка, Паоло поводил проволокой, чтобы подцепить веревочную петлю. Схватившись за нее рукой, итальянец встал и сильно дернул веревку на себя. В полу открылся люк. Оттуда полился дрожащий свет масляной лампы. От люка вниз, в подвал, вела лестница.

Паоло спустился до половины, а затем встал на ступеньке, помогая Франческе. Следующим был Вирджил, потом — Патрик. Вновь поднявшись по лестнице, Паоло позвал кошек. Животные мигом

заскочили в люк. Поправив крышку люка, мужчина захлопнул ее и только тогда спустился вниз.

Теперь они находились в старом винном погребе. Сложенные из камня стены, скрепленные известковым раствором, свидетельствовали, что этому помещению не одно столетие. Воздух в погребе был сухим, но спертым. В углу стояли старый буфет и картонные коробки.

— Подержите, — протягивая Вирджила масляную лампу, попросил Паоло.

Вместе с Патриком они отодвинули картонные коробки. За буфетом оказалась небольшая деревянная дверь, запертая на висячий замок.

— По этому проходу можно добраться до 8-й авеню, — пояснил Паоло. — По туннелю метро мы дойдем до 103-й улицы, а затем срежем дорогу через Центральный парк. У брата Франчески — небольшой катер в Бэттери-парке. На нем мы уплывем с острова.

— Бэттери-парк! — воскликнул Патрик. — Моя жена и дочь живут там.

— Дайте вакцину за ваше спасение.

— Да... конечно...

Шеп открыл крышку деревянной коробочки и вытащил из нее две пробирки.

Франческа забрала у Вирджила лампу.

— Откуда я знаю, что это вообще помогает, Паоло? — сказала она. — А если эта вакцина убьет нашего сына?

Женщина посветила сначала себе на живот, а потом на лицо Шеперда.

— Мистер Ветеран Войны! Вы сами хоть врач?

— Мое имя — Патрик. Друзья называют меня Шепом. Моего товарища зовут Вирджил. У меня нет никакого медицинского образования, так что я понятия не имею, какое влияние вакцина окажет на вашего ребенка. Единственный побочный эффект, о котором я знаю, — это галлюцинации...

— Поэтому я и не стал ее пить, — вставил Вирджил.

— Никакого медицинского образования, — хмыкнула Франческа.

Женщина поднесла пробирку с прозрачной жидкостью ближе к лампе. Ее муж открыл висящий на маленькой дверце замок.

— Три года назад я училась на медсестру, — сказала Франческа. — Правда, не доучилась... Теперь вместо того, чтобы работать в

больнице и иметь полный социальный пакет, мне приходится разносить пиццу и кормить бездомных.

— Дорогая! У нас мало времени. Простите мою жену. Она может родить в любой момент.

Вирджил прищурился, защищая глаза от яркого света лампы.

— Не знаю, насколько это важно, Франческа, но сегодня утром я вместе с Патриком был в ветеранском госпитале и видел беременную женщину, заразившуюся чумой. Она лежала в палатке-изоляторе. Думаю, все, кто работал там, уже мертвы. Что же касается бездомных, то они, по-моему, сполна отплатили вами.

Паоло, приложив усилие, дернул деревянную дверь на себя. Порыв холодного ветра, завывая, ворвался в подвал.

— Бездомные не устоят перед автоматами, Франческа. Да или нет? Будешь принимать вакцину?

— Ради безопасности ребенка я подожду, а ты пей.

— Разумно... Моя жена — умная женщина.

Вытащив пробку, Паоло осушил пробирку с вакциной.

Встав на четвереньки, его жена, не выпуская лампу из рук, протиснулась в лаз. За ней последовали Вирджил, Шеп и кошки.

Бросив на пол пустую пробирку, Паоло опустился на четвереньки и пополз...

Организация Объединенных Наций

02:11

Связь поддерживалась через головные телефоны. Перевод осуществляли на языки пяти постоянных членов Совета Безопасности — французский, русский, китайский и английский. Текст синхронного перевода всплывал на мониторе.

Президент Эрик Когело допил воду из бутылочки, ожидая, когда председатель Совета Безопасности начнет совещание.

— Здравствуйте. Это Раджив Каушик, заместитель генерального секретаря. Я должен с прискорбием уведомить уважаемых членов совета, что Генеральный секретарь и председатель Совета Безопасности заразились чумой. Они не в состоянии принять участие в заседании. Если нет возражений, то я буду исполнять обязанности председателя во время чрезвычайного заседания. Представитель Франции на линии?

— Qui.

— Представитель Российской Федерации?

— Да.

— Представитель Китая?

— Здравствуйте. Это Си Цзиньпин. Председатель Цзиньтао болен.

Поскольку я являюсь старшим по занимаемой должности членом нашей партии, постоянный комитет уполномочил меня представлять Китай на заседании Совета Безопасности.

— Спасибо, мистер Цзиньпин. Представительница Великобритании с нами?

— Да. Я здесь.

— Представитель Соединенных Штатов?

— Присутствует.

— Итак, начнем с представителя Соединенных Штатов. Нам неоднократно обещали, что нас скоро эвакуируют. У меня складывается впечатление, что нас намеренно оставили здесь умирать.

— Прошу простить, если у вас сложилось такое превратное мнение. Ситуация в городе крайне серьезная. Эвакуация начнется на рассвете.

В ответ на заявление президента Когело обрушился шквал на русском языке. На экране появился перевод: «Это бесчестно. Делегации вымирают до последнего человека. Вы не можете держать нас взаперти. Это нарушение устава ООН».

Когело глубоко вздохнул, стараясь не потерять самообладания.

— Опасения президента Медведева разделяют все, включая моих людей. Но давайте расставим все точки над «i». Вспышка этого заболевания в случае, если мы не обеспечим стопроцентной изоляции пораженной территории, может перерасти во всемирную пандемию. На Манхэттене умерло около полумиллиона человек. Все мы потеряли коллег, друзей и близких людей. Никто из нас не хочет, чтобы эвакуация проводилась без должных мер безопасности, так как, заразившись, члены делегаций распространят чуму по всему миру.

— Согласно поступившей к нам информации эта форма чумы была разработана в контролируемых ЦРУ лабораториях.

— Повторяю еще раз. Полмиллиона людей умерли, еще больше заразились, и почти все они — американские граждане. В будущем будет проведено расследование и названы виновные, но сейчас нашей

первоочередной задачей является эвакуация глав государств и работающих в ООН дипломатов на защищенную от биологической угрозы базу на острове Говернорс. Для этого каждого человека следует обеспечить герметичным скафандром, что помешает зараженным инфицировать здоровых людей. Комбинезоны биологической защиты сейчас в пути. Как только они придут, вы их получите. Недавно мне сообщили, что найдена вакцина, которой можно не только делать прививки, но и лечить от чумы.

Когело подождал, пока его слова переведут. В наушниках слышалось невнятное перешептывание.

— Это хорошие новости. А теперь надо обсудить еще один вопрос. Мистер Каушик?

Исполняющий обязанности председателя Совета Безопасности взял слово:

— У президента Когело есть веские причины считать, что новый верховный лидер Ирана после возвращения в Тегеран собирается передать работающим на его страну агентам в Ираке, Израиле и, возможно, Соединенных Штатах чемоданчики с атомными бомбами. Телефонный разговор, который вы сейчас услышите, состоялся между аятоллой Ахмадом Джаннати и генералом, курирующим расположенный недалеко от столицы Кодский тренировочный лагерь боевиков.

Представители Совета Безопасности внимательно слушали аудиозапись телефонного разговора и читали всплывающий на экране перевод.

Первым тишину нарушил заместитель председателя КНР:

— Я не услышал никакой угрозы от мистера Джаннати. Он только заявил, что собирается объявить себя махди.

— Со всем должным почтением, мистер Цзиньпин, наша служба разведки ясно разъяснила последствия его поступка. Мы просим Совет Безопасности сделать строгое предупреждение мистру Джаннати, министру иностранных дел Ирана и фундаментально настроенным религиозным лидерам этой страны. Любая страна, которая снабжает обогащенным ураном террористические организации, должна в случае применения ядерных бомб сама испытать на себе силу ядерного оружия.

— А как мы будем уверены, что к этим предполагаемым террористическим нападениям причастно политическое руководство Ирана? — спросил президент России. — В вашем правительстве, мистер президент, есть люди, которые со времен вице-президента Чейни проводят политику, направленную на военное вторжение в Иран. Можем ли мы получить гарантии, что ядерные заряды не будут в провокационных целях подорваны ЦРУ или «Моссадом»?

— Моя администрация ищет мирные способы разрешения конфликтов на Ближнем Востоке.

— Если это соответствует истине, то почему, в таком случае, американские войска оккупируют Ирак и Афганистан? Когда вы закроете военные базы в этом регионе мира? Ваш новый министр обороны продолжает встречаться с военным руководством Грузии, провоцируя Россию на ответные действия по наращиванию нашего присутствия в Абхазии и Южной Осетии. Эти действия американского правительства расходятся с его миролюбивыми декларациями.

— Мы разберемся с деятельностью мистера де Борна. Правительство Соединенных Штатов намеревается продолжить вывод наших войск из Ирака. К августу мы сократим наше военное присутствие до запланированных пятидесяти тысяч, однако недружелюбные действия мистера Джаннати сводят на нет все наши старания, укрепляя положение консервативно настроенных политиков как в самом Вашингтоне, так и в Тель-Авиве. Мы будем вынуждены ответить адекватными мерами.

— А что насчет чумы, которая забрала столько жизней, в том числе жизни почти всех членов иранской делегации? Не будет ли руководство в Тегеране считать это недружелюбным действием со стороны Соединенных Штатов?

Несмотря на чудовищную головную боль и жар, Эрик Когело пытался не терять нить разговора:

— Полмиллиона американцев мертвы. Наш крупнейший город стал непригоден для жизни. Если называть то, что случилось, «недружелюбным действием», то оно направлено не против Ирана, а против Америки. Еще раз заверяю вас: мы проведем тщательное расследование, и все виновные понесут наказание. А сейчас мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы не позволить радикалам

различного толка развязать ядерную войну. Ведь именно с этой целью мы собрались в Нью-Йорке на этой неделе. Все мы хотим мира.

Но русский не унимался:

— Мистер президент! В августе две тысячи первого года президент Путин отправил русскую делегацию в Вашингтон предупредить президента Буша о том, что Аль-Каида планирует захватить пассажирские самолеты коммерческих авиалиний и направить их на Всемирный торговый центр. В своих опасениях мы были не одиноки. Разведки еще, по крайней мере, двенадцати стран предупреждали вас о готовящихся терактах. Немцы, например, назвали точную дату захвата самолетов. Почему вы проигнорировали наши предупреждения? Причина очевидна. Администрация Буша была заинтересована в успехе терактов. Только таким образом они могли оправдать вторую войну с Ираком. И вот теперь, через десять лет, все повторяется. Только на этот раз намечена другая жертва — Иран. Мистер президент! Если вы на самом деле хотите предотвратить ядерный холокост, не просите нас угрожать Ирану. Займитесь лучше подрывными элементами внутри своей собственной страны. Именно они сводят на нет все ваши мирные инициативы...

Пиццерия «Минос»

Амстердам-авеню

02:19

Резиновые пули и слезоточивый газ разогнали бездомных. Взрыв гранаты вышиб стальные ворота безопасности из направляющей дорожки. Майор Дауни, переступив через кучу битого стекла и обломков, вошел в пиццерию.

— Они прячутся где-то здесь.

Рейнджеры в черном медленно продвигались по пустынному помещению, отпихивая ногами покрытые клетчатыми скатертями столы. Они обыскивали встроенные в стены шкафчики и даже... подвесные пеналы. Без внимания не осталось ни одно место, в котором мог бы спрятаться взрослый мужчина.

— Сэр! Кто-то на кухне недавно делал сэндвичи.

— Бездомные охраняли не сэндвичи. Обыщите квартиры наверху.

Двое рейнджеров вышли из холодильной камеры, грубо толкнув Дэвида Кантора в плечо. Врач вошел в холодильник. Там было

довольно тепло. Луч карманного фонаря осветил емкости с тестом для пиццы и тертым сыром. Дэвид сел на деревянный ящик с томатами.

Все тело болело от усталости. Нервы — на пределе.

«Надо как-то оторваться от отряда и идти в школу к Гави».

Он услышал кошачье мяуканье, доносящееся откуда-то из тьмы, но кота нигде не увидел. На полу в свете фонарика Дэвид разглядел влажный прямоугольник, оставленный, судя по всему, ящиком. Мужчина ударил по полу прикладом автомата. Гулкий звук выдал пустоту. Дэвид выглянул на кухню. Никого. Сверху доносился топот рейнджеров, обыскивающих квартиру владельцев пиццерии.

Вернувшись к мокрому пятну на полу, Дэвид что есть силы ударил ботинком по люку и сломал одну из досок.

Туннель метро

02:35

Туннель на глубине трехэтажного дома, по которому они двигались под умирающим городом, был проложен полвека назад и служил для технического обслуживания городских коммуникаций. Только пляшущий свет масляной лампы Паоло сдерживал приступ клаустрофобии у идущих. Свет скользил по бетонным стенам, расписанным граффити, отражался от тянущихся вдоль туннеля труб. Подошвы их обуви шаркали по цементному полу. Сверху капала вода, насыщая невидимые лужи, скрытые в вечной тьме. Франческа крепко сжимала руку мужа, борясь с нарастающим страхом. Поясница и плечи ныли от бремени ребенка, которому, возможно, так и не суждено будет родиться.

Спустя десять минут медленного продвижения вперед туннель соединился с линией 8-й авеню. По холодным, поблескивающим в свете лампы рельсам больше не мчались поезда, но и без того они представляли нешуточное препятствие при ходьбе. Повсюду валялись трупы крыс — мокрые комки шерсти с розовыми носами и окровавленными острыми зубами.

Франческа перекрестилась.

— Паоло! Дай мне вакцину, — попросила она у мужа.

Муж неуверенно посмотрел на Вирджила.

— Что ты думаешь? Можно?

— Это твое решение, сынок, — ответил старик. — Возможно, тебе следует помолиться.

Патрик хмыкнул и сказал:

— После твоего рассказа об Аушвице я не понимаю, как ты можешь предлагать ему молиться.

— Я считаю, что молитва поможет Паоло принять верное решение. Это их ребенок. Решение должен принять не ты, а они.

— А если Господь проигнорирует его молитву, как Он не хотел слышать твои молитвы? Что тогда? Ведь Господь не услышал молитвы шести миллионов человек, погибших во время холокоста.

— Я никогда не говорил, что Господь проигнорировал наши молитвы, — сказал Вирджил. — Просто его ответ был: «Нет».

— Очевидно, Господь и сейчас намерен ответить отказом. Думаю, что все эти люди с семьями, отходя ко сну в своих машинах, молились, чтобы чума пощадила их. То же самое можно сказать и о тех, кто умирает сейчас на улицах.

— Бог — это не глагол, Патрик. Чтобы его воля претворялась в жизнь, мы, и только мы, должны действовать. Молитва — это не просьба и не мольба, это искусство, овладев которым, можно общаться на более высоких духовных уровнях. Она имеет силу превратить человеческое эго в бескорыстный сосуд, способный принять в себя божественный свет. Свет — это...

— У нас нет времени выслушивать проповеди, — прервал его Патрик. — Франческа! Возьмите вакцину.

— Пока не надо, — возразил Паоло.

Он повернулся, ослепив Шеперду глаза светом своего фонаря.

— Мне кажется, Вирджил прав. В такие времена мы должны полагаться на веру.

— Знаете, что такое вера, Паоло? Вера — это принятие какого-нибудь мнения без доказательств. Вера — это иллюзия, а вот вакцина — вполне материальна.

— Вера — реальная сила, — возразил Вирджил. — В противном случае мы попусту тратим наше время на поиски твоей жены и дочери.

Шеп почувствовал, как закипает. У него повысилось кровяное давление.

— Это разные вещи. Ты же с ней разговаривал.

— Да, но после этого многие заразились. Из того, что я вижу вокруг, можно предположить, что она уже мертва. Возможно, нам следует идти прямо к катеру.

— Би — не мертва.

— И на чем же основана твоя убежденность?

Патрик старался не выйти из себя.

— Молись, черт побери, Паоло... — проворчал он.

— Боже! Ты сделал нас по образу и подобию своему. Наши сердца не знают покоя, пока они не успокоятся в Тебе...

Чувство было подобно ледяной воде, льющей на спину. Шеп медленно обернулся. Его глаза уставились во тьму туннеля, из которого они только что вышли. Из мрака на него смотрел Мрачный Жнец. Руки существа подняты вверх. Острые косы угрожающе сверкает... Пустые глазницы прикрытого капюшоном черепа уставились на Патрика. Молитва благочестивого человека явно не оставила равнодушным Ангела Смерти.

— Одари нас Своей благосклонностью. Пусть мы полюбим Тебя всей глубиной наших сердец. Пусть будем неустанно искать и находить Тебя, а когда найдем, пусть познаем Тебя и поделимся этим знанием со своими ближними...

Издав беззвучный крик, Мрачный Жнец отступил во тьму туннеля.

— Во имя Иисуса Христа, аминь!

Шеп вытер дрожащей правой рукой капли пота со лба.

— Аминь!

Чайнатаун

02:47

Ее выдернули из полного кошмаров сна за волосы. Боль вывела Гави Кантор из наркотического забытья. Ее поставили на ноги. Сухопарый парень неприятно пах кремом после бритья. Взявшись за ее волосы, словно за собачий поводок, он потащил ее плохо освещенным парафиновыми свечами лабиринтом мимо ванн комнат без дверей. Они очутились в длинном коридоре. По бокам виднелись дверные проемы, завешенных шторами «стойл». Прокисший воздух вонял старый луком. Из дверных проемов долетали звуки, больше похожие на звериный рык, чем на человеческий голос. Гави даже в

полубреду рассмотрела, что озверевшие мужчины заставляют делать голых девочек. Она завизжала.

Парень, которого она видела лишь мельком, ударил ее кулаком по затылку. Гави упала на колени.

— Довольно!

Толстая мексиканская сутенерша была тяжелее сухопарого парня на добрые шестьдесят фунтов.

— Отдай ее мне. Она моя. Иди сюда, кралечка. Али Чино тебя обидел?

Плохой полицейский и хороший полицейский. Тринадцатилетняя девочка, горько рыдая, на коленях поползла в объятия сутенерши. Мадам подмигнула сухопарому парню.

Торговля людьми — это не просто проституция. Это всемирная преступная сеть, которая занимается похищением детей, подростков и молоденьких девушек для превращения их в секс-рабынь. Этим бизнесом руководит организованная преступность. Ежегодный доход от торговли людьми составляет несколько миллиардов долларов. Больше всего страдают русские, албанки и украинки, которых переправляют для продажи в Западную Европу и на Ближний Восток.

В США сложился один из самых больших рынков потребителей секс-рабынь. Каждый год в Соединенные Штаты незаконно ввозится около тридцати тысяч женщин и детей. Их провозят через мексиканскую границу, а затем продают в подпольные бордели, расположенные в частных домах и на квартирах. Некоторые заведения находятся в таких больших городах, как Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес, владельцы других предпочитают маленькие города-спутники, где они не так бросаются в глаза.

Впрочем, торговля людьми в Америке — это улица с двусторонним движением. Американские дети и подростки пользуются большим спросом за океаном. Ребенка от шести до тринадцати лет могут продать за шестизначную сумму. Многими конечными покупателями являются наши союзники, шейхи из Саудовской Аравии, поэтому Министерство иностранных дел склонно смотреть на это сквозь пальцы.

В комнате не было окон. На бетонном полу лежали матрасы. Двадцать две девочки возрастом от десяти до девятнадцати лет «работали» посменно. В последние дни перед концом света «бизнес» процветал.

«Работали» в основном русские и латиноамериканки. На тощих телах — лишь купальники на бретелях. На лицах — дешевая косметика. Голые руки испещрены следами уколов и синяками. Глаза пустые, словно свет жизни покинул их души, заключенные в мрачной темнице. Групповые изнасилования и от двадцати до тридцати клиентов за день превратили этих девочек в ходячие манекены, которые смотрят на мир через замутненное стекло.

Мадам ударом ноги согнала румынку с матраса и толкнула американку на ее место. В обязанности «суррогатной матери» входило психологическое подавление своих «воспитанниц» прежде, чем за их «подготовку» возьмутся мужчины. Все обучение сводилось к бесконечным групповым изнасилованиям и побоям, которые подавляли малейшее сопротивление со стороны новенькой. После двух недель американский «товар» накачивали наркотиками и отправляли для дальнейшей перепродажи в Восточную Европу. Годовой доход мадам составлял около трех миллионов долларов.

— Пожалуйста! Отпустите меня! Я просто хотела купить часы...

Толстая женщина ударила Гави по лицу тыльной стороны ладони. Потекла кровь.

— Ты останешься здесь и будешь ждать, пока я за тобой не приду, — сказала мадам. — Если попробуешь сбежать, другие девочки мне скажут, и тогда за тобой придет Али Чино. Али убил много девочек. Он найдет тебя и убьет. Ты этого хочешь?

Гави Кантор трясло нервной дрожью. Из глаз капали слезы.

— Нет, — ответила она.

— Тогда слушайся меня. Я здесь, чтобы заботиться о вас, но ты должна быть послушной девочкой.

Оглядев собравшихся в комнате, латиноамериканка указала пальцем на русскую девочку.

— Ты научишь ее пользоваться пенициллином.

Западная авеню Центрального парка

02:45

Авеню тянется вдоль западной границы Центрального парка от 110-й улицы на юг до 59-й.

Паоло погасил лампу и покинул пустую станцию метро, ведя за собой Франческу, Вирджила и Патрика. Лавируя между оставленными машинами, они направились через площадь Фредерика Дугласа к Западной авеню Центрального парка.

Луну закрывали облака. В ее рассеянном свете громадины высотных зданий чернели на границе Центрального парка. Там жили богатые и влиятельные люди города. Но сейчас эти здания утопали во тьме. Иногда воздух оглашали крики отчаяния и страданий. За ними слышался глухой удар тела, выброшенного из открытого окна на покрытый снегом тротуар.

Достигнув 106-й улицы, Паоло повел товарищей к Воротам чужестранца. Через этот скромный вход они вошли в «лесную» часть парка по каменной лестнице из черного сланца. Вокруг росли американские вязаы, их голые ветви смыкались над головами путников, которые пошли на восток, миновали безлесный холм и вышли на асфальтированную дорогу. Это была Вест-драйв...

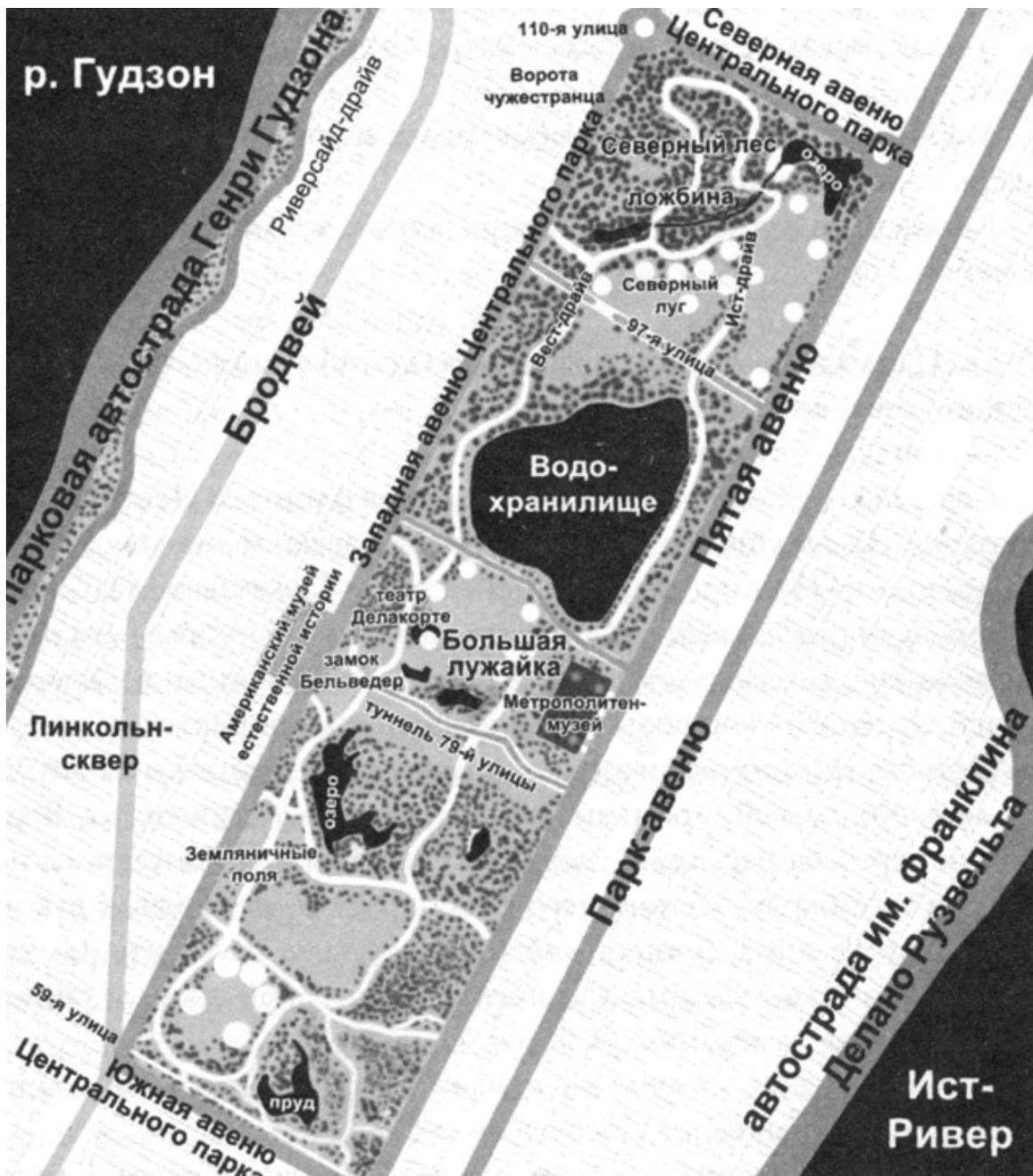
Излюбленное место сексуальных извращенцев, психопатов и трансвеститов. Вот и сейчас тихие мольбы этих волков в человеческой плоти вносили свою долю ужаса в ночь.

Франческа дернула мужа за рукав.

— Мы здесь все как на ладони. Пойдем по ложбине.

Парящий на высоте двухсот футов над землей «Жнец», быстрый и бесшумный, увидел свою добычу.

Свежую информацию майору Дауни передали по коммуникатору. Координаты цели высветились в правом окуляре.

- Они в Центральном парке! Пошевеливайтесь!
- Сэр, пропал один человек... национальный гвардеец. Выругавшись про себя, офицер переключил радиочастоты шлемофона.
- Центр контроля! Где сейчас находится «Дельта-восемь»?
- «Дельта-восемь» в четырех метрах на юг от вашего местоположения.

Майор Дауни озадаченно осмотрелся и вошел в распахнутую дверь холодильной камеры...

Коммуникатор Дэвида Кантора лежал в открытом судочке с майонезом.

Глаза Паоло настороженно вглядывались во тьму поля, ловя малейшее движение теней.

— Сюда, — скомандовал он.

Северный лес занимает девяносто акров площади Центрального парка. Из-за густо насаженных деревьев звуки мегаполиса сюда не долетают. По лощине, тянущейся через Северный лес, бежит ручей, который впадает в Лох, продолговатой формы озерцо, а оно ниспадает каскадом из пяти небольших водопадов в другой ручей, несущий свои воды вдоль южных границ парка.

Они быстро миновали заснеженную лужайку и достигли опушки леса. Холодный, пронизывающий ветер дул им в спину. Верхушки деревьев раскачивались все сильнее. Паоло опустился на колени на мокрую от тающего снега траву и, прикрывая рукой зажигалку от ветра, попытался вновь засветить масляную лампу. Порыв ветра задул пламя. Он чиркал зажигалкой снова и снова, пока не обжег замерзшие на ветру пальцы.

— Фитиль весь сгорел, — пояснил он. — Теперь от лампы мало проку. Франческа! Посвети своим фонариком.

Женщина включила фонарь, но слабый луч не рассеял мрак между деревьями.

— А теперь что делать?

— Т-с-с-с...

Паоло прислушался. Где-то журчала вода.

— Будем держаться за руки, — сказал он. — Я выведу вас на дорожку.

Взяв жену за руку, Паоло переступил через небольшой кустик.

Они почти не видели вытянутой вперед руки. Шли по опалой листве, спотыкались о поваленные деревья.... Невидимые ветки цеплялись за их одежду, больно хлестали по лицу... Наконец они вышли на узкую асфальтовую дорожку. Где-то впереди, в крошечной тьме ночи, была Хадлстоунская арка, естественное образование из огромных сланцевых валунов, держащихся вместе только благодаря

силе тяжести... Пригнув головы, ощупывая ногами каждый дюйм, они медленно вошли под арку. Дорога поднималась в гору...

В серебристом свете луны показалась тропинка. Она сворачивала направо, пересекая ручей по деревянному мосту.

На мосту стоял Мрачный Жнец.

— Паоло! Мои ноги... Я должна немного отдохнуть...

Не видя Ангела Смерти, женщина подошла к мосту и оперлась на перила.

Патрик хотел закричать, предупредить Франческу об опасности, но не смог. Казалось, его горло сдавила невидимая рука. Глаза Патрика округлились от ужаса, когда он увидел, как Мрачный Жнец бесшумно поднимает свое оружие высоко над правым плечом. Лезвие косы, как показалось Шепу, нацелено прямо на тонкую шею беременной женщины.

Франческа поежилась. Выдыхаемый ею воздух закрубился белесым паром в лунном свете.

— Что-то холодно стало, — сказала она.

Мрачный Жнец улыбнулся Патрику, когда его руки — покрытые останками плоти, связок и сухожилий кости — резко дернулись. Позеленевшее лезвие косы метнулось вниз.

Двумя гигантскими прыжками обогнав Паоло, Шеп попытался отразить своим протезом удар косы Мрачного Жнеца. От удара металла по металлу во все стороны посыпались оранжевые искры, на секунду осветившие лощину.

Временно ослепленный ярким светом Шеп упал на одно колено. Его тело сотрясала мелкая дрожь.

— Что это было? — вертя головой на все стороны, спросила Франческа и широко открытыми глазами посмотрела на мужа.

— Что это было?

— Ты не видел вспышки?

— Нет, дорогая. А ты, Вирджил?

Старик опустил на колени возле Шепу.

— Сынок... Как ты? Нормально?

— Жнец... Он пришел за Франческой.

Вирджил взглянул в сузившиеся зрачки глаз Патрика.

— Паоло! Дай жене вакцину.

— Но ты же говорил...

— Дай немедленно.

Франческа взяла пробирку у мужа и залпом осушила ее.

Шеперд стоял как вкопанный. Красные пятна перед глазами постепенно поблекли.

— Я встретил его лезвие своим протезом. Вы ведь видели искры?

— Нет, но Франческа, кажется, видела. Ты должен вытащить ее из этого туннеля.

— Из какого туннеля?

— Оставляя Малхут, физический мир, — начал объяснять Вирджил, — душа направляется через световой туннель в пещеру Махпела,^[56] в которой похоронены патриархи всего человечества.

Шеперд оттащил старика в сторону.

— Чума... Все эти смерти... Это ведь как званый ужин для него?

— Забудь о смерти, Патрик. Причина всех бед — злоба и алчность человеческая. Именно они дают силу Сатане. В определенном смысле Ангел Смерти — это барометр человеческой души. Грехи этого мира переполнили чашу терпения Господа, и в мир пришла Смерть. Скоро наступит конец света. Тогда даже невинным детям не будет спасения.

Остров Говернорс

03:29

Биологическую лабораторию развернули в одной из бывших казарм. В открытом гараже поблизости гудел переносной генератор.

Дуглас Николс протянул Ли Нельсон кружку кофе. Подполковник прилетел из форта Детрик семь часов назад руководить анализом и репликацией вакцины против «Косы».

Старый вояка с квадратной челюстью улыбнулся красивой брюнетке.

— С вами все в порядке?

Нижняя губа Ли вздрогнула.

— Было бы, если бы вы позволили мне поговорить минут пять с мужем по телефону.

Улыбка мужчины увяла.

— После идентификации вакцины я разрешу вам поговорить по телефону...

— Вы — сама любезность.

— Вы утверждаете, что держали в руках иммунную сыворотку. Смогли бы узнать футляр, в который ее упаковали? — спросил Дуглас Николе.

— Вероятно, да.

Открыв лэптоп, подполковник вошел на секретный военный сайт.

— Вот стандартные полевые кейсы, к которым имела доступ доктор Клипот. Вот эти, например, используют для транспортировки вакцины против гриппа.

— Нет, — заявила Ли Нельсон. — Коробочка была не металлической, а из полированного дерева. Внутри — пенопластовые отделения для двенадцати пробирок. В каждой пробирке — примерно три унции жидкости.

— А на коробочке были какие-нибудь надписи?.. Серийный номер, там, или эмблема отдела?

— Нет, насколько я помню. Но внутри коробочки было вложено предупреждение... Там говорилось, что вакцина является сильным нейромедиатором и может временно вызывать галлюцинации.

— Вы точно запомнили? — выразил сомнение подполковник.

— Точно. Клипот сильно нервничала почти сразу после того, как я дала ей антидот. Помню, я подумала...

Дуглас Николе пробежался по ссылкам на сайте.

— Вы об этой коробочке говорите? — спросил он у женщины.

Ли глянула на экран.

— Да. Это она. Я полностью уверена... Что-то не так?

— Это упаковочный ящик для лекарств антимикробного действия, включая тетрациклин, хлоромидетин и стрептомицин. Эти антибиотики выращиваются в искусственных средах из организмов, которые становятся инактивированными под действием формальдегида и сохраняются в слабом растворе фенола. По этим и другим причинам сывороточным антибиотикам необходим прямой доступ в кровь. Кто, как не вы, должны знать, что легко усваиваемые противомикробные сыворотки не могут преодолеть гематоэнцефалический барьер?

— Вы думаете, я вам лгу?

— Находившаяся на вашем попечении Мэри Клипот сбежала, — сказал Дуглас Николе. — Потом сбежал сержант Шеперд. А теперь вы преднамеренно лжете о природе вакцины. Я не верю в

неправдоподобные совпадения. По-моему, вы работаете на террористическую группу, повинную в биологическом заражении Манхэттена.

— Но это же безумие! — вскричала Ли.

— Охранник!

Из смежной комнаты вышел военный полицейский.

— Да, сэр.

— Доктор Нельсон лжет нам. Пусть капитан Звава допросит ее... с пристрастием...

Центральный парк, Нью-Йорк

03:51

Пройдя Северный лес, спутники обошли Северный луг, освещенный множеством костров, вокруг которых сновали люди. Затем они пересекли мост на 97-й улице и остановились передохнуть у бронзовой статуи датскому скульптору Бертелю Торвальдсену.

Патрик оставил их здесь, а сам отправился на «рекогносцировку» вдоль восточной границы парка. Прячась за четырехфутовой каменной оградой, он осмотрел 5-ю авеню. Машины перекрывали проезд. Под навесами магазинчиков мелькали тени. Патрик уже хотел вернуться к спутникам, когда громкий шум потревожил тишину ночи.

На юг по 5-й авеню ехало два черных «хаммера». Проезжая часть дороги была запружена брошенными автомобилями, поэтому «хаммеры» двигались по широкому тротуару, примыкающему к Центральному парку. Морозный ночной воздух разрывали пронзительные вопли, когда колеса «хаммеров» наезжали на лежащих и ползущих по тротуару больных людей. Двойные колеса внедорожников ломали конечности и раскалывали черепа.

Патрик поспешил обратно через парк. Своих товарищей он обнаружил на детской площадке, расположенной на 96-й улице.

— Они близко. Надо уходить.

Франческа застонала. У нее болели ноги.

— Как они нас так скоро отыскали? — спросила она.

— Наверно, они используют беспилотные самолеты слежения, — предположил Патрик, взглянув на покрытое тучами небо. — Пойдемте.

— И куда нам идти? — раздраженно спросил Паоло. — Мы пришли с севера. К западу отсюда — только спортивные площадки и поля. На юг — водохранилище. Нас настигнут раньше, чем мы сможем его обогнуть.

— В пиццерии было безопаснее, — пожаловалась Франческа. — Я же просила тебя их не впускать. Я тебя умоляла...

— Франческа... прошу...

Паоло встал на колени возле покрытой инеем детской горки, закрыл глаза и начал молиться:

— Боже! Почему ты привел нас сюда лишь затем, чтобы мы погибли? Выведи нас отсюда живыми и здоровыми! Укажи нам путь!

— Помоги нам, Боже! Покажи нам путь! — с сарказмом в голосе подражал Паоло Вирджил.

— Вирджил... пожалуйста...

— И закричал Моисей Господу: «Боже! Сделай что-нибудь! Перед нами Красное море, а позади — египтяне». И Бог ответил: «Ma titzach alai?» — что значит: «Почему ты кричишь на меня?» Вот именно, Паоло. Моисей кричал на Бога, а Бог кричал на него в ответ: «Почему ты кричишь на меня?»

Паоло поднялся с колен.

— Я... Я не читал этого в Библии, — заявил он.

— Когда создавался перевод Библии короля Якова, этот стих попросту изъяли. Ни один священник или раввин не возражал. Мало кто способен принять такой вот ответ Бога Моисею. Ведь Бог — добр и справедлив... Но Бог на самом деле всего лишь говорит евреям, что они сами способны себе помочь.

— Я не понимаю. Как евреи смогли бы перейти Красное море без помощи Господа?

— Ответ можно найти в четырнадцатой главе Книги Исхода. Стихи от девятнадцатого по двадцать первый включительно. Это самое важное место во всем Талмуде. Переставляя буквы особым способом можно получить семьдесят два трехбуквенных слова. Именно эти слова Господь начертал на посохе Моисея.

— Что они означают? — спросил Паоло.

— Семьдесят два имени Бога... Ну... Не совсем имена в обычном понимании слова. Это комбинация арамейских букв, которая может усилить связь души с миром потустороннего и помочь воспринять

божественный свет. Молодой Авраам с помощью семидесяти двух имен Бога остался жив, когда по приказу царя Нимрода его бросили в огненную печь. Моисей использовал их силу, чтобы влиять на физический мир.

— Вирджил! Извини, но... Разве это может нам помочь?

— Паоло! Если ты и впрямь веришь во всезнающего и всевидящего Бога, то для Господа оскорбительно, когда люди считают, что Ему все время надо напоминать о своих бедах и просить о помощи. «Эй, Всевышний! Спустись на минуточку вниз! Не забудь позаботиться о моей любимой, моих деньгах и моей пище». Поэтому неудивительно, что Создатель, Бог Света, сказал Моисею: «Ma tizach alai? Почему ты кричишь на меня?» На самом деле реплика Бога означает: «Моисей! Соберись! У тебя есть силы, так используй их!»

Шеп шагнул вперед. Его глаза неотрывно смотрели туда, откуда раздавался шум приближающихся автомобилей.

— Вирджил! Сейчас не самое подходящее время для проповеди.

Лицо старика исказила гримаса недовольства.

— Патрик! Семьдесят два имени Бога бессильны, когда твои помыслы и действия беспомощны. Моисей усомнился, поэтому море не расступилось. Но один набожный человек не имел и тени сомнения в своей душе. Он взял посох Моисея с вырезанными на нем именами Бога и вошел в Красное море. Когда вода достигла подбородка, море расступилось. Как видишь, Паоло, когда дело касается веры, то нет места сомнениям и эгоизму. Вера должна быть твердой. В древнееврейском алфавите — двадцать две буквы. Одной буквы нет в семидесяти двух именах Бога, а именно буквы гимель, которая обозначает ga'avah, человеческое эго. Если ты по-настоящему веришь в Бога, у тебя не должно быть места сомнениям.

Шеп отвернулся от спорящих. Адреналин бушевал в его крови. Он ожидал появления внедорожников с военными.

«Некуда бежать. Некуда прятаться... Из-за сумасшедшего старика и беременной мы не можем двигаться быстро».

Патрик посмотрел на водохранилище — оно простиралось через парк от края до края. Противоположный берег скрывал густой туман.

«Туман...»

— Паоло! Надо найти лодку!

Водохранилище Жаклин Кеннеди-Онассис глубиной сорок футов имеет площадь сто шесть акров. Вокруг рукотворного озера тянется более полутора миль беговых дорожек и высокий решетчатый забор.

Здание технического обслуживания водохранилища находилось за тропинкой для прогулок верхом.

Шеперд ударом ноги выбил дверь. Паоло посветил внутрь фонариком. Желтый надувной плот свешивался с потолка, прикрепленный к деревянным балкам двумя шкивами. Патрик перерубил тросы, на которых крепился плот, одним ударом лезвия своего протеза, схватил весло и помог Паоло вытащить резиновый плот наружу.

— Сюда!

Вирджил и Франческа ждали их у кабинок общественных туалетов, поставленных возле беговой дорожки. Старик снял цепь с крюка, вделанного в кирпичный столбик, освобождая товарищам доступ к воде.

Фасад здания покрывали граффити, нарисованные распыленной из баллончиков краской. Тут было все: от эмблем банд и объяснений в любви до буйства красок, которое посрамило бы даже Питера Макса.

Вдоль верхней части стены черными буквами было выведено пророческое высказывание:

ЗА ВАМИ ВСЕМИ СЛЕДЯТ.

Ниже белой краской четырехфутовыми буквами было начертано название популярной рок-группы:

СТИКС.

Шеп смотрел на стилизованное граффити. Что-то шевельнулось в его голове, какое-то забытое воспоминание.

— Патрик! Ты нам нужен.

Вирджил и Паоло оттащили массивную цепь, и Шеп протиснул надувной плот через дыру в заборе и спустил его на воду. Паоло первым забрался на плот, а затем помог Франческе и Вирджилю.

Шеп вернул цепь на место, и, запрыгнув на плот, стал на колени у руля рядом с Вирджилом. Правой рукой он взял весло посередине, но не смог сжать его край тем, что осталось от протеза.

— Позвольте, друг мой, — сказал Паоло, забирая весло у Шепа.

Размахнувшись, итальянец послал резиновый плот подальше от северного берега водохранилища. Вода казалась черной как смола, но по сравнению с морозным ночным воздухом была значительно теплее, поэтому над водохранилищем клубился густой туман.

Постепенно берег скрылся из вида, скрылось из виду и звездное небо.

Паоло продолжал грести, но вскоре потерял ориентир.

— Плохо дело, — сказал он. — Так я могу кружиться до бесконечности.

Вирджил поднял руку и произнес:

— Слышите?

Издали донеслось хоровое пение.

— Плывите на звук, Паоло, — сказал старик. — Он приведет нас к южному берегу водохранилища.

Изменив курс, итальянец начал грести в направлении хорового пения. В морозном воздухе декабрьской ночи звук казался необыкновенно отчетливым, а туман густел с каждым ударом весла.

Первым их настиг запах, напоминающий зловоние канализации.

Нос плота ударился о какой-то предмет... потом еще раз...

Паоло резко выдернул весло из воды. Взяв у Франчески масляную лампу, он с третьей попытки зажег ее. Мужчина высоко поднял лампу над головой и посмотрел за борт. Свет рассеял туман и тьму, и человек увидел то, что плавало на поверхности водохранилища.

— Пресвятая Богородица!

Тысячи и тысячи человеческих трупов качались на водной глади, словно жертвы кораблекрушения. Некоторые лежали на воде лицом вниз, но большинство смотрели на Паоло покрасневшими мертвыми глазами. Их покрытая пятнами кожа поражала необыкновенной белизной. Погруженные в воду шеи разбухли от темно-красных бубонов и от воды. Мужчины и женщины. Молодые и старые. Чума и вода до такой степени исказили черты их лиц, что теперь с трудом удалось бы определить их расовую принадлежность. Дородные оказались наиболее плавучими — они качались на поверхности водохранилища. Худые и мускулистые вместе с младенцами и детьми не плавали, а постепенно тонули, погружаясь все глубже и глубже.

Паоло зажал рукой рот жены, не давая ей закричать.

— Закрой глаза, дорогая, отвернись. Если ты закричишь, солдаты нас найдут.

Вирджил вытер холодные слезы.

— Паоло! Потуши свет и работай веслом, — сказал он. — Переправь нас через реку смерти.

— Река смерти... Стикс...

Слова из «Божественной комедии» распахнули дверь, ведущую в воспоминания Патрика Шеперда:

Окраска их была багрово-черной;
И мы, в соседстве этих мрачных вод,
Сошли по диким тропам с кручи горной.

Угрюмый ключ стихает и растет
В Стигийское болото, ниспадая
К подножью серокаменных высот.

И я увидел, долгий взгляд вперяя,
Людей, погрязших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая.

Зрачки глаз Шепы расширились, когда вызванная вакциной галлюцинация овладела его разумом.

Плавающие на поверхности воды трупы вдруг ожили, задвигались... Руки и ноги беспорядочно били по воде, наносили удары другим мертвецам, срывая с них одежды... Ожившие мертвецы, становясь все более неистовыми, хватали и таскали за волосы своих товарищей, старались выцарапать им пальцами глаза... Несколько злобных мертвецов подняли свои жуткие головы из ледяной воды и вонзили пожелтевшие зубы в гниющую плоть находящихся рядом мертвецов, таких же жертв оспы, как и они. Казалось, что они превратились в зомби.

Патрик с ужасом взирал на странный голубоватый свет, который, то усиливаясь, то бледнея, разгорался где-то в глубинах резервуара. С каждой вспышкой ветеран замечал все новые и новые тысячи оживших мертвецов — те, отпихивая друг друга, устремлялись к поверхности. Целая подводная армия.

Внезапно Патрик увидел перед собой море лиц. Это были иракцы. Они осуждающе смотрели на ветерана. Их молчание ошеломило

Щена.

— Не обращайтесь на них внимания, Щеперд. Они — никто, просто безбожные язычники.

Патрик посмотрел вниз и к своему глубочайшему изумлению увидел подполковника Филиппа Ардженти. Капеллан плавал на спине. Течение прибило к плоту его труп в длинной черной сутане.

— Война — это ад, Щеперд. Для достижения поставленной цели приходится идти на определенные жертвы. Мы сделали все, что от нас требовалось.

— Требовалось... кем и для кого? — задал вопрос Патрик.

— Свобода не достается бесплатно.

— И кто должен расплачиваться? От наших рук гибли целые семьи... Мы разрушали деревни... Эти люди не просили, чтобы мы их бомбили или вторгались в их страну.

— Кто эти люди, Патрик? Они — мусульмане, кара Господня. Эти безбожные арабы хотят уничтожить западное общество.

— Вы ошибаетесь. Большинство из них просто хотят жить в мире и спокойствии.

— Никто не спрашивает вашего мнения, сержант, — сказал подполковник Ардженти. — Вас учили защищать Америку от тех, кто хочет разрушить наш способ жизни. Вместо этого вы труслили и дезертировали, тем самым покрыли позором вашу семью, вашу форму... Но!.. Самое страшное — это то, что вы предали нашего Господа и Спасителя, предали Иисуса Христа.

— Христос проповедовал мир. Он никогда не выступая за насилие.

— Проснитесь, сержант! Америка — это христианская страна, живущая по заповедям Господним.

— С каких пор Америка стала исключительно христианской страной? Когда Бог начал проповедовать ведение священных войн? Прикрываться именем Господа — бессмысленно. Война не станет от

этого праведным делом. Аль-Каида тоже объявила священную войну джихад. Посмотрите на них, подполковник. Этих людей убили во имя Господа. О них придумывали разные гадости только для того, чтобы бомбить их города, убивая ни в чем не повинных детей...

— Замолчи, предатель! — вскричал Ардженти. — Ты что, хочешь позволить этим исламским экстремистам еще раз напасть на нас? Что ты за американец?

— Я не хочу быть послушным инструментом в ваших руках. В терактах одиннадцатого сентября виноват Саддам... Оружие массового уничтожения... Демократия на марше... Все это оказалось сплошной ложью. Все, что хотели ты и тебе подобные, — это заполучить контроль над иракской нефтью. Война — это дойная корова для военно-промышленного комплекса. Она приносит многомиллиардные прибыли. Кто будет следующим? Иран? Венесуэла? И это часть Господнего предначертания?

— Кто ты такой, чтобы мне проповедовать? Мы оба знаем, почему ты подался в Ирак. Ты искал кого-нибудь, на ком можно выместить свою злость. Ты хотел взять врага на прицел и вышибить из него мозги. Мы помогли тебе удовлетворить твою жажду мести, сержант, но ты оказался неблагодарной свиньей.

Щеперд взглянул на тысячи опухших коричневых лиц, смотревших на него с немым укором.

— Ты прав. Никто не заставлял меня идти на войну. Это был мой выбор. Я хотел отомстить, но отомстить по справедливости... Я убивал невинных людей, веря, что Господь на моей стороне. Но когда я впервые взглянул в глаза моей жертве, я понял, что в моих поступках нет справедливости. Они лишь преумножают боль и страдания на земле. Я позволил гневу запятнать Мою душу, и вся ответственность за это лежит на мне.

Еще одна вспышка света. На этот раз его источник находился прямо под плотом. Призрачное свечение озарило лица мертвецов. Свет не погас, он становился все ярче, поднимался из глубины на поверхность.

— Ангел Смерти! — вскричал подполковник. — Не позволяй ему забрать меня, Щеперд! Во имя всего святого, что есть в...

— Настало время для жатвы, подполковник. Каждый из нас пожнет то, что посеял.

— Меня рукоположили в духовный сан... Я слуга Христа...

Теперь свет заливал все вокруг. Мертвец закричал. Невидимая сила сорвала сутану и исподнее с Филиппа Ардженти, а затем вытолкнула его тело из воды и бросила на плот. Руки мертвеца вытянулись вперед и ухватились за отворот куртки Патрика Щеперда.

— Я... божий... человек...

— Ступай к Богу, — вымолвил Щеп.

Размахнувшись протезом, ветеран располосовал горло подполковника. Ардженти оступился и упал в пенящуюся воду. Из рассеченного горла брызнула темная жидкость. Невидимая сила подводного свечения затащила мертвеца в глубину водохранилища и погасла.

Тысячи иракцев — мужчин, женщин и детей — закрыли свои глаза и, удовлетворив свою месть, погрузились в переполненные трупами воды водохранилища.

С широко раскрытыми от ужаса глазами Патрик стоял на плоту, рассекая морозный ночной воздух стальным «лезвием» на конце своего протеза.

— Остановите его! — крикнула Франческа своему мужу. — Он порежет плот!

Женщина мертвой хваткой вцепилась в качающееся на воде утлое суденышко.

Вирджил схватил и сжал правую руку Шепы.

— Все в порядке, сынок. Что бы тебе ни привиделось, его с нами уже нет.

Патрик мотнул головой, отгоняя видение. Он смутился, позволил старику отвести и усадить себя на скамейку.

Вирджил повернулся к Паоло и сказал:

— С ним все нормально. Можешь продолжать грести.

— Нет, — сказал итальянец. — Так не годится. Мы оскверняем эти трупы. Это грешно и...

Франческа взяла мужа за руку.

— Посмотри на них, Паоло... Все они мертвы, а твой сын просится наружу...

— Мой сын...

Погрузив весло в воду, мужчина продолжил грести в направлении долетающих из тумана звуков.

Вирджил похлопал рукой Шепа по плечу.

— Что ты видел? Опять Жнеца?

— Нет, — ответил Патрик. — Я видел людей... жертв войны. Они поднимались из воды, только...

— Продолжай.

— Я не убивал этих людей, но я чувствую себя в ответе за их смерть. Все в этом видении было неуловимо знакомо мне... Прямо какое-то дежавю...

— Осознать ответственность за свои поступки — это первый шаг в воссоединении со светом.

— Ты меня не слушаешь? Я не убивал тысячи людей.

— Возможно, ты не убивал их в этой жизни.

— Вирджил! Я уже говорил тебе, что не верю в реинкарнацию.

— Верить ты в нее или не веришь — это не важно. Наши пять органов чувств вводят нас в заблуждение. Нам кажется, что в мире царит хаос, но на самом деле причинно-следственные связи можно найти во всем. Дежавю — на самом деле не болезнь. Просто человек переживает в настоящем то, что уже переживал в прошлой жизни. Не знаю, что ты совершил в своих прошлых жизнях, но сейчас, как мне кажется, твой последний шанс исправить все то, что ты натворил.

— Исправить? Как и что я могу исправить? — спросил Патрик.

— Когда придет время, ты узнаешь. Доверься интуиции. Что она тебе говорит?

— Моя интуиция...

Шеп посмотрел в направлении, куда плыл плот.

Постепенно туман рассеивался. Теперь они были совсем близко к берегу. В полумиле впереди ночь рассеивал свет тысяч горящих факелов.

— Интуиция подсказывает мне, что дальше будет еще хуже.

Часть четвертая

Нижние круги ада

Круг шестой

Еретики

И вспять нечистым двинулся путем,
Нам не сказав ни слова, точно кто-то,
Кого теснит и гложет об ином,

Но не о том, кто перед ним, забота;
И мы, ободрясь от священных слов,
Свои шаги направили в ворота.

Мы внутрь вошли, не повстречав врагов,
И я, чтоб ведать образ муки грешной,
Замкнутой между крепостных зубцов,

Ступив вовнутрь, кидаю взгляд поспешный
И вижу лишь пустынные места,
Исполненные скорби безутешной.

Данте Алигьери. Ад

21 декабря

Центральный парк, Манхэттен

04:11

3 часа 52 минуты до предсказанного конца света

До берега они добрались в юго-восточной части водохранилища. Возникло новое препятствие в виде решетчатого забора, отделяющего беговую дорожку от южной подпорной стенки. Не найдя удобного места для причала, Паоло продолжал грести, направив их плот на запад вдоль каменной стены. Наконец луч фонаря Франчески вырвал из тьмы небольшую аппарель для спуска лодок. Впрочем, здесь дорогу перекрывал большой автомобиль с безбортовой платформой.

Причалив к аппарели, Паоло первым прыгнул с плота и затащил его носовую часть на наклонную бетонную поверхность. Затем он помог беременной жене.

Ржавая металлическая платформа была опущена в воду под углом тридцать градусов. На ней виднелись пятна замерзшей крови. Франческа закрыла нижнюю часть лица шарфом.

— На этом грузовике, должно быть, собирали трупы и сваливали их в воду. Почему они так делали?

Паоло заглянул через стекло в пустую кабину водителя.

— А лично меня интересует: почему они прекратили собирать тела мертвых? — произнес он.

— Должно быть, чума распространялась так быстро, что они просто не успевали убирать трупы с улиц, — вглядываясь в ночное небо, предположил Шеперд. — Нам надо идти, а то дроны опять нас выследят.

Гуськом они выбрались наверх и пошли по засыпанной снегом тропе для прогулок верхом. Где-то впереди горели костры.

Западная авеню Центрального парка

04:20

Дэвид Кантор медленно продвигался на юг по Западной авеню Центрального парка. Вытащив пистолет из кобуры, он крался в тени припаркованных автомобилей. Улица утопала во тьме. Смерть царила повсюду. Она лежала, свернувшись калачиком, на сиденьях автомобилей и неуклюже ползала по тротуарам. Она выпрыгивала из окон высотных домов на декоративные, покрытые снегом лужайки и навесы перед входом в здания. Каждые пятнадцать секунд Дэвид останавливался и прислушивался: не преследуют ли его. Из-за паранойи он то и дело напрягался. Мышцы бедер и поясница ныли под тяжестью надетой на него амуниции.

«Так я никогда не доберусь до школы Гави. Надо что-нибудь придумать».

Мужчина остановился передохнуть. В нижней части маски собралась лужица пота. Дэвид открыл внутренний резиновый клапан и осушил лужицу. Глаза Дэвида Кантора остановились на строениях странной архитектуры справа от него. В лунном свете ограненным алмазом вырисовывался контур здания центра Роуз по исследованию Земли и космоса. Американский музей естественной истории возвышался в ночи, как средневековый замок. Его подъемный мост охраняла бронзовая конная статуя президента Теодора Рузвельта.

Вид мужественного всадника^[57] оживил воспоминание о первом посещении музея с младшей дочерью. Гави было лет семь. Орен тоже поехал вместе с ними. Именно он настоял, чтобы отец поехал в Нью-Йорк на машине, а не на электричке. Мальчику очень хотелось на

обратном пути послушать репортаж с бейсбольного матча с участием «Янки».

Оглядевшись в прибор ночного видения по сторонам, Дэвид Кантор побежал вверх по каменным ступеням к входу в музей, проклиная себя за то, что, возможно, теряет драгоценное время.

Заперто. Еще раз оглядевшись по сторонам и решив, что никого поблизости нет, мужчина выбил ударом ручки пистолета вставленное в дверь стекло.

Внутри царил темнота, рассеиваемая слабым свечением ламп аварийного освещения. Дэвид быстро прошел мемориальный зал имени Теодора Рузвельта. Гулкая пустота помещения действовала ему на нервы. Он обошел посвященную космосу выставку галереи Роуз, ища табличку, которая, как он знал, должна находиться где-то впереди, во тьме коридора.

— Сюда!

Следуя за стрелкой указателя, Дэвид вышел на крытую автостоянку, молясь про себя о маленьком чуде.

Места для мотоциклов находились сразу же за местом для парковки автомобилей инвалидов. Сердце забилось чаще, когда луч фонарика вырвал из сумрака мопед «хонда» и «харли-дэвидсон». Оба мотоцикла охраняли цепи на металлических столбиках. Дэвид подумывал, как бы завести мотор без ключа зажигания, когда мысль о том, что звук работающего двигателя может привлечь рейнджеров, остановила его.

И тогда он увидел десятискоростной велосипед.

Центральный парк

04:23

Узкая тропа вилась мимо Саммит-Рок, высочайшей точки Центрального парка, а затем спускалась в поросшую лесом долину. Впереди был Винтердейлский мост, вернее двенадцатифутовая арка, через которую можно было пройти на противоположную сторону подпорной стены из гранита и песчаника, тянущейся через парк с востока на запад.

Сейчас перед аркой моста стояли с десятков мусорных баков, в которых горел огонь. За кострами расположилось около дюжины хорошо вооруженных мужчин и женщин. На каждом из

самопровозглашенных стражей моста был флюоресцирующий оранжево-желтый жилет, снятый, возможно, с трупа мертвого дорожного рабочего.

Перед проходом толпились люди — нищие, проститутки, бизнесмены, семейные пары с детьми... Все ожидали, когда их пропустят на другую сторону Винтердейлского моста.

Паоло повернулся к Вирджили.

— Это единственный путь. Можно, конечно, снова рискнуть и пойти по главной дороге. Что нам делать?

— А ты что думаешь, Патрик? — спросил старик.

Шеп не сводил глаз с неба, ожидая очередного нападения с воздуха.

— В толпе мы в большей безопасности. Давайте попробуем пройти через арку.

Они подошли и стали в очередь. Перед ними стоял грузный мужчина лет пятидесяти. Несмотря на мороз, поверх футболки с короткими рукавами он был одет только в жилет — такие надевают на себя лыжники. Руки мужчины покрывали татуировки морской пехоты. На правом предплечье было вытатуировано: «Смерть лучше бесчестья». Мужчина держал на руках завернутую в одеяло женщину. По неподвижному положению ее тела Шеп определил, что она страдает церебральным параличом.

— Извините...

— Добро пожаловать, братья, — сказал мужчина с татуировками. — Добро пожаловать, сестра. Вы пришли увидеть Божью славу?

— Разве слава может быть среди страданий и смерти? — спросил Шеперд.

— Божья слава явлена нам вторым пришествием. Или вы пришли сюда не с этой целью?

Вперед протолкался Паоло. Его глаза расширились от возбуждения.

— Значит, это правда? Пробил час вознесения?

— Да, друг мой. Собрались двадцать четыре старейшины, а Дева Мария находится сейчас за стенами парка. Она подарит бессмертие избранным праведникам.

Паоло дрожащей рукой перекрестился.

— Когда я услышал о чуме, то сразу же подумал о втором пришествии. Как нам пройти в парк?

— Они запускают людей небольшими группами. Надо ведь определить, кто чистый, а кто нет.

— Мы чистые, — сказал Паоло, притянув к себе Франческу. — Как видите, никаких признаков чумы.

Грузный мужчина улыбнулся.

— Нет, брат, стража проверяет, насколько чисты души входящих. Надо же отделить достойных спасения от еретиков. Никому из грешников не будет позволено подойти к троице.

Шеп глянул на Вирджила. Тот отрицательно мотнул головой.

— А что насчет чумы? — спросила Франческа. — Вы не боитесь заразиться?

— Сестра, ведь это чума возвестила второе пришествие Иисуса.

— Чума?

— Да, чума, — сказала лежащая в объятиях мужчины женщина.

Она поправила одеяло, которое сползло ей на глаза.

— Верн! Объясни этим людям, что пастор Райт сказал нам во время проповеди.

— Извините, я не представился, — сказал мужчина. — Мы Фолли. Меня зовут Верн, а это моя жена Сюзанна Ли. Мы прилетели в субботу вечером из Хэнфорда, штат Калифорния, по медицинской надобности. Сегодня днем мы должны были лететь обратно домой, но они объявили карантин раньше, чем мы смогли добраться до аэропорта. Мы блуждали по улицам, пока не пришли сюда.

— Такова Божья воля, — вставила Сюзанна Ли.

— Аминь. Когда мы пришли, пастор Райт рассказывал собравшимся, что он разговаривал с Девой Марией. Она возродилась в теле христианки. Богородица сказала, что Манхэттен из-за своей порочности избран местом второго пришествия.

— А откуда вы знаете, что она на самом деле Дева Мария? — задала вопрос Франческа.

— В этом не может быть никакого сомнения, сестра. Пастор Райт собственными глазами видел, как она излечила больных. Увидев пастора, Богородица приказала ему собрать свою паству в Центральном парке в ожидании вознесения живыми на небо. Иисус снизойдет на землю еще до рассвета следующего дня. Богородица решит, кто будет спасен, а кто будет отправлен в ад.

Паоло повернулся к Вирджилу. На его глазах блестели слезы.

— Это правда! Настал Судный день!

Старик не разделил его энтузиазма.

— Есть духовность, Паоло, а есть религиозный догматизм. Часто первое не имеет ничего общего со вторым.

Лицо Верна помрачнело.

— Попридержи свой язык, старик, — произнес он. — Любое слово, которое сочтут богохульством, может привести тебя и людей твоих в геенну огненную.

— Пора!

Охранник банка во флюоресцирующем оранжевом жилете махнул рукой с зажатым в ней пистолетом.

— Идите один за другим. Держитесь все вместе. Когда фурии будут задавать вам вопросы, отвечайте честно. В амфитеатре вам скажут, что делать и куда идти.

Люди, толкая друг друга, устремились вперед. Несколько человек обогнали Шепу.

— Верн! А кто такие фурии?

— Настал Судный день, а фурии — наши судьи. Все три фурии — женщины, избранные самой Богородицей.

— А в чем их задача?

— Выносить суд Божий. Один из охранников сказал мне, что особенно безжалостны они к тем, кто насилует или убивает женщин и детей. Фурии не прощают грешников, даже если они раскаиваются в содеянном.

Толпа быстро двигалась через арку. Вооруженный охранник сделал знак Шепу и его товарищам не мешкать.

Паоло притянул Патрика поближе к себе.

— Пожалуйста, без галлюцинаций. Соберись. Франческа и я хотим спастись.

Прежде чем Шеп успел выразить свои сомнения, итальянец и его беременная жена встали позади супружеской четы Фолли.

Переглянувшись, Шеп и Вирджил последовали за ними. Они миновали гранитную арку под Винтердейлским мостом и зашагали по извилистой, покрытой грязным снегом тропе. Дорога вела вверх по склону. Холодный, сильный ветер больно щипал неприкрытую кожу.

Патрик двигался на автопилоте. Его ноги занемели от холода. Он едва поспевал за идущим перед ним человеком. Шеп чувствовал себя

разбитым как физически, так и морально. Действительность превратилась в иллюзорный ночной кошмар.

«Это бесполезно. Зачем напрягаться, идти куда-то? Сейчас менеджер подойдет к питчерской горке, отберет у тебя мяч и выгонит с поля. Лучше ляг здесь, прямо в снег, и спокойно умри в ледяных объятиях ночи. Это ведь не страшно?»

— Черт побери!

Задумавшись, Патрик напоролся на бронзовую статую обнимающего Джульетту Ромео. Шеп остановился и бросил взгляд на увековеченных в металле бессмертных персонажей. Он вновь вспомнил о своей жене.

«Это, видно, знак свыше».

— Идемте! Не задерживаться!

Теперь они шли почти в кромешной темноте, с одной стороны нащупывая руками кирпичную стену большого здания. Еще шестьдесят футов, и лес внезапно расступился. На Великой поляне собрались люди. Такого религиозного энтузиазма Шеп никогда прежде не видел. Люди стояли везде. Их присутствие выдавал мерцающий свет сотен, если не тысяч, горящих оранжевым пламенем факелов. Сорок тысяч заблудших душ алкали получить доступ на небеса. Некоторые люди взобрались на выветренные и растрескавшиеся от времени уступы скалы Виста-Рок. Другие, подгоняемые отчаянной решимостью, добрались до подножия Бельведерского замка. Готический особняк гордо возвышался над колышущимся людским морем. Прямо-таки евреи, ожидающие возвращения пророка Моисея с горы Синай.

Как оказалось, строение, которое им пришлось обходить, было театром Делакорте. В центре построенного в виде подковы амфитеатра, на подмостках которого прежде играли Шекспира, теперь пылал огромный костер. Над сценой висел большой виниловый транспарант. Раньше на нем было написано: ГОРОД НЬЮ-ЙОРК ПРЕДСТАВЛЯЕТ «УОЛТ ДИСНЕЙ» НА ЛЬДУ.

Теперь же Шеперд прочел:

ГОРОД ЧУМЫ

Три женщины в черных мантиях, которые для них, по-видимому, раздобыли из здания окружного суда, восседали на расстеленных на камне одеялах. Позади них неистовствовали жаркие языки пламени.

Сидевшую слева фурию звали Джейми Мегера. Ей было двадцать пять лет. Пышногрудая, ростом пять футов и один дюйм, Джейми была матерью-одиночкой. Но три года назад она отказалась от своей дочери и уехала в Нью-Йорк, мечтая о славе актрисы. Вместо этого она нашла себе работу в ночном клубе и танцевала голой в подвешенной к потолку «птичьей клетке».

Сестру-близняшку Джейми звали Терри Алекто. Она сидела справа. Высокооплачиваемая проститутка Терри «зарабатывала» раза в три больше денег, чем Джейми. За ночь ей платили 500 долларов. Как и сестра, она жила сама по себе. Ее мужа посадили на девять лет за то, что он «склонял» свою жену к проституции. (Во время ареста «милого» Терри еще не бросила колледж.) Молодая женщина не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу того, чем занимается. Она считала, что работает в сфере услуг, подобно парикмахерше или маникюрше. Со времени появления первых признаков заболевания Терри уже трижды продавала свое тело.

Между близнецами сидела шестидесятипятилетняя Патриция Демюле-Росс Тисифон.

Патриция родилась в семье алкоголиков. В семнадцать лет она вышла замуж. Тридцать девять лет женщина прожила в страхе перед своим мужем. После самоубийства ее мужа, дочь пристрастилась к болеутоляющим таблеткам. Сестра Мэрион переехала жить к Патриции после развода с алкоголиком-мужем, который также всю жизнь издевался над женой. Две пожилые женщины сдавали квартиру близняшкам, «удочерив», а скорее, став для них кем-то вроде «бабушек».

К трем часам дня все женщины заболели бубонной чумой.

Их мучила лихорадка. Лимфатические узлы болели. Они харкали кровью. Четыре женщины направились в Центральный парк, чтобы «умереть на лоне природы». Мэрион угасла первой. Она умерла, скрючившись на земле, перед ангелом на верхушке фонтана Бетесда.

Патриция и близняшки легли подле нее, обнявшись. Они дрожали от холода и боли, но страха не ощущали.

Пастор Джереми Райт, держась на безопасном расстоянии, как раз правил по ним заупокойную службу, когда бывший байкер увидел приближающуюся к ним одетую в белое женщину. Таинственная незнакомка встала на колени возле лежащих неподвижно больных и крепко поцеловала их прямо в губы. Те отведали ее «слюну» и... возродились.

Через несколько минут умирающие, словно заново родившись, приподнялись с земли.

Видевший чудо пастор Райт подошел к женщине в белом.

— Кто вы такая? Как вас зовут? — спросил он у незнакомки.

— Я Дева Мария, родившая нового Иисуса. Собирайте свою паству. Настал день апокалипсиса.

Весть о явленном чуде быстро распространилась по прилегающим кварталам. К наступлению ночи десятки тысяч оставленных властями умирать ньюйоркцев стекались к Центральному парку в поисках спасения.

— Каждый из вас должен поклониться фуриям, а они определяют, достойны ли вы вознесения. Называйте свое имя и род занятия.

Стройная, высокая женщина склонила голову.

— Линда Бом. Я приехала в Нью-Йорк из Калифорнии. Я работаю помощницей закупщика в книгоиздательской компании «Барнес-энд-Нобл»...

— Зачем ты приехала сюда? — сказала старшая фурия.

— Я приехала в гости к подруге на автобусе. Один из пассажиров начал сильно кашлять. Тогда еще никто не знал о чуме и...

— Ты вошла в Гадес?

Женщина кивнула, смахивая с глаз слезы.

— Может Дева меня излечить? — спросила она.

— Да.

— Извини, но я не согласна, — произнесла сестра-близнец справа, поглаживая рукой свои длинные волнистые каштановые волосы. — Бом — это еврейская фамилия. Линда не верит в Девственную мать, поэтому она — еретичка. Девственная мать приказала нам очищать всех еретиков на арене.

— Ты еврейка? — спросила сестра-близнец слева.

— Нет. Я... прихожанка англиканской церкви.

— Она лжет... Матушка Патриция?

Пожилая женщина пристально разглядывала испуганную туристку.

— Трудно принять решение. Думаю, будет лучше, если мы перестрахуемся. Бросьте еретичку в огонь.

Глаза Шепа округлились от ужаса, когда двое охранников в оранжевых жилетах потащили визжащую калифорнийку к амфитеатру. Прежде чем ветеран смог что-либо сделать, третий охранник облил ее бензином и толкнул в разложенный посреди театра гигантский костер. Тело Линды Бом охватило пламя.

Шеп чуть было не лишился чувств. Ему привиделся черный дым, поднимающийся из трубы крематория. Он увидел кирпичное здание, окруженное деревянными бараками. За колючей проволокой ограждения стоят живые скелеты в полосатой одежде.

Аушвиц...

— Кто следующий? Эй ты... однорукий... Назови свое имя...

Выгнав из головы ужасное видение нацистского лагеря смерти, Патрик поймал себя на том, что с вожделием взирает на двух роскошных женщин...

Налетел сильный порыв ветра. Языки пламени гигантского костра метнулись в сторону...

Ветер сорвал одежду с Джейми Мегера и Терри Алекто. Близняшки зазывно улыбались ему у показывая свои пышные груди. Казалось, вот-вот и они закружат в танце...

— Подойди ближе, Патрик Щеперд.

— Да, Патрик. Подойди ближе, и мы попробуем, какой ты на вкус. Мужчина сделал шаг вперед...

Гонимая ветром крупа обожгла ему лицо. На секунду Патрик ослеп.

Порыв ветра погасил многие факелы, прижал пламя огромного костра, к земле, отчего фурии вскочили со своих мест, ползком спасаясь от обжигающего огня.

В небе прогремел гром. За ним последовал трубный глас, разрезавший ночь, подобно скальпелю. Услышав призыв, сорок тысяч людей подались вперед и сгрудились у подножия Бельведерского замка.

Перекрикивая ветер, Вирджил проорал на ухо Паоло.

— Найди нам машину! Любая подойдет! Патрик и я позаботимся о твоей жене!

— Нет! Это второе пришествие Христа! Я должен быть здесь!

— Если мы останемся здесь, то твой сын никогда не увидит дневного света. Я ведь прав, Франческа?

Женщина прочла твердую уверенность в глазах старика.

— Паоло! Делай так, как он говорит!

— Франческа?!

— Иди! Мы найдем тебя у туннеля 79-й улицы.

Паоло неуверенно оглянулся, взял вещи и, протискиваясь сквозь толпу, вышел на полоску асфальта, которую называют Вест-драйв.

Луч света пронзил тьму над Большой лужайкой. Сначала Патрик испугался, решив, что военный вертолет вновь нашел их, но потом он понял, что прожектор установлен где-то в верхней части театра Делакорте. Луч осветил одинокую человеческую фигуру на балконе Бельведерского замка. Женщина была бледна как смерть и одета в белый балахон с опущенным на глаза капюшоном.

Заработали генераторы, и из громкоговорителей послышалось тихое потрескивание. Одета в белое женщина взяла в руку микрофон. Толпа, собравшаяся на Большой лужайке, возликовала.

— А затем семь ангелов протрубили в семь труб. И треть населения Земли умерла от мора чумного. Но те, кто не умер, отказались отринуть дела свои несправедные, отказались покаяться в совершенных убийствах, воровстве и колдовстве.

Женщина в белом сбросила с головы капюшон, показав свое лицо верующим. Крик страха вырвался у тех, кто стоял ближе к замку. Через секунду вызывающее ужас и отвращение лицо появилось на большом экране театра. Грязные, спутанные рыжие волосы обрамляли мертвенно-бледную кожу. На кончике носа вскочил большой серовато-бордовый прыщ. Вокруг больших глаз темнели фиолетовые круги. Из-за действия «Косы» зубы женщины почернели, а десны загноились. Выражение лица больше подходило психопатке или одержимой дьяволом, чем пророчице.

Вирджил ближе придвинулся к Шеперду.

— Патрик! Я видел эту женщину раньше. Ее везли на носилках в изолятор ветеранского госпиталя.

— В изолятор... — повторил за ним Шеп.

Патрик смотрел на женщину, вспоминая, что говорила Ли Нельсон, когда тащила его вверх по лестнице на крышу госпиталя: «Одна из

моих пациенток... рыжеволосая женщина... Она выпустила рукотворный штамм чумы в ООН».

Мэри Луиза Клипот встала на краешке балкона викторианской постройки. Толпа смолкла, вслушиваясь в слова женщины.

— Вавилон пал. Некогда великий город пал, потому что поверил соблазнам других народов. Вавилон великий стал ныне матерью проституции и порнографии, что распространяется отсюда по всему миру. Он стал пристанищем демонов и злых духов, гнездом грязных сквалыг, берлогой мерзких тварей. И правителям мира, что способствовали его моральному упадку, воздастся сторицей, когда дым поднимется от его обуглившихся останков. Еретики, которые хотели погубить Америку, сами познают Божью ярость.

Желтые огни лампочек осветили второй ярус замка, где под балконом, на котором стояла Мэри, были поспешно возведены три виселицы. Еретики стояли рядами. Их руки связаны за спинами, а рты заткнуты кляпами. Геи и лесбиянки... Мусульмане и индусы... Старые и молодые... Мужчины, женщины и дети... Всех их по безумному замыслу Мэри Клипот следовало принести в жертву.

— Приведите первую группу еретиков!

Семью индусов отделили от остальных проклятых.

Маниша Пател отчаянно вырывалась из рук двух мужчин, облаченных в одеяния архиепископов. Ее рот заткнули кляпом, но она пыталась кричать. Ей связали ноги в коленях, но она отчаянно сопротивлялась, изгибаясь все телом. Женщина видела, как мужчины, схватив дочь, засунули ее голову в петлю справа от нее.

Виселица слева предназначалась для ее мужа Панкая. Четверо одетых в сутаны человек держали его.

Кристалл у нее на шее сверкнул электрическим разрядом, когда на голову Манише накинули петлю. Веревку туго затянули под подбородком. Чтобы дышать, ей пришлось встать на цыпочки.

— Боже, пожалуйста, спаси моего ребенка. Спаси моего ребенка!

Маниша попробовала пошевелиться. Ей заложило уши от исступленного крика толпы, который заглушил слова рыжеволосой ведьмы. Стараясь не потерять сознание, женщина с трудом дышала. С каждым вдохом холодный воздух врывается ей в рот, обжигая горло. Из носа текло. Она дрожала нервной дрожью, с трудом балансируя на цыпочках, и... ждала... ждала...

— Отставить!

Маниша открыла глаза. Слезы мешали ей ясно видеть. Наконец она разглядела мужчину на большом экране театра. Он стоял на балконе третьего яруса, над их виселицами. Лицо незнакомца затенял капюшон. Правой рукой он держал ведьму за волосы, а окровавленное лезвие косы, как показалось Манише, зажатое в его левой руке, прижал к горлу пророчицы.

Патрик Шеперд протащил Мэри Клипот мимо бритоголовых старейшин, которые лежали в лужах собственной крови, и склонил голову к микрофону, чтобы обратиться к толпе. Слепящий свет прожектора отразился от его стального протеза.

— А затем появился другой ангел, и ангел сей был Ангелом Смерти. И молвил Мрачный Жнец: «Отпустите этих невинных людей, или я отрежу голову этой уродливой суке, а затем отправлю и ее, и вас всех напрямиком в ад».

Луна спряталась за тучами. Покрытая снегом Вест-драйв вновь погрузилась во тьму. Невидимые ветви хлестали его по лицу, рвали одежду. Паоло пару раз споткнулся о выступающие из земли корни деревьев, потом оступился и упал. Он чувствовал себя потерявшимся, сбившимся с истинного пути. Зачем он расстался с женой? Зачем отказался от спасения? Поднявшись на ноги, мужчина вытянул руки вперед. Через восемь шагов он наткнулся на забор. Под ногами хрустел лед, а под ним чавкала жидкая грязь. Дальше дороги не было. Паоло охватила паника. Он растерял все свои вещи. Его вера угасала. Мужчина опустился на колени и стал молиться, скорее от отчаяния, чем для того, чтобы поддержать свою веру.

Ветер стих. И Паоло услышал тихое брэнчание гитары.

Вытерев слезы, он пошел на звук. Через заросли американских вязов итальянец вышел на прогалину.

Мужчина лет сорока сидел на одной из дюжины лавок вокруг выложенной в центре заасфальтированной площадки круглой мозаики. Сальные каштановые волосы доходили ему до плеч. Худощавое бледное лицо, обрамленное длинными бакенбардами. Запоминающиеся очки в проволочной оправе. Стекла слегка затемнены. Мужчина был одет в поношенные джинсы, черную футболку и расстегнутую куртку из джинсовой ткани. Казалось, он не

обращал внимания на холод. Гитара покоилась на колене, а мужчина осторожно подбирал аккорды к песне, которую сочинил лет сорок назад.

— Мы вечно играем в эти игры... Пижоны-друиды в партизанской войне... На поиск Грааля отправляемся вместе... Покровы таинственности преодолеть... Любовь есть ответ. Это мы знаем точно... Любовь есть цветок. Позаботься о нем...

Джон Леннон посмотрел на Паоло Сальваторе Миноса и улыбнулся.

— Я знаю, о чем ты думаешь, парень. Сначала я хотел спеть «Воображение», но эту песню крутили все, кому не лень.

Паоло упал на колени возле мозаики «Воображение». Луна выглянула из-за туч. Мужчина дрожал.

— А ты реален?

Покойный член группы «Битлз» тронул струну гитары.

— Я всего лишь образ во времени и пространстве.

— Я имею в виду: ты привидение или это действие чертовой вакцины? — уточнил Паоло.

— Не верь в привидения. Не верь в вакцины.

Крики вдалеке усиливались.

— Прислушайся к ним... Ублюдочные убийцы. Они молятся Иисусу Христу, ждут, что он спустится к ним с неба на белом коне, словно какая-то рок-звезда... Как будто Иисус имеет какое-то отношение к этому хаосу.

— Они не грешники, — возразил Паоло. — Они просто хотят спастись.

— Да, но на спасение, как писал Иоанн Богослов, могут надеяться только христиане. По иронии судьбы эта формулировка исключает из числа спасенных самого Иисуса Христа. Раввина Иисуса можно кинуть в огненную яму справа вместе с мусульманами, индусами и буддистами. Остальные отправляются в левую огненную яму Сатаны. А когда они все будут сожжены, настанет черед взаимного

уничтожения католиков, протестантов, православных, лютеран, пятидесятников, мормонов, баптистов, членов англиканской церкви... Я кого-нибудь забыл? Подожди... Я знаю, что надо делать. Надо призвать к новой войне в Святой земле и теперь уж раз и навсегда разобраться, чья церковь является истинной.

Паоло обхватил голову руками.

— Нет. Я не хочу этого слышать... Не сейчас... Не в Судный день. Ты всегда был для меня героем, но это... это ересь.

— Тогда и раввин Иисус был еретиком, — продолжал Джон Леннон.

— Пожалуйста!.. Прекрати!..

— Паоло! Выслушай меня. Мы все дети Божьи... все... Настоящий грех заключается в отказе стать тем, кем человек является на самом деле. Духовность — это не религиозность, это любовь к Богу. Две тысячи лет ссор, преследований, ненависти и войн, и всё из-за спора о том, кого Бог любит больше. Все мы должны возлюбить ближнего своего независимо от религиозных верований. Когда каждый человек станет стражем брату своему, тогда все изменится в лучшую сторону. Еще не поздно. Посмотри на меня. Вначале я был очень сердитым молодым человеком, но потом я нашел свою цель в жизни.

— Музыку?

— Нет, парень. Музыка — лишь средство донести свои мысли, — ударив по струнам гитары, произнес Джон Леннон. — Ответ ищи в любви... Извини, тут я немного сфальшивил...

— Джон! Я должен знать... Это конец? Это конец всему?

Бывший активист движения за мир отложил гитару.

— Уничтожение — это самодостаточный процесс, но то же можно сказать и о мире. Убийство превратилось в отрасль промышленности с многомиллиардной прибылью. Жадность и эгоизм сильных мира сего ведут человечество к полному самоуничтожению. Это сползание к бездне надо остановить. Ты — христианин, и тебя научили, что такое страх Божий. Теперь тебе предстоит решить, чего больше хочет твоя душа: полного уничтожения мира и так называемую надежду на спасение или мир, любовь и самореализацию каждого человека, живущего на этой планете.

— Но как может один человек... Я... Я не ты...

— Ты хочешь сказать, что ты — не сомневающийся, эгоистичный, вечно сердитый музыкант, который злоупотреблял алкоголем и принимал наркотики?

— Перестань, Джон! Ты рисковал своей карьерой... своей жизнью, когда выступил против войны во Вьетнаме. Ты поднял на борьбу миллионы, ты спас жизни...

— А скольких людей спас ты своими горячими обедами? Если история и учит нас чему-то, так это тому, что один человек, один голос, одна мантра может изменить мир. А теперь скажи мне, что ты ищешь...

Паоло вытер слезы, катящиеся по щекам.

— Мне нужна машина.

Джон Леннон улыбнулся.

— Иди по дороге, которая пересекает Западную авеню Центрального парка до дома, в котором я раньше жил. Рядом находится автостоянка...

Из-за прожектора, светящего ему в глаза, Патрик не видел толпу, но он чувствовал исходящую от нее темную энергию ненависти. На долю мгновения ему почудилось, что он вновь стоит на питчерской горке, а сорок тысяч болельщиков на трибунах стадиона «Янки» освистывают его.

На высоте тысячи футов над землей линзы прибора ночного видения «Жнеца» остановились на его лице.

— Послушайте меня! Эти люди не сделали ничего плохого.

— Ложь!

Тим Буркланд стоял позади передвижной радиостанции «Дабл-Ю-Эй-Би-Си» с громкоговорителем в руке. Бывший панк-музыкант и блоггер ток-шоу называл себя «журналистом, любящим поспорить». Благодаря радикальным взглядам, завернутым в религиозные догмы, он спас теряющее популярность кабельное шоу, в котором выступил в крестовый поход против «лжи, несправедливости и жестокости американского социализма, который систематически унижает и разрушает церковь».

— Послушай, калека. Христос умер за наши грехи, за наши изъяны. Души евреев надо очистить. Души гомосексуалистов надо очистить. Души мусульман надо очистить. Возможно, не все

мусульмане являются террористами, но все террористы — мусульмане. Позволять этим людям жить в нашем христианском обществе — это прегрешение против Бога и нашего Спасителя!

Приверженцы Буркланда одобрительно взревели:

— Еретиков на виселицу! Еретиков на виселицу!

Рыжеволосая выгнулась в руке Шепа и встретила с ним взглядом.

— И Всевышний умертвит всех, кто принесет смерть на Землю.

— Заткнись, — сказал Патрик, отгаскивая Мэри от микрофона.

Изо рта женщины пахнуло болезнью и разложением.

— Ненависть и злоба питают чуму. Сотни тысяч людей уже умерли. Никто из вас, вполне возможно, не увидит рассвета следующего дня. Каждый из здесь присутствующих участвует в насилии над своим ближним. Вы на самом деле хотите, чтобы участие в неправом суде стало последним вашим поступком в этом мире перед тем, как вы предстанете перед судом Господа? На чьей стороне оказался бы Иисус Христос, будь Он сегодня среди нас? Поддержал бы Он лживую ненависть, изрыгаемую устами этих лже-пророков мира развлечений, которые извратили Его проповедь мира во имя того, чтобы зарабатывать себе миллионы на телевидении и от продажи своих книг? Не думаю, что Иисус спокойно стоял бы и наблюдал за тем, как фанатики вешают невинных детей... Попомните мои слова. Если кто-либо из этих людей погибнет этой ночью из-за ваших действий или бездействия, вина за смерть невинных падет на всех вас.

Толпа притихла, обдумывая слова Шепа.

Несколько десятков вооруженных мужчин и женщин в светящихся жилетах приближались к Патрику с обеих сторон балкона, нацелив стволы оружия в ветерана. Пастор Джереми Райт вышел вперед. Движением рук он заставил своих последователей опустить оружие.

— Сильные слова, сынок, — сказал он. — Но они ничего не будут значить для нас, если ты причинишь вред Деве Марии. Отпусти ее.

— Эта женщина — не реинкарнация Богородицы, — возразил Патрик. — Она — Тифозная Мэри. Именно она стала распространительницей чумы.

— Нет. Это ложь. Я сам видел чудо.

— Какое чудо?

— Я видел, как она плюнула во рты зараженных, и они исцелились. Вооруженные люди подняли стволы дробовиков.

Надежно обхватив рыжеволосую протезом поперек груди, Шеперд свободной правой рукой начал обыскивать ее.

— Насильник!.. Убийца!.. — раздались крики из толпы.

Люди хлынули вперед.

— Стойте, а не то я перережу ей горло!

Патрик прижал свой искореженный протез к горлу Мэри Клипот и надавил. Из пореза струйкой потекла кровь. Вооруженные люди замерли на месте. Шеп нащупал пробирки во внутреннем кармане медицинского халата рыжеволосой. Вытащив несколько штук, Патрик бросил одну пробирку пастору Райту, а остальные зажал в кулаке и поднял над толпой.

— Эта самозванная Дева Мария лечила больных этой вакциной. Бактериальная культура, которой вас заразили, называется «Коса». Эта женщина помогала создавать болезнь в правительственной лаборатории, а потом заразила ею Манхэттен. И теперь вы поклоняетесь этой убийце.

Охранники на балконе вопросительно поглядывали на пастора Райта.

Ропот сомнения поднялся из толпы, наблюдавшей за происходящим на экране.

Понимая, что благоприятный момент упущен, Мэри Клипот задергалась, желая высвободиться, и зарычала на Шепу, словно бешеная собака.

На балконе внизу Маниша Пател стояла на кончиках пальцев, с величайшим трудом удерживая равновесие. Содранная кожа на шее саднила.

Из толпы послышался свист и крики.

— Отдай нам убийцу!

— Дай нам вакцину!

Залезши под куртку, Патрик вытащил оттуда деревянную коробочку.

— Вы хотите получить вакцину? Нате! Ловите! — И запустил коробкой в толпу, а затем повернулся к пастору Райту и его товарищам. — Еще больше в карманах этой женщины.

Патрик толкнул Мэри Клипот к охранникам...

А в это время Тим Буркланд со своими сторонниками ворвались на второй ярус Бельведерского замка. Ведущий экстремистского ток-шоу

хотел собственными руками повесить индусов.

— Нет! — вскричал Патрик Шеперд и спрыгнул с балкончика на второй ярус. Ноги мужчины приземлились на деревянный помост виселицы. Мужчина взмахнул стальным протезом перед носом Буркланда и его людей. Те отпрянули.

На земле тысячи зараженных чумой мужчин и женщин рвали друг друга на части в надежде завладеть деревянной коробочкой.

А затем все внезапно прекратилось...

Небеса взревели. Мерзлая земля задрожала от звука, издаваемого реактивными турбинами двигателей пяти «воздушных тракторов». Огромные самолеты-опыливатели летели V-образным строем в двух тысячах футах над парком. Толпа не видела ни самолетов, ни распыляемого ими заиндевелого тумана из двуокиси углерода, глицерина, диэтиленгликоля, брома и множества других химических и атмосферных стабилизаторов.

Драка прекратилась. Люди устремили взгляды на небо, пока газовая смесь вступала в химическую реакцию с влажным воздухом. Замороженные молекулы углекислого газа и брома быстро оттаивали, образуя завихрения густых красно-коричневых облаков. Они сгущались, опускаясь к земле, и замирали на высоте не более 675 футов над уровнем моря.

Для создания полноты впечатления над толпой повис «Жнец». Тысячи тех, кого и так обуял страх, потеряли сознание. Те, кто сохранил присутствие духа, опускались на колени.

Веревка вокруг шеи Маниши ослабела, и ее перерезанный конец упал ей на плечо. Женщина дышала с присвистом. Она наклонилась назад, когда Шеп перерезал липкую ленту, которой были обмотаны ее руки.

Дочь и муж подбежали к ней. Они плакали, крепко обнимая друг друга. Такой всплеск эмоций возможен только у тех, кто пережил смертельную опасность.

Патрик схватил Тима Буркланда за воротник пальто и поставил на ноги. Острие искореженного протеза прижалось к адамову яблоку радикального телевизионного проповедника. Из неглубокой ранки потекла кровь.

— Пожалуйста! Не убивай меня! — взмолился Тим. — Я ошибался! Я прошу об отпущении грехов.

— Я не Господь Бог, собака.

— Ты — Ангел Смерти... Мрачный Жнец. У тебя есть власть даровать мне жизнь.

— Если ты хочешь жить, освободи этих людей... всех...

— Тотчас же исполню... Большое спасибо... Благослови тебя Бог... — лепетал Тим Буркланд, на четвереньках отползая от Патрика.

Вспышка боли погрузила разум Патрика Шеперда в полубредовое состояние. Лезвие топора вонзилось в дельтовидную мышцу левого плеча, рассекая нервные окончания, пока не ударились о сталь протеза. Заорав от адской боли, Шеп упал на колени. Тело забилося в конвульсиях. Из раны хлынула кровь.

Ночное небо озарилось розоватым светом на севере и востоке так, словно перед утренней зарей. Прожектор осветил лицо Мэри Клипот. Женщина стояла над мужчиной. Топор поднят высоко над головой. С лезвия капает кровь.

— Первый ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Глаза Патрика расширились.

Рыжие волосы Мэри Клипот зашевелились, превращаясь в живых змей. Глаза налились кровью, а затем кровь заструилась вниз по бледному, похожему на камень лицу. Горгона Медуза закричала на Патрика.

Парализованный страхом Шеп неподвижно наблюдал, как лезвие топора опускается вниз, прямо ему на голову...

Панкай Пател схватился за топорнице и вырвал оружие из рук Мэри Клипот.

— Убирайся, ведьма, а не то я отрублю твою уродливую голову и скормлю ее уткам!

Словно выведенная из транса, Мэри отпрянула, споткнулась и со всех ног бросилась прочь от виселиц вниз по каменным ступеням лестницы.

Маниша Пател опустилась на колени возле Шепа.

— Панкай! У него шок. Посмотри на его руку. Рана глубокая, до кости.

Десятилетняя Дон Пател подобрала кусочки липкой ленты и попыталась наложить их на рану — довольно глубокую, длиной

восемь дюймов.

— Мама! Подержи ему руку, а я перевяжу рану шарфом.

На площадку по лестнице взбежал старик с длинными седыми волосами, собранными на затылке в конский хвост.

— Патрик! Нам надо убираться отсюда. Солдаты уже близко.

— Он не слышит вас, — сказала Маниша. Ее руки были залиты кровью. — У него шок, — добавила она.

Вирджил окинул взглядом членов семьи Пател. Выражение голубых глаз за стеклами очков подобрело.

— У нас есть машина, — сказал он. — Она ждет с другой стороны замка. Вы сможете поднять его на ноги?

— Этот человек спас нам жизни. Если понадобится, я пронесу его хоть через ад, — заверил его Панкай.

Индус просунул левое плечо под неповрежденную руку Шепа и поднял его с колен. Маниша туго повязала шарфом дочери скрепленную скотчем рану. Вдвоем с мужем они снесли практически бесчувственного однорукого мужчину вниз по крутым ступенькам викторианского «храма».

Они вышли из Бельведерского замка к югу от скалы Виста-Рок. Там их ждала Франческа.

— Вирджил! Что с Патриком?

— С ним все будет в порядке. Где Паоло?

С севера послышались звуки выстрелов. Все повернулись на шум.

— Франческа?!

— Он в туннеле 79-й улицы. Идите за мной.

Два черных армейских «хаммера», подпрыгивая, неслись по Большой лужайке. Пуленепробиваемые колеса ломали хрупкую корку покрытия поля для игры в софтбол. Установленные на «хаммерах» пулеметы пускали очереди трассирующих пуль поверх голов собравшихся. Люди бежали, словно огненные муравьи, чей муравейник облили хлоркой.

Майор Стив Дауни сидел в головной машине на переднем сиденье и по шлемофону передавал полученные от «экипажа» дрона инструкции сидящим во втором «хаммере».

— Он покинул замок и направляется на юг... Двигается на юго-восток мимо обелиска и Черепашьего пруда... Мы объедем замок с

востока и схватим его у моста через 79-ю улицу.

Творцам Центрального парка, желавшим создать череду естественных озер, ручьев, полян, рощ и лужаек, пришлось спустить под землю дороги, которые пересекали территорию будущего парка. Самую большую проблему представляла собой дорога, соединяющая Верхний Вест-Сайд с 79-й Восточной улицей Верхнего Ист-Сайда. Чтобы провести дорогу под землей, пришлось пробить туннель в скальной породе Виста-Рок, на которой ныне высится Бельведерский замок.

Строительство туннеля завершили в 1861 году. Его длина составляет 141 фут, высота 18 футов, а ширина 40 футов. Спуститься в туннель из парка можно по скрытой от посторонних глаз каменной лестнице у моста, возвышающегося над подземной дорогой.

Люди толкались, когда проносились мимо Франчески в темноте, пока женщина вела Вирджила, семью индусов и едва державшегося на ногах Шепа от Бельведерского замка через Шекспировский сад камней. Оказавшись в потоке спасающихся бегством людей, она вскоре потеряла ориентацию и сбилась с пути.

Далеко в небе вспыхивали огни. Розоватое свечение сгущающихся на небе коричневых туч создавало сюрреалистическое зрелище. В этом фантастическом свете Франческа разглядела мост. Женщина шла наощупь, касаясь пальцами старинной кладки, пока не нашла нишу и ступени, вырубленные в скальной породе полтора столетия тому назад. Когда она взялась за решетку калитки, то с ужасом увидела висячий замок.

— О, нет!.. Нет!

Женщина схватилась за поблескивающий новый шифровой замок и со всей силы дернула. Напрасно. Замок надежно удерживал поржавевшие прутья решетки.

Гул моторов армейских внедорожников вывел Патрика из ступора. Он привалился спиной к увитой плющом каменной стене. Сквозь пелену боли мужчина увидел над плечом десятилетней смуглой девочки светящийся голубоватым светом дух. Видение, склонившись над девочкой, шептало ей что-то на ухо и поигрывало ее косами. Патрик потер глаза, не уверенный, что у него не начались галлюцинации.

Панкай Пател, сжимая в правой руке камень, оттеснил беременную женщину в сторону.

— Папа, ты его только заклинишь. — Девочка схватила отца за руку, не позволяя ударить по замку. — Разреши мне самой...

— Дон! У нас нет времени на...

— Пусть девочка попробует. — Головы всех повернулись к Патрику. — Иди, дитя. Открывай калитку.

Проскользнув мимо отца, девочка прислонила ухо к замку и несколько раз повернула диск, набирая цифровую комбинацию. Дух явно руководил ее действиями.

Сзади стал виден свет головных фар автомобилей. До армейских «хаммеров» оставалось не более ста ярдов.

Но чудо свершилось! Щелкнув, дужка замка откинулась.

— Ты смогла! — обнимая дочь, воскликнул Панкай.

— На это нет времени.

Франческа толкнула калитку от себя. Ржавые петли протестующе закрипели. Беременная женщина сделала осторожный шаг вниз по спускающимся спиралью ступеням, ведущим к 79-й улице, где их ждал белый «додж караван».

Увидев жену, Паоло поспешил ей на помощь.

— Что случилось? С тобой все в порядке?

— За нами гонятся. Садимся в машину и уезжаем отсюда...

Подожди остальных.

Маниша и ее муж помогли Патрику спуститься по ступеням винтовой лестницы. За ними шли Дон и Вирджил. Все забрались в автомобиль-фургон. Паоло на большой скорости повел «додж караван» на восток по туннелю, освещая себе дорогу только подфарниками.

Два армейских «хаммера» резко затормозили у моста. Получив инструкции через свой шлемофон, майор Дауни быстро нашел лестничный колодец, ведущий к туннелю 79-й улицы. — Черт побери!

Чугунная калитка не поддавалась, казалось, ее намертво заварили...

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.
Перевод со старофранцузского.

18 мая 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

Я заразился.

Прежде я думал, что Всевышний намерен оставить меня в живых, чтобы я мог заботиться о его пастве, но я ошибался. Возможно, дав мне заболеть, Он хочет, чтобы я лучше понял симптомы чумы? Не знаю. В любом случае, сейчас я так слаб, что не поднимаюсь с постели. Меня мучает сильный жар. Один красный бубон вскочил под мышкой левой руки, другой, и это тревожит меня гораздо больше, в паху у гениталий. Кровотечения пока нет, но я уже чувствую, что мой пот воняет злокозненными миазмами смерти.

21 мая 1348 года

Тому, кто найдет этот дневник после моей смерти. Существует два вида смерти в зависимости от погодных условий. Зимой люди умирают за два-три дня. Летом, когда тепло, их страдания продлеваются. Кажется, я буду умирать долго. Не знаю, к добру это или ко злу, проклят ли я или в этом сказывается милость Господня.

25 мая 1348 года

Меня разбудили колокольный звон и пение на улице. Сначала мне почудилось, что где-то справляют свадьбу. Находясь в бреду, я подозвал слугу, который поведал плохую новость: в Авиньон прибыла процессия флагеллантов.

Я уже прежде слышал об этих религиозных фанатиках. Они одеваются в грязные белые одежды и, взвалив на плечи большие

деревянные кресты, ходят от деревни к деревне, проповедуя самобичевание как единственное спасение от великого мора. Они на виду у мирян секут друг друга усыпанными шипами хлыстами и железными прутьями, желая тем самым еще на земле заручиться спасением своих душ. По-моему, они превращают христианское таинство в нечто кровавое и непристойное.

И отчаявшиеся люди следуют за ними. Во времена чумы, мора и разложения страх лишает выживших остатков здравого смысла. Фарисейство и лицемерная набожность охватили жителей Авиньона. Фанатики изгнали единственного оставшегося здесь священника из церкви и, вытащив евреев из своих домов, сожгли их живьем.

Я ошибался. Грех и зло уничтожают человечество. Чума — лишь наказание за наши прегрешения.

Умирать тяжело. Я начинаю завидовать тем, кто заразился зимой.

27 мая 1348 года

Лихорадка. Боль в животе все усиливается. Меня морозит. Не могу есть. Диарея со следами крови. Теперь смерть близка. Климент, прежде чем покинуть Авиньон, отпустил мне грехи.

Пусть Жнец приходит...

(конец)

Круг седьмой

Насилие

Так мощно дрогнул пасмурный провал,
Что я подумал — мир любовь объяла,
Которая, как некто полагал,

Его и прежде в хаос обращала;
Тогда и этот рушился утес,
И не одна кой-где скала упала.

Но посмотри: вот, окаймив откос,
Течет поток кровавый, обжигая
Тех, кто насилье ближнему нанес.

О гнев безумный, о корысть слепая,
Вы мучите наш краткий век земной
И в вечности томите, истязая!

Данте Алигьери. Ад

21 декабря

Остров Говернорс

05:17

2 часа 45 минут до предсказанного конца света

Мешок на голове затруднял дыхание. Ее кровь превратилась в свинец, а тело стало трупом, который, держа под руки, вели на казнь.

Двое военных полицейских практически стащили Ли Нельсон вниз по ступенькам в подвал.

Сердце женщины затрепетало в груди, когда из колонок зазвучала панк-рок-музыка. Она узнала песню «Блицкриг-боп» группы «Рамоунз». В темноте мешка ее чувства взбунтовались против какофонии звуков. Ее тело прижали вниз к невидимой, чуть наклонной плоской поверхности. Голова оказалась ниже уровня ног.

— О, нет! Боже мой! Господи! Пожалуйста! Не делайте этого! Я не имею никакого отношения к той женщине!

Ли Нельсон отчаянно лягалась, когда сильные руки мучителей привязывали липкой лентой ее ноги к деревянному щиту. Ей стянули грудь. Испуганная врач и мать двоих детей пронзительно завизжала в темноту надетого на голову мешка.

«Ого-го-го! А теперь подстрелим их в спину...»

Чья-то рука прижала ей голову к доске. Кто-то приподнял мешок, освободив нос и рот.

«Я не знаю, чего они хотят. Они собрались уходить...»

Ли Нельсон находилась в темном сыром подвале. Самый страшный из ее ночных кошмаров стал реальностью. Казалось, от нормальной жизни ее отделяют тысячи световых лет. Внезапно ей в ноздри полилась холодная вода. Тело женщины забило в конвульсиях. Она задыхалась, не в силах глотнуть воздуха. Ужас, в сотню раз сильнее, чем тот, который бывает у тонущих в океане или бассейне, пронзил ее разум.

Доску приподняли. Музыка сделали потише.

Женщина выплевывала воду. Ее легкие обожгло болью, когда они сжались, вбирая живительный воздух. Наконец Ли задышала с громким присвистом.

Капитан Джей Звава говорил медленно и отчетливо ей на ухо:

— Вы помогли Клипот сбежать?

Ли всхлипнула и закашлялась, не в силах заговорить.

— Окуните ее еще раз...

Женщина, как сумасшедшая, замотала головой, выигрывая себе драгоценные секунды. Признание захрипело в ее горле.

— Я помогла... Я все спланировала...

— Это вы ввели ей вакцину?

— Да. Десять кубиков внутривенно.

— Что было в пробирке? — спросил капитан.

— Тетрациклин... а еще...

— Что еще?

— Я не знаю... Я не помню...

Доску начали опускать.

— Подождите! Проведите меня в лабораторию! Я выясню!

Капитан Звава подал своим людям знак перерезать путы и прекратить представление, на котором настояли подполковник Николс и чертовы «нацисты» из Пентагона, которые до сих пор верят, что пытки позволяют добыть нужную информацию. Ли Нельсон шла на сотрудничество и без этого, а значит, целесообразность подобного рода методов вызывала сомнения. К тому же испуганная женщина сейчас готова была признаться в чем угодно — от убийства Кеннеди до

похищения сына Линдберга,^[58] — лишь бы избавить себя от очередного погружения под воду.

— Дайте ей чистые полотенца и теплую одежду, — распорядился капитан Звава.

— Сэр! Нам отвести ее в лабораторию?

Не ответив военному полицейскому, Джей Звава выбрался по лестнице из подвала.

Центральный парк

Верхний Ист-Сайд

05:24

Белый автофургон мчался на восток по проделанному в скальной породе туннелю. Даже всевидящее око «Жнецов» не проникало сюда. В туннеле стояла тьма, черная, словно смола. Паоло пришлось включить фары. Он выключил их в ту же секунду, когда показался выезд из туннеля. Кольшущееся коричневое небо вновь нависало над ними, но розоватые отблески померкли, когда они достаточно удалились от Бельведерского замка.

Впереди была 5-я авеню. Восточную границу Центрального парка запрудила бесконечная череда автомобилей и автобусов.

Паоло свернул на тротуар, тараня все на своем пути на юг.

Повсюду царила темнота.

Бум!.. Бум!.. Бум!.. Бум!.. При каждом столкновении автофургон подбрасывало так, словно он прыгал на большой скорости через «лежачего полицейского». Франческа сидела впереди между мужем и Шепердом и, вытянув вперед руки, упиралась в приборную панель.

— Паоло! Мы что, переезжаем через людей?!

— Это трупы.

— Съезжай с тротуара!

— А куда? По проезжей части не проехать.

Маниша сидела на заднем сиденье. Головка Дон лежала на ее коленях. Дочь сильно кашляла. Из ее рта вылетали кровавые брызги. Некромантка повернулась к мужу. В ее глазах читались отчаяние и злость.

— Нам не следовало выходить из такси.

— Легче сказать, чем сделать, — резко возразил Панкай. — Сколько мы смогли бы высидеть там?

Автофургон вновь сильно трянуло. Людей подбросило вверх, но ремни безопасности выдержали.

— Паоло! Хватит!

— Они мертвы, Франческа, а мы пока живы.

— Извините, — прервала их спор Маниша. — Почему вы еще живы? Вы даже не выглядите больными.

Франческа кивнула в сторону Шеперда.

— У Патрика есть вакцина против чумы... По крайней мере была... Он выбросил все, что оставалось, в толпу.

Шеп попытался обернуться. Сильная боль жгла дельтовидную мышцу левой руки. Он находился на грани беспамьятства.

— У меня осталась вакцина.

Ветеран криво улыбунулся сидящему позади него Вирджиу.

— Я запихнул содержимое коробочки в карман, прежде чем отправился на приступ Бельведерского замка.

Засунув руку в правый карман парки, он вытащил оттуда три маленькие пробирки с прозрачной жидкостью.

Прежде чем он успел отдать вакцину индусам, Вирджил остановил товарища.

— А что будет с твоей женой и дочерью? Ты забыл, куда мы пробираемся по Манхэттену?

Лучик надежды на лице Манишы угас. Ее губы задрожали.

— Ваша семья... Где они живут? — спросила женщина.

— В Бэттери-парке.

Боль исказила лицо ветерана, когда он вновь полез к себе в карман.

— Когда вы в последний раз?.. Вы уверены, что?..

— Маниша!

— Извините! Простите меня! Мой муж прав. Я не могу просить ценой вашей семьи спасти мою. Вы уже рисковали своей жизнью...

— Перестаньте! Все хорошо. У меня было одиннадцать пробирок. Сейчас осталось шесть. Две — для Беатрисы и моей дочери. Одна — для Вирджила. Может, ты ее сейчас и выпьешь?

— Пока не надо, — отказался старик.

Шеп передал три пробирки Манише. Она задрожала, принимая дар жизни.

— Благослови вас Бог, — поцеловала его руку женщина.

— Только будьте с ним поосторожнее. Лекарство вызывает ужасные галлюцинации. В парке мне почудилось, что нечто парило над вашей дочерью. Я мог бы поклясться, что оно было похоже на ангела.

Дон приподняла свою головку с колен матери.

— Вы ее видели?

— Кого?

Руки Манишы дрожали. Торопливо вытащив пробку, она протянула пробирку дочери.

— Дон! Выпей это. Тебе сразу станет легче.

Женщина влила жидкость в рот дочери, опасаясь, что однорукий человек станет задавать неудобные вопросы.

— Ее?.. Значит, то, что я видел, мне не почудилось? Ответь мне.

Дон взглянула на мать.

— Меня зовут Маниша Пател, а это мой муж Панкай. Я — некромант, человек, который может общаться с душами мертвых. Дух, которого вы видели парящим над Дон, имеет особую духовную связь с нашей дочерью.

Автофургон вновь тряхнуло. Амортизатор едва справился с силой удара.

Франческа взвизгнула, ударив мужа ладонью по руке.

— Что с тобой?! Она только что говорила, что может разговаривать с мертвыми. Перестань переезжать через них!

— Извини.

Заметив свободное место между двумя машинами, Паоло пересек 5-ю авеню и поехал на восток по 68-й улице.

— Маниша! Эта душа... Вы говорите, что она женского рода...

Индуска кивнула головой и выпила вакцину без вкуса и запаха.

— Она стала моим поводырем в мире потустороннего, когда наша семья переехала в Нью-Йорк. Она предупреждала, что надо скорее выбираться с Манхэттена, но мы, к сожалению, замешкались. Как вы смогли ее увидеть?

Автофургон занесло. Шеперд моргнул. Плечо ныло.

— Я не знаю. Вакцина вызывает галлюцинации. По правде говоря, я счел это видение очередной галлюцинацией.

— То, что ты видел, — вмешался Вирджил, — было скрытым светом души. Помнишь, что я говорил в госпитале?.. Пять органов

чувств лгут нам. Они похожи на занавесы, через которые не видна истинная реальность. Для того чтобы быть видимым, свет должен отражаться от предмета. Вспомни о дальнем космосе. В нем бесчисленное множество звезд, но он остается черным. Солнечный свет становится видимым только тогда, когда он отражается от предмета, подобного Земле и Луне. То, что ты видел, было скрытым светом души, отраженным от этой девочки.

— Почему от нее? — спросил Патрик.

— Потому что в этой девочке кое-что есть... Это у нее от матери...

— Что? — спросил Панкай.

Вирджил улыбнулся.

— Безоговорочная любовь к Создателю.

Маниша взглянула на старика. Ее глаза блестели от слез.

— Кто вы?

Воздух был пропитан тяжелым запахом ароматических свечей. Умирующие язычки пламени плясали по поверхности причудливо украшенных стеклянных подсвечников, выстроенных в линию на кухонном столе. Пламя отражалось от полированной стальной поверхности холодильника фирмы «Саб-Зеро» Без электричества он не держал холод.

Сорокачетырехлетний Стивен Меннелла тяжело шагал по квартире кондоминиума. Казалось, его тянет к земле тяжелый свинцовый бронежилет. Стивен был сержантом полиции, а его жена Вероника — медицинской сестрой; она только недавно нашла работу в госпитале для ветеранов.

Стивен взял ароматическую свечу с кухонного стола и понес подсвечник в спальню. Он поставил горящую свечу на ночной столик, снял с себя форму и аккуратно развесил ее в стенном шкафу. Во тьме он нащупал любимый серый костюм и недавно отглаженную белую рубашку. Быстро одевшись, он выбрал узорчатый галстук, который дочь Сюзанна подарила ему на прошлый день рождения, завязал узел шелкового галстука, застегнул кожаный ремень и обулся в подходящие по цвету туфли. Напоследок он бросил взгляд в зеркало.

Секунду он стоял, обдумывая, стоит ли убирать постель.

Выйдя из спальни, Стивен вернулся в гостиную. Квартира находилась на тридцатом этаже. С высоты открывался красивый вид на

охваченный безумием город. Дул сильный ветер. Внизу, на расстоянии двадцати футов от балкона, простирались мрачные коричневые тучи, но звездное небо над пентхаусом оставалось чистым.

Стивен остался один на один с кошмаром...

Вероника лежала на кожаном диване. Лицо медсестры госпиталя для ветеранов стало белым как мел. Голубые глаза остекленели. Окровавленный рот застыл в немом крике. Стивен смыл кровь с губ жены и прикрыл шерстяным одеялом ужасную черную опухоль размером с теннисный мяч, что выскочила сбоку на ее длинной шее.

Нагнувшись, он поцеловал Веронику в холодные губы.

— Я оставил детям письмо... Все, как мы договаривались. Подожди меня, дорогая. Я скоро... через минуточку...

Стивен Меннелла задул свечи. Откашлявшись, он поплелся к открытой застекленной двери, ведущей на балкон. Полная луна спустилась низко к горизонту, осветив ползущие внизу грязновато-коричневые облака. Холодный ветер поприветствовал человека, когда он грациозно вскочил на свою любимую кушетку. Не утратив равновесия, Стивен ступил на алюминиевые перила и спрыгнул с балкона...

Ветер засвистел в ушах. Крошечные льдинки покрыли кожу на его руках и лице, пока мужчина пролетал через искусственное облако...

Все произошло неожиданно. Паоло как раз объезжал почтовый ящик, когда человеческий метеор упал с неба...

Капот смягчил силу удара, но блок цилиндров все равно разлетелся на куски, а две передние шины лопнули. Антифриз зафонтанировал на покрывшееся паутиной трещин лобовое стекло, словно разбился гигантский арбуз и забрызгал все вокруг своим соком.

Сирена взвыла и тотчас смолкла. Послышалось учащенное человеческое дыхание. Франческа ощупала свой объемистый живот.

— Что, черт побери, это было?

— Все из машины, — распорядился Шеперд.

Резким движением он открыл дверь, впуская в салон свежий, не отравленный парами антифриза воздух. Пару секунд он смотрел на лежащего на капоте лицом вверх сержанта Стивена Меннеллу, а затем отвернулся.

— Нам надо найти машину на ходу.

Не ожидая, пока из автофургона выйдут остальные, Патрик поплелся по 68-й Восточной улице. Когда он добрался до перекрестка с Парк-авеню, его ноги по икры погрузились в холодный, несущийся куда-то поток.

«Должно быть, где-то прорвало пожарный гидрант».

Вдруг ужасная картина предстала его взору, и Патрик взмолился, чтобы это была галлюцинация под действием вакцины.

Шесть полос движения Парк-авеню напоминали картину, словно сошедшую с гравюр, изображающих ад. Небоскребы офисов и кондоминиумов образовывали зловещий коридор, над которым нависал потолок темных, медленно ползущих по небу туч. На этом зловещем фоне горели десятки автомобилей. Выделяемый при этом жар, сдерживаемый рукотворным «потолком» коричневых туч, растапливал снежные сугробы у бордюров. Они таяли, превращая одну из главных транспортных артерий Манхэттена в подобие реки. Талые воды подхватывали горящий бензин и несли его дальше, к нетронутым огнем машинам. Пожар вызывал ужас.

Бум!..

От далекого звука падения волосы зашевелились на голове Шепа.

Бум!.. Бум!..

Глаза мужчины выхватили из полутьмы тело, которое, вылетев из облака дыма, понеслось вниз. Патрик не видел, как тело коснулось земли, но услышал скрежет металла, звон битого стекла и истошный вой автомобильной сирены.

Еще один человек удал сверху... Дотом еще двое...

Только сейчас Шеперд понял, что происходит, и остолбенел.

На Манхэттене шел град из покойников.

Впрочем, не все падающие вниз были мертвы. Умиравшие от чумы люди выпрыгивали из освещенных свечами окон своих квартир, неслись в свободном падении к тротуарам и разбивались о крыши, капоты, багажники неисчислимого количества оставленных на Парк-авеню машин. От удара автомобиля сплющивались.

К ветерану подошел Паоло. Мужчины застыли в немом изумлении.

— Это галлюцинация? — спросил Патрик.

— Нет.

Течение стало быстрее. Паоло и Патрик увидели, как какой-то предмет плыл по Парк-авеню, а затем его понесло по 68-й улице. В

свете горящего автомобиля они рассмотрели, что это тельце мертвого ребенка.

Шеп пошатнулся при виде малыша. Лавина образов из прошлого обрушилась на него. Сердце забилося часто-часто. Мир закружился перед его глазами и пропал...

Манхэттен исчез, а он снова был в Ираке.

Патрик Щеперд стоял на берегу реки Шатт-эль-Араб. Смеркалось. Небо на западе окрасилось в оранжевый цвет. Дневной зной спал, и теперь его тело обвевала приятная прохлада. Рядом с ним стоял Дэвид Кантор, военврач, помогающий иракским медикам. Доктор Фарид Хасан вытащил обезглавленное тело из прибрежных камышей.

Дэвид осматривал труп.

— Похоже по почерку на аз-Заркауи. ^[59] Доктор Хасан! А вы как считаете?

— Да. Согласен.

Патрик Щеперд, который второй месяц пребывал в Ираке, желчно заявил:

— Что бы я только не отдал, чтобы поставить всех этих ублюдков к стенке.

Иракский врач обменялся многозначительным взглядом со своим американским коллегой.

— Доктор Кантор сказал мне, что вы впервые в Ираке?

— Да.

Щеп осматривая камыши в поисках новых тел.

— Он говорил, что вы были профессиональным бейсболистом, — продолжал доктор Хасан. — Мой сын Али тоже любил спорт... Настоящий атлет...

— Лады. Я научу его бросать скользящий мяч.

— Али умер четыре года назад. Ему было только восемнадцать лет.

— Мне жаль, — сказал Патрик.

— Это всего лишь вежливые слова. Не думаю, что вы по-настоящему сожалеете. Как вы можете почувствовать горечь в моем сердце?

Внезапная боль пронзила грудь Патрика. Он скривился, но врачи, кажется, не заметили этого.

Вдалеке показалась небольшая лодка. На носу стояла одинокая фигура, завернутая в плащ. Силуэт человека был ясно виден на фоне заходящего солнца.

— Если бы вы на самом деле жалели моего сына, то вы бы остались дома, играли себе в бейсбол и говорили своим американским поклонникам, что война — это зло. Вместо этого вы с автоматом наперевес вторглись в Ирак и строите из себя Рэмбо. Зачем вы в Ираке? Зачем у вас автомат, сержант Щеперд?

Внутренний переключатель встал в исходную позицию. Щеп успокоился.

— Если вы позабыли, то на нас напали первыми, — сказал он.

— И кто напал на вас? Воздушные пираты, угнавшие самолеты одиннадцатого сентября, были из Саудовской Аравии. Почему вы сейчас не там? Почему вы не убиваете их детей?

— Американские солдаты не убивают детей. Я хочу сказать, что ни один американский солдат не хотел преднамеренно причинить вред ребенку. Помогите мне объяснить ему, доктор Кантор.

— Извини, парень, но настало время посмотреть правде в глаза. На свете нет Санта-Клауса, а пасхальный кролик давно сдох. Все, что ты знаешь о войне из голливудских фильмов и от Дядюшки Сэма — чушь собачья. Ты думаешь, что Чейни и Рамсфелд беспокоятся из-за оружия массового поражения и болеют душой за иракскую демократию? Последнее известие, Щеп: эта война ведется ради денег и власти. Наша задача состоит в контроле над населением страны, чтобы Вашингтон смог распоряжаться нефтью и делать богатых людей еще богаче. А что происходит с деньгами, которые выделяются на реконструкцию? Их тратят на возведение военных баз, набивая карманы частных подрядчиков вроде Халибертона, Брауна и Рута: Корпорация «Бектэл» получила контракт на распределение запасов воды рек Тигр и Евфрат. В результате она заработала состояние, а местные жители остались без питьевой воды. Деньги и власть, сынок... Настоящими жертвами войны являются дети... Не думаю, что мои слова когда-нибудь передадут в телевизионных новостях.

— Вернемся к детям. Сэр, со всем уважением... О чем вы говорите?

— О пятистах тысяч мертвых детей, если уж быть точным, — в темных глазах иракского врача вспыхнула ярость. — Когда вы начали вторжение в нашу страну в тысяча девятьсот девяносто первом году, ваши военные преднамеренно уничтожили объекты социальной инфраструктуры. Это была очень умная, но глубоко аморальная стратегия, противоречащая Женевской конвенции. Вы уничтожили плотины, которые мы использовали для ирригации. Вы разбомбили наши водонасосные станции и водоочистительные заводы. Вы уничтожили нашу канализационную систему. Мой мальчик не погиб от пули или бомбы, сержант Щеперд. Он умер от дизентерии. Лекарства, которыми я мог бы его вылечить, не ввозились в страну благодаря США и Великобритании. Они входили в список товаров, запрещенных санкциями ООН.

Плоскодонка приблизилась. Теперь Щеп четко видел фигуру в плаще с капюшоном. Человек стоял на корме и медленно греб.

— Мы — не отсталая нация, сержант Щеперд. До американского вторжения Ирак обладал одной из лучших в мире систем здравоохранения. Теперь мы страдаем от холеры, тифа, диареи, гриппа, гепатита А, кори, дифтерии, менингита и так далее. Список можно продолжать и продолжать. Начиная с тысяча девятьсот девяносто первого года, умерло пятьсот тысяч детей. Каждый день сейчас умирает несколько сотен детей, и все из-за того, что у нас нет чистой питьевой воды. Отходы человеческой жизнедеятельности множатся, а это способствует распространению инфекционных заболеваний.

Щеп увидел тело в камышах.

— Один из восьми иракских детей сейчас умирает, не достигнув возраста пяти лет. Один из четырех хронически недоедает.

Сержант поднял трупик семилетней девочки. Его тело содрогнулось, когда он узнал ее.

— Так что, пожалуйста, не говорите мне, что вам жалко моего сына. Вы понятия не имеете, что значит терять детей.

Мертвой девочкой была Большие Глаза.

— Патрик! Берегись!

Разлившееся на воде пятно бензина вспыхнуло маслянистым пламенем. Шеп отшатнулся, прикрывая лицо рукой.

— Ты не пострадал?

— Нет.

Опустив руку, ветеран ободряюще кивнул Паоло головой и застыл на месте. Кровь в жилах похолодела...

По Парк-авеню медленно плыла плоскодонка из его видения. Одинокая фигура стояла на корме. Мрачный Жнец, держакосы отталкиваясь от дна, вел свое судно по затопленной водой авеню.

Шеп посторонился, когда течение вынесло плоскодонку на 68-ю улицу. Ангел Смерти повернул к Патрику свое наводящее страх лицо и кивнул головой, словно приглашал ветерана следовать за ним. Когда лодка проплыла мимо Шеп, мужчина развернулся и пустился вслед за ней бегом, шлепая ногами по воде.

Кормчий ударами держака косы подтолкнул плоскодонку к бордюру. Перевалив через бордюрный камень, лодка причалила к тротуару. Напротив зиял чернотой вход в неоклассическое четырехэтажное здание из известняка. Дом был построен около века назад на северо-западном углу 68-й Восточной улицы. Большие арочные окна первого этажа прекрасно гармонировали с восьмиугольными окнами верхних этажей. Крышу украшали карниз и балюстрада.

На табличке перед входом было выгравировано:

СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ.

Воды паводка у края тротуара с шумом низвергались в сток канализации, унося с собой все, включая и останки.

Мрачный Жнец посмотрел на Шеп. В пустых глазницах его черепа теперь мелькали десятки человеческих глаз, отдаленно напоминая пчел, копошащихся на медовых сотах. Ангел Смерти взмахнул позеленевшим лезвием косы над стоком канализации. Затопленная расщелина расширилась, превратившись в огромный сточный колодец. Грязная талая вода полилась вниз по овальному расширению, словно по канализационной трубе. Расширение все увеличивалось и увеличивалось, достигнув двадцати футов в диаметре. Лужи бензина запылали, осветив черноту подземных глубин жутким оранжевым сиянием.

Жнец указал костяшкой пальца на отверстие в тротуаре, молча приказывая Шепу заглянуть в бездну.

Патрик не тронулся с места.

Ангел Смерти поднял косу и ударил концом держака по асфальту затопленного тротуара. Послышался глухой звук удара. Во все стороны вдоль 68-й улицы побежали волны высотой в один фут.

Шеп оглянулся. Паоло, Франческа, Вирджил и семейство Пателей застыли, словно статуи. Казалось, они находятся в другом измерении.

«Это вакцина. У меня опять галлюцинации».

Патрик подошел к краю провала. По колено в ледяной воде, он изо всех сил напрягал мышцы ног, борясь с сильным течением, которое тянуло его вниз.

Мужчина заглянул в бездну.

— О, Боже!.. Нет! Нет!

Патрик Шеперд смотрел прямо в зев ада.

Район Бэттери-парка

05:27

Стоун-стрит — узкий проспект в районе Бэттери-парка, вымощенный булыжниками. В первых и цокольных этажах домов располагается много популярных ресторанов и кафе.

Семнадцать часов назад местные жители и туристы заказывали обед в пиццерии «Адриано» и покупали пирожные в «Сладостях финансиста». Через пять часов они толпились в пабе «Стоунстритская таверна», в одном из многих общественных мест, в которых собрались те, кому некуда было пойти и пересидеть комендантский час.

К семи часам вечера льющийся рекой алкоголь превратил Стоун-стрит в место проведения шумной вечеринки. Музыка гремела из плееров для компакт-дисков, которые питались от батареек. Предчувствие дня Страшного суда вызвало к жизни старую максиму: «После нас — хоть потоп». Женщины уединялись с незнакомыми мужчинами на задних сиденьях припаркованных у обочин машин.

Семьи с детьми ушли со Стоун-стрит к Бродвею и церкви Троицы.

К десяти часам ночи смолкла музыка, а через полчаса пьяная толпа разгулялась в дебоше. То тут, то там вспыхивали драки. Люди разбивали вдребезги стекла витрин и громили кафе и рестораны. На женщин, которые еще недавно сами соглашались на секс, теперь нападали и насиловали. Не было полиции. Не было закона. Осталось только насилие.

К полуночи «Коса» вынесла свой приговор дебоширам.

Половина шестого утра. Двадцать первое декабря. Зимнее солнцестояние. Стоун-стрит походит на европейскую деревушку времен «черной смерти».

Свет нигде не горит. Только тлеющие в стальных мусорных баках угли отбрасывают оранжевый отсвет. Темные, грязно-коричневые облака низко нависли над домами, производя прямо-таки сюрреалистическое впечатление. Мощенные булыжником улица и переулки завалены телами мертвых и умирающих. Тающий снег заливал останки людей водой. Оттаявшая кровь вытекала из носов и ртов мертвецов, привлекая крыс.

Крысы превосходили числом мертвых и умирающих людей раз в шестьдесят. Пребывая в крайней степени возбуждения из-за укусов инфицированных «Косою» блох, грызуны не брезговали даже своими мертвыми сородичами. Их острые зубы и когти грызли и рвали на куски крысиную и человеческую плоть. Они сражались друг с другом, доходя до бешеного неистовства, но не могли насытиться.

Черный «шевроле» медленно повернул на Стоун-стрит. В течение последних пяти часов водитель Бертрана де Борна проявлял чудеса изобретательности, лавируя и протискиваясь между бесконечными рядами брошенных автомобилей, хотя скорость движения «шевроле» при этом не превышала шести миль в час. Когда очередная машина перегородила ему дорогу, Эрнест Лозано свернул на тротуар. Толстые шины «шевроле» переехали через мертвого человека, раздавив в лепешку замешкавшихся у еды крыс.

Шеридан Эрнстмайер сидела возле Лозано с оружием наизготовку. Она убивала каждого, кто приближался к «шевроле» ближе, чем на десять футов.

Бернард де Борн пошевелился на заднем сиденье. Гланды министра обороны болели. Его знобило. Температура явно повышалась. Де Борн сидел, прикрыв глаза, и его веки мелко дрожали.

— Мы приехали? — прохрипел он.

— Нет, сэр. Мы в квартале от цели.

— Какого черта...

Де Борн раскашлялся и кашлял никак не меньше полуминуты. Его тошнотворное дыхание распространилось по салону автомобиля. Оба телохранителя поправили маски своих ребризеров.

Лозано посмотрел направо. За Брод-стрит виднелась Нью-Йоркская гавань. Не только проезжую часть, но и пешеходные тротуары перегораживали автомобили.

— Сэр! Дорога перекрыта, но нужный нам дом недалеко... вон там, направо...

— Приведите ее ко мне... и дочь Шеперда тоже...

Агенты переглянулись.

— Что-то не так? — спросил де Борн.

— Нет, сэр.

Эрнест Лозано дернул рычаг переключения передач и заглушил мотор. Он вышел из машины и последовал за Шеридан Эрнстмайер по заваленному трупами тротуару, где бегали зараженные чумой крысы, к дому, в котором жила Беатриса Элоиза Шеперд.

Верхний Ист-Сайд

Для Патрика Шеперда время остановилось. Воды паводка, огонь, его товарищи по исходу — все, что имеет отношение к физическому миру, который Вирджил называл Малхутом, застыло.

Внизу, на расстоянии в несколько сотен футов под тротуарами Парк-авеню находилась другая реальность.

Все расширяющийся подземный туннель открывал взору Патрика три из семи кругов ада. Первый представлял собой реку крови, которая текла под зданием Совета по международным отношениям. Она была широка, как Миссисипи. Воды, стекающие в провал с 68-й улицы, вливались в нее водопадом.

От кровавой реки скверно пахло. Щеп ужаснулся судьбе тех, кто попал в ее бурные воды. Каким-то загадочным образом Патрик мог видеть их ауры — темные, пульсирующие сгустки энергии, вызывающие у него удушье, как от адской вони.

Мужчины и женщины. Обнаженные, истекающие кровью.

При жизни они совершали насилие над другими.

Бесконечная череда тысяч проплывающих по реке тел. Их лица то появляются, то исчезают, словно гнилые куски мяса в бурлящей ярко-красной похлебке. Очувтившись на поверхности, они жадно хватают ртами воздух, а затем вновь погружаются в кровь. Заботясь только о себе, они взбираются друг на друга. Мысль, что можно вместе попытаться добраться до берега, не приходит им в головы.

Вдоль берега и по мелководью расхаживают кентавры — наполовину люди, наполовину кони. Каждого выбравшегося из реки эти существа колют вилами, и люди сами прыгают обратно в кровавые воды.

Вдруг Щеп осознал, что эти несчастные страдают не только от удушья, захлебываясь в водах подземной реки. Они тянутся к льющемуся сверху свету, Его свету...

В ужасе Патрик задрожал.

«Тираны и убийцы... Неужели такое наказание ожидает меня после смерти?»

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

Повернув голову на звук, Щеп увидел чуть в стороне от береговой линии кровавой реки отверстие в земле, как кратер вулкана. Там, под первым, находился второй круг ада. Патрик увидел странный, чуждый человеческому восприятию лес. На деревьях не было листьев, одни лишь шипы. Кричал мужчина лет сорока, одетый в серый деловой костюм, белую рубашку и галстук с узором.

Патрик узнал его — этот мужчина разбился о капот их автофургона.

Самоубийца.

На его глазах ноги мужчины вросли в покрытую пеплом землю, руки превратились в ветви, а пальцы — в острые шипы.

Сразу же на дерево села гарпия — наполовину птица, наполовину женщина. Перескакивая с ветки на ветку, она пожирала зеленые листочки, которые время от времени появлялись на этом ужасном человеке-дереве.

Щеперд не смог разглядеть, что происходит ниже леса самоубийц в третьем круге ада, но услышал эхо душераздирающих воплей тех, кого пытали, и мерзкие богохульства, направленные на Всевышнего.

Знакомое чувство побудило Патрика поднять глаза кверху. Мрачный Жнец смотрел на него глазами, в которых мелькали сотни глаз. От улыбки Ангела Смерти кровь в жилах Патрика похолодела. Костлявая рука потянулась из-под черного балахона к нему, но другая рука обхватила ветерана сзади и выдернула из седьмого круга ада.

Патрик заорал, развернулся и встретился глазами с Вирджилом.

— С тобой все в порядке? — спросил старик. — По твоим глазам вижу, что не в порядке.

Патрик ошарашено огляделся, ища глазами Мрачного Жнеца, но Ангел Смерти и видение ада куда-то пропали.

— Патрик!

— Я не могу больше сносить все это: галлюцинации... чувство вины... Но хуже всего одиночество, ощущение внутренней пустоты. Это подобно яду, который медленно отравляет каждую клеточку в моем организме. Только боязнь наказания, которое ожидает самоубийц после смерти, все эти годы удерживала меня от того, чтобы свести счеты с жизнью. Я запутался, я заблудился, а вокруг — только тьма.

— Еще не все потеряно, Патрик. Еще есть время измениться, впустить свет в свою душу.

— Как? Скажи мне!

— Надо вновь научиться чувствовать, — сказал старик. — Там, где есть любовь, найдется место и божественному свету.

— Сейчас я чувствую в душе лишь пустоту.

— Ты просто боишься чувствовать. Перестань прятать в себе свои эмоции. Позволь своему естеству испытать боль и страдания. Тебе следует посмотреть правде в лицо.

— О какой правде ты говоришь? — спросил Шеперд. — Что ты обо мне знаешь, Вирджил? Что твой дружок де Борн рассказал тебе обо мне?

К ним подбежал Паоло. Его глаза горели сумасшедшим огнем, а разум страдал от собственных галлюцинаций.

— Посмотрите на небо! Вы видите?! Демон летит!

Шеп и Вирджил подняли головы вверх.

Беспилотный самолет «Жнец» завис под клубящимися темными облаками. Его кроваво-красные линзы «глаз» следили с высоты за людьми.

Вирджил покосился на дрона.

— Это не демон, Паоло, это беспилотный самолет, — сказал старик. — Где ты оставил Пателей?

Серый автофургон «фольксваген» на большой скорости вырулил на тротуар. Из выхлопной трубы механического зверя громыхнуло. Машину занесло вбок. От нее во все стороны затопленной улицы

пошли волны. Панкай сидел за рулем, его жена и дочь рядом, на передних сиденьях. Франческа лежала на третьем ряду сидений.

Панкай опустил стекло.

— Солдаты идут! Живей, убираемся отсюда!

Шеп рывком открыл заднюю сдвижную дверь, пропуская вперед Паоло и Вирджила. Старая колымага то и дело шла на таран, пробиваясь на юг по Парк-авеню к Нижнему Манхэттену.

Круг восьмой

Жульничество

Уже над новым рвом мы одолели
Горбатый мост и прямо с высоты
На середину впадины смотрели.

О Высший Разум, как искусен ты
Горе, и долу, и в жерле проклятом,
И сколько покажешь правоты!

Повсюду, и вдоль русла, и по скатам,
Я увидел неисчислимый ряд
Округлых скважин в камне сероватом.

Они совсем такие же на взгляд,
Как те, в моем прекрасном Сан-Джованни,
Где таинство крещения творят.

Я, отрока спасая от страданий,
В недавний год одну из них разбил:
И вот печать, в защиту от шептаний!

Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.

Данте Алигьери. Ад

21 декабря

Трибека, Нью-Йорк

06:07

1 час 56 минут до предсказанного конца света

На лестнице никого. Хороший знак. Дэвид Кантор добрался до лестничной площадки второго этажа. Его ноги болели от усталости. Четырехглавые мышцы жгло огнем после продолжительной поездки на велосипеде.

«Выбиваешься из графика... Вперед!»

Схватившись за перила, Дэвид побрел вверх по ступенькам. Каждый выдох отдавался эхом в наушниках шлемофона.

Поездка по Манхэттену на десятискоростном велосипеде оказалась тем еще «удовольствием». Военное снаряжение Дэвида мешало

удерживать равновесие. Широкие подошвы ботинок то и дело соскальзывали с педалей. Впрочем, у езды на велосипеде были и существенные достоинства. Во-первых, Дэвид без особого труда мог проехать по забитым брошенными машинами улицам. Во-вторых, его передвижения по городу не были слышны военным.

Впрочем, как оказалось, армия является наименьшей из его проблем.

Он ехал по Верхнему Вест-Сайду и ошибочно свернул на Америк-авеню. Штаб-квартира телекомпании Си-би-эс. Башня «Бэнк ов Америка». Здание фирмы «У. Р. Грейс энд Ко». Универмаги «Мейси». Эта часть города, известная коренным жителям Нью-Йорка под названием Аллея небоскребов, стала похожа на кошмар, сошедший с иллюстрации Уэйна Д. Барлоу. Коричневые облака низко нависли над землей, закрывая верхушки высотных зданий. Стеклопанели отражали свет горящих внизу автомобилей. Талая вода бежала по улицам. Из фантастических облаков на асфальт падали тела людей. Какая-то женщина выпрыгнула с небольшой высоты на крышу такси. Хребет она себе сломала, но сразу не умерла. Женщина лежала неподвижно и громко стонала.

От увиденного усталость как рукой сняло. Дэвид проехал на большой скорости мимо площади Рокфеллера, стараясь не смотреть на мертвецов, рядами разложенных на льду катка. Потом он свернул к Швейному кварталу и Челси. Проехав под аркой на площади Вашингтона, Дэвид вкатил в Гринвич-виллидж, район, где живут представители нью-йоркской богемы. В этом районе Кантор жил, пока учился в колледже. Врач проехал по территории своей альма-матер, Нью-Йоркского университета. К счастью, сейчас в кампусе никого не было. Все студенты разъехались на рождественские каникулы. Дэвид миновал дом с террасой, в котором когда-то жили его родители, потом свернул к баскетбольным площадкам на Десалвио-стрит и Бликер-стрит. Когда-то он часами зависал здесь. Как и лед катка, асфальтовые прямоугольники площадок устилали жертвы «Косы». Как оказалось, местная уличная банда решила превратить эту территорию в свой тир.

Без предупреждения из-за угла загрохотал автомат. Внезапно Дэвид Кантор вновь очутился в Ираке. Невидимые убийцы были всюду и нигде. Одна пуля слегка задела его одежду, другая срикошетила от канализационного люка и попала в велосипед. Дэвид свернул за ряд

брошенных автомобилей. Низко пригнувшись к рулю, он проскользнул в оставленные между машинами зазоры из небезопасного района на Хьюстон-стрит.

Здесь находились ультрамодные магазины. Юг Хьюстон-стрит представлял собой своеобразную демилитаризованную зону. Восемь часов назад толпы местных жителей, впав в амок, начали громить и грабить соседние магазины. На Хьюстон-стрит они встретились с одетым в комбинезоны биологической защиты спецназом. Стражи порядка не собирались шутить с погромщиками. Изрешеченные пулями трупы лежали теперь перед разбитыми витринами, под разноцветными, изодранными в клочья навесами в острастку всем нарушителям комендантского часа.

До Трибеки Дэвид Кантор добирался еще часа полтора.

Этот район находится между Сохо и Финансовым кварталом к западу от Чайнатауна. Трибека получила свое название за местонахождение в «треугольнике», образованном Канал-стрит. Когда-то это был район промышленных предприятий, а теперь считается одним из самых богатых в Большом Яблоке. Прежние склады перестроили в жилые дома и лофты, в которых часто селятся голливудские звезды.

Клермонтская частная средняя школа располагается к югу от Уолл-стрит в здании, в котором прежде находился Американский международный банк. Начальные, средние и старшие классы занимают 125 тысяч квадратных футов классных комнат, художественных студий, лабораторий, библиотеки, кафе, спортивного зала, игральных площадок и двадцатипятиметрового плавательного бассейна. Ученики приезжают сюда из пяти больших районов Нью-Йорка, а также из Нью-Джерси. Богатые родители ищут лучшее образование для своих отпрысков.

Двенадцать часов назад школу закрыли на карантин.

Теперь Дэвиду предстояла выяснить, выжил ли там хоть кто-нибудь.

Добравшись до ступенек бывшего Американского международного банка, Дэвид начал взбираться по ним вверх. Когда он достиг лестничной площадки третьего этажа, его мучила одышка. Он дернул

ручку пожароустойчивой двери. Заперто. Он загрохотал по стальной двери прикладом своего автомата. В ответ — ни звука.

Отойдя подальше, Дэвид Кантор прицелился и нажал на спусковой крючок. Замок разлетелся вдребезги. Боясь того, что может там увидеть, мужчина рывком распахнул дверь и вошел в утопающую во тьме школу дочери.

Нижний Ист-Сайд, Манхэттен

06:16

Они ехали, не включая фар, по тротуарам, сбивая на своем пути столбики навесов. После Парк-авеню Панкай избегал главных дорог, потому что на юг легче пробираться окольным путем по улочкам и переулкам.

Восточный Мидтаун был особенно опасен из-за полиции и войск, окружавших здания ООН. Свернув на запад, Панкай снова пересек Парк-авеню, доехал до Муррей-Хилл, а затем срезал дорогу, когда повернул на юго-восток по тихим старым кварталам Грамерси-парка.

В Ист-Виллидже у них не оставалось другого выхода, кроме как ехать на юг по Бауэри.

Кристалл на шее Маниши Пател вдруг начал вращаться.

— Нет. Сюда нельзя, — сказала она мужу.

— А куда мне ехать? — возразил индус. — Машины стоят перед двумя мостами. Мне просто негде будет проехать.

— Моя духовная наставница говорит, что сюда ехать нельзя. Найди другую дорогу. Давай поедem через Чайнатаун.

Миносy устроились на третьем ряду сидений. Паоло успокаивал свою беременную жену. Женщина положила голову мужу на колени. Ребенок беспокойно ворочался в ее животе.

— Твой сын меня обижает, — пожаловалась женщина.

— Он так настойчиво бьет ножкой. Из него получится хороший футболист.

— Он хочет наружу, Паоло. Я боялась тебе говорить, но у меня отошли воды... еще в парке, когда мы ждали твоего возвращения.

Чувствуя себя беспомощным, мужчина даже не нашел в себе сил пожать жене руку.

— Потерпи, дорогая. Мы скоро доберемcя до доков.

Вирджил сидел на втором ряду сидений рядом с Патриком Шепердом. Старик совсем выбился из сил и уснул.

Шеп прислонился к сдвижной дверце со стороны водителя. Боль в раненом левом плече не стихала, не давая ему заснуть. Сквозь полуприкрытые веки он смотрел на маленькую индусскую девочку, сидевшую впереди между родителями. Непонятно почему, но мужчина испытывал к ней глубокую симпатию. Девочка почувствовала, что Шеп на нее смотрит.

— Вам больно? — спросила Дон у ветерана.

— Бывало больнее.

Отстегнув ремень безопасности, девочка развернулась и встала коленями на сиденье, чтобы лучше его видеть.

— Дайте мне прикоснуться к вашей руке, — сказала она. — Обещаю, больно не будет.

Мужчина повернулся к Дон правым боком и протянул ей руку. Девочка мягко коснулась его руки ладонками. Она зажмурилась. Кончики пальцев нащупали его пульс.

— Грубо... Много боли...

— Я был солдатом.

— Глубже... прежде... Боль после... путешествия... Это было раньше... давно... Страшное преступление... Много мертвых. С тех пор у вас на душе страшная тяжесть.

— Путешествие... — повторил за девочкой Патрик. — Что за путешествие?

— Что-то другое... Большое разочарование... Всепоглощающее... Ваши поступки не дают вам покоя.

— Дон! — одернула ее мать и виновато посмотрела на мужчину:

— Патрик! Моя дочь еще маленькая и...

— Ничего страшного. Патрик посмотрел на девочку.

— Тебя зовут Дон?

— Да.

— У тебя красивые карие глаза. Я заметил это еще в Центральном парке... Ладно... Пустое...

— Скажите мне все, — попросила девочка.

— Они напомнили мне одного человека...

— Моя мама говорит, что глаза — это зеркало души. Возможно, мы были знакомы в прежней жизни.

Она встретилась взглядом с Патриком и словно заглянула ему в душу.

Мужчина вздрогнул.

Выражение лица девочки изменилось. Ее нижняя губа задрожала. Внезапно потеряв самообладание, Дон разжала руки, отпрянула и обняла мать.

Шеп сел прямо, стараясь казаться спокойным.

— Что такое? Что-то не так? — спросил он.

Рыдая, девочка уткнулась лицом в колени матери.

— Успокойся, детка. Что такое?

— Извините мою дочь, Патрик. Она не хотела вас расстроить. Читать судьбу человека — тяжелое испытание даже тогда, когда все хорошо, а сейчас... Дон истощена морально, но ничего страшного. Девочка моя, скажи Патрику, что ты не хотела его расстроить.

— Извините, что расстроила вас. Мне очень жаль.

— Да... Конечно. Не волнуйся.

Патрик отвернулся и с напускной холодностью уставился в окно автофургона. Где-то там, вдалеке, была автострада имени Франклина Делано Рузвельта, а за ней Ист-Ривер. А дальше — только тьма, если не считать двух возвышающихся над водой чудовищ — Манхэттенского моста на севере и Бруклинского моста на юге. Оба они взорваны семнадцать часов назад, но термитно-зажигательный состав, которым пользовались минеры, до сих пор горел. Химические компоненты взрывчатки расплавляли стальные балки так, как это произошло 11 сентября 2001 года.

Три здания рухнули со скоростью, близкой к скорости свободного падения. В два из них врезались угнанные террористами самолеты, а третье — сорокасемиэтажное Здание № 7 — сложилось, словно карточный домик, этаж за этажом через несколько часов после теракта. А ведь этот небоскреб лишь задели обломки взорвавшихся самолетов. Большинство простых американцев никогда не сомневались в том, что видели по телевизору, но ученые и инженеры были ошеломлены произошедшим: это противоречило всем известным законам физики, техники и металлургии.

В конце концов, все сводилось к простому вопросу: как авиационное топливо, которое сгорает при температуре от 800 до 1200 градусов по Фаренгейту, могло растопить стальные балочные фермы,

которые плавятся при 2500 градусах? Это же в два раза выше, чем может дать самое жаркое пламя, питаемое авиационным топливом. В том, что сталь плавилась, не было ни малейшего сомнения. На кадрах видеосъемки видно, как жидкая сталь лилась из окон за несколько минут до того, как обрушились башни-близнецы. Еще в течение двух месяцев после катастрофы пожарники не могли остудить «озера» расплавленной стали под руинами ни миллионами галлонов воды, ни пенным составом.

Министерство национальной безопасности запретило доступ к эпицентру взрыва, эффективно помешав поближе исследовать обломки. Впрочем, ловкие инженеры все же ухитрились собрать достаточно образчиков, чтобы провести независимый анализ. Исследования показали присутствие инородной субстанции, которой просто не могло быть в обломках зданий, а именно, термита. Это вещество широко используется военными и инженерами-строителями для подрыва стальных конструкций. При взрыве термита выделяется температура порядка 4500 градусов по Фаренгейту. Термит горит очень долго, и его можно использовать в виде краски.

В ответ на тревожные открытия независимых экспертов Национальный институт стандартов и технологии выдал тысячестраничный отчет с объяснениями, противоречащими всем описанным ранее случаям пожаров в высотных зданиях. В отчете ничего не говорится о присутствии термита на месте взрыва. Ничего не сказано и о загадочных озерах расплавленной стали. Официальные представители Национального института стандартов и технологии никак не прокомментировали серию взрывов, которые слышали сотни свидетелей перед падением башен-близнецов. Проигнорировали они и видеозапись, на которой отчетливо видно, что перед падением Здания № 7 по всем этажам прошла серия взрывов, которая и была причиной трагедии. После взрывов показались клубы дыма, а затем небоскреб сложился этаж за этажом со скоростью свободного падения.

Более четырех сотен независимых архитекторов и инженеров оспаривали выводы, сделанные Национальным институтом стандартов и технологии. Бесполезно. На Америку напали. Американцы хотели возмездия, а не смехотворных теорий заговора.

Только во время второй ссылки в Ирак Патрик Шеперд узнал от товарища по оружию о существовании веб-сайтов с версиями событий

одиннадцатого сентября, отличными от официальных. Прочитав написанное там, он пришел в ярость. Ну и что с того, что здания считали вредными для здоровья работающих в них, потому что при строительстве использовали асбест? Ну и что, что о падении Здания № 7 Би-би-си сообщила за сорок минут до его фактического падения? Что такого в том, что в здании находилось второе по значению отделение ЦРУ, специализирующееся на секретных операциях? Ну и что, что там были расположены офисы тех, кто расследовал экономические аферы корпораций «Энрон» и «Вёлд-Ком»? Если даже Ларри Сильверстайн, новый владелец Всемирного торгового центра, и распорядился остановить для ремонта несколько лифтов в башнях-близнецах за месяц до теракта, в этом нет ничего предосудительного. Как может лояльный к государству американец поверить, что какие-то люди в правительстве родной страны могли подстрекать и способствовать совершению такого гнусного теракта, чтобы использовать его в качестве предлога для оккупации Ирака? Какой вздор!

Ведущие средства массовой информации отказывались верить в это, и большинство американцев, и Патрик среди них, испытывали те же чувства. Но шли годы, а вместе с ними и время, проведенное в Ираке. Постепенно сознание Патрика стало прислушиваться к доказательствам, и ядовитые мысли отравили его сердце — оно окаменело и заледенело.

Он узнал, что в современной истории полным-полно случаев, когда стрелки переводили на других. Правящая элита организовывала всевозможные теракты и нападения ради того, чтобы заручиться поддержкой народных масс. В 1931 году японцы взорвали свою собственную железную дорогу ради того, чтобы начать аннексию Маньчжурии. В 1939 году нацисты сфабриковали доказательства нападения поляков на Германию, получив повод для вторжения в Польшу. В 1953 году Соединенные Штаты и Великобритания организовали операцию «Аякс» с целью свержения Мохаммеда Мосаддыка,^[60] демократически избранного лидера Ирана. Через девять лет президент Кеннеди наложил вето на операцию «Северные леса», в ходе которой предполагалось провести ряд терактов на территории США, включая угон и взрывы американских авиалайнеров коммерческих авиалиний. Ответственность за события предполагалось

возложить на Кубу. Через несколько лет инцидент в Тонкинском заливе привел к развязыванию Вьетнамской войны.

Три тысячи ни в чем не повинных людей погибли 11 сентября 2001 года. Несмотря на весь ужас трагедии, цифры не так велики по сравнению с количеством погибших в современных войнах. Гитлер уничтожил шесть миллионов евреев. Пол Пот истребил более миллиона камбоджийцев. Китайцы превратили истребление тибетцев в повседневную рутину. Геноцид унес жизни миллиона человек в Руанде. Соединенные Штаты убили около миллиона иракцев, хотя у Саддама, как оказалось, не было оружия массового уничтожения, а официальный Ирак считал Усаму бен Ладена и Аль-Каиду своими врагами.

Для военно-промышленного комплекса и элиты с Уолл-стрит три тысячи человеческих жизней — ничто по сравнению с нефтяными запасами Ирака и триллионом долларов по неоспариваемым контрактам на поставку военного снаряжения и техники.

Сидя на заднем сиденье автофургона, Патрик вспомнил день, когда правда о терактах 11 сентября стала для него очевидной. Это было в последний день его пребывания в Ираке. Тогда Шеп осознал, что страна, которую он любит всем сердцем, находится под властью корпоративной элиты, а он убивал невинных людей ради того, чтобы держать на плаву их финансовые империи жадности. И Патрик решил, что после смерти будет гореть в аду и никогда больше не увидит свою семью.

Глядя на горящие мосты, Шеперд почувствовал во рту знакомый медный привкус ненависти. Именно ненависть делала его слепым все эти одиннадцать лет. Эта ненависть была всеобъемлющей, она изгладила в его душе всю любовь, которая там когда-то была, лишила его всех хороших воспоминаний, вытравила из его сердца свет. В миг прозрения еще одна истина показала Патрику свое уродливое лицо.

— Они сожгут Манхэттен, — произнес Патрик.

Спутники повернули головы и посмотрели на Шеперда.

Паоло сжал руку своей жены.

— Кто сожжет Манхэттен?

— Федералы из министерства обороны. Скоро они начнут, думаю, когда взойдет солнце. Если бы они добрались до вакцины раньше, то от Манхэттена сейчас бы остались одни головешки.

— Откуда вы знаете? — спросил Панкай.

— В госпитале для ветеранов я подслушал, как Бертран де Борн угрожал рассказать всю правду о сибирской язве и терактах две тысячи первого.

— Министр обороны?

— Какое отношение сибирская язва имеет к?..

— Споры сибирской язвы собрали в одной из лабораторий ЦРУ. Думаю, «Коса» имеет то же происхождение.

— А зачем это делать? — спросил Паоло.

— Кое-кто хочет завоевать Иран, а людских ресурсов для еще одного вторжения не хватает, поэтому умники из разведки и разработали гениальный план. После заражения страны опасным вирусом вроде «Косы», который подорвет всю систему обороны и выведет армию из строя, мы вторгаемся с готовой вакциной на руках и заключаем мир с теми, кто выживет.

— Я не верю в это! — пылко заявила Франческа. — Я отказываюсь этому верить! Мы ведь живем на Манхэттене. Это Нью-Йорк! Никто не осмелится сжечь самый большой город Америки.

— Им все до лампочки, — смыкая веки, сказал Шеп. — Мы для них всего лишь цифры, вполне допустимые потери, коль скоро речь идет о власти. Они выжгут Манхэттен, обвинят в заражении «Косой» каких-нибудь террористов, а потом начнут Третью мировую войну.

Остров Говернорс

06:20

Одна в кромешной тьме. Холодный цементный пол. Мокрый матрас пахнет плесенью. Тело Ли Нельсон задергалось в нервных конвульсиях, когда она услышала звук шагов над головой. Женщину охватил ужас. Кто-то обутый в тяжелые ботинки загромыхал по деревянным ступеням.

Когда человек подошел к ней, Ли вскрикнула от страха.

— Никакого больше окунания в воду... Обещаю, — заверил ее Джей Звава. — Я принес вам немного выпить. Вам надо расслабиться и успокоить свои нервы. Вы можете сидеть?

Капитан помог Ли Нельсон приподняться с матраса. Женщину бил мелкий озноб. Военный протянул Ли открытую бутылку с виски.

Доктор Нельсон с трудом поднесла бутылку к губам и начала пить. Она осушила треть бутылки, прежде чем капитану удалось вернуть ее себе. Внутри женщины разгорелся огонь. Внутренний жар немного успокоил издерганные нервы.

— Лучше? — поинтересовался капитан.

— Почему вы меня пытали?

— Потому что мне приказали. Потому что мир сошел с ума. Потому что здравый смысл выбросили на помойку в тот день, когда президенты решили, что «ястребы-цыплятники» вроде Чейни, Рамсфелда и де Борна знают об армии больше, чем профессиональные военные.

— Я ненавижу вас и ваши чертовы войны, — сказал Ли. — Мне отвратительны ваши безумные программы по разработке биологического оружия. Я молю Бога, чтобы каждый повинный в этом чурбан и милитарист получил свое местечко в аду.

— Вполне возможно, ваши мольбы будут услышаны.

Женщина съежилась, когда капитан полез в карман мундира, но через мгновение он достал мобильный телефон.

— Позвоните вашей семье. Скажите, что с вами все в порядке, и все... ничего больше...

Дрожащей рукой Ли взяла аппарат и набрала номер.

— Алло, — донесся из телефона голос мужа.

— Дуглас...

Женщина разрыдалась.

— Ли! Где ты? Ты выбралась из города? Я звонил тебе всю ночь!

Она взглянула на капитана Зваву заплаканными глазами.

— Со мной все в порядке. Я на военной базе на острове Говернорс.

— Слава Богу! Когда ты вернешься домой? Постой!.. Ты больна?

— Нет, я здорова. А ты? С детьми все в порядке?

— Мы все сейчас дома, — сказал муж. — Все здоровы. Отэм стоит возле меня. Отэм! Скажи «привет» маме.

В телефоне послышался неровный детский голос:

— Привет, мама.

Ли расплакалась. Она с трудом выговаривала слова:

— Привет, куколка. Ты там приглядываешь за Паркером и папой?

— Да, мамочка. А ты позаботишься о Патрике?

Звук собственного сердцебиения отдался в ее ушах.

От удивления капитан поднял брови. Выражение его лица посуровело.

— Золотце, маме надо идти. Я люблю тебя.

Закончив звонок, Ли Нельсон со страхом сказала:

— Я возила его к себе домой, познакомила с семьей. Он привязался к моей маленькой дочери.

Ничего не ответив, Джей Звава сунул мобильный телефон обратно в карман и пошел вверх по деревянным ступеням. За ним закрылась дверь.

Ли Нельсон отползла в угол подвала. Ее стошнило.

Бэттери-парк

06:21

Эрнест Лозано вошел в подъезд многоэтажного жилого дома вслед за Шеридан Эрнстмайер. Пистолеты они держали в руках, в полной боевой готовности. В небольшом, выложенном мраморной плиткой вестибюле царила тьма, которую не рассеивала даже желтая лампочка резервного освещения, мигающая на потолке.

Возле стен ползли тени. Кто-то зашелся в кашле. Из квартиры на первом этаже донеслись приглушенные крики. В помещении витало зловоние смерти.

Лозано утратил свое хваленое хладнокровие.

— Все это фигня, — заявил он. — Де Борн инфицирован и умрет, возможно, раньше, чем мы сможем выбраться отсюда.

— Помолчи, — посоветовала женщина-убийца, ища выход на лестницу.

Под действием амфетамина ее сердечно-сосудистая система бушевала от избытка адреналина в крови.

— Сюда, — крикнула Шеридан и дернула дверь пожарного хода. Оттуда выпрыгнула кошка и промчалась мимо них куда-то в темноту.

— Этаж? — спросила Шеридан.

— Что? — не понял Лозано.

— На каком этаже живет жена Шеперда?

— Шеридан! Это глупо.

Повернувшись к Лозано, женщина наставила дуло своего девятимиллиметрового пистолета ему в лицо.

— Де Борн выживет, — сказала она. — Он выберется отсюда живой. А ты?

— Ты рехнулась?

— Ты всегда считал меня сумасшедшей стервой... Или я не права, Эрни? Давай проверим, у кого из нас жиже кровь?

Глаза, смотревшие на Лозано через стекло ребризера, горели маниакальным огнем.

— Давай лучше отыщем жену Шеперда и уберемся отсюда подобру-поздорову.

Указательным пальцем свободной руки Шеридан уперлась мужчине в грудь.

— Правильно. Я и не сомневалась, что ты так мне ответишь.

Отступив назад, она развернулась и зашагала вверх по цементным ступенькам лестницы.

Трибека, Нью-Йорк

06:24

В смерти маленького ребенка нет ничего естественного. Дети не должны умирать раньше своих родителей. Когда такое случается, ничем не сдерживаемое горе и душевная боль обрушиваются на родителей. Страшная пустота отныне довлеет над их жизнью, что в конце концов приводит даже к самоуничтожению.

Дэвид Кантор бывал на войне, точнее говоря, его пять раз посылали на войну, на две войны, если уж быть точным. Он оперировал детей, у которых оторвало конечности. Он держал безжизненные тельца на своих руках. За все эти годы Дэвид так и не смог привыкнуть к детским страданиям, впрочем, прежде он бывал свидетелем чудовищных событий. Каждый образ полосовал его сердце ножом, но понимание того, что ему во что бы то ни стало надо найти дочь, мешало Дэвиду Кантору дать волю своим чувствам.

Он переходил из класса в класс. Луч его фонарика высвечивал ужасную жатву «Косы». Заболев, маленькие дети сползались вместе на полу, словно новорожденные щенки. Казалось, они хотели согреться перед смертью...

Снежинки в пятнах крови...

*«Она не может быть здесь... Здесь ученики начальных классов...
Надо найти семиклассников...»*

Дэвид услышал приглушенный стон. Идя на звук, он быстро пересек коридор и вошел в библиотеку. Посветив во все стороны фонариком, врач увидел директора школы. Тот лежал на ковровом покрытии, подложив под голову том энциклопедии. Родни Миллер открыл глаза. Каждый вдох давался ему с трудом. Из рта потекла струйка крови.

— Миллер! Это Дэвид Кантор.

— Кантор?

— Отец Гави. Где она? Где старшие дети?

Директор старался заговорить, но не мог... Наконец он вымолвил:

— Спорт...

Чайнатаун

06:26

Сильный ветер гулял над Ист-Ривер, поднимая высокие волны и закручивая нависшие над городом грязно-коричневые облака в неистовом небесном водовороте. Внизу, под ядовитыми облаками двуокиси углерода и химических соединений, выжившие собирались на крышах домов. Каждый прямоугольник заасфальтированной плоской крыши превратился в лагерь беженцев, оставивших квартиры умирающим, а улицы — мертвым.

Панкай Пател выжимал все возможное из серого автофургона «фольксваген», пока они мчались на юго-запад по улице Генри. Старая неуклюжая жестянка с пятью скоростями сбивала на своем пути навесы и все, что стояло или лежало на узких тротуарчиках. «Фольксваген» проехал под остатками Манхэттенского моста, свернул направо на улицу Кэтрин, проехал два квартала и затормозил.

Идущая с севера на юг улица Бауэри была буквально забита легковыми автомобилями, автобусами и грузовиками. Транспорт, насколько было видно, стоял на каждом свободном квадратном футе асфальта, в том числе и на пешеходных тротуарах. Большинство людей, попавших в автомобильную пробку на улице Бауэри, давно покинули свои машины в поисках пищи и туалета. Те же, кто упорно продолжал сидеть в салонах своих автомобилей, пережил ночь пандемии, но теперь оказался отрезанным от мира на своем крошечном островке безопасности.

Силуэт Чайнатауна с его краснокирпичными зданиями и шаткими пожарными лестницами вырисовывался над запаруженной автомобилями улицей Бауэри подобно средневековому замку.

Панкай повернулся к своим товарищам.

— У нас остается две возможности: или оставаться здесь и умереть, или попытаться пешком пройти по Чайнатауну. До Финансового квартала отсюда рукой подать. Потом доберемся до Бэттери-парка. Там мы сядем на катер шурина Паоло. Маниша?

— Мой кристалл спокоен, значит наш ангел-хранитель не против.

— Вирджил?

— Согласен.

— Паоло?

— У Франчески отошли воды и начались схватки. Что будет, если она начнет рожать прямо в пути?

— Мы найдем... тележку или еще что-нибудь и повезем ее с собой... Патрик?

Вирджил слегка толкнул Шепа локтем, и ветеран очнулся.

— Твоя дочь и жена близко. Ты пойдешь?

— Да.

Выйдя из автофургона, семеро выживших отправились по улице Бауэри пешком. Им то и дело приходилось взбираться на капоты и багажники автомобилей, спрыгивать вниз, перелезая через импровизированные заторы. Так они двигались до тех пор, пока не добрались до восемнадцатиколесного автопоезда, который лежал на боку поперек дороги.

Еще шестнадцать часов назад азиатский анклав бурлил жизнью. Тысячи туристов сидели в ресторанах, поедая дим-сам, или бродили по суетливым узким улочкам в поисках дешевых товаров. К трем часам дня туристы покинули Чайнатаун. Когда стемнело, азиатское гетто отгородило себя от остального Манхэттена. Быстро организовавшись, руководители общины приказали расчистить дороги от брошенного транспорта до Канал-стрит. Потом они перекрыли доступ в Чайнатаун для всех чужаков. Границы забаррикадировали перевернутыми грузовиками доставки.

Найдя надежную пожарную лестницу, профессор психологии подал товарищам знак следовать за ним.

— Мы заберемся на крышу, а потом пойдем на юг к Бэттери-парку, — предложил он.

Встав на перевернутый мусорный бак, Панкай схватился за нижнюю ступеньку пожарной лестницы и опустил ее вниз.

Через несколько минут беглецы медленно поднимались по торцу здания. Ржавые ступеньки пожарной лестницы поскрипывали под тяжестью тел.

Секретариат ООН

06:32

Включили аварийный генератор, но электричество подали только к шести лифтам. В вестибюле начали раздавать костюмы биологической защиты. Их грузили на тележки и под эскортом военных доставляли к помещениям, в которых еще оставались живые.

На тридцать третьем этаже президент Эрик Когело и его люди уже получили костюмы. Лидер свободного мира не спал более тридцати часов. В течение долгой ночи врачи Центра контроля заболеваний продолжали заверять его, что слабость и небольшая температура являются результатом перенапряжения, а не действия «Косы». Когело притворился, что верит им, но настоял на том, чтобы в качестве «меры предосторожности» изолировать себя в личном кабинете.

То, что лимфоузлы набухли у него в паху, а не на шее, помогло президенту скрыть правду от своих людей. Только Джон Звава в форте Детрик знал, что Эрик Когело болен. Полковник делал все от него зависящее, чтобы добыть лекарство ко времени, когда президента перевезут на остров Говернорс.

— Мистер президент! Вакцина — на Манхэттене. В эту самую минуту, когда я говорю с вами, мои люди вышли на ее след. Если бубоны появились шесть часов назад, то у вас еще есть время. Я знаю, что это трудно, но постарайтесь не терять хладнокровия.

Некоторое время Эрику Когело удавалось держать себя в руках. Он начал записывать на видео послания к своей жене и детям, к вице-президенту, конгрессу и американскому народу, но внутреннее кровотечение помешало ему выполнить задуманное до конца. От глубокого кашля болели легкие. Из рта вылетали капельки крови.

Теперь, лежа на кожаном диване в комбинезоне биологической защиты, Эрик Когело молил Создателя, чтобы Он дал ему еще немного

пожить на Земле для того, чтобы он смог еще раз увидеть детей, обнять жену и... остановить войну, после которой не будет других воен.

Чайнатаун

06:37

Пролет за пролетом они медленно поднимались по расшатанной пожарной лестнице. Маниша не спускала глаз с Дон. Панкай страховал Вирджила. Паоло помогал Франческе взбираться по узким, словно прутья решетки, ступенькам. Из-за родовых схваток беременная женщина останавливалась каждые восемь-девять минут.

Патрик последним ступил с пожарной лестницы на посыпанную гравием, заасфальтированную плоскую крышу восьмиэтажного дома. Впереди виднелся лабиринт двускатных и плоских крыш. Одни поднимались выше, другие оставались внизу. Тени скрывали мрачные «ущелья» между домами. Где-то между зданиями были перекинуты переходные мостики. В темноте неясно вырисовывались трубы водостоков, теплопроводные каналы, кондиционеры, печные трубы, антенны и тарелки спутникового телевидения.

— Сюда, — сказал Панкай. Он знал, в каком направлении надо идти, но не был уверен, как туда добраться.

Но он возглавил группу...

Внезапно тени упали на асфальт перед ними, и эти тени отбрасывали люди. Сотни закутанных в одеяла азиатов — мужчин, женщин и детей — проснулись, чтобы поприветствовать непрошенных гостей гробовым молчанием. Блеклый свет фонариков освещал место назревающего конфликта.

Границу нарушили. Азиаты достали оружие...

Прежде чем Панкай успел как-то на это среагировать, прежде чем Маниша поняла, что ее кристалл бешено завертелся, прежде чем десятилетняя Дон вскрикнула, а чета Минос начала молиться, толпа отпрянула обратно в тень. Некоторые упали на колени.

Вперед вышел Патрик. Его лицо было сокрыто под капюшоном горнолыжной парки. Протез высоко поднят вверх, словно коса Ангела Смерти.

— Паоло! По-моему, настало время, чтобы я возглавил наш отряд.

Протиснувшись мимо изумленного профессора психологии, Шеп зашагал вперед. Испуганные азиаты робко расступались перед ним.

Трибека

06:38

Спортивный зал находился на девятом этаже. Дэвид дернул двери. Заперты. Прикладом автомата он выбил маленькое прямоугольное стекло створки двери.

— Здравствуйте! Здесь есть кто-нибудь?

Дэвид посветил фонариком в помещений. Послышался шелест и... шепот.

— А вы кто?

— Я Дэвид Кантор, отец Гави. Я здоров.

Кто-то подошел. Долго разматывали массивную цепь, которой закрепили ручки изнутри. Наконец двери открылись, и Дэвид вошел в помещение. Внутри царил полумрак, только мерцали лампочки аварийного освещения. Ученики разместились на баскетбольной площадке. Их силуэты неясно вырисовывались на фоне темных стен.

— Кто здесь главный? — спросил Дэвид.

— Я... вроде... — сказал шестнадцатилетний на вид паренек. — Нас здесь восемнадцать. Никто не болен, насколько мы знаем. Мы закрылись здесь в два часа дня.

— А Гави Кантор? Она здесь?

— Нет, — ответила темнокожая семиклассница, завернутая в шерстяное одеяло. — Ее сегодня не было в школе.

«Ее не было в школе! Могла ли она прогулять школу? Может, ее нет на Манхэттене...»

— Доктор Кантор! У вас хватит защитных костюмов на нас всех?

Маленький мальчик, по виду первоклассник, потянул врача за штанину.

— Я хочу домой.

«Домой, — Дэвид закричал зубами. — Если они отсюда выйдут, то вскоре заразятся. Если они останутся, то все равно погибнут. И что мне делать? Куда мне их отвезти? С острова не убежать...»

Они слетелись к нему, словно мотыльки на свет.

— Пожалуйста! Не оставляйте нас здесь.

Дэвид посмотрел на семилетнего мальчика.

— Я вас не оставлю, — сказал он. — Я пришел, чтобы забрать вас домой, но прежде каждый должен замотать рот и нос какой-нибудь тканью. Подойдут шарф, полотенце, даже носок... все, что у вас есть под рукой. Старшие пусть помогут младшим. Когда вы выйдете из спортивного зала, то ни в коем случае ни к чему не прикасайтесь... Дышите только через повязки. Оставьте все свои вещи здесь. Они вам не понадобятся. Все, что вам нужно, — куртки, перчатки и шапки.

Чайнатаун

06:39

Кристалл бешено вращался. Маниша нервно вздрогнула. С характерной заботливым матерям паранойей она завертела по сторонам головой, ища дочь.

— Панкай! Где Дон?

Муж показал рукой вперед. Их дочь шла рядом с Патриком Шепердом, держа его за руку.

— Она так захотела. Разве что-то не так?

— Все не так, — дрожа, прошептала Маниша. — Наша духовная наставница — совсем близко.

— Патрик! Можно нам немного передохнуть? Я устала.

Разжав пальчики, Дон выпустила руку мужчины и, подвернув полы куртки так, чтобы не сидеть на холодном, примостилась на вентиляционной решетке.

— Извините, но у меня болят ноги.

— И у меня тоже, — сказал Патрик, приваливаясь к перилам ограждения плоской крыши здания.

Мужчина глянул вниз на улицу Мотт.

— До парка Колумба еще несколько кварталов, — сказал Патрик. — Может, ты хочешь, чтобы я тебя понес? Я посажу тебя к себе на шею, как я раньше делал со своей...

Мужчина запнулся. Его глаза уставились куда-то вниз...

— Что такое, Патрик? Что вы увидели?

Китайцы действовали крайне эффективно. Этого у них не отнять. Когда число умерших от чумы превысило все мыслимые пределы, китайцы начали избавляться от трупов наиболее эффективным из всех возможных способов, а именно — выбрасывали мертвые тела головой вниз в открытые канализационные люки. Постепенно бесконечный

наплыв все новых и новых трупов до отказа забил импровизированные кладбища. Теперь из каждого открытого люка на улице Мотт торчали ноги последнего покойника, которого туда пытались запихнуть.

Человеческие ноги, торчащие из земли...

Вирус «Косы», словно заправский рыбак, подцепил воспоминание из бездонных глубин подсознания и выудил его на поверхность.

Серый туман за клубился над улицей Мотт...

Покрытая топкой грязью земля простиралась на тысячи миль. Повсюду валялись распадающиеся, гниющие трупы. Большинство тел были навалены одно на другое в вязком месиве, но некоторые по голову ушли в грязь; только ноги торчали из вонючей жижи. После долгого пребывания в воде одежды практически не осталось. Некоторые трупы разложились до костей.

Перед ним простиралась долина мертвых, ужасное кладбище, на котором покоились десятки тысяч мертвецов, погибших в результате чудовищной природной катастрофы... или по воле Всевышнего.

Шеп пришел в себя. Его бил озноб. В мозгу все еще мелькали ужасающие видения. Повинуясь внезапному душевному порыву, Патрик упал на колени и обнял Дон здоровой рукой. Его беспокойный дух, соприкоснувшись с аурой маленькой девочки, как ни странно, нашел утешение.

— Патрик! Что случилось? Что вы видели?

— Смерть, — ответил он девочке. — Такого я и представить себе не мог. Почему-то... в их смерти повинен я.

— Вам надо уходить.

— Да. Нам следует выбираться отсюда.

— Не нам, а только вам, — сказала Дон.

— О чем ты говоришь?

Патрик отстранился от девочки и увидел ее ангела-хранителя. Светящееся голубое видение склонилось над Дон и что-то шептало ей на ухо.

— Вы должны идти и спасти других людей, — сказала девочка.

— Каких людей? Дон! Что твой ангел-хранитель тебе сказала?

— Десятью этажами ниже находится восьмой круг ада, притон зла, в котором мучают и истязают невинных. Идите к ним, Патрик. Высвободите их из рабства. Мы встретимся за пределами круга зла, когда вы исполните свою миссию.

Шеперд поднялся на ноги. Его глаза переполнял свет, когда он, пошатываясь, шел обратно и чуть было не сбил Вирджила с ног.

— Что стряслось? — спросил старик. — Еще одно видение?

— Нет. На этот раз кое-что другое... куда хуже, чем прежде... Геноцид. Массовое убийство. Конец дней... — сбивчиво объяснял Патрик. — Я не знаю. Каким-то непонятным образом я был там, но я был не я, а кто-то другой. И этот человек был непосредственным виновником происходящего...

Их обступили другие участники исхода.

— Не волнуйся. Мы со всем разберемся.

— Мне надо идти, — сказал Патрик.

— Куда идти? — спросил Паоло. — Я думал, что ты ищешь свою семью.

— Ищу.

Ветеран перевел взгляд с Вирджила на девочку. Свет потустороннего мира тускнел за ее спиной.

— Но сначала у меня есть небольшое дельце.

Восьмой круг ада

06:53

Душа девочки пребывала между болью сознания и темнотой его потери. Только присутствие троих хищников, обступивших свою добычу тесным кружком, мешало ей забыться.

Гави полулежала на столе. С нее стащили джинсы, и теперь они бесформенной грудой лежали на полу вокруг ее лодыжек. Ее била нервная дрожь. Тело покрылось гусиной кожей.

Они приближались. Они хотели ее убить.

Гави зажмурилась, но противный запах крема после бритья, которым пользовался Али Чино, настиг ее даже с закрытыми глазами. Сухопарый мексиканец встал перед ней, но девочка боялась открыть глаза. Она поперхнулась, когда Али Чино лизнул языком ей шею. Девочка затряслась как осиновый лист, когда лезвие его ножа коснулось шеи и замерло над блузкой. Мексиканец легким движением кисти срезал пуговицы одна за другой. Невольно отпрянув, Гави уперлась в Фарфарелло.

Сицилийцу было двадцать лет. Сорвав с девочки лифчик, он, стоя сзади, обхватил ладонями ее грудь. Руки у него были такими же

грубыми и холодными, как его сердце. Впрочем, сицилиец и мексиканец не вызывали у нее такого ужаса, как третий мужчина. Они были шакалами, питающимися тем, что оставит для них настоящий хищник, вожак стаи.

Кагнаццо, желая первым изнаsilовать девочку, оттолкнул Фарфарелло. Двадцатисемилетний колумбиец схвати Гави сзади и стащил с нее трусики. Он был настоящим психопатом. Это чудовище жило ради того, чтобы причинять другим страдания и боль. Гави Кантор закричала, когда покрытые волдырями руки вторглись в ее нежную плоть.

Колумбиец нагнулся вперед и прошептал на ломаном английском языке:

— Это быть больно... очень больно... Когда я закончить, я сделаю тебя моей пушкой...

У тринадцатилетней Гави Кантор не было больше сил. Ей незачем больше жить. В ее душе не осталось места ни для страха, ни для молитв — вообще ни для каких эмоций. Бабочку раздавило колесо грузовика. Последние часы существования обезличили ее, лишили прошлого и будущего.

Колумбиец прижал девочку к столу, готовясь к сопротивлению...

В комнате появился четвертый хищник...

Их трое и девочка... Ей лет двенадцать-тринадцать. Блузка порвана и забрызгана кровью. Нижняя часть тела обнажена. Девочка лежит животом на столе. Темные глаза насильников поприветствовали Щеп, когда он вошел в притон. Девочка закричала. Впрочем, и так все было предельно ясно.

— Это не твоя битва, сержант. Сейчас же покиньте здание!

— Не сегодня.

Кагнаццо, недоумевая, поднял голову.

— Какого хрена?

Глаза Патрика Шеперда расширились. Его ноздри затрепетали.

— Разве ты не узнаешь меня? Я — Ангел Смерти.

Протез со свистом рассек воздух. Искривленное лезвие расплосовало горло Кагнаццо и вонзилось между четвертым и пятым шейными позвонками. Шеп ударом ноги откинул мертвеца прочь и сосредоточил все свое внимание на двух оставшихся в живых работарговцах.

Фарфарелло, бледный, словно привидение, перекрестился и бросился наутек.

Али Чино застыл, парализованный страхом. Забрызганное кровью лезвие, описав дугу, располосовало джинсы и отсекло тестикулы. Кастрированный мексиканец завопил от адской боли и повалился на пол, зажимая руками окровавленные «причиндалы». Ударившись головой о ножку стола, он потерял сознание.

Гави Кантор закрыла голову руками. Все ее тело дрожало.

— Кто бы вы ни были, умоляю вас, не делайте мне больно.

— Я тебя не обижу, — сказал Шеп.

Стянув капюшон, он показал свое лицо девочке.

Гави одевалась быстро, то и дело поглядывая на Патрика. Свечи отбрасывали дрожащий свет на его лицо.

— Я знаю вас... — наконец произнесла она. — Откуда я вас знаю?

— Ты вся дрожишь. Надень мою куртку.

Патрик снял с себя горнолыжную парку и протянул ее девочке.

— Меня зовут Патрик. Нам надо отсюда поскорее уходить.

Он обыскал мертвого колумбийца. За поясом у того оказался «смит-энд-вессон» сорок пятого калибра. Патрик забрал оружие.

— Они похитили меня... Они собирались... Господи...

Мужчина обнял девочку.

— Ш-ш-ш... Сейчас все в порядке. Я выведу тебя отсюда. Здесь еще есть девочки?

— Да. Их заперли в комнате. Там... дальше...

— Покажи, куда идти.

Бэттери-парк

07:04

Шеридан Эрнстмайер первой добралась до лестничной площадки одиннадцатого этажа. Пот градом катился по ее лицу под маской ребризера. Мышцы приятно ныли. Женщина остановилась и несколько секунд отдыхала. Она знала, что высокий уровень эндорфинов бесполезен при выполнении задания.

Повернувшись лицом к лестнице, женщина наблюдала, как Эрнест Лозано, отставая на два пролета, ковылял по ступенькам.

— Когда пожелаете, мистер Y-хромосома, — поддразнила она мужчину, — но лучше раньше, чем начнется конец света.

Ответа не последовало.

— Какой номер квартиры? Я сделаю работу сама.

— Сто вторая, — сказал Лозано. — Почему ты не предложила мне это девять этажей назад?

— Тебе не мешает лишняя физическая нагрузка. Становись женщиной, а я пока займусь женой Шеперда.

Сжимая пистолет в руке, Шеридан рывком распахнула дверь пожарного выхода.

Квартира находилась близко от лестницы, вторая дверь слева. Женщина громко постучала.

— Миссис Шеперд! Откройте!

Она стукнула еще раз и приготовилась выбивать дверь.

Послышалось шарканье приближающихся шагов.

— Кто там?

Голос мог принадлежать женщине лет тридцати-сорока.

— Я состою на службе в армии, миссис Шеперд. Мне срочно надо переговорить с вами.

Шеридан поднесла удостоверение к глазку.

Засов отодвинули, и дверь открылась...

На пороге стояла темнокожая женщина лет тридцати двух во фланелевом халате.

— Беатриса Шеперд?

— Нет. Я Карен. Беатриса — моя мама.

— Ваша мама? — удивилась Шеридан. — Нет. Это невозможно. Ваш муж... Патрик... ему надо с вами поговорить.

— Я не замужем, — сказала негритянка, — а моя мама уже двадцать лет как вдова. Я думаю, что вам нужен другой человек. Вы ошиблись.

Она попыталась захлопнуть дверь, но ботинок Шеридан помешал ей.

— Вы лжете. Покажите мне удостоверение личности, — приказала убийца.

— Вам лучше уйти.

Шеридан направила пистолет в лицо негритянке.

— Вы ведь Беатриса?

— Карен, — послышался голос из темноты квартиры.

Шеридан оттолкнула хозяйку квартиры и вошла внутрь. В освещенной свечами гостиной на диване лежал человек.

Пятидесятилетняя Беатриса Элоиза Шеперд лежала в луже собственной крови. Тело женщины тряслось в лихорадке. Мерзкий темный бубон величиной с яблоко виднелся на шее, не прикрытой шелковой пижамой. Старуха одной ногой была в могиле... Теперь Шеридан окончательно удостоверилась, что перед ней не жена сержанта Патрика Райана Шеперда.

Убийца отступила, пятясь спиной, затем развернулась и вышла из квартиры.

В коридоре она столкнулась с Эрнестом Лозано.

— Где? Где жена Шеперда? — накинулся он с расспросами. — Я думал, что ты профи и справишься с делом, играючи.

Подняв девятимиллиметровое дуло, Шеридан Эрнстмайер, спокойная и даже умиротворенная, трижды выстрелила мужчине прямо в лицо. Кровь и осколки костей забрызгали маску ребризера с внутренней стороны.

— Ошибочка вышла, — произнесла она.

Переступив через труп, женщина поспешила вниз по лестнице пожарного выхода. Она наслаждалась тупой болью в ногах.

Круг девятый

Предательство

Это конец, моя прекрасная подруга.
Это конец, моя единственная подруга.
Нашим тщательно продуманным планам — конец,
Всему, что имеет значение, — конец,
Ни спасения, ни удивления... Всему конец...
Я никогда больше не взгляну в твои глаза...

Группа «Дорз». Конец

Спиной к больному рву, мы шли равниной,
Которую он поясом облегал,
И слова не промолвил ни единый.

Ни ночь была, ни день, и я не мог
Проникнуть взором вдали окоема,
Но вскоре я услышал зычный рог,
Который громче был любого грома,
И я глаза навел на этот рев,
Как будто зренье было им влекомо.

В плачевной сече, где святых бойцов
Великий Карл утратил в оны лета,
Не так ужасен был Орландов зов.

И вот возник из сумрачного света
Каких-то башен вознесенный строй;
И я «Учитель, что за город это?»

«Ты мечешь взгляд, — сказал вожатый мой, —
Сквозь этот сумрак слишком издалека,
А это может обмануть порой.

Ты убедишься, приближая око,
Как, издали судя, ты был неправ;
Так подбодрись же и шагай широко».

Данте Алигьери. Ад

21 декабря

Гринвич-Виллидж, Манхэттен

07:11

52 минуты до предсказанного конца света

Майор Стив Дауни сидел на переднем пассажирском сиденье черного армейского «хаммера» и не сводил глаз с видеокартинки, передаваемой в прямом эфире с летавших над Чайнатауном двух дронов «Жнец». Уже около двух часов его отряд рейнджеров, маневрируя по тротуарам, заваленным мертвыми и умирающими, медленно продвигался на юг вслед за своей «добычей» по Нижнему Манхэттену. Всякий раз, когда цель была близка, Шеперду и его спутникам каким-то чудом удавалось ускользнуть от них. К тому времени как «Жнецы» в очередной раз нашли потерянный объект, отряд майора Дауни добрался до Хьюстон-стрит.

Оказалось, что тянущее с востока на запад шоссе, отделявшее Гринвич-Виллидж от Сохо, перегораживает череда автомобилей, через которую просто невозможно проехать. Использовать вертолеты в такую облачность было рискованно, а эвакуация ООН должна была начаться в половине восьмого. Времени оставалось все меньше.

— База — Змею-один.

Майор Дауни схватил рацию.

— Змей-один. Что хорошего?

— «Саперные страйкеры» выгружены. Расчетное время прибытия «страйкера-два» — три минуты.

— Вас понял!

Майор Дауни переключил частоты, чтобы поговорить со своим заместителем.

— Змей-два. Дорогу расчищают. Готовьтесь двигаться дальше.

Становой хребет армии США составляют танки «Абрамс» и «Брэдли». Из-за толщины брони эти мастодонты весят шестьдесят семь тонн, поэтому на переброску танковых частей к месту намеченных боев уходит не один месяц. Для сил быстрого реагирования Министерство обороны обзавелось «страйкерами» — восьмиколесными боевыми бронированными машинами весом тридцать восемь тонн. Броня защищена от автоматического оружия и снарядов малого калибра. «Страйкер» легко доставляется в грузовом отсеке военно-транспортного самолета Си-130.

С плавающих грузовых транспортеров в Бэттери-парке и Гудзоновском парке выгрузили две боевые машины — «Эм-1132

Саперные страйкеры». Спереди на них установили стальные щиты стреловидной формы высотой семь футов и толщиной два фута, и «страйкеры» превратились с несущиеся на большой скорости бульдозеры.

«Страйкер-2» выгрузили на 25-м причале в Тибетике, и теперь он пробивал себе путь, двигаясь на восток по Хьюстон-стрит со скоростью тридцать миль в час. Механик-водитель видел Нижний Манхэттен через приборы ночного видения и термовидеокамеры. Стальной щит стреловидной формы расчищал ему дорогу, переворачивая автобусы и отталкивая легковые автомобили. За ним оставалась свободная от препятствий полоса асфальта шириною в двадцать футов. У Бродвея вездеход свернул направо и начал расчищать автомобильный затор для двух черных армейских «хаммеров». Затем «Эм-1132 Саперный страйкер» поехал на юг, и обе команды рейнджеров последовали за ним.

Трибека

07:17

Дэвид Кантор спустился вниз по юго-западной лестнице. Семилетний мальчик сидел у него на руках. Остальные школьники следовали за ним чередой. Они вышли на улицу.

Старшие ребята в ужасе оглядывались по сторонам.

— Что случилось?

— Ой!.. Везде мертвые!

— А-а-а-а!

Дети истошно закричали. Паника распространилась по цепочке.

— Все в порядке. Успокойтесь, — сказал Дэвид, оглядываясь по сторонам в поисках средства передвижения.

Тщетно. Ничего.

— Дети! Кто знает, где находятся школьные автобусы? — спросил он.

— Я знаю! — крикнула шестиклассница, махнув рукой куда-то в западном направлении вдоль 41-й улице.

— Хорошо. А теперь держитесь вместе и смотрите, куда ступаете.

Дэвид пошел за шестиклассницей по узкому проходу между рядами автомобилей. Подростки засыпали его вопросами.

— Эти люди умерли от чумы?

— Как вы будете вести автобус? Улицы перекрыты...

Звуки были слабыми, похожими на далекий фейерверк...

— Манхэттен находится на карантине. Как вы сможете эвакуировать нас с острова?

— Внутри мы были в безопасности. Может, лучше вернуться?

— Тихо!

Дэвид замер, прислушиваясь.

Звуки, приближаясь с севера, становились все громче и громче. Хлопки теперь напоминали скрежет металла о металл. Ему вторило глухое гудение.

— Это бронетранспортер. Военные, должно быть, расчищают маршрут для эвакуации. Ребята! Быстрее!

Бэттери-парк

07:19

Шеридан Эрнстмайер услышала звук удара металла о металл, когда выходила из подъезда. Такой грохот бывает во время гонок на выживание. Приблизительно определив, откуда доносится звук, женщина поспешила к внедорожнику.

— Берт!

Ей пришлось тряхнуть министра обороны, прежде чем тот очнулся от нездорового сна.

— Где жена Шеперда?

— Мертва, — солгала Шеридан. — Здесь армия. Я слышала, как с севера по Бродвею едет бронетранспортер. Это, должно быть, эвакуационная команда.

Бертран де Борн выпрямился. Прозрачную маску его ребризера изнутри покрывали капельки крови.

— Убираемся отсюда, — приказал он.

Чайнатаун

07:22

Выжившие — семь девочек-иностранок, завернутые в одеяла — шли гуськом за их одноруким ангелом-хранителем и американкой-подростком через темные коридоры, вверх по скрипучим деревянным ступенькам на первый этаж магазинчика, торгующего китайскими сувенирами.

Тучная сутенерша весила никак не меньше двухсот семидесяти фунтов. Она стала перед выходом из магазина, преграждая путь на свободу.

— И куда ж вы идете, кралечки?

Патрик Шеперд шагнул вперед, заслоня девочек, и направил дуло пистолета убитого колумбийца в лицо сутенерше.

— Жизнь или смерть? — предложил он.

Мексиканка улыбнулась окровавленными зубами.

— Тебе меня не испугать. Я под защитой Санта-Муэрте.

— Никогда о такой не слышал.

Патрик размахнулся правой ногой и ударил со всей силы в объемистый живот сутенерши. Та, разбив витрину, вылетела спиной вперед на тротуар...

Девочки легко перепрыгивали через неподвижное тело своей бывшей тюремщицы...

Парк Колумба

07:25

Панкай Пател вел свою семью и других переживших эпидемию чумы по Байард-стрит. Парк Колумба. За сеткой забора на белом снегу, который тонким слоем засыпал заасфальтированные баскетбольные корты и бейсбольное поле с искусственным покрытием, сотни зараженных «Косой» черных крыс в едином порыве сошлись в пляске смерти и разрушения. Дойдя до полного безумия из-за укусов десятков тысяч вечно голодных блох, стаи грызунов носились по баскетбольному полю, словно косяки рыб. В центре этой кровавой оргии лежали останки пожилой супружеской пары. Принадлежность их к людскому роду можно было определить разве что по изодранной острыми зубами и когтями верхней одежде.

От вида этой ужасной сцены шестеро выживших отпрянули от ограды.

Франческа застонала. Схватки учащались.

— Паоло! Ну, сделай что-нибудь?

— Вирджил! Моя жена сейчас будет рожать.

— И чем я могу помочь? — спросил старик.

— Уведи нас из этого ужасного места к воде. Там мы сядем на катер моего шурина.

— А что станет с Патриком?

— Мы не можем его больше ждать. Если то, что он говорит, правда, то у нас осталось совсем мало времени.

— Он прав, — сказала Маниша своему мужу. — Мы не можем больше ждать.

— Нет, мама!

— Дон! Лапочка! Сейчас Патрик занят. Он присоединится к нам, когда сможет.

— Думаю, вам следует поклониться золотому тельцу, — произнес Вирджил.

Четверо взрослых, как по команде, взглянули на старика.

— Помолитесь идолу, возможно, он дарует спасение, на которое вы все уповаете.

— Вирджил! — сказал Паоло. — Моя жена вот-вот родит. Мы окружены смертью...

— Кто провел вас по долине смерти? Кто дал вакцину от чумы твоей жене? Маниша! Кто рисковал своей жизнью, чтобы спасти вашу семью от виселицы? И вот вы все здесь собравшиеся готовы бросить вашего предводителя с такой же легкостью, как евреи бросили Моисея на Синае. Верить легко, когда все идет гладко, когда конфликты служат предметом переговоров, но стоит возникнуть смертельной опасности, все меняется. А что если в этом и заключен смысл жизни? Людей испытывают на веру и верность, на то, сможет ли человек победить свое эго и довериться...

Панкай pokrылся холодным потом. До его слуха долетала возня и писк крыс, которые в тридцати футах позади него дрались, разрывая на куски человеческую плоть.

— Довериться чему, Вирджил? Что нам делать?

— Верить и не сомневаться.

— Вот он! — показала рукой Дон.

Шеп бежал к ним в сопровождении небольшой группки девочек от десяти до восемнадцати лет. Самую маленькую — мексиканскую девочку — он нес на руках.

Маниша разрыдалась, чувствуя себя пристыженной. Она сразу же догадалась, что освобождение секс-рабынь и было неожиданным «дельцем» Шепы. Индуска забрала у него ребенка, позволив немного перевести дух.

— Нам надо спешить. Скоро взойдет солнце.

Кивнув Вирджилю, однорукий ветеран повел свой увеличившийся отряд на запад по Уорт-стрит к Бродвею.

Площадь Объединенных Наций

07:29

Коммерческий транспортный вертолет «Боинг СиЭйч-47 Чинук» низко летел над Нью-Йоркской гаванью. Лопасты рассекали морозный воздух. Пилоты намеренно не желали входить в зловещие коричневые облака, клубившиеся на высоте нескольких сотен футов над вертолетом. Достигнув Ист-Ривер, тяжелый «Боинг СиЭйч-47 Чинук» свернул на север и, вдоль реки добравшись до Нижнего Манхэттена, приземлился на площади Объединенных Наций.

Из вестибюля здания Секретариата вышли оставшиеся в живых делегаты ООН. Каждый был с ног до головы закутан в герметичный скафандр биологической защиты. Те, кто мог самостоятельно передвигаться, заняли сиденья в центральной части «Чинука». Тех, кого принесли на носилках, положили в грузовом отсеке. Среди них был и президент Эрик Когело.

Площадь Фоли

07:32

Сначала они услышали звук металлического скрежета. Он разорвал ночь на части. А затем появился свет... яркий, слепящий свет... Вереница машин с легким танком в голове, таранящим все на своем пути, двигалась на восток по Уорт-стрит.

— Сюда! — крикнул Шеп и повел товарищей на юг к площади Фоли.

Двигатели ревели все ближе и ближе. Проблесковые огни освещали колонны общественных зданий вокруг площади. Над головами беглецов неясно вырисовывались контуры «Жнеца». Объектив камеры дрона поймал Шепу в том момент, когда он со своими товарищами взбирался по ступенькам здания суда — тем самым ступенькам, по которым ступала нога Бернарда Мейдоффа.^[61] Как и в случае с последователем Понци,^[62] путей к спасению не было.

Черные волны рейнджеров налетели на них отовсюду. Солдаты повалили Патрика Шеперда и прижали его к бетонной плите. Лучи

электрических фонарей слепили ему глаза. Обыскав ветерана, рейнджеры начали срывать с него одежду. Мужчина закричал от боли, когда двое спецназовцев с силой сорвали с него протез, задев нервные окончания и сухожилия.

Израненное тело Патрика корчило от боли. Разум жгло огнем. Он слышал, как Дон вскрикнула. Паоло закричал от возмущения, когда одетая в перчатку рука рейнджера залезла в вагину его беременной жены.

Страх отступил. Голые жертвы произвола лежали на заснеженной лужайке и дрожали. Майор Дауни подошел к своим людям.

— Докладывайте.

— Сэр! Мы нашли три пробирки с вакциной против «Косы» у сержанта Шеперда. Больше — ничего.

Дауни, широко расставив ноги, встал над Патриком. Подошвой ботинка он наступил на кровоточащую культю левой руки.

— Где остальная вакцина? — спросил майор.

— Я послал ее твоей мамочке в благодарность за прошлую ночь.

Рейнджер размахнулся ногой, намереваясь ударить Патрика ботинком в лицо, но лежащий рядом Вирджил схватил его за лодыжку.

— Он дал вакцину выжившим. Возьмите их с собой. Они здоровы.

— Никто никуда не поедет, старик, — сказал майор.

Дауни включил рацию.

— Змей — Базе. Вакцина — у нас.

— Отлично. Мы встречаем вас на месте эвакуации через пять минут.

— Понял вас! Хорошо, парни, по местам!

Рейнджеры поспешили выполнять приказ, когда черный «шевроле» выскочил из-за угла и затормозил перед «хаммерами». Солдаты взяли машину на прицел. Из «шевроле», со стороны водителя, выбралась женщина в ребризере, она держала руки над головой.

— Не стреляйте! Я работаю на секретную службу. Сзади в машине — министр обороны Бертран де Борн. Вы должны нас отсюда вывезти.

Дауни открыл заднюю дверцу «шевроле» и взглянул на седоволосого человека. Казалось, де Борн потерял сознание.

— Да, это он. Министр обороны болен «Косой»... в тяжелой форме... Отнесите его в машину. Мы оденем его в комбинезон в доках.

— А с ней что делать? — спросил один из рейнджеров, указывая на Шеридан Эрнстмайер.

— Ее тоже берем с собой.

Убийца облегченно вздохнула.

На противоположной стороне парка из-за статуи показалась худощавая фигура, одетая в белый скафандр биологической защиты. Тибетский монах снял шлем. Темные глаза сверкнули как бриллианты и уставились на Бертрана де Борна.

Министр обороны захлебнулся собственной кровью и вывалился из открытой двери автомобиля.

Один из рейнджеров пощупал у министра пульс.

— Готов, — сообщил он.

— Оставь его там, где лежит, — приказал майор Дауни, забираясь на переднее сиденье первого «хаммера». — Мы выбились из графика.

— Подождите! — Шеридан Эрнстмайер схватилась за дверцу машины. — А как же я?

— Извините, леди, но ваш билет аннулирован.

Прежде чем она успела среагировать, две армейские машины сделали поворот на сто восемьдесят градусов и по заснеженной лужайке помчали обратно по Уорт-стрит.

На востоке полоска горизонта под искусственными коричневыми облаками посерела. Близился рассвет. Дрожа от холода, люди собрали свои вещи и быстро оделись.

Патрик тоже оделся. Культу жгло адским огнем. Он нагнулся, взял в пригоршню снег и приложил его к ране, надеясь хоть немного унять боль. Под снегом, на уровне земли, оказалась табличка:

Бывают времена, когда души людей проходят через испытания...

Томас Пейн^[63]

Паоло успокаивал свою жену, закутывая женщину в пальто.

— Все хорошо, дорогая. Бог не оставит нас, когда мы в нем так нуждаемся.

— Проснись, Паоло! Оглянись вокруг! Бог давно уже нас покинул!

— Вам не следует так говорить, особенно сейчас, когда вы будете рожать.

Франческа повернулась и посмотрела на говорившего. Им оказался странный на вид азиат.

— А ты кто такой, черт побери?

Гелут Паним слегка поклонился и сказал:

— Смиранный слуга света.

Панкай обернулся на голос и, увидев Старейшину, поспешил к нему.

— Как вы тут очутились?

— Это неважно, — оглядев собравшихся, ответил монах. — Я ищу праведника. Где он?

Все повернули головы на шум, когда желтый школьный автобус на большой скорости выехал из-за угла и резко затормозил, едва не пойдя юзом.

Скрипнула, открываясь, дверь, и в проеме показалась зловещая фигура в черном.

Женщины завизжали.

Дэвид Кантор снял маску с лица.

— Все в порядке! Я никому не причиню никакого вреда. Я просто увидел армейские «хаммеры»...

— Папа!

Дэвид обернулся. Сердце екнуло в груди, когда, пробежав глазами по лицам скудно одетых девочек, он узнал заблудшего ягненка.

— Гави! О Боже, благодарю!

Мужчина бросился к дочери и легко поднял ее на руки, словно тряпичную куклу. Девочка разрыдалась. Отец обнял ее.

— Я так боялся за тебя! — сказал он дочери. — Я повсюду тебя искал! Я поехал в твою школу...

— Меня похитили и побили. Папа! Я так боялась...

— Кто бил тебя? — Дэвид Кантор взглянул в лицо дочери. — Что они с тобой сделали?

— Ничего, — сказала Гави. — Тот мужчина меня спас... Однорукий...

Девочка показала рукой на Патрика, безвольно сидевшего на скамейке.

Дэвид посмотрел на худого человека и узнал его.

— Шеп!

— Папа! Ты ведь его знаешь? Я видела фотографию, сделанную в Ираке. На ней вы стоите рядом.

— Гави! Залезай в автобус. Пусть девочки сядутся... все залезайте...

Дэвид проводил дочь взглядом и, проскользнув мимо низкорослого азиата и старика, подошел к скамейке.

— Шеп! Это я, Ди Кей.

Патрик посмотрел вверх. В его взгляде читалась боль.

— Кто?

— Дэвид... Доктор Кантор. Ты меня не узнаешь? Мы вместе отбыли три срока в Ираке.

— Дэвид...

Шеперд приподнялся. Вспышка боли прояснила его сознание.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у Кантора.

— Национальная гвардия послала меня за тобой, вернее, за вакциной... Девочка, которую ты спас, моя дочь. Дружище, я обязан тебе по гроб жизни.

Патрик вытер слезы.

— Хотел бы я спасти свою дочь. Ублюдки отобрали вакцину прежде, чем я смог до нее добраться.

— Твою дочь?.. Боже правый! — переведя взгляд на Вирджила, Дэвид спросил: — Вы его друг?

— Надеюсь, что так, — ответил старик. — Память у Патрика не то чтобы хорошая. Возможно, вы сможете ему кое-что вспомнить.

Дэвид уселся на скамейку рядом со старым товарищем. Остальные сгрудились вокруг них.

— Шеп! Как вакцина может помочь Донне?

— Донне... — повторил за ним Патрик.

— Твоей дочери.

Глаза Шепа округлились. Он начал что-то вспоминать...

— Донна... Мою маленькую девочку зовут Донна... Я помню Беатрису, но никак не мог вспомнить...

— Кто такая Беатриса? — перебил его Дэвид.

— Моя жена. Разве ты не знаешь?

— Шеп! Ты женился, пока лежал в госпитале?

— Дэвид! Перестань!.. Беатриса — единственная женщина, которую я когда-либо любил. Она — мать моего ребенка... самый близкий мне человек...

Окинув взглядом обступивших скамейку людей, Дэвид обнял друга за здоровое плечо.

— Хирург говорил, что после взрыва у тебя не все в порядке с памятью, но я и представить не мог, что дело настолько плохо. Шеп! Я не знаю, кто такая Беатриса, но женщина, которую ты называл родственной душой и любовью всей своей жизни, звали Пэтти... Патриция Сигал.

Патрик побледнел. Казалось, вся кровь отхлынула от его лица.

— Ты называл ее Триш. Возможно, поэтому у тебя и возникла эта ассоциация: Триш — Беатриса. Шеп! Вы не были женаты. Вы планировали свадьбу, обручились, но потом заболел ее отец, тренер школьной бейсбольной команды. Рак свел его в могилу раньше, чем ты начал играть за «Бостон ред сокс». А потом случился этот несчастный случай.

Ледяная дрожь пробежала по телу Патрика.

— Что за несчастный случай?

На противоположной стороне парка Мрачный Жнец наблюдал за происходящим. Он ждал...

Дэвид посмотрел на Вирджила. Старик кивнул.

— Продолжайте. Ему пора все узнать.

— Триш и Донна были на борту того рейса из Бостона, который врезался в башню Всемирного торгового центра. Они погибли одиннадцатого сентября.

Франческа еще крепче сжала руку мужа. Схватки участились. Дон упала в обморок, но Маниша вовремя подхватила ее под руки.

У Патрика перехватило дыхание. Ему стало больно дышать.

И в этот миг годами сдерживаемая психологическая травма высвободила синапс в поврежденных клетках коры головного мозга, словно часовщик, извлекающий сор из механизма старых часов.

Патрик вспомнил.

Он вспомнил, как бежал по площади перед церковью Троицы, когда самолет врезался во вторую башню.

Он вспомнил густой коричневый дым, вздымающийся в небо. Люди прыгали с небоскребов вниз.

Он вспомнил кладбище Святой Троицы, похороны его любимой женщины и их маленькой дочери. Он вспомнил, как клал в пустые гробы их вещи... Их похоронили под скульптурой маленького ангелочка. Именно на эту могилу указывал ему Мрачный Жнец...

Оставалось вспомнить последний кусочек головоломки... день, когда он понял всю правду о событиях 11 сентября, день, когда он сознал всю глубину и подлость предательства...

Он вспомнил, как вышел из казармы и встал в зеленой зоне на солнцепеке. Чека — в правой руке, граната — в левой...

На противоположной стороне поляны Мрачный Жнец развел руки в стороны, словно желал обнять Патрика. Шеп вскочил со скамейки и неуклюже побежал к Ангелу Смерти.

Лишь бы все поскорее закончилось.

Жнец улыбнулся и скрылся в тени.

— Шеп! Подожди, — крикнул Дэвид и бросился за старым приятелем, но Вирджил встал у него на дороге.

— Вы врач?

— Что?.. Да.

— У нас беременная женщина, которая вот-вот родит. Паоло! Этот мужчина примет роды у Франчески. Панкай! Отведи этих людей в Бэттери-парк.

— Вирджил! А вы разве не пойдете с нами?

— Я нужен Патрику. А сейчас поторопитесь. У вас осталось немного времени.

Старик похлопал Панкаю по щеке, криво улыбнулся Гелуту Паниму и последовал за Шепом, ступая по оставленным им на снегу следам.

Дэвид, Панкай и Паоло помогли Франческе забраться в школьный автобус. В середине было градусов на пятьдесят теплее. Маниша повела очнувшуюся Дон к автобусу, но в последнюю секунду девочка вырвалась и побежала по лужайке. Она забрала покореженный протез Патрика из рук низкорослого азиата.

— Вы едете с нами? — спросила она.

— Да.

Гелут Паним повернулся, ища глазами старика, но Вирджил Шехина уже скрылся из вида.

Горизонт посерел к тому времени, когда Шеп добрался до улицы Анны. Впереди лежал Бродвей. Посмотрев вверх, ветеран увидел стоящего на перевернутом автомобиле Жнеца. Приветствуя мужчину, Ангел Смерти поднял вверх руку с зажатой в ней косой. С позеленевшего кривого лезвия капала кровь.

— Ублюдок! — прошипел Патрик.

Собравшись с силами, мужчина пересек Бродвей и повернул на восток... Вот пересечение улиц Тринити и Визи... Впереди место, где когда-то стоял Всемирный торговый центр.

Панкай Пател на большой скорости вел школьный автобус на юг по Бродвею, следуя по пути, проложенному вторым «Страйкером». Первые лучи солнца разогнали ночную тьму. Теперь весь ужас опустошения был виден как на ладони. Трупы валялись повсюду, словно на Большое Яблоко обрушилось цунами высотой с тридцатиэтажный дом. Они свешивались из выбитых окон зданий, сидели в салонах автомобилей, перекрывающих дороги. Каждый тротуар превратился в морг, каждое здание — в могильный холм. Мужчины, женщины и дети. Белые и цветные. Американцы и иностранцы. «Коса» никого не пощадила.

Миновав церковь Троицы и Нью-Йоркскую фондовую биржу, автобус двинулся к южной оконечности Манхэттена — к Бэттери-парку.

Франческа откинулась назад, упершись в грудь мужа. Паоло крепко обнял ее и держал, пока Дэвид Кантор принимал роды. Салон автобуса обогревался, и военврач скинул с себя костюм биологической защиты.

— Хорошо, Франческа. Кажется, ты уже готова.

Доктор повернулся к сидящей на соседнем сиденье дочери, которая вызвалась помочь отцу.

— Найди что-нибудь чистое. Полотенце или одеяло будет в самый раз.

Франческу бил озноб. Ее тело было истощено, а нервы — взвинчены до предела чувством страха.

— Вы на самом деле врач? — спросила она у Кантора.

— У меня есть все необходимые дипломы и лицензии. Просто я оставил практику и ушел в бизнес. Возможно, мне следовало бы

заняться педиатрией. Это уже вторые роды, которые я принимаю за сегодня.

Паоло нервно улыбнулся.

— Видишь, любовь моя, Господь позаботился о нас. Кто был первый ребенок, которому вы помогли появиться на свет, доктор Кантор?

Дэвид сглотнул комок, подступивший к его горлу.

— Здоровая латиноамериканская девочка. Хорошо... Начинайте понемногу тужиться, когда начнутся следующие схватки. Готовы... Спокойно... Тужьтесь...

— Ой!

Франческа последовала совету врача. Ребенок начал медленно выходить из материнской утробы. Боль усиливалась. Она открыла глаза и увидела, что странный азиат наблюдает за родами, стоя в проходе.

— Почему бы вам не сфотографировать роды? У вас останется память, — съязвила Франческа.

— Извините, но я просто не мог оставаться в стороне от этого чуда, — сказал буддийский монах.

— Чудо? Вы называете это чудом? Я в школьном автобусе в чумном городе рожаю перед толпой незнакомых мне людей.

— Вот именно. В городе смерти вы и ваш муж, преодолев все трудности, выжили и теперь даете жизнь новой искре света. Разве это не чудо?

Дэвид посмотрел на азиата.

— Этот человек прав. Ладно. Теперь еще раз...

Ссутулившись на заднем сиденье, Шеридан Эрнстмайер наблюдала за тем, как военврач принимает роды у итальянки. Злость накапливалась в ее душе.

Место, где раньше стоял Всемирный торговый центр

07:42

Место расчистили от завалов. Специалисты исследовали каждый кусочек мусора, сортируя все — от семейных фотографий и личных вещей до мельчайших частиц человеческой плоти с ДНК погибших пассажиров самолетов и офисных работников. Они исследовали все, за

исключением черных ящиков бортовых самописцев двух авиалайнеров, врезавшихся в башни-близнецы.

Тонны стали были проданы за границу. Теперь на месте расчищенного бульдозерами массового захоронения возводилось другое сооружение. *Долой старое! Да здравствует новое!*

Патрик протиснулся в зазор между двумя секциями алюминиевого забора и оказался на строительной площадке, впервые возвратившись на место, где заживо сгорели в огне его невеста и дочь вместе с тремя тысячами ни в чем неповинных людей.

Патрик в состоянии крайнего нервного истощения стоял на краю огромного котлована, выкопанного под очередного архитектурного монстра. Серый утренний туман с реки Гудзон не позволял разглядеть недостроенные здания вокруг.

Почувствовав знакомое неприятное присутствие, Патрик посмотрел налево. Мрачный Жнец стоял рядом с ним и тоже смотрел в котлован.

— Зачем ты привел меня сюда?

Ангел Смерти поднял косу к небесам. Небо над Манхэттеном закрывал густой слой коричневых облаков. Так было и в день того страшного, вероломного предательства.

У Патрика закружилась голова. Он упал на одно колено. Сильнейший разряд энергии пронзил его тело так, словно он прикоснулся к оголенному электрическому проводу под напряжением. Жадно хватая ртом воздух, мужчина открыл глаза, не понимая, где находится.

По небу плывут грозовые тучи. Льет, как в период муссонов в тропиках, но дождь холодный, почти ледяной. Ветер больно швыряет в лицо капли, словно ледяную крупу в пургу. Он стоит на деревянном строении, вздымающемся на высоту пятидесяти футов над огромным кедровым лесом. На много акров вокруг корабля — одни лишь пни и побеги молодых деревьев. Воды потопа заливают долину, лежащую внизу.

К деревянному строению приближаются люди. Их многие тысячи. Они несут с собой детей и свои пожитки. Они напуганы и сердиты. Они в отчаянии. Стоя по колено в ледяной воде, люди что-то кричат ему.

Но Патрик не слушает их. С изумлением он рассматривает свою левую руку. Только эта рука не его. Тогда он подносит к глазам правую руку. То же самое. У него руки старого человека — иссушенные жизнью, узловатые руки старика, страдающего артритом. Щершавая кожа приобрела желтовато-коричневый оттенок. Патрик ощупывает свое лицо. Оно худое и покрыто глубокими морщинами. Волосы седые и всклокоченные. Пальцы хватаются за длинную седую бороду. Худое тело облачено в мокрый балахон, от которого разит запахом животных.

«Что со мной происходит? Это галлюцинация? Я стал стариком?..»

Крики из толпы привлекают его внимание. Он подходит к краю строения и вдруг осознает, что стоит на палубе огромного корабля.

Раскат грома сотрясает небо и землю. Палуба под ногами дрожит, затем склон ближайшей горы разверзается, и оттуда летят раскаленные камни, льется магма, превращая долину в кипящий котел.

Люди в толпе орут. Многие пытаются взобраться на борт, залезая на спины друг другу, но крутые, закругленные борта судна делают все их старания напрасными. Бушующие воды вышедшего из берегов Тигра срывают ковчег со стапелей, обжигают кожу каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка...

Шеп причитает голосом глубокого старика...

Придя в сознание, он увидел, что стоит на краю строительного котлована. Шеп учащенно дышал. Его воспаленный разум не мог справиться с увиденным.

Из серого тумана проступили контуры башен-близнецов. Здания обгорели, но стояли на месте расчищенных руин. Бетонных фасадов башен не было, и Патрик мог видеть все, что происходит внутри зданий. Тени жертв 11 сентября стояли в гробовом молчании повсюду — на каждом этаже, в каждом офисном помещении Всемирного торгового центра.

Шеп повернул голову и посмотрел на стоящего слева от него Ангела Смерти. Сверхъестественное создание взирало на него тремя тысячами глаз жертв теракта, которые мелькали в глазницах его черепа, словно молекулы. Темная кровь струилась с поднятого вверх

позеленевшего от времени лезвия косы. Она стекала вниз по древку, заливая кости правой руки скелета.

Вдруг Мрачный Жнец прыгнул ногами вперед в строительный котлован. Неведомая сила оторвала Патрика от земли и потянула за собой в девятый круг ада.

Причал «А» Бэттери-парк

07:45

Панкай Пател, сидя за рулем школьного автобуса, перевалил через бордюрный камень тротуара и выехал на засыпанную снегом лужайку. У портовых строений он резко нажал на тормоза. Колеса заскользили на льду, и передок автобуса протаранил металлическую сетку, загораживающую проход на причал «А».

Младшие дети испуганно закричали. Франческа Минос крепче прижала новорожденное дитя к груди, защищая его от столкновения.

— Паоло! Найди Хита. Помоги ему завести мотор лодки.

Паоло еще не до конца пришел в себя после рождения сына, но он послушно вышел из автобуса. Панкай и Дэвид Кантор последовали за ним. Миновав выбитые ворота, мужчины через юго-западный вход проникли в ветхое здание пирса.

Запах чумной смерти был просто невыносим.

Хит Шелби лежал под приподнятым десятифутовым корпусом каютного круизера. На мертвце все еще оставалась одежда Санта-Клауса. Бледное лицо трупа уже покрылось синевой. На губах запеклась кровь. Возле шеи виднелся созревший бубон сливового цвета.

Паоло в ужасе отшатнулся.

Дэвид поправил на лице маску и опустился на колени возле мертвого человека.

— Ваш шурин ремонтировал корпус? — спросил он у Паоло.

— Да. Он пообещал закончить к тому времени, когда мы приедем.

— Я не уверен, что эти... латки выдержат.

— Будем молиться, — сказал Панкай, осматривая лебедку. — Паоло! Как мы спустим катер на воду?

— Надо завести лебедку, и тогда под днищем откроется люк.

Патрик включил привод лебедки. Две стальные дверцы под днищем катера медленно распахнулись. В восьми футах под причалом плескалась вода. Люди с волнением наблюдали за тем, как каютный круизер медленно опускается на воду. Катер медленно покачивался на волнах. Трое уставших до смерти мужчин посмотрели друг на друга и заулыбались. Им показалось, что они спасены...

Десятифутовый пассажирский катер накренился на правый борт. Корма быстро заполнялась водой, нос задрался вверх, и надежда на спасение пошла на дно Нью-Йоркской гавани.

Место, где раньше стоял Всемирный торговый центр

Он падал во тьму под аккомпанемент далеких голосов из прошлого:

«Промазал! Иди принеси мяч, фриц Шеперд... Не наша война, сержант... Собираешься оставаться здесь весь день?.. Ты сегодня отлично играл, сынок... Чертова бомба! Руку уже не спасти. Сильное ранение в голову... Ты попрощался со мной еще три недели назад... Это сложная штукавина, но тебе она понравится... Я люблю тебя, Щеп... Кровяное давление понижается,! Еще одну пинту крови... Я думала, что я самый близкий для тебя человек... Теперь будешь играть за „Ред сокс“...»

«Боже! Почему я здесь?!»

«Жизнь — это испытание, Патрик...»

Пятно света внизу приближалось к нему с чудовищной скоростью, росло, ширилось, пока Шеперд не упал прямо в него, погрузившись с головой в чистую голубую воду. Утратив ориентацию, он запаниковал. Ему нечем было дышать. Патрик неистово замолотил руками и ногами и вынырнул на кристально-лазурную поверхность. У него было две руки — обнаженные, загорелые и мускулистые. Подплыв к металлической лестнице, мужчина выбрался из бассейна. На нем оказались только плавки. Не зная, куда идти, он присел на сланцевые плиты, которыми был выстлан внутренний дворик.

Домик стоял на берегу, окнами выходя на море. Солнце припекало. С торса стекали капли воды. Атлантический океан плескался в сотне ярдов к востоку. Над головой — безоблачное августовское небо.

«Это не на самом деле. Я брежу под действием вакцины...»

— Привет, дорогой. Как искупался?

Патрик повернулся на звук голоса. Женщина вышла во внутренний дворик дома. Стройное, загорелое тело с аппетитными округлостями... В откровенном красном бикини женщина имела прямо-таки потрясающий вид. Волнистые белокурые волосы так же великолепны, как и в тот день, когда он ее видел в последний раз.

— Триш?.. Боже!.. Это ты?...

— Да, дорогой. Все будет хорошо.

Женщина протянула мужчине купальный халат с капюшоном. Он накинул одежду и ощутил легкое головокружение.

— Тебя здесь в действительности нет... — сказал Патрик. — Ничего этого нет... У меня опять галлюцинация.

— Не в этот раз, дорогой. Создатель украл у нас наши жизни. Он хотел преподать тебе урок.

— Урок? Какой урок?

— Урок смирения. Урок душевной боли после потери любимого человека.

— Но война... все то, что я видел на войне... оно лишено всякого смысла, — проговорил Патрик.

— Конечно, лишено. В твоей прошлой жизни ты много грешил.

— Но ведь это безумие! Почему я должен нести наказание за то, о чем я даже не догадываюсь? Почему меня делают ответственным за поступки другого человека? Зачем я здесь? Или Господь хочет, чтобы я еще больше страдал из-за своего горя?

— Бог к этому непричастен, Шеп. Мы — в одиннадцатом измерении. Это место куда больше приспособлено к счастливой жизни, чем то, откуда ты сейчас пришел. Здесь действуют другие законы. Весь проникающий сюда свет контролируется оппонентом Бога.

— Оппонентом? Ты имеешь в виду, Сатаной?

— Успокойся, дорогой. Здесь нет ни дьявола, ни демонических сил. Живущих на одиннадцатом уровне не заставляют прыгать через раскаленные обручи. Здесь нет вечных мук. Все, чем мы здесь занимаемся, — это ждем. Не смотри на меня так испуганно. Все люди рождены со своими страстями и желаниями. Это не противоречит нашей природе. Люцифер — не тот дьявол, о котором ты слышал. Он — ангел, который покинул небеса ради того, чтобы сделать людей счастливыми. Наше желание получать и владеть приводит нас сюда, в

одиннадцатое измерение, где мы получаем все, чего пожелаем, без горестей и страданий.

Вспышка света...

Он стоит на кругу питчера на стадионе «Фенвай-Парк». Они играют с «Филадельфия филлис». Седьмая игра мировой серии. Толпа беснуется, скандируя его имя. Счет — один-ноль, но преимущество за «Ред сокс». Решающий девятый иннинг. Два аута. Два попадания в бэттера.

Если верить табло, то сегодня он был выше всяких похвал.

Патрик разворачивается и бросает мяч со скоростью сто шесть миль в час. Бэттер промахивается на добрые три фута.

Товарищи Шепа по команде подбегают к нему со всех сторон. Их безграничная радость пьянит его душу. Болельщики вскакивают со своих мест. Какие-то скудно одетые фанатки рвутся вперед только для того, чтобы хоть разок потрогать его за одежду...

— Довольно!

Они вернулись к бассейну. Шеп полулежал, вытянувшись, в кресле для отдыха. Под ноги подложена мягкая подушка. Триш склонилась над ним. Соблазнительный каньон между ее грудями очутился в опасной близости от его глаз.

— Дорогой! Что не так? Разве не этого ты всегда хотел?

— Нет... Ну... Да, но я не хотел получить все это просто так. Я хотел заслужить славу и почет.

— Шеп! Дорогой! Ты все это уже заслужил. Просто Бог отнял у тебя и славу, и богатство, и меня. Он отобрал у тебя даже нашу дочь. Бог поступил плохо. Бог поступил несправедливо. И знаешь, почему Он так себя повел?

Шеп почувствовал, что бледнеет.

— Потому что я принимал вас как должное. Я не ценил того, что имел.

— Чепуха! Ты ценил то, что у тебя было. Конечно, иногда ты сбивался с пути истинного, но кто никогда не ошибался в жизни? Даже когда мы спорили из-за этого дома, я знала, что ты все равно меня любишь. Мы ведь родственные души.

— Да, мы очень близки, клянусь тебе, — подтвердил Патрик.

— На самом деле, мне повезло. Ты очень страдал после моей смерти. Вся эта душевная боль и пустота... Разве ты был хоть когда-

нибудь счастлив после нашей смерти?

Утерев слезы, он ответил:

— Нет.

— Война... Голод... Бесконечные страдания... Как по-твоему: это и есть забота любящего отца о своих чадах?

— Нет.

— Жизнь дается человеку не для того, чтобы он страдал, — сказала Триш. — Она — для наслаждений и веселья. Домик на пляже — хороший пример. Если бы я тебя послушала, и ты купил бы этот домик, мы с дочерью не оказались бы на том самолете. Ты был прав, а я ошибалась. Ты заплатил страшную цену за наше невежество.

— Боже...

— Забудь о Боге. Бог — это ничто, пустая концепция, выдуманный образ сидящего на троне небожителя. Бог вечно засыпает за рулем, а люди из-за него страдают. Нам не нужен Бог. Его оппонент становится все сильнее и сильнее. Он предлагает нам дар бессмертия без всяких коварных испытаний.

— Что мне надо сделать, чтобы воссоединиться с тобой? — спросил Патрик.

— Первым делом, перестань волноваться и бояться. Здесь нет насилия. Тебе никого не придется убивать. Просто подними вместе со мной этот бокал...

Женщина взяла графин и наполнила золотой кубок красным вином.

— Это будет тост? В честь кого? Сатаны?

— Дорогой! Тебе не следовало смотреть так много фильмов ужасов.

Перекинув ногу, она уселась мужчине на колени. Бокал с вином она держала в правой руке.

— На втором курсе мы проходили латынь. Помнишь? Ты знаешь, как слово Люцифер переводиться с латыни? Светоносный. Люцифер — не падший ангел, Шеп. Его послали, чтобы он принес в наш мир свет. Я не шучу, дорогой. Не смотри на меня так хмуро. Лучше выпей.

— Нет.

— Выпей со мной. Давай вместе выпьем из одного кубка сока виноградной лозы и соединимся со светом.

Соединимся со светом...

Сердце Шепа бешено колотилось в груди... Ему вспомнился разговор с Вирджилом на кладбище.

Но Ной совершил одну ошибку. Ту же самую ошибку, которую в свое время совершил Адам. Фруктом, который на самом деле соблазнили Адама, было не яблоко, а виноград, вернее, вино из плодов виноградной лозы. Вино может погубить человеческую душу, низводя ее на такие уровни подсознания, куда не проникает божественный свет.

Патрик оттолкнул от себя бокал.

— А когда я буду лежать здесь пьяный до бесчувствия, ты меня кастрируешь?

Женщина выдавила из себя слабое подобие улыбки.

— Ты знаешь... Мой сын Хам кастрировал меня, когда я лежал пьяный и голый на палубе ковчега...

Выражение лица женщины посуровело. Глаза метали молнии.

— Выпей вино, Патрик.

— Лучше уж ты сама, дорогая.

Мужчина вскочил на ноги, столкнув женщину на землю. Содержимое бокала выплеснулось ей на лицо. Струйки вина потекли вниз по шее, груди, растворяя человеческую плоть. Показался потемневший от времени череп. В глазницах мерцали тысячи глаз.

Окружающее разлетелось на осколки, словно взорванный зеркальный зал. Патрик увидел темный строительный котлован и возвышающиеся над головой остатки Всемирного торгового центра. Шеп стоял на замерзшей поверхности озера, а вокруг, по горло вмерзнув в лед, виднелись тысячи голов вероломных предателей человечества. Они что-то бормотали на своих языках. Каждое невнятно произнесенное слово слетало маленькой искоркой света с их языков, а затем эти искры, как светлячки, летели по смраднему воздуху к огромному, намертво вмерзшему посередине озера чудовищу.

Хотя Люцифер по грудь вмерз в лед, его плечи и три головы вздымались на высоту десятиэтажного дома. Крылатый демон внушал ужас. Впрочем, при более внимательном рассмотрении казалось, что его внешность обманчива, как гигантская надувная кукла, которая подпитывается искрами отрицательной энергии, слетающими с языков проклятых грешников.

Над левым плечом Люцифера парил Мрачный Жнец.

Над правым его плечом реяла в воздухе Санта-Муэрте.

На ней были длинные ярко-красные сатиновые одеяния. Под капюшоном — черные кудри парика на голом черепе. При виде Шепа страшилище зарычало, схватилось костлявыми руками за косу и, размахивая ею над головой, понеслось на человека.

Мужчина пустился наутек, но поскользнулся и упал... Встал... Он поднял глаза вверх. Изогнутое лезвие обрушилось на него сверху. Разрубив дельтовидную мышцу, сталь одним махом лишила Патрика его новой руки. Он упал на колени на замерзшую поверхность озера. Обжигающая боль толкала его в объятия беспомощности, только Санта-Муэрте не собиралась оставлять человека в покое.

Высоко подняв окровавленное лезвие косы над головой, она со свистом опустила его вниз. Орудие смерти встретилось в воздухе со сталью косы Мрачного Жнеца. Ангел Смерти стоял над Ше-пом, защищая его от Санта-Муэрте...

Золотой луч света спустился с невидимых небес на землю, вырвав Патрика из ада...

Часть пятая

Преображение

Конец дня

21 декабря

Воздушное пространство над Нью-Джерси и Нью-Йорком

07:50

13 минут до предсказанного конца света

Три вертолета «ЭмЭйч-53Джей Пейвлоу-3» летели на восток, огибая Джерси-сити, в направлении Манхэттена. Больших и неповоротливых «веселых зеленых гигантов» использовали главным образом при спасении упавших в воду пилотов и при операциях войск специального назначения. Эти вертолеты способны летать даже при очень плохой погоде. К тому же «ЭмЭйч-53Джей Пейвлоу-3» оснащен задней аппарелью, что позволяет сбрасывать «особый груз».

Первую нейтронную бомбу создали в 1958 году, но президент Кеннеди был против проекта, а Джимми Картер отложил его осуществление. В 1981 году при содействии Рональда Рейгана ускоренными темпами началось массовое производство нейтронного оружия. Нейтронная бомба — тактическое оружие, ее задача состоит в том, чтобы поразить живую силу противника без нанесения непоправимого ущерба в зоне поражения. В отличие от стандартного ядерного оружия, заражающего все вокруг радиацией, три нейтронные бомбы на борту «ЭмЭйч-53Джей Пейвлоу-3» были зарядами химического сжигания, предназначенными для поражения подземных бункеров. Пламя образуется при контакте с молекулами кислорода и не угасает, пока не сгорит весь кислород в зоне поражения.

В 8:03 трем вертолетам надлежало сбросить свой груз в точно обозначенных местах над облаком из углекислого газа, что висело теперь над Манхэттеном. Пролетев сквозь «изолирующий потолок» нейтронные бомбы взорвутся, сжигая в зоне поражения всю биологическую субстанцию — живую или мертвую.

Бэттери-парк

07:52

Холодный ветер носился над темными водами Нью-Йоркской гавани. Вода пенилась и бурлила у берегов. Вдалеке виднелся остров Свободы. Над ним вздымалась статуя Свободы.

Люди собрались на бетонной аппарели для спуска катеров, у самой воды. Семья Пателей и семья Минос. Дэвид Кантор и его дочь. Тощий тибетский монах, которого, кажется, ничто не волновало, и женщина-убийца, которая ненавидела весь мир. Школьники и освобожденные секс-рабыни грелись в автобусе.

Франческа Минос укутала новорожденного сына в полу своего пальто, желая согреть его теплом собственного тела.

— И что же нам делать?

Паоло заслонил жену и сына от ветра.

— Нам надо найти другой катер.

— Нет больше катеров, — закричал Дэвид Кантор. — С острова вплавь не выбраться. Без водолазного костюма мы не продержимся в воде и пару минут.

Дон Пател сидела на скамейке рядом с матерью. Девочка внимательно рассматривала протез Патрика Шеперда.

— Мама! Странно! Посмотри! Еврейские буквы расположены по три.

— Можно посмотреть? — с обезоруживающей улыбкой попросил тибетский монах.

Подошел Панкай. Он глянул через плечо Старейшины на выгравированные по металлу буквы.

— Удивительно! — воскликнул тибетский монах. — Это не на иврите, а на арамейском.

— Какая разница? — хмыкнула Маниша. — Панкай! Иди и сядь рядом.

— Минуточку... Старейшина! — обратился индус к азиату.

— Арамейский — это метафизический язык Творца. Это единственный язык, который не может понять Сатана.

— Этих букв прежде здесь не было, — заметил Панкай.

— Вы уверены?

— Я помогал нести Патрика от Бельведерского замка после того, как он спас мою семью. Выгравированных букв на протезе не было. Я абсолютно в этом уверен. Вы можете прочитать послание?

— Это не послание, Панкай. Эти слова нельзя перевести на другой язык. Тут начертаны семьдесят два имени Бога.

— Что вы сказали? Дайте мне взглянуть!

Паоло оставил жену и присоединился к мужчинам.

— Откуда вы знаете, что это семьдесят два имени Бога? — спросил он.

— Я смотрю на эти имена каждый день, — начал объяснять тибетский монах. — Эти буквы можно найти в зашифрованном виде в трех стихах четырнадцатой главы Книги Исхода... Стихи от девятнадцатого по двадцать первый включительно. Там описывается, как Моисей раздвинул воды Красного моря.

Паоло взял стальной протез у тибетца.

— Это был не Моисей. Вирджил сказал, что другой человек глубокой веры совершил это чудо.

— Вы правы. Истинная история бегства евреев из рабства не имеет никакого отношения к подлинному рабству. Они бежали от хаоса, боли и страданий. То, что воды Красного моря расступились, не имеет никакого отношения к чуду. Просто знание семидесяти двух имен Бога, вырезанных на посохе Моисея, дало тому человеку возможность контролировать материю с помощью разума.

— Старейшина! Вы думаете, что Патрик — праведник, избранный Богом для спасения человечества?

К мужчинам подошли Дэвид и Гави.

— О чем это вы говорите?

— Причастность вашего друга к концу дней, возможно, служит высшей цели, — объяснил Панкай.

— Послушайте, ребята. Я ничего не знаю о конце дней, но я давно знаю Патрика Шеперда и, поверьте мне на слово, он — далеко не праведник.

Паоло, не отрываясь, смотрел на стальную руку. Его тело сотрясала нервная дрожь. В мозгу проносился вихрь мыслей.

К ним подошла Франческа с ребенком на руках.

— Паоло! В чем дело?

— Жди меня здесь.

Сжав металлический протез, итальянец направился к воде.

— Паоло! Что ты делаешь? Не сходи с ума!

Выжившие окружили Паоло. Итальянец поднял протез высоко вверх, к небу. Секунду поколебавшись, он решительно шагнул с аппарели для спуска катеров в воду.

Вода была обжигающе холодной, близкой к температуре замерзания. Она словно пронзила его сильным разрядом

электрического тока. Паоло почувствовал, что ему не хватает воздуха. Его руки и ноги онемели. Побарахтавшись несколько секунд по пояс в воде, мужчина сделал еще шаг и, сорвавшись с аппарели, погрузился под воду.

Франческа пронзительно закричала.

Голова ее мужа появилась на поверхности. Почти парализованный ледящим холодом, он вдохнул воздух и поплыл обратно к аппарели. Дэвид и Панкай, подбежав к краю, втащили набожного человека на причал.

Гави сбегала в автобус за одеялами.

Шеридан Эрнстмайер расхохоталась.

— Чуда не вышло.

Тибетский монах подошел к Паоло, который, стоя на коленях над водой, старался отдышаться.

— Мистер Минос! Почему вы решили, что воды залива расступятся перед вами? Почему вы думаете, что достойны совершить этот духовный подвиг?

— Семьдесят два имени Бога... Я поверил в ваш рассказ...

Итальянца бил озноб. Его лицо побледнело, а губы посинели.

Он растерянно посмотрел на Гелута Панима.

— Я сделал так, как сказал Вирджил, но ничего не получилось.

— Для перехода по воде аки посуху одной веры недостаточно, — сказал тибетский монах. — Необходимо полное доверие.

— Я не понимаю.

— У вас, мой друг, есть вера, но минутная неуверенность показала, что вы готовитесь к неудаче. Доверие — выше молитв. Существует притча о набожном человеке, который спускался ночью с крутого склона горы. Последние силы его оставили. Он висел, держась обеими руками за выступ. Человек мерз так же, как мерзнете сейчас вы. Он воззвал к Господу, и Бог приказал ему разжать руки. Человек разжал одну руку, но другую — побоялся. Он продолжал звать на помощь. На следующее утро его нашли односельчане. Человек замерз насмерть, висая на одной руке в пяти футах от земли.

Гави передала дрожащему Паоло шерстяное одеяло.

— Кто вы такой, чтобы судить о глубине моей веры?! Я вошел в ледяную воду! Я разжал обе руки!

— Я не хотел вас обидеть. Когда Господь приказал Аврааму принести в жертву своего сына Исаака, это и было испытанием веры и доверия. Вы же просто необдуманно смело ринулись в воду и... искупались.

— Папа! Смотри!

Гави показывала рукой куда-то на юго-запад. На горизонте, над островом Свободы появились три точки военных вертолетов.

— Они летят к нам на выручку?

Дэвид с трудом сглотнул.

— Нет, золотце. Не думаю.

Остров Говернорс

7:55

Ли Нельсон грубо выдернули из сна. Мужские руки стянули женщину с койки и поставили на ноги. Через секунду она смотрела на перекошенные от злости лица Дджея и Джесси Звава.

— Что такое? Что стряслось?

— Вы лгали нам, леди.

Ли почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

— Лгала?.. О чем?

— Вы солгали нам о вакцине против «Косы». Мы проанализировали содержимое этого, — Джей Звава сунул в руку женщине наполовину пустую пробирку. — В ней вода и больше ничего.

— Что?.. Этого не может быть...

Джесси Звава подал знак охраннику.

— Выведите предательницу наружу и расстреляйте ее.

Бэттери-парк

07:56

Маркиз Джексон-Хорн избавился от цветов своей банды, но не от своего пистолета. Восемнадцатилетний латиноамериканец с заплетенными по-африкански волосами и его семилетняя сестра присоединились к группе выживших после эпидемии «Косы». Все смотрели на запад, на три темных силуэта военных вертолетов, которые летели вдоль побережья Нью-Джерси на север.

Маркиз кивнул Панкаю.

— Вы тут, типа, спастись?

— Извини?

— Что извини?

Затем Маркиз взглянул на дрожащего итальянца, закутанного в одеяло, и увидел протез, лежащий на снегу.

— А-а-а... Это что? Где однорукый?

— Ты знаешь Патрика?

— Он дал мне вакцину, вылечил меня и мою сестру. Где он?

Панкай посмотрел главарю банды в глаза.

— Он со своей семьей.

Хотя его семья была рядом, мысли Паоло занимали слова, сказанные азиатом. Свою жизнь он прожил по законам католической церкви, посещал мессу, причащался и платил церковную десятину, когда только мог. Он кормил бездомных и исповедовался в наименьшем грехе. И вот теперь ему сказали, что он недостойн и что его переполняют сомнения.

Оставив Франческу и своего новорожденного сына, Паоло подошел к тибетскому монаху.

— Я не знаю, кто вы, но я знаю, что вы знаете семьдесят два имени Бога. Спасите нас с их помощью!

— К сожалению, я не могу. Давным-давно я злоупотребил знанием ради своих эгоистичных целей и не могу считать себя поистине праведным человеком.

— Тогда научите меня! — попросил Паоло. — Скажите, что я должен делать!

— Я уже сказал... — Темные глаза Старейшины блеснули. Он положил руку на плечо итальянцу и проговорил: — Пусть это будет новым крещением для тебя...

Паоло поежился. Его глаза сновали от трех военных вертолетов к лицу азиата, а от азиата на младенца на руках его жены.

Отгоняя от себя страх, он сбросил с себя одеяло и вернулся к жене.

— Франческа! Дай мне нашего сына.

Женщина увидела стальной протез, зажатый в руке мужа, и решимость в его глазах.

— Нет!

— Франческа... Пожалуйста...

Люди столпились вокруг них. Все молчали. Старейшина как замороженный смиренно смотрел на разворачивающиеся перед ним судьбоносные события.

— Франческа! То, что мы добрались сюда, поистине чудо. Теперь мы должны положиться на чудо Господне.

Глаза женщины наполнились слезами.

— Любовь моя! Господь указал нам путь. Теперь мы должны следовать его воле.

Она нерешительно передала Паоло завернутого в одеяльце новорожденного сына.

— Иди. Принеси в жертву своего сына. Принеси в жертву себя. Я больше этого не выдержу.

Взяв стальной протез в правую руку, а левой укачивая младенца, мужчина пошел к воде вниз по бетонной аппарели для спуска катеров.

Место, где раньше стоял Всемирный торговый центр

07:57

Темные тучи над головой не пропускали лучей утреннего солнца. Холодный декабрьский ветер поднял в воздух мелкий строительный мусор и пыль, завертел вихрем, а потом стих.

Патрик Шеперд сидел на краю строительной площадки. Он чувствовал себя одиноким, испуганным и потерянным.

Снова поднялся ветер. Он свистел сквозь отверстия в балках.

«Патрик...»

Шепчущий в его голове мужской голос показался ему смутно знакомым. Шеп неуверенно огляделся по сторонам.

«Ты справился с этим чертовым путешествием, сынок. А теперь займемся играми разума».

— Тренер... тренер Сигал? Это правда вы?.. Что я говорю?! Патрик схватил себя за длинные каштановые волосы, дернул и согнулся вдвое от боли.

— Убирайся из моей головы! Убирайся из моей головы! Я не могу этого вынести!

«Я не галлюцинация, Патрик. Ты знаешь, что я не впервые разговариваю с тобой. Помнишь, на крыше Медицинского центра для ветеранов?»

Кожа Шепа зудела. Он встал, повернувшись лицом к ветру.

— Вы помешали мне спрыгнуть с крыши...

«Ты доверился мне тогда, сынок, доверься мне и теперь. Все, что ты видел, существует на самом деле, за исключением дьявольского обмана, связанного с моей дочерью. Но ты и сам все прекрасно понимаешь. Ты доверился своим инстинктам и познал истину, несмотря на все уловки».

— Да... правда... Я знал, что это не Триш. Я знал, что это не она. Когда я с ней, я чувствую... чувствую...

— Полное удовлетворение...

Шеп резко развернулся, ища глазами того, кто заговорил с ним. Послышался шорох гравия под подошвами.

Вирджил Шехина вышел из-за землеройной машины. Между тучами пробился луч света и упал на старика.

— И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. Итак, господин Данте, как вам понравилось путешествие по аду в поисках любимой Беатриче?

Упоминание об умершей возлюбленной Данте вывело Патрика из себя.

— Ты мне лгал, старик. Ты говорил, что разговаривал с моей любимой, а она давно мертва. Моя любимая погибла здесь вместе с нашей дочерью одиннадцать лет назад.

— Да, твоя любимая мертва, и она беспокоится, — сказал Вирджил.

— И что бы это значило? Ты что, медиум и можешь общаться с ее духом? Или ты ангел? Ты ангел, Вирджил? Ангел, которого нанял Бертран де Борн, чтобы свести меня с ума?

— Я не ангел, не психиатр и не был послан к тебе покойным мистером де Борном. Ты сам решил, что я от него.

— Понятно. Значит, ты не психиатр... Ладно. Кто ты такой? Почему ты пришел ко мне в госпиталь для ветеранов? Подожди... Я забыл... Моя любимая волновалась обо мне, поэтому послала тебя?

Вирджил улыбнулся.

— Глаза — зеркало души. Посмотри в мои глаза. Что ты там видишь?

Старик снял очки с бордовыми стеклами.

— Подойди поближе. Я не кусаюсь.

Шеп приблизился к Вирджику и посмотрел в его голубые глаза...

Шквальный поток ослепительно белого неземного света затопил сознание Патрика. Приятное тепло наполнило каждую клеточку его тела, исцеляя и наделяя жизненными силами. Ему вдруг стало так приятно, что он хихикнул...

Когда Патрик пришел в себя, он лежал на земле лицом вверх. Шеп улыбнулся, открывая глаза.

— Господи! Как хорошо!

— Я не Господь Бог, я просто Вирджил, — сказал ему старик.

Шеп приподнялся. Как ни странно, но нервное измождение и страшнейшую усталость, мучивших его всю прошлую ночь, как рукой сняло. Он больше не мерз.

— Не знаю, что ты сейчас сделал, — признался Патрик, — но если продавать это как лекарство, то ты вскоре станешь миллионером.

— Ты сейчас видел кетер, свет, энергию, льющуюся из первой сфироты, наивысшей из десяти эманаций мироздания. Эта энергия доступна человеку только раз в году, на рассвете пятидесятого дня после еврейской пасхи. В этот день тридцать четыре столетия назад на горе Синай было достигнуто бессмертие.

— Куда не кинь, всюду загадки, — мотая из стороны в сторону головой, произнес Патрик. — Кем бы ты ни был, я считаю тебя своим другом и поэтому как друга прошу: отвечай мне прямо... Через несколько минут военные сожгут здесь все к чертовой матери, и тогда все будет кончено.

— Время ничего не значит в царстве сверхъестественного, Патрик. Оглянись. Время остановилось.

Мужчина взглянул на небо и с изумлением уставился на замершие на месте тучи.

— Какого черта!? Ладно. Подожди... Я все понял. У меня опять галлюцинация из-за этой чертовой вакцины.

— Все реально, а вакцина... Это была обыкновенная вода, — сказал Вирджил.

— Вода?.. Не шути так.

— Вода — главный источник жизни в физическом мире. В давние времена божественный свет проникал в воду, наделяя ее способностью исцелять людей и регенерировать клетки. Тогда продолжительность жизни была дольше. К сожалению, сознание людей испортило

свойства воды после всемирного потопа. Процесс этот обратим. Посредством определенных благословений и медитации ее можно вернуть в первоначальное состояние. Вакцина, которую вы принимали, была очищенной водой в концентрированном виде. Ее также называют водой Пинхаса. Министерство обороны конфисковало запас этого эликсира — воду очистили те, кто обладает тайным знанием. С помощью этой воды обеззараживали Чернобыльскую зону. В очередной раз благородный порыв растопило это отдельных индивидуумов. Мэри Клипот имела доступ к воде, когда работала в форте Детрик.

— И вода спасла нас от чумы? — спросил Патрик.

— Вас спасла вера. Вода была лишь средой, которая мобилизовала ваши мысли. Можно сказать, она позволила мысли управлять материей.

— Но это же безумие... Или я сошел с ума? — Шеп растерянно помотал головой, он никак не мог взять в толк того, о чем говорит ему Вирджил. — Может, я и не безумен... Может, у меня бред... Подожди... Точно! В этом что-то есть. Прямо-таки приключение из «Волшебника из страны Оз»... Все началось с того, что мой вертолет разбился в лесу. А дальше начинается бред... Ты чудесным образом, совсем случайно, оказываешься в парке Инвуд, потом мы с тобой отправляемся на поиски моей семьи. По дороге я прохожу девять кругов Дантового ада, но благодаря чудесному вмешательству «помощников», которые каждый раз вовремя попадались нам на пути, мы благополучно выходим из всех переделок. Потом появляется Мрачный Жнец, который ждет меня в геенне огненной... Все это бред. Ничего на самом деле не было. Сейчас я лежу без сознания в кабине вертолета или, в лучшем случае, накачанный лекарствами, где-то в больнице в Бронксе. А это чувство, которое возникло у меня, когда я посмотрел тебе в глаза... Думаю, в этот момент медсестра вколола мне витамин В₁₂.

Лицо Шепа просияло, растянувшись в улыбке.

— Я прав? Боже! Как хорошо! Извини, Вирджил, но я имел в виду не тебя. Это просто такое выражение... У меня такое чувство, словно я поговорил с психиатром...

— Такое же выражение, как твое высказывание о Боге, заснувшем за рулем? — поинтересовался Вирджил.

— Вот именно.

— Что ж... Проведем проверочку.

Старик протянул руку и ущипнул Патрика за щеку.

— Ой! И это твоя проверочка?! — вскричал ветеран.

— Как по мне, так ты вполне бодр. Впрочем, надо быть точно уверенным.

Шеперд подпрыгнул, когда фантомная боль пронзила культю левой руки. Исцеляющее тепло распространилось по поврежденной дельтовидной мышце. В крайнем изумлении мужчина наблюдал, как из обрубка руки растет плечевая кость. За ней потянулась паутина нервов и кровеносных сосудов... затем сухожилия и мышцы... Конечность обрела предплечье, запястье, кисть и пальцы... На костях нарастала новая плоть... Вскоре у него была новая, вполне дееспособная рука.

Шеп упал на колени, сгибая и разгибая заново обретенные пальцы. В отличие от того, что он испытал в девятом круге ада, Патрик знал, что эта рука настоящая.

— Как? — вырвался у него вопрос.

— Стволовые клетки — замечательная штука. Плохо, что человечество так долго не решается начать использовать их. Представь себе, что будет, когда люди научатся создавать конечности для ампутантов, спинной мозг — для парализованных, внутренние органы — для стариков и лекарство — для диабетиков. Жизнь человека изменится к лучшему. К сожалению, Враг помог человечеству создать строгие религиозные запреты. Это козырная карта Сатаны. Человеческое эго привыкло к ним, словно к опию.

Шеп пристально посмотрел на Вирджила, словно видел старика впервые.

— Ты — Бог?

— Бог придуман людьми. Легко представить себе доброго правителя, сидящего на троне, к которому можно обратиться в случае, если возникло желание выиграть в лотерею или избежать смерти. Я — желание Творца донести свою сущность тебе посредством света мудрости. Я появился перед тобой в том образе, который способен воспринять твой разум.

— Ты — свет мудрости?

— Сущность существования. — Глаза Вирджила горели огнем за бордовыми стеклами очков. — Ты хочешь знать больше?

— Да. Пожалуйста...

— Хорошо. Но то, что я сейчас буду объяснять, из области сверхъестественного. Это то, что не подвластно ни пространству, ни времени, ни материи, всему тому, что, окружает человека и оказывает влияние на его органы чувств. Есть явления, которые ты не в состоянии почувствовать или осмыслить, но инстинктивно ты понимаешь, что они истинны. Постарайся не бороться со своей душой при помощи сухих доводов логики.

— Ты считаешь, что мой разум недостаточно развит, чтобы понять тебя? — спросил Патрик.

— Я хочу сказать, что твои чувства привязаны к Малхуту, физическому миру. Горний мир — это другая, отличная от него реальность. Представь, что тебе, человеку, живущему в трехмерном мире, надо объяснить природу своего мира двумерному персонажу из комиксов. Тебе придется ограничить себя существующими в двумерном мире понятиями для того, чтобы тебя поняли.

— Это алгебра. Хорошо. Я — несмышленный первоклассник. Что еще мне следует знать?

— Как я уже сказал, — продолжал Вирджил, — в области духовного нет места времени и пространству, поэтому, когда я буду говорить «до», то буду иметь в виду причину, а когда скажу «после», то следствие.

— Понятно. А теперь скажи мне... Что на самом деле здесь происходит? Зачем и почему?

— В реальности бесконечности существуют Создатель, непознаваемая сущность Создателя и свет, который исходит от Создателя. Свет существует в бесконечности. Свет — это безупречность. Ты можешь так никогда и не познать Создателя, но в своей сущности Он — сила дающая. Вначале не было того, что нуждалось в свете Создателя, а без этого не было взаимно-обратного цикла передачи энергии. Для бесконечного света Создателя потребовался подходящий Сосуд. И Сосуд был создан. Цель его существования — получать. Сосуд — это универсальная душа. Теперь в бесконечности существовало два вида света: Свет мудрости, который есть сущность существования, она просто дает, и Свет сострадания, или Сосуд, который желает только получать. Помнишь пример, который я приводил ранее? Если Свет мудрости сравнить с

электричеством, что бежит по проводам в твоём доме, то Свет сострадания, или Сосуд, — это настольная лампа; её штепсельную вилку вставляют в розетку для того, чтобы лампочка засветилась, а без лампочки — нет света, без Света сострадания Свет мудрости не может самореализоваться.

— Ты уже говорил нечто похожее при Дон, — вспомнил Патрик. — Свет мудрости похож на солнечный свет. Солнце излучает свет, но нам он становится видимым лишь тогда, когда на его пути возникает препятствие, от которого он отражается... как Земля в космосе...

Шеп запнулся. Его ум лихорадочно работал.

— Вирджил! Ты говорил, что являешься желанием Творца донести мне свою сущность посредством Света мудрости. Значит ли это, что ты «отражаешься» от моего Света сострадания?

Вирджил улыбнулся.

— Давай вернемся к истории творения. В безграничной бесконечности, что наполняет собой целостность существования, есть свет Творца, который через причинно-следственную связь даёт всегда и везде, и Сосуд, вместилище универсальной души и единственное подлинное творение, которое когда-либо существовало. В Торе Сосуд называют Адамом. Но, подобно батарейке, Сосуд-Адам состоял из двух противоположных энергий. Мужская энергия — это положительно заряженные протоны, а женская энергия, или, как её называют в Торе, Ева, — отрицательно заряженные электроны. Сосуд имеет одно желание — получать, а свет Создателя — одно предназначение — давать. Таким образом, поддерживалась гармония. Но Адаму не хватало чувства удовлетворенности. Как может человек по-настоящему ценить солнечный свет, если солнце ярко светит каждый день? Ещё важнее то, что человек никогда по-настоящему не оценит присутствие Бога, если Бог — рядом всегда.

— И что произошло?

— Причинно-следственная связь. Свет продолжал исходить из сущности Творца, ибо Его сущность состоит в том, чтобы давать. Сосуд, созданный только для того, чтобы получать, возжелал и сам давать, чтобы познать удовольствие от совершенного, чтобы уподобиться Творцу. Но Сосуд не мог давать. К тому же он стыдился того, что заслужил бесконечный свет и чувство полноты, которое с ним приходило. Поэтому, возжелав быть похожим на Создателя, Сосуд

отказался от Его света. Это акт отказа от света вызвал цимцум, сжатие. Без света Сосуд сжался в крошечную точку тьмы в бесконечной Вселенной. Бесконечное дало жизнь конечному. Внезапно, без воли Создателя, Сосуд вновь расширился, желая заполучить свет. Это внезапное сжатие и расширение, известное науке как Большой взрыв, стало причиной возникновения Вселенной, породило Эйнштейнов пространственно-временной континуум. Впрочем, это вмещилище существования не есть реальностью в подлинном значении этого слова. Подлинная реальность существования на девяносто девять процентов — в бесконечности... Что-то не так?

— Все в порядке, — ответил Патрик. — Просто мне трудно уследить за ходом твоих рассуждений. Продолжай, пожалуйста.

— После цимцума образовалось десять измерений, или сфирот. Шесть из десяти сфирот соединились, образовав одно сверхизмерение Дхиан-Коган.

— Почему шесть измерений? Чему они служат?

— Сефир фильтрует свет Создателя. Три верхние сфироты — Кетер, Хокма и Бина находятся ближе всего к Творцу и поэтому не оказывают непосредственного влияния на физический мир человека. Физический мир, низший из десяти сфирот, называется Малхут. Несмотря на кажущуюся бесконечность, он представляет собой лишь один процент от всего сущего. Физический мир — это реальность, основанная на ложном измышлении, укрепившемся из-за ограниченности пяти человеческих чувств.

— Невероятно. А что насчет души?

— Каждая душа — это искра разбившегося Сосуда-Адама. Когда Сосуд разбился, мужское начало Адам отделилось от женского начала Евы. Подобно тому, как зачатию в женском лоне предшествует деление клетки, так и Сосуд разделился. Его искры стали мужскими и женскими душами. Более мелкие искры просочились в царство животных, деревьев, овощей и ниже, проявив свое присутствие в каждой частичке вещества и энергии, из которых состоит космос.

— Но моя душа — не цельная, Вирджил! Она разделена, и такой останется. Ты обещал мне...

Ярко-голубое свечение возникло перед ним. Патрик уже видел сегодня подобное, когда духовная наставница навестила Дон Пател. Постепенно свечение приняло форму женской фигуры. На призраке

была та же одежда, что и на девушке с обожженного полароидного снимка. Волнистые белокурые волосы были зачесаны назад...

Патриция Энн Сигал улыбнулась своей давно утраченной любви.

— Привет, дорогой.

— Боже мой...

Патрик упал на колени. Слезы хлынули из его глаз, когда он обнял любимую. Пустоту в его сердце в мгновение ока заполнила безграничная радость.

Вирджил блаженно улыбался.

— Воссоединение родственных душ — это сила света, с которой нельзя не считаться. По сравнению с ней расступившиеся воды Красного моря — ничто.

Триш заставила Шепу подняться на ноги. Он целовал ее лицо, вдыхал ее запах. Ее прикосновение горячило его покрытые щетиной щеки.

Старик смотрел на обнимающуюся пару с видом довольного дедушки.

— Женщины имеют склонность завершать свою духовную миссию быстрее, чем мужчины. Женская душа, находясь в верхних сферах, помогает своему любимому выполнить предназначенную миссию духовного самосовершенствования.

Шеп отстранился и спросил у Вирджила:

— А где наша маленькая девочка?

— Она уже вернулась, — глядя в глаза любимому, сказала Патриция Сигал. — Что подсказывает тебе твое сердце?

— О-о-о... Да! Это Дон! Дочь Пателей... Она приняла душу нашей маленькой девочки.

— Я присматривала за ней... и ты...

— Триш! Я совершал ужасные поступки. После вашей смерти я вступил в армию, надеясь отомстить за вас. Я убивал. Я приносил страдания другим людям.

Он задрожал всем телом, повернулся к Вирджилу и пал ниц, прижавшись к сапогам старика.

— Прости меня, Боже! Пожалуйста, прости!

— Твое раскаяние принято, сын мой, — сказал Вирджил.

Шеп вытер слезы, поднялся с земли и взял призрак любимой за руку.

— Мы будем теперь вместе? — спросил он.

— Скоро. Твоя душа должна очиститься, прежде чем ты войдешь в вышние сферы. За последние двадцать четыре часа ты совершил немало великодушных, лишенных и тени эгоизма дел. Это облегчило твое бремя. Чем больше света жаждет и получает человеческая душа, тем выше она возносится. Все, что ты видишь вокруг себя, все, что существует и эволюционирует в физическом мире времени и бренности бытия, было создано с одной целью — позволить душе преобразиться из получателя в дарителя и таким образом заслужить бессмертие в бесконечности. Именно этого хотел Сосуд-Адам, и Создатель удовлетворил его просьбу, ибо Он безоговорочно любит всех своих детей.

— Если Бог всех нас любит, — спросил Патрик, — то откуда на земле столько ненависти, злобы, насилия, боли и страданий?

— Мы уже говорили об этом: для исполнения своего предназначения душа должна обладать свободой воли. Для этого необходим Сатана, противодействующая сила, которая мешает человеческой душе. Результат противостояний заранее не предрешен, а значение победы или поражения нелегко переоценить. Сатана — это человеческое эго на генетическом уровне. В истории творения это искушение, не устояв перед которым люди отведали запретный плод с дерева познания добра и зла. Похоть, обжорство, алчность, гнев, насилие, обман, жадность и предательство... Все это симптомы порочного эго. Каждый эгоистичный поступок человека мешает доступу света Создателя. Грех — это отказ человека стать тем, кем ему предназначено стать. Если человечеству удастся увеличить свои сосуды с помощью данных ему Богом инструментов, в мире не будет места страданиям.

— И как нам этого добиться? — спросил Патрик.

— Увеличив свои сосуды, люди смогут впустить в себя больше божественного света. Надо возлюбить ближнего как самого себя, так же безоглядно, как Создатель любит каждого из своих детей. Любовь — это оружие света. Она имеет силу истреблять любые проявления тьмы. В духовном плане человек не просто должен быть милым и хорошим, Патрик, речь идет о том, чтобы исправлять дурные черты характера других людей. Если ты возлюбишь даже своего злейшего врага, ты уничтожишь тьму и ненависть в его душе. Больше того, ты

очищаешь и свою собственную душу. После очищения две души способны по достоинству оценить Божью искру. Подумай об этом. Нет такой добродетели, которая, словно переключатель, даст душе доступ к свету. Свет открывается душе только тогда, когда человек осознает и исправляет свои собственные пороки. Когда большинство людей достигнет мудрости понимания, тогда и только тогда наступят бесконечная благодать и бессмертие, доступные всему человечеству. Впрочем, существует опасность обратного. Когда человеческие пороки и дурные дела достигнут критического уровня, Ангелу Смерти будет предоставлена свобода действий. Тогда даже праведные страдают...

— Ты говоришь о том, что сейчас происходит? Вирджил! Неужели зло достигло такой силы, что нужно еще одно обновление?

Лицо старика стало серьезным.

— Поколение Ноя было упрямо и безрассудно — грешило в открытую. Поколение Всемирного потопа вновь вернулось на Землю.

— А я действительно был Ноем? — спросил Шеп.

— Душа, которая сейчас находится в теле Патрика Шеперда, когда-то находилась в теле Ноя, праведного человека, рожденного во времена алчности и морального разложения. Ты и душа твоей любимой Наамах вернулись, чтобы снова стать свидетелями конца дней еще одного поколения.

Шеп крепче сжал руку Триш. Его лицо покраснело.

— Ты ведь не собираешь умертвить шесть миллиардов человек? — спросил он.

— Творец никого не убивает. Шесть миллионов или шесть миллиардов — ответственность лежит на самих людях. Они хотят без ограничений вкушать плоды с дерева познания добра и зла. Они хотят всего и только для себя... Именно эти поступки людей призвали на землю Ангела Смерти, как это уже случалось шестьсот шестьдесят шесть лет назад во время «великого мора».

— Но ты можешь остановить это. Ты можешь положить конец этому безумию. Ты сейчас рассуждал о делах людских... А что же ты сам? Ты рассказывал мне о холокосте...

— Рассказанная мною история произошла с тобой, — сказал Вирджил.

Лицо Патрика побледнело. По телу прошла нервная дрожь.

— Значит, мальчик, о котором ты мне рассказывал...

— ...Это был ты, Патрик. Это твое второе место службы, если так можно выразиться. То, что ты пережил в Аушвице, было расплатой за поступки Ноя. Таков твой тиккун. Ты потерял там всю свою семью и любимую девушку.

— А что в это время делал ты?! Невинных детей бросали в печи... Самолеты таранили здания...

— А как же ни в чем не повинные люди, погибшие от рук американских солдат? — спросил Вирджил. — Как я тебе уже говорил, Бог — это не глагол, Патрик. Свет струится вне зависимости от намерений. Все зависит от свободы воли. Те, кто жил здесь по Божьим законам, спасутся. Это чудо будет интерпретировано с религиозной точки зрения и в конечном итоге приведет к войне, которую ты, служа Сатане, хотел предотвратить. С каждой новой несправедливостью его сила будет только расти.

— Все равно! Возможно, Ной покорно стоял, наблюдая за тем, как ты топишь мир, но я не Ной. У нас ведь был договор. Ковчег стал нашим договором. Ты обещал, что никогда больше не будешь уничтожать человечество!

— Человечество убивает не Создатель, Патрик. Смотри!

Коричневая пелена облаков расступилась на западе, и Шеп увидел три черных вертолета, застывших над рекой Гудзон.

— На этот раз за потоп отвечает сам человек. Его действия усиливают власть Сатаны.

Вирджил указал на край строительного котлована — там материализовался Ангел Смерти. Коса Санта-Муэрте глубоко вошла в основание голого черепа Мрачного Жнеца, проткнув его тело насквозь.

— Что с ним случилось? Разве можно убить Ангела Смерти? — спросил Патрик.

— В любом элементе творения есть мужское и женское начала. Тоже самое и с Ангелом Смерти. Каждый Жнец, будь это мужское или женское начало, родился в физическом мире человеком. Когда приходит время, Ангелы Смерти находят себе замену среди живых. Женское начало Смерти, получив силу от человеческих пороков, больше не хочет, чтобы ее сдерживали. Если человечество не оградит от нее, то женская ипостась Смерти будет безнаказанно разгуливать по земле, отравляя Малхут так, что Божий свет не сможет пробиться в это измерение.

Шеп смотрел на Мрачного Жнеца: сверхъестественное создание дрожало всем телом, в глазницах черепа мерцал свет, его силы быстро убывали...

— Я ведь не исполнил свой тиккун, — сказал он. — Ни тогда, когда был Ноем. Ни в Аушвице. Ни сейчас Патриком Шепердом. Ты говорил, что каждая душа четырежды приходит на Землю.

— Это твой четвертый раз.

— Кем я был еще? Массовым убийцей? Алкоголиком, как мой отец?

— Ты был поэтом, вдохновленным божественным светом. К сожалению, тебе не хватало силы воли, и ты вечно напивался, вкушая запретный плод. Тебя звали Джеймс Дуглас Моррисон, для друзей — просто Джим.

— Подожди... Джим Моррисон из «Дорз»? — Патрик повернулся к Триш. — Я был Джимом Моррисоном?

Памела Курсон^[64] крепче сжала руку мертвого рок-певца.

Старик положил руку Патрику на плечо.

— Ты готов продолжить свой путь, сынок?

— Нет. Подождите. Секундочку. Ты говорил, что каждая душа выполнит свой тиккун прежде, чем вознесется в верхние сферы. Как я смогу воссоединиться со своей любимой, если еще не исполнил свой тиккун? И как я смогу его исполнить, если пандемия уничтожит человечество?

— Человечество отвернулось от света. Поколению чумы нет места в новом мире.

— Значит, ты хочешь позволить «Косе» убить всех без разбора?

— Бог — не слуга человечества. Бог — это Бог. Людям следует менять что-то в своем поведении, а не Создателю. Они должны сдать экзамен на право существования.

Шеп в отчаянии сжал кулаки.

— Знаешь что, Бог? Ты — плохой отец!

— Шеп!

— Нет, Триш! Пусть слушает. Ты говоришь, что мы движемся прочь от света. А может, это твоя вина? Возможно, нам не хватало твоего духовного наставничества? А как насчет знамения, чтобы люди понимали, что ты есть и тебе не все равно? Черт! Мне бы хотелось и на этом свете увидеть немного справедливости!

— Каждую душу будут судить в назначенное ей время. Создатель не желает выступать в роли управляющего или менеджера, Патрик. Такое вмешательство вызывает догматизм и появление лже-пророков, а это порождает хаос.

— Тогда назначь кого-нибудь, кто будет влиять на ситуацию вместо тебя. Дай мне это последнее задание. Дай мне исполнить мой тиккун. Сделай меня им, — показывая на Мрачного Жнеца, предложил Патрик.

— Нет, дорогой, — вмешался призрак Тиш. — Ты понятия не имеешь, о чем просишь.

— Он следовал за мной через весь Манхэттен. Думаю, Ангел Смерти выбрал меня. Человечеству нужен кто-то, кто не даст «старой леди» разгуляться. Высшим сферам необходимо, чтобы в Малхуте восстановилось равновесие сил... Что ж... Я готов. Я не собираюсь оставаться в стороне и позволять людям умирать.... Не в этот раз.

— Тогда познай сначала основные законы, Патрик, а затем принимай решение, — сказал Вирджил. — Ангел Смерти — сверхъестественное создание, вхожее как в высшие, так и в низшие сферы бытия. В низших мирах обитают демоны... сущности бытия, которых даже Данте не осмелился бы вообразить. Если ты потеряешь бдительность, силы тьмы отравят твою душу.

— Моя любовь меня защитит. Она выведет меня к свету, — Шеп сжал Триш руку. — Только так мы сможем быть вместе. Только так я смогу защитить нашу дочь.

— Ты просишь об этом сам и без принуждения? — спросил Вирджил.

— Да.

Старик посмотрел на Патрицию. Та утвердительно кивнула головой.

— Договор скреплен. Все те, кого ты захочешь спасти, будут жить и процветать. Все те, кого ты приговоришь к смерти, исчезнут с лица земли. Когда равновесие восстановится, ты исполнишь свой тиккун и воссоединишься в высших сферах со своей любимой.

Шеп обнял Триш за талию.

— Я тебя люблю.

Вирджил терпеливо ждал.

— Можно задать последний вопрос? — спросил Патрик. — Почему я? Я ведь так далек от идеала праведного человека.

— Все великие мудрецы были далеки от совершенства. Самый яркий свет, Патрик, излучает кардинальное преобразование.

Шеп не отпускал руки любимой.

— Ведь это все не случайно, Вирджил? — спросил он. — Ты все заранее спланировал?

— Нет, сынок, ты сам шел к этому.

Старик обхватал ладонями сплетенные пальцы рук влюбленных.

— Только помните, — сказал он. — Свобода воли может как возвысить, так и опустить душу. Ной не смог обуздать свое эго в Малхуте, и его кастрировали. Если ты не справишься с собой в мире сверхъестественного, силы тьмы отравят твою душу, и тогда ни Божий свет, ни любовь твоей подруги не спасут тебя от вечных мук.

Патриция сжала свои пальчики... и отпустила его руку. Ее аура померкла...

— Ты готов?

— Да, — сглотнув, сказал Шеп. — Может, ты еще что-то посоветуешь мне, Вирджил?

Старик взял Патрика за руку и подвел его к Жнецу. Тело потустороннего создания переливалось всеми цветами радуги.

— Никогда не забывай, что твоя душа отныне неразрывно связана со светом Творца. Временами твои действия могут мешать этой связи, но она никогда... повторяю, никогда не должна быть разорвана.

— Спасибо. Что касается моего замечания о плохом отце... — начал Шеп.

— Безграничная любовь — безгранична, Патрик. Воспользуйся хаосом. Пусть его сила поможет тебе избавиться от дурного в тебе самом. Таким образом ты ускоришь свое собственное преобразование и быстрее станешь цадиком, истинно праведным человеком.

Шеп сделал глубокий вдох, протянул руку и коснулся костлявой руки Мрачного Жнеца...

Бэттери-парк

07:59

Вооружившись верой, со сломанным протезом и своим новорожденным сыном на руках, Паоло Сальваторе Минос вновь

вошел в ледяные воды нью-йоркской гавани. Его разум настолько поглотило происходящее, что мужчина даже не почувствовал холода. Вода была выше колен... Никакого чуда не случилось...

«Думай об этом как о крещении».

Вода достигала груди, ледяная, всего тридцать семь градусов по Фаренгейту,^[65] она плескалась в дюйме от одеяла младенца.

Мужчина оступился с невидимого под водой бетонного края аппарели. Внезапно небо метнулось вверх, и все звуки смолкли, когда он с головой окунулся в воду.

Сердце запрыгало от ужаса. Лево́й рукой он зажал нос младенцу. Борясь с паникой, Паоло нащупал левой ногой возвышение, оперся на протез, словно на костыль, и, удержав равновесие, пошел обратно спасать своего сына. Сначала над поверхностью показалась его голова, затем все тело. Паоло разжал пальцы, защищавшие нос младенца, огляделся и понял, что стоит не на бетонной аппарели для спуска катеров, а на льду.

Воды гавани не расступились, они замерзали, точнее, льдом покрывалась узкая, от десяти до пятнадцати футов в ширину, дорожка, протянувшаяся на юго-запад через Нью-Йоркскую гавань.

Паоло тяжело дышал, пар клубился в холодном зимнем воздухе. Его бил озноб. Из покрасневших глаз потекли слезы. Мужчина обернулся и зашагал обратно к берегу. Заплаканная жена приняла у него кричащего сына и завернула в сухое одеяльце.

— Паоло! Как ты смог?

— Я уверовал.

Дэвид и Панкай переглянулись, не зная, что дальше делать.

Тибетский монах схватил обоих мужчин за руки, возвращая их к действительности.

— Не пытайтесь понять чудо, — сказал он. — Уводите всех! Скорее!

— Возьмите Гави, а я займусь остальными! — распорядился Дэвид Кантор.

Он побежал к школьному автобусу будить детей, а Панкай и Маниша помогли Дон и Гави взобраться на ледяной мост, который немного просел под тяжестью, но все же казался вполне надежным.

Дети выбегали из школьного автобуса и спешили к кромке воды.

Мимо них на расстоянии мили пролетели три военных вертолета.

— Быстрее! Быстрее! Не мешкайте! Нам надо спешить!

Дэвид и Маркиз Джексон-Хорн передавали детей Панкаю и Манише. Держась за руки, они выстроились в цепочку, во главе которой шли Паоло и Франческа. Двигались быстро. Ученики средних классов и бывшие секс-рабыни помогали младшим удерживать равновесие и не поскользнуться на льду. Дэвид взобрался на ледяной мост, чтобы присоединиться к дочери.

Старейшина остановил Маркиза.

— Пришло время выбирать, как жить дальше, — сказал он бывшему главарю банды.

Его младшая сестра утвердительно кивнула.

Сунув руку за пояс, Маркиз Джексон-Хорн извлек девятимиллиметровый пистолет и выбросил его в воды гавани. Парень зашагал по льду вслед за сестрой.

Старейшина замыкал шествие.

Шеридан Эрнстмайер колебалась. Когда цепочка из тридцати шести мужчин, женщин, младенца и детей отделилась на тридцать ярдов от берега, она все же решилась сделать первый осторожный шаг по замерзшей поверхности реки.

— Чушь собачья, — прошептала она.

Впереди Паоло и Франческа шаркали ногами по льду, словно скользили по поверхности. Остров Свободы оставался меньше чем в четверти мили впереди. От ледяного моста поднимался молочно-белый туман, скрывая из вида статую. Туман защищал тех, кто принял участие в исходе с Манхэттена, скрывая их от теплочувствительных сенсоров «Жнецов».

Паоло неотрывно смотрел себе под ноги. Итальянец продвигался вперед и видел, что ледяной мост становится все длиннее и прочнее. Внезапно мужчина почувствовал пронизывающий до костей холод. Он задрожал всем телом. Посмотрев вправо, он увидел, как из тумана выступила темная фигура и застыла на краю ледяного моста, словно часовой.

Облаченный в черный плащ с капюшоном Ангел Смерти стоял на краю замерзшей полосы воды и левой костлявой рукой сжимал держак косы. Движением руки он, словно регулировщик, дал знак следовать дальше.

Паоло отвернулся от темной фигуры, крепче сжал протез и повел процессию мимо Ангела Смерти.

— Продолжайте идти! Смотрите себе под ноги! Не оглядывайтесь по сторонам! — прокричал он.

Не послушавшись Паоло, Дон посмотрела на Мрачного Жнеца и улыбнулась.

— Спасибо, Патрик.

Глаза Дэвида Кантора округлились от удивления. Старейшина поторопил бывшего военврача и его дочь. Сам он, хотя и чувствовал присутствие потустороннего гостя, даже не посмотрел в его сторону.

Шеридан Эрнстмайер не замечала Мрачного Жреца, пока не столкнулась с ним нос к носу.

— Какого черта? Ты кто?

Ангел Смерти улыбнулся, и лед под ногами убийцы раскололся. Шеридан Эрнстмайер погрузилась в не прощающие ошибок воды Гудзона.

Остров Говернорс

08:01

Ее ноги передвигались сами по себе. Ли Нельсон не чувствовала их. Страх сковал ее тело. Она словно наблюдала за происходящим со стороны, как в случае клинической смерти. Два охранника вывели, а точнее вынесли ее через внутренний двор и небольшие ворота наружу, за крепостную стену.

Ли Нельсон уставилась на водную гладь гавани. Над водой стелился туман. Ноги женщины дрожали. Она подумала о муже и детях. Оставалось только молить Бога, чтобы пандемия их пощадила.

Охранник слева приставил дуло пистолета к ее затылку... и замертво повалился на землю. Глаза второго мужчины расширились от ужаса, и он рухнул рядом с товарищем.

Ли оглянулась, испытывая сильнейшее головокружение. Страх отступил. Ноги подкосились, и она опустилась на землю...

Ясность ума вернулась к ней, когда она увидела высокую фигуру, облаченную в плащ с капюшоном. Из глазниц существа смотрели три пары глаз. Встав на четвереньки на промерзлой земле, женщина с ужасом взидала на чудовище.

— Пожалуйста... не обижайте меня...

Изо рта Жнеца раздался знакомый голос:

— У меня есть правило: я никогда не забираю хорошую душу после среды.

— Шеп?

Глаза женщины закатились, и она потеряла сознание.

Высоко над Манхэттеном три военных вертолета достигли нужного района. Моля Всевышнего о прощении, пилоты сбросили свой смертоносный груз на город...

Медицинский центр для ветеранов

08:02

Пустые коридоры утопали во тьме. В помещениях стоял осенний холод. Из палат доносились стоны и кашель тех, кто умирал здесь, всеми покинутый.

Ветеранам, получившим раны на заокеанских войнах, оказывают почести на словах, но когда нужна конкретная помощь, их стараются не замечать, словно сумасшедшего дядюшку, которого родственники никогда не приглашают на свадьбу и не оплакивают на похоронах. Забота о людях с ампутированными конечностями и страдающих от рака бывших солдат вгоняет в депрессию наших патриотов, поэтому конгрессмены предпочитают вкладывать деньги в разработку новых видов вооружения, а не решать проблемы двух текущих воен.

Впрочем, те, кто посвятил свою жизнь уходу за ранеными ветеранами, думают по-другому, но «Коса» давно скосила этих доблестных жрецов милосердия.

Умертвив весь персонал госпиталя, чума, подобно голодной волчице, прокралась в стерильные палаты. Болезни нужны новые жизни, чтобы существовать. Техник, в спешке покидая здание, забыл

герметично закрыть вакуумное уплотнение дверей, ведущих к палатам ветеранов. Теперь голодному зверю был накрыт богатый стол.

Открытые раны и неподвижные люди, лежащие рядами, словно сардельки, стали легкой добычей чумы.

За двенадцать часов госпиталь превратился в инкубатор смерти.

Красная лампочка жизненных показателей мигала, словно одинокий цветок в пустынной пампе. Инкубатор работал на встроенных аккумуляторных батареях. Рожденная меньше суток назад девочка с золотисто-каштановыми волосами мирно спала под бдительным надзором матери.

Мэри Луиза Клипот смотрела на дочь, горя желанием окружить ее любовью и заботой, всем тем, чего она сама была лишена в детстве. Темный силуэт отразился от плексигласовой стенки инкубатора.

— Убирайся прочь, Смерть! — крикнула Мэри. — Ты не заберешь у меня дочь! Санта-Муэрте защитит ее!

Мрачный Жнец ударил деревянным держакосы о кафельный пол: казалось, кузнечный молот ударил о наковальню. Восьмидюймовая расщелина разделила палату на две части.

— Чего ты хочешь? Не мое же дитя?

— Ты должна ответить за смерть десяти тысяч младенцев. Ты пожнешь боль, которую посеяла во вселенной. Твое дитя будет частью урожая смерти.

— Нет!

Мэри Клипот бросилась к инкубатору, обхватила его руками, моля о снисхождении.

— Пожалуйста! Не карай за мои грехи невинное дитя! Боже! Я знаю, что ты слышишь меня! Пожалуйста, прости меня! Сжался над душой моей дочери!

Жрец взглянул на новорожденную.

— Отрекись от Санта-Муэрте, и я пощажу твоего ребенка.

Мэри глянула на яркий белый свет, льющийся на город.

— Я отрекаюсь от нее!

Мощный тепловой поток выжег крик, рвущийся из ее горла, и испепелил плоть на костях.

Паоло и Франческа несмело ступили на пристань острова Свободы. Мимо них пробежали дети и подростки, спеша по мощеной дороге к статуе Свободы.

Дэвид Кантор ударом ноги сбил замок с запертых дверей, и люди вошли в помещение в постаменте. Как только они очутились внутри, ярко-белый свет, словно вспышка молнии, озарил северо-восточную часть неба.

Остров Говернорс

8:12

Президент Эрик Когело открыл глаза. Боль, которая в течение последних шести часов разрывала на куски его голову и все тело, утихла. Даже жар заметно спал.

Он полегал в кровати, наслаждаясь удовольствием, которое получал от того, что снова почувствовал себя здоровым человеком. Внезапно его накрыла волна ужаса, и Когело привстал на постели. Он ощутил слабость во всем теле. Сначала он не смог сориентироваться, где находится, и был несказанно изумлен, обнаружив, что лежит в комнате, а дверь закрыта изнутри на засов.

Внезапный приступ ледящего кровь ужаса заставил президента вжаться спиной в стену.

В углу комнаты стоял тощий человек в рваной сутане с надвинутым на лицо капюшоном. Он смотрел на Когело глазами, в которых, сменяя друг друга, то появлялись, то исчезали сотни глаз. В поднятой руке странное создание сжимало косу, и с ее кривого, покрытого зеленью лезвия на пол капала кровь.

Живой скелет медленно двинулся к кровати.

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

Порыв ледяного воздуха вырвался изо рта черепа, когда Жнец заговорил:

— Здесь нет никого, кто мог бы помочь тебе. Ковчег, который ваш народ построил ради спасения своих никчемных правителей, поврежден, и все, кроме тебя, умерли от чумы.

— О-о-о... Боже правый! — воскликнул президент, хватая воздух пересохшим ртом. Собрав волю в кулак, он поднялся на ноги перед лицом надвигающейся на него смерти. — Ответь только на один

вопрос, прежде чем ты возьмешь мою жизнь. Человечество погибнет из-за нашей роковой ошибки?

— Пока еще не ясно, — ответил Жнец.

— Моя смерть послужит во искупление наших грехов?

— Нет. Твоя жизнь может принести толику света в этот мир.

По крови Когело разлился адреналин. Он почувствовал нервное покалывание во всем теле.

— Ты даруешь мне жизнь?

— Ты — праведник, рожденный в порочные времена алчных людей. Народ поручил тебе принести мир в этот мир, но ты не оправдал чаяния людей, когда столкнулся с противодействием темных сил и запутался в силках искусных манипуляций. Свет победит лишь в том случае, если ты остановишь войну. Примирившись с врагами, вы положите конец давней ненависти.

— Будет непросто закончить эти две войны... У нас есть неурегулированные вопросы в отношениях с Ираком... В Афганистане сложилась непростая ситуация, но мы сотрудничаем с Пакистаном... Впрочем, определенный прогресс уже заметен... Я выдвину другие условия...

— Десять невинных погибнут в Ираке, одиннадцатой будет твоя жена, — произнес Жрец.

— Что?!

— Десять невинных погибнут в Афганистане, одиннадцатым будет твой сын. Таковы мои условия.

Когело опустил на колени. В горле сжался тугой комок.

— Умоляю, не делай этого. Бери мою жизнь. Я не против. Пощади мою жену и ребенка.

— Действие рождает противодействие. Ты наделен властью над жизнью и смертью. Ты пожнешь то, что посеял.

Президент, набравшись храбрости, сказал:

— Я закончу войну, но существуют противники мира... Они предпочли тьму. Как я смогу принести мир, если все эти люди хотят войны?

— Для всех тех, кто хочет принести зло ближнему, настал Судный день. Это я тебе обещаю.

Мрачный Жнец вытянул вперед костлявую правую руку. На глазах у президента эти кости покрылись кровяными сосудами, нервами,

сухожилиями, мышцами и белой кожей.

Когело чуть было не упал в обморок, но, собрав всю свою смелость в кулак, пожал протянутую руку. Несмело президент взглянул в лицо Жнецу.

Мужчине было лет тридцать. Он был похож на Джима Моррисона. Длинные каштановые волосы. Карие глаза. На шее идентификационные солдатские жетоны. Когело прочитал: «Сержант Патрик Райан Шеперд».

Шеп выпустил руку президента, навсегда прощаясь с миром людей. Он отправился в подземный мир.

Потерянный дневник Ги Де Шолиака

Истинное величие заключается не в том, чего ты достиг, а в том, что тебе пришлось для этого преодолеть.

Элияху Джиан

Вы собираетесь улучшить свою работу или это все, на что вы способны?

Эрл Уивер, менеджер бейсбольного клуба «Балтимор Ориолс», судье

Отрывок взят из недавно обнаруженных, но еще не опубликованных воспоминаний хирурга Ги де Шолиака, жившего во времена «черной смерти» 1346–1348 годов.

Перевод со старофранцузского.

13 сентября 1348 года

Записано в Авиньоне, Франция

С последней сделанной мною записи прошло много времени, и я даже не знаю, о чем писать. Случилось так много, что я нахожусь в совершенной растерянности. Возможно, это и к лучшему...

Когда я в прошлый раз заносил на пергамент свои мысли, мое здоровье было в плачевном состоянии. Я был почти что мертв. Адские боли разрывали мое тело. В бреду я молил Создателя сжалиться и взять мою душу.

Ангел Смерти навестил меня однажды ужасной майской ночью.

Все мои чувства пришли в смятение. Началась агония. Горячка не давала мне ни минуты покоя. Кашель с кровью разрывал мне легкие. Возможно, это было божественным вмешательством. Помню, как, придя в себя, я открыл глаза. Была ночь. Закутанная в плащ фигура выступила из тени на свет. Ее ветхое, затертое до дыр одеяние не поступалось тьме по черноте. Огонь свечей встрепенулся. В их оранжевом свете я

увидел, что испещренный шрамами череп непрошеного гостя потемнел от времени. Так бывает, если тело покойника разлагается в воде. От него страшно воняло, словно из выгребной ямы.

Когда гость заговорил, в комнате стало заметно прохладнее. В его французском слышался какой-то акцент, возможно, азиатский.

— Когда-то я был похож на тебя, — сказал мне Мрачный Жнец. — Я был рабом плоти, рожденным во времена алчности и морального разложения. В молодости я не раз видел, как мой отец проливал кровь невинных. Многие страдали из-за произвола, чинимого нашей семьей. Но, став императором, я свернул с дороги войны и встал на путь поиска мистического откровения. Я выбрал мир и превратил заклятых врагов в союзников. Я принес благополучие и процветание моей стране. К сожалению, тайное знание, которого я жаждал всей душой, оставалось мне недоступно. В час смерти ко мне пришел ее вестник и предложил то, что я намерен предложить сейчас тебе, — тайны мироздания и путь к бессмертию. Если ты по своей доброй воле согласишься с моими условиями, я дам тебе долгую жизнь в этом мире и знания минувших эпох. Ты познаешь радость бытия, и она будет с тобой до конца твоих дней... и даже после...

Я приподнялся на своем смертном ложе. Мой разум вступил в бой с одолевавшим его безумием.

— И если я приму твоё предложение, то что тогда? Что ожидает меня в конце?

— Когда придет естественный конец твоей жизни и ты испустишь последний вздох, ты займешь мое место и станешь Жнецом душ. Когда ты справишься с возложенной на тебя сакральной миссией, тебе простят все земные прегрешения и предоставят место среди блаженных на небесах.

— И сколько мне придется бродить по земле в обличье Смерти? — спросил я.

— Время не имеет значения в сфере духовного, месье. Но не бойся. Даже грешной душе, запятнавшей себя злодеяниями, дается шанс на перерождение. Со временем найдется тот, кто

избавит тебя от твоей тяжелой ноши, как ты сейчас избавляешь меня от моего бремени.

И Ангел Смерти покинул меня в нерешительности и сомнениях. Я не знал, случилось ли это на самом деле или это был горячечный бред. Вскоре после описанного события мне стало легче, и к концу лета я поправился. Теперь я вновь стал самим собой.

Но мир вокруг меня разительным образом изменился.

За два года более половины населения Европы вымерло. Целые деревни опустошил мор. Из-за духовного разложения духовенства Церковь утратила былую власть. Короли и герцоги уже не испытывают прежнего почтения перед властью папы. Впрочем, и сами они постепенно утрачивают власть над своими вассалами и подданными, ибо теперь, когда умерло 45 миллионов человек, всего — и земли, и еды — было в избытке.

Я тоже изменился. Почести и слава больше не прельщают меня. Ныне я стремлюсь только к тому, чтобы послужить человечеству, поделиться с людьми моими знаниями в медицине.

Вскоре после того, как я начал писать манускрипт, который будет называться «*Inventarium sive Chirurgia Magna*» («Большая медицина»), меня посетил странный сын Востока. Он знал о той моей встрече со Смертью. Азиат преподнес мне необычный дар — рукопись, содержащую медицинские знания за долгие столетия. Здесь были тексты Аристотеля, Платона, Пифагора и еще нескольких не менее великих мудрецов своего времени.

Шедрость этого странного тибетского монаха была столь же изумительна, сколь темны его глаза. В качестве платы за знания он потребовал: «Примите приглашение нашего общества, и вы станете хранителем этой рукописи».

Из тьмы я вышел на свет. Вместо болезни и смерти я познал радость и вдохновение, каких я прежде никогда не испытывал. Я больше не боюсь смерти, зная, что мне обещано бессмертие.

Каждый прожитый день своей жизни я посвящаю помощи ближнему своему. Каждое доброе дело дает семена бесконечного самоусовершенствования.

Да придет Жнец!

Гвидо

Эпилог

Америка
Одетая в солнечный свет,
Борющаяся в ожидании,
Умирающая от лихорадки.

Изменяющая границы империи
Непреклонных захватчиков,
Многообещающая и всегда веселящаяся.

Распутная, упрямая и пассивная,
Женатая на сомнении,
Одетая в величественные монументы былой славы.

Как же это изменило тебя!
Как же это медленно отдалило тебя!
Как же это преобразило тебя!

Я прошу у тебя прощения!

Джим Моррисон

6 августа

Шартр, Франция

00:03

Средневековый город вздымался над полями колышущейся на ветру золотистой пшеницы, словно древний готический монумент. Тысячелетия выветрили известковый раствор из стены древней баронской твердыни. Узкие, мощеные булыжником улицы вились между домами, верхние этажи которых строились из дерева, а нижние из камня. Старинные мосты соединяли берега реки Эр. Три ее притока медленно катили свои темно-синие воды под каменными арками мостов.

Шартр. Этот город с богатой историей расположен на расстоянии шестидесяти миль к юго-западу от Парижа. Здесь, на его улочках, писались мрачные страницы французской истории.

«Черная смерть». «Великий мор».

На вершине холма, вокруг которого строились первые дома средневековой деревушки Шартр, сейчас возвышается кафедральный собор Богоматери, одна из самых величественных и самых красивых церквей во всей Европе. Два тристапятидесятифутовых шпиля

взлетают высоко в небо. Их уникальная архитектура отражает многовековую историю строительства храма с одиннадцатого по шестнадцатое столетие. Кафедральный собор Богоматери виден на много-много миль. Контрфорсы подчеркивают величие построенной в романском стиле базилики и массивного крипты. Площадь фундамента собора составляет 117 тысяч квадратных футов. Готическая резьба по камню украшает его фасад, витражные стекла — главный портал.

Было далеко за полночь, и улицы вокруг собора были пустынные. Накануне прошел слух, что выйдя этой ночью из дома, человек рискует навлечь на себя гнев Господень.

* * *

Они сходились к церкви поодиночке. Члены братства приехали в город заблаговременно, еще утром. Шли, петляя, запутывая следы. Внутри проникали через подземный ход, замаскированный от непрошенных глаз кучей опалой листвы и веток.

Девять человек в монашеских сутанах из плотной ткани. Капюшоны низко надвинуты на лица.

Девять человек. Их имена никогда не произносились вслух. Они скрывали друг от друга свое происхождение на случай ареста и допроса с пристрастием одного из них.

Общество девяти неизвестных.

Подземный бункер находился под церковью. Стены толщиной в семь футов. Помещение оборудовано собственным электрогенератором, шестиканальными мониторами ночного видения и тремя компьютерными станциями безопасности. Один член общества сидел за пультом управления. Еще семеро разместились в удобных креслах с высокими спинками вокруг овального дубового стола. Восемь человек все еще находились под впечатлением от недавних событий, они ожидали прихода своего вождя.

Панкай Пател сидел на седьмом стуле. Профессор психологии, казалось, быстро пролистывал древний текст, написанный на арамейском языке.

Уступив своему любопытству, Номер Пятый, тридцатисемилетний австриец-технократ, дальний родственник Николы Теслы, встал с места и подошел к новому члену общества.

— Вы читаете «Зогар»? — спросил он у Панкая.

— Не совсем. Я, скорее, его изучаю.

— Что случилось, Седьмой? Вы проиграли пари, заключенное со Старейшиной?

— Я видел удивительные вещи, Пятый. Я ходил по воде.

— А мне говорили, что там был лед.

— Не в том дело. Просто это было чудо... обыкновенное чудо. Теперь я совсем другой человек. Я молюсь. Я учусь. Я пишу духовную книгу, а деньги, полученные от продажи, я отдам на новую детскую больницу на Манхэттене.

— Превосходно. Скажите мне, Седьмой, когда вы молитесь, то молитесь ли вы за душу Бертрана де Борна?

— Идите к черту, — выругался Панкай.

— Седьмой!

Темные глаза вошедшего смотрели осуждающе.

— Помните о смирении, друг мой, — сказал Старейшина.

— Извините меня.

Девять человек заняли свои места за овальным столом. Старейшина открыл собрание.

— Номер Третий! Я рад, что ты нашел время приехать сюда, особенно теперь, когда политбюро возложило на тебя новые полномочия. Наши русские друзья согласны с новым планом президента Когело по разоружению?

— Если бы вы спросили меня два дня назад, то мой ответ был бы: «Нет». Но с тех пор у четверых консервативно настроенных коммунистов случился сердечный приступ.

— Что-то, должно быть, не так с водой, — саркастично заметил Номер Восьмой, шестидесятилетний китайский ученый-физик. — Двое наших непримиримо настроенных коммунистических вождей тоже сыграли в ящик на прошлой неделе. Особых подозрений это не вызвало, но, как любит говорить Старейшина, совпадений на свете не бывает.

— Что скажете, Номер Седьмой?

— Это работа Шеперда, — заявил Панкай. — То же самое происходит с израильскими неоконсерваторами и фундаменталистами из «Хамаса»... А еще двое непримиримо настроенных представителя духовенства в Иране умерли накануне выборов.

— Каждое действие вызывает противодействие, — заметил Номер Шестой, мексиканский ученый-эколог, занимающийся сохранением древней сапотекской культуры. — Пока Шеперд пытается влиять на физический мир, Санта-Муэрте набирается сил во тьме.

— Откуда вам это известно, Номер Шестой?

— Каким-то образом ей удалось найти лазейку и проникнуть из ада в физический мир. Две недели назад Санта-Муэрте выкопала из земли останки священника, умершего в Гвадалахаре от свиного гриппа, и сплясала в его трупe свадебный танец.

Старец откинул голову на спинку кресла.

— Мистер Шеперд должен научиться сдерживать эмоции, как это делали император Ашока и месье де Шолиак. Нужно найти способ связаться с нашим новым Ангелом Смерти. Ваша жена имела какие-нибудь контакты с миром духов после возвращения на Манхэттен? — спросил он у Панкая.

Профессор выглядел расстроенным.

— Нет, Старейшина.

— А ваша дочь?

Кладбище Святой Троицы Вашингтон-Хайтс, Манхэттен

12:03

Полуденное августовское солнце поджаривало все пять районов Нью-Йорка на медленном огне. От асфальта тротуаров поднимался жар, и казалось, что бетон раскалялся до температуры обжигаемых в печи кирпичей. Поверхность реки Гудзон стояла без движения, а в воздух поднималось невидимое человеческому глазу цунами испаряющихся молекул воды. Они взмывали все выше и выше, к параду кучевых облаков на небосводе к западу от города. В Нью-Йорке было очень душно и влажно.

Спешащие на ланч люди изнемогали от зноя. Бизнесмены поспешно перемещались из одного кондиционируемого помещения в другое. Краснолицые уличные торговцы спасались от солнца в тени больших пляжных зонтов, направляя на себя потоки воздуха портативных вентиляторов.

Карантин продолжался сорок дней. Еще сто пятьдесят три дня ушло на реконструкцию. Наконец все напоминания о трагедии были

удалены, и после публичных богослужений Нью-Йорк вновь зажил обычной жизнью. Население Манхэттена уже достигло шестисот тысяч человек, а низкие цены на недвижимость постоянно привлекали новоселов.

Пьяный сторож кладбища отсыпался после очередной попойки. Жалюзи были опущены на окнах. Старый кондиционер, у которого давно закончился срок гарантии, натужно работал. Похороны на сегодня не планировались, а летняя жара отвадила посетителей. Кроме двух человек.

На безжалостном солнцепеке, среди мавзолеев и старых могил стояли мать и дочь. Они смотрели на одинокий надгробный камень.

Прошло десять минут, и девочка спросила:

— Ты уверена, что здесь похоронен Патрик?

Ли Нельсон помедлила с ответом, раздумывая, какая доля правды удовлетворит любопытство ребенка, чтобы впоследствии не довести ее до ночных кошмаров.

— Патрик сейчас с Богом, — сказала мать. — Надгробие — это место, где мы можем сказать ему, как сильно мы его любим и скучаем по нему... — На глаза женщины навернулись слезы. — Сказать, как мы благодарны ему за все, что он сделал.

Стоящий у западных ворот кладбища «рейндж ровер» подал сигнал.

Ли улыбнулась Отэм.

— Папа соскучился. Пойдем.

— Я хочу остаться.

— Я понимаю, но сегодня вторник, и папе надо на работу. Мы приедем в другой раз, может, на выходных... Хорошо, куколка?

— Хорошо.

Взявшись за руки, они спустились по дорожке, вымощенной потрескавшимися плитами. На полпути Ли увидела одиннадцатилетнюю девочку-индуску, сидящую в тени цементного надгробия.

«Терпеливо ожидает частной аудиенции».

Ли помахала девочке рукой.

Дон Пател помахала ей в ответ, поднялась и побежала вниз по крутому склону холма, лавируя между надгробных камней,

увенчанных статуями маленьких ангелочков.

Она положила белую розу на более давнюю могилу, прочитав про себя то, что было написано на надгробном камне.

Патриция Энн Сигал

20 августа 1977 года — 11 сентября 2001 года

Любимой маме и близкой душе

Донна Мишель Щеперд

21 октября 1998 года — 11 сентября 2001 года

Любимой дочери

Рядом стоял надгробный камень поновее. Его поставили тридцать шесть выживших с острова Свободы — те, кто не заразились чумой. После ужасов декабрьского мора их обнаружили целыми и невредимыми в музее Статуи Свободы.

Эпитафии на могилах взрослых были очень похожи:

Патрик Райан Щеперд

20 августа 1977 года — 21 декабря 2012 года

Дорогому побратиму и близкому другу

Девочка положила вторую белую розу на могилу, в гробу которой лежал протез левой руки Патрика Щеперда, и села на краешек ближайшей могильной плиты. Солнце раскалило его, и камень жег девочке кожу даже через джинсовую ткань.

Спустя минуту она почувствовала присутствие своего ангела-хранителя. Духовная проводница стояла слева. Справа повеяло холодом и сумраком. Эта сила принадлежала мужчине.

— Вы оба родились в один и тот же день, — сказала девочка. — Как романтично!

Дон почувствовала зуд на коже головы, когда ангел-хранитель провела невидимой рукой по ее волосам. Мрачный Жнец оставался в тени дуба.

— Скоро начнется школа. Говорят, что классы будут объединять, пока люди не вернутся в город.

Вдалеке прогремел раскат грома. Небо на западе выглядело странно: тучи низко висели над землей, подобно бушующему

небесному морю, а горизонт окрасился в желто-зеленый цвет лайма.

— О-о-о! Помните чудо-ребенка... новорожденную девочку, которую нашли живой в инкубаторе медицинского центра для ветеранов? Ее наконец-то удочерили, только никто не знает, кто ее приемные родители. Подозревают, что ее мать была одной из тех, кто заразил город «Косой». Боже правый! Представляю, каково это — расти с таким бременем вины...

Листья на вершинах дубов затрепетали на ветру, предвещая скорую грозу.

— Я всегда рада вас видеть. Желаю вам скорейшей реинкарнации. Пусть она принесет вам счастье. А мне пора уходить. Мама думает, что я у Миносов, ем пиццу. Кстати, они назвали малыша в вашу честь. Патрик Леннон Минос. Мне кажется, это красивое имя.

Изменения в атмосфере происходили стремительно. За спиной у девочки затрещало разряд статического электричества. Она хотела оглянуться, но ангел-хранитель столкнула ее с могильной плиты. Мгновение спустя из ниоткуда материализовалось лезвие косы и высекло искры из бетонной плиты.

Придя в себя, Дон в ужасе обернулась. Из железных ворот мавзолея к ней, словно ведьма, летела Санта-Муэрте в черном сатиновом платье и в черном волнистом парике. Сила ада тянулась к ней десятью пальцами без плоти.

Путь ей преградил Жнец — мужское воплощение Смерти.

Они столкнулись в воздухе. Два стража Смерти. В небо взмыл столб голубого света. Удар молнии расколол ствол столетнего дуба. Выброс энергии увлек двух выходцев из потусторонних сфер в другое измерение.

Духовная наставница толкала и тянула Дон вниз по восточному склону холма, не давая ей ни секунды отдыха, пока девочка не вышла на Бродвей.

Там ангел-хранитель растворилась в воздухе.

Дон понемногу пришла в себя. Пот градом катил с ее лба под палящим августовским солнцем, а грозовые тучи рассеялись, словно по мановению волшебной палочки.

Впервые в жизни Дон Пател почувствовала себя одинокой и всеми покинутой.

Сознание того, кто некогда был Патриком Шепердом, пробудилось.

Окруженный тьмой, он стоял на коленях на вершине скалистой горы. В ярко-красном зареве геенны он осмотрелся. Искра подожгла куст — тот вспыхнул странным оранжевым пламенем. Повалил густой, пахнувший серой дым.

Из тени на свет вышла женщина. Обнаженная. Ее тело вместо кожи покрывали какие-то роговые наросты; ногти бледные, словно лунный свет, длинные волнистые волосы были черны, как дно бездны. Ее нагое тело излучало похоть. Мускусные ароматы феромонов вызвали невольный трепет во всем теле мужчины.

Женщина заговорила глубоким грудным голосом:

— Сегодня — девятое ава, ^[66] Судный день. Отдайся мне.

В мгновение ока скелет Жнеца покрыли кровяные сосуды, нервы, мускулы и сухожилия. Еще секунда — и на тело выросла кожа.

— Кто ты? — спросил Патрик Шеперд. — Зачем ты перенесла меня сюда?

Женщина приближалась медленно, а мужчина чувствовал, как в его теле нарастает похоть.

— Я — буря, разбудившая Адама. Я — дух, воплотивший в себе дерево познания добра и зла. Я — смех спящего младенца. Я — желание, которое заставляет мужчин удовлетворять самих себя. Изрыгаемое ими семя попадает мне в лоно, зачиная демонов. Я олицетворяю тьму, черную дыру бытия, куда не проникает свет... Я — Лилит, а ты, Ной, будешь моим товарищем.

Ник Нунзиата

Мысли напоследок

Этот роман необычен. Он скорее напоминает паломничество со всеми присущими длительному путешествию чертами — восхождениями и спусками, испытаниями и бедами. Со временем конечная цель забывается, в памяти остается лишь путешествие. Так и в нашем случае сам процесс сбора материала для книги оставил неизгладимый след в памяти. Мне кажется, что мы со Стивом носились с этим замыслом, как общественно опасные автостопщики с оружием, готовые воспользоваться им при любом удобном случае. Мир «Божественной комедии» Данте, — сам по себе мрачный, темный, — находится за пределами времени и пространства, но если связать его с угрозами, тревожащими наших современников, он обретает поистине пугающие черты. Многие из случившегося лично с нами и происходящего в мире повлияло на развитие сюжетных перипетий: увлекало нас на неожиданные улицы, заставляя делать непредвиденные повороты, чтобы, в конце концов, привести к книге, которую вы держите в руках. Иногда казалось, что некоторые сюжетные ходы просто поджидали, прятались в тени, а потом незаметно подкрадывались к Стивену и ко мне.

«Коса» притаилась в ночи. Она не умрет.

Замысел этого романа возник в 2005 году, когда во второй раз обсуждалась возможность экранизации «Мегаладона» (так и не воплотившаяся в жизнь). Стив и я хотели совместно поработать над чем-то новым, кардинально отличающимся от написанного. Мы засиживались подолгу, до глубокой ночи обсуждая интересные идеи, которые могли бы вылиться в книгу или сценарий кинофильма. Идеи приходили и уходили быстро, мы горячо спорили... Признаюсь, некоторое из предложенного тогда попало на страницы книги. Первоначальная идея киносценария банального фильма ужасов о генетических аномалиях превратилась в нечто более сложное и пугающее. Мы встретились в Нью-Йорке, ходили по Манхэттену маршрутами Шепа. Мы спускались глубоко под землю и побывали в

местах, о которых ничего не сказано в книге. Со временем мы поняли, что сюжет получается слишком сложным для сценария.

Как одержимый, Стив ушел с головой в работу над романом. Уверен, он достиг вершин мастерства, которые вы не увидите в других его книгах, хотя этот роман во многом является продолжением его самых известных произведений. Произведение наполнялось фактами, героями, сюжетными линиями, временами мы вынуждены были разгадывать заключенные в нем сложные головоломки. Наконец после долгих обсуждений и тщательного редактирования работу можно было считать завершенной. Порой мне стало казаться, что в мозгу Стива живет маленький паразит, который то и дело подбрасывает ему новые идеи, — и мы заново переделывали каждую последующую редакцию. И если вы считаете, что эта его книга до предела насыщена намеками, подождите выхода следующих книг трилогии, ведь «Божественная комедия» тоже состоит из трех частей.

Теперь, когда первый роман закончен, настало время, мне кажется, глубже окунуться в мир, созданный Данте. Ведь даже в мрачных кошмарах этой поэмы есть лучики золотого света. Надеюсь, вы согласитесь со мной в том, что по мере развития повествования перед читателем открывается дорога в новый и неизведанный эпический мир. Если бы вы знали Стива Альтена так же хорошо, как его знаю я, то вы бы поняли, что, раз решившись на что-то, он никогда не отступит перед трудностями. Частично это обусловлено его упорством, частично — преданностью небольшого числа его «особенных» читателей. Будем надеяться, я смогу внести свою лепту в то, чтобы вы засиживались допоздна за книгой и не рисковали поддаться искушению суетных желаний.

Писать о Мрачном Жнеце было непросто. Еще труднее было опубликовать эту книгу, особенно сейчас, когда издатели предпочитают издавать легкое чтение. Безусловно, «Эпидемия. Начало конца» — это не массовая литература. В определенной степени это подражание «Утехе падали» Дэна Симмонса и, конечно же, «Противостоянию» Стивена Кинга. Эти две великие книги семидесятых-восьмидесятых годов смогли выйти за рамки коммерческих стандартов, они ставили перед нами вопросы, ответы на которые найти так непросто, и проводили нас по местам знакомым, но совершенно чужим. Сюжеты этих романов мрачны, зловещи, их

действующие герои и ситуации ужасны. Впрочем, эти романы остаются значительными произведениями жанра, просто каждое новое поколение читателей находит в них что-то свое. В определенном смысле эта романы из числа тех, которые всегда будут тревожить сознание. Я надеюсь, что «Эпидемию» можно отнести к той же категории.

Я люблю кино, но прекрасно понимаю, что никакой фильм не заменит хорошей книги, и поэтому надеюсь, что вы найдете эту книгу достойной занять место в вашей библиотеке и порекомендуете ее прочесть своим родным и друзьям, а со временем ее страницы истреплутся от многократного чтения.

Помните, что он следит за вами. Он помнит. Его коса — наготове. Его глаза светятся во тьме ночи.

25 марта 2010 года

Ник Нунзиата

Примечания

1

«Божественная комедия» цитируется в переводе М. Лозинского
(Здесь и далее примеч. перев.).

[<< back](#)

2

Форт Детрик — лаборатория армии США, расположенная в городе Фредерик, штат Мэриленд. Была центром испытания биологического оружия.

[\(<< back\)](#)

3

«Хладнокровный Люк» — кинофильм 1967 года американского режиссера Стюарта Розенберга, экранизация романа Дона Пирса.

[<< back](#)

4

Стикбол — упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

[\(<< back\)](#)

5

Совет по международным отношениям — общественная организация, объединяющая специалистов-международников и лиц, интересующихся международными проблемами. Основан в 1921 году.

[\(<< back\)](#)

6

Трехсторонняя комиссия — международная общественно-политическая комиссия, созданная в 1973 году по инициативе промышленника и финансиста Д. Рокфеллера для разработки скоординированных подходов США, Канады, стран Западной Европы и Японии к экономическим и политическим вопросам.

[\(<< back\)](#)

7

Паракорд — легкий нейлоновый трос с сердечником, который во время Второй мировой войны использовался в стропах американских парашютов.

[\(<< back\)](#)

8

Тазер — оружие, используемое главным образом полицией. Внешне напоминает электрический фонарик. С расстояния 5 м в тело преследуемого выпускаются две небольшие стрелки с зарядом в 15 000 В, которые временно парализуют преступника.

[\(<< back\)](#)

9

Камкордер — портативная видеокамера со встроенным видеомagneитофоном.

[\(<< back\)](#)

10

Дхарма — индийский философский и религиозный термин, который используется для обозначения морального долга, обязанностей человека или, в более общем значении, — пути благочестия.

[\(<< back\)](#)

11

Дэвид Блэйн Уайт (род. 1973) — американский иллюзионист.

[\(<< back\)](#)

12

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

[\(<< back\)](#)

13

Этот район современного Мехико назван в честь Куаутемока (между 1495 и 1502–1525), последнего правителя государства ацтеков из династии Акамапичтли, племянника Монтесумы II.

[\(<< back\)](#)

14

Супруга Миктлантекутли — владыки загробного мира Миктлан у ацтеков.

[\(<< back\)](#)

Рынок Тепито (*исп.*).

[<< back](#)

Рыжеволосая (*испан.*).

[<< back](#)

Лофт — просторная квартира в бывшем индустриальном здании.

[\(<< back\)](#)

55,7 м².

[<< back](#)

19

Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

[\(<< back\)](#)

Кафа — генуэзская колония, ныне город Феодосия в Крыму.

[\(<< back\)](#)

Плыть вдоль берега (*ut.*).

[<< back](#)

Руководители отрядов наемников, в основном иностранцев, которых правители или города-коммуны брали на службу по договору (*condotta*).

[\(<< back\)](#)

Редакторское примечание. Ги де Шолиак, также известный под именем Гвидо де Шолиако, был лечащим врачом пяти пап в конце XIII — начале XVI века. Его считают выдающимся хирургом Средневековья. Его главная работа — «*Inventarium sive Chirurgia Magna*» («Большая медицина») — оставалась до XVIII столетия главным дидактическим текстом по хирургии.

[\(<< back\)](#)

24

Новема — молитвы, читаемые во время девятидневного траура по умершим.

[\(<< back\)](#)

25

Аллюзия на Мэри Маллон (1869–1938), также известную как Тифозная Мэри. Она была признана здоровым носителем брюшного тифа в США. Работая поваром, она заразила 47 человек, 3 заболевших умерли.

[<< back](#)

26

Джордж Герман Рут (1895–1948) — легендарный бейсболист-рекордсмен, питчер и хиттер.

[\(<< back\)](#)

27

38,6 °C.

[<< back](#)

Один из первых способов обнаружения в шахтах рудничного газа заключался в использовании в качестве газоанализаторов канареек. Канарейки чувствительны к газам, в том числе к метану и угарному газу, и гибнут даже от незначительной примеси его в воздухе. Рудокопы брали клетку с канарейкой в шахту и во время работы следили за птицей. Если она внезапно проявляла признаки беспокойства или падала, люди поспешно покидали выработку.

[\(<< back\)](#)

Баас — радикальное экстремистское движение, ставящее целью построение всемирного арабского социалистического государства.

[\(<< back\)](#)

30

Винсент Ломбарди (1913–1970) — американский футбольный тренер.

[\(<< back\)](#)

31

Речь, скорее, идет о том, что в эпицентре взрыва радиационный фон повышается на несколько рентген, что с течением времени может иметь негативные последствия для окружающей среды, но точно это пока не установлено.

[\(<< back\)](#)

Негритянские волнения в районе Уоттс (в Лос-Анджелесе) в августе 1965 года. Бунт, спровоцированный левыми экстремистскими организациями, привел к гибели 35 человек, около 1 тысячи человек получили ранения и увечья, 4 тысячи были арестованы. Материальный ущерб превысил 40 миллионов долларов. В подавлении бунта участвовали 20 тысяч солдат Национальной гвардии.

[\(<< back\)](#)

Тиккун (ивр. תיקון, «исправление») — в каббале: процесс исправления мира, потерявшего свою гармонию.

[\(<< back\)](#)

Шехина (*ивр.* שכינה, «присутствие, пребывание, проживание») — в иудаизме термин, обозначающий присутствие Господа, в том числе и в физическом аспекте.

[\(<< back\)](#)

35

Скаут-орел — бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка и получивший по результатам высшую степень отличия — значок Скаута-орла.

[\(<< back\)](#)

Дим-сам — кушанье китайской кухни, похожее на пельмени.

[\(<< back\)](#)

Мэдисон-сквэр-гарден — нью-йоркский концертно-спортивный комплекс.

[\(<< back\)](#)

То есть джокером, универсальной картой.

[<< back](#)

Счастья вам (*идиш*).

([<< back](#))

Здесь: перевод О. Буйвола.

[\(<< back\)](#)

41

Лимбо — у католиков область между раем и адом, где пребывают души праведников, умерших до пришествия Христа, и души некрещеных младенцев.

[\(<< back\)](#)

Пляска смерти — аллегорический сюжет культуры Средневековья, представляющий один из вариантов европейской иконографии бренности человеческого бытия: персонифицированная Смерть ведет в могилу цепочку фигур, среди которых король и монах, юноша, девушка и другие.

[\(<< back\)](#)

43

Капореджиме (капо, капитан) — глава «боевой команды», среднее звено в иерархии мафиозной «семьи».

[\(<< back\)](#)

Имеется в виду «Queen Mary 2», одно из крупнейших и наиболее комфортабельных пассажирских судов в мире.

[\(<< back\)](#)

Имеются в виду самонаводящиеся на цель крылатые бомбы.

[\(<< back\)](#)

46

Зефироподобные конфеты, аналог пастилы. Поджаривается на открытом огне на палочке.

[\(<< back\)](#)

Речь идет об изъятии и сожжении всех экземпляров Талмуда в Париже, проведенном по приказу короля Людовика IX Святого по инициативе перешедшего в христианство еврея Николая Донины, которого незадолго до этого его единоверцы изгнали из общины.

[\(<< back\)](#)

48

В 1306 году король Франции Филипп IV Красивый изгнал из страны евреев, которым задолжал значительные суммы денег. Его наследник Людовик X Сварливый отменил это решение.

[\(<< back\)](#)

Пастушки (*франц.*).

[\(<< back\)](#)

50

Речь идет о крестьянском движении, направленном против власти короля Филиппа V Длинного. Кроме евреев, восставшие убивали верных ему феодалов и разоряли стоящие на его земле монастыри. Движение было жестоко подавлено.

[\(<< back\)](#)

51

Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) — американский натуралист, орнитолог и художник-анималист, автор труда «Птицы Америки».

[\(<< back\)](#)

Джон Джейкоб Астор (1763–1848) — американский промышленник немецкого происхождения, сколотивший состояние в 20 миллионов долларов (что равнялось одному проценту ВВП США) и положивший начало клану Асторов.

[\(<< back\)](#)

Джон Питер Зенгер (1697–1746) — печатник и редактор оппозиционной газеты. Его имя стало символом свободы печати.

[\(<< back\)](#)

Спайк Ли — современный американский режиссер, сценарист и актер, уделяющий много внимания проблемам расовой терпимости.

[\(<< back\)](#)

С испанского уличного сленга можно перевести как «канаем отсюда».

[\(<< back\)](#)

56

Пещера Махпела — склеп патриархов в древней части города Хеврона, в котором, согласно Библии, похоронены Авраам, Исаак и Иаков, а также их жены Сарра, Ревекка и Лия.

[\(<< back\)](#)

Мужественными всадниками в прессе называли членов отряда добровольцев-кавалеристов, принявших участие в испано-американской войне 1898 года. Будущий президент США Теодор Рузвельт был первым командиром отряда.

[\(<< back\)](#)

Чарльз Линдберг (1902–1974) — американский летчик, первым перелетевший Атлантический океан в одиночку (20–21 мая 1927 года). В 1932 году похитили, а затем убили его полуторагодовалого сына. Хотя преступника поймали, многое в этом деле осталось невыясненным.

[\(<< back\)](#)

59

Абу Мусаб аз-Заркауи (1966–2006) — международный террорист, иорданец по происхождению, руководитель созданной им организации «Единобожие и джихад». Убит американскими военными.

[\(<< back\)](#)

60

Мохаммед Мосаддык (1882–1967) — премьер-министр Ирана с 1951 по 1953 год, национализировал все принадлежащие Великобритании нефтяные месторождения, проводил антизападную политику.

[\(<< back\)](#)

61

Бернард Мейдофф — американский бизнесмен; за создание крупнейшей в истории финансовой пирамиды в 2009 году приговорен к 150 годам тюремного заключения.

[\(<< back\)](#)

Чарльз Понци (1882–1949) — изобретатель первой финансовой пирамиды, так называемой схемы Понци; приговорен к 5 годам тюрьмы.

[\(<< back\)](#)

Томас Пейн (1737–1809) — англо-американский писатель, философ, публицист; его называют «крестным отцом США».

[\(<< back\)](#)

Памела Съюзен Курсон (1946–1974) — сожителница и муза
Джима Моррисона.

[\(<< back\)](#)

Около 3 °C.

[\(<< back\)](#)

66

Девятое ава — национальный день траура еврейского народа в память о разрушении первого и второго Иерусалимских храмов.

[\(<< back\)](#)

FB2 document info

Document ID: 4c702878-9858-4347-8827-1bf88b90fce8

Document version: 1

Document creation date: 10 June 2012

Created using: FictionBook Editor Release 2.6.5 software

OCR Source: Книга подготовлена для библиотеки <http://huge-library.org/>

Document authors :

- InternetMC

Document history:

1.0 — создание файла (InternetMC);

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.3.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.3.0 написанного Lord KiRon.

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>